

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

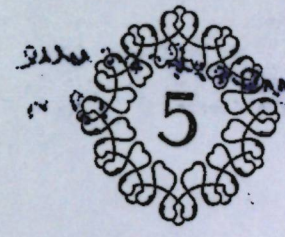

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1958

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

1958-11

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА ~ 1958

п-74	п-19366
1958	
№5	Советское Востоковедение
	12р
22/11-14	Плюшкин
15/11-18	Кареев
	М. Кирпичев
	Левин 365/36
	1971
	27

п-19366

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. С. БРАГИНСКИЙ (главный редактор),
М. О. АУЭЗОВ, А. М. ДЬЯКОВ, Б. Н. ЗАХОДЕР,
И. И. КОНРАД, А. А. КУЗНЕЦОВ, И. М. ЛЕМИН, А. Ф. МИЛЛЕР,
А. А. ПАШКОВСКИЙ, Б. В. РЖЕВИН (отв. секретарь),
В. В. СТРУВЕ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ (зам. главного редактора),
Г. В. ЦЕРЕТЕЛИ

Технически редактор Л. М. Уша

Адрес редакции: Москва, Армянский пер., 2. Тел. К 5-91-64

Т 11431. Подписано к печати 30/X 1958. Формат бум. 70×108^{1/16}. Бум. л. 6^{3/4}.
Поч. л. 18,5+4 вкл. Уч.-изд. листов. 22,4 Зак. 851. Тираж 2700 экз.

2-я типография Изд-ва АН СССР. Москва, Шубинский пер., 10

МАТЕРИАЛЫ ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА
ПРИ ЦК КПСС

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ КАРЛА МАРКСА

Ниже публикуется окончание записей К. Маркса об общинном землевладении в Индии, составленных им при изучении книги М. М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» (гл. VI и VII).*)

Учитывая своеобразие формы рукописи, не предназначавшейся автором для печати, при публикации ее применяется принятая Институтом система типографских выделений: текст собственных замечаний Маркса и отдельные слова, вставленные им от себя в конспект или выписки, даются *черным курсивом*, а в случае, если они подчеркнуты Марксом — *черным курсивом в разрядку*. Подчеркнутые Марксом слова и выражения из конспектируемых работ напечатаны *светлым курсивом*, подчеркнутые дважды — *светлым курсивом в разрядку*. Прямые и круглые скобки принадлежат Марксу. В фигурные скобки заключены отдельные слова, вставленные редакцией для пояснения. Слова, написанные Марксом по-русски, отмечаются в тексте звездочкой*. На полях воспроизводится нумерация рукописных страниц.

Текст подготовлен к печати научным сотрудником Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Р. П. Конюшей. Примечания в конце текста составлены научным сотрудником Московского государственного университета А. М. Осиповым.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

62 || D) Процесс феодализации земельной собственности в Индии в эпоху мусульманского владычества

[В 711 г. Синд завоеван Мухаммедом Касимом¹; после его убийства в 714 г. халифом Валидом I (династия Омейядов) арабское господство в Синде идет к своему концу; 30 лет спустя от него не остается и следа.]

Синд. (Первое завоевание арабов в Индии.) Шахнаме — персидский перевод утерянного арабского текста первой половины VIII века — (Джон Доусон, т. I, стр. 136) — содержит подробные {сведения} о том, как поступали завоеватели с земельной собственностью. Там {говорится}: *прежде всего покоренное население облагалось поголовным налогом [Ковалевский говорит: правильное, облагается поочажным* сбором*], «согласно оставленной пророком заповеди»; наряду с этим туземцы должны были нести равный прежнему поземельный налог и вновь введенную церковную десятину; от последней не освобождается ни единый мусульманин. Туземцы, принявшие магометанство, ни поземельного, ни поголовного налога не платили*

*) См. «Советское востоковедение», 1958, №№ 3 и 4.

(130); за всем, без различия вероисповедания, «сохранялась их движимая и недвижимая собственность. Земли и имущество не были отобраны у покоренного населения» (Шахнаме). Мухаммед Касим предоставил сбор налогов наследственным в Синде откупщикам налоговые поступления с которых отданы были Касимом его военным сподвижникам в качестве военных ленов (*iktā'āt* или *kalāya'*); они получали их под условием {несения} военной службы. Лишенные со времени Омара² права заниматься каким-либо ремеслом, кроме военной службы, владельцы икта в силу необходимости должны были оставить земли вверенных им округов в руках прежних их владельцев, довольствуясь ежегодным взиманием с них определенной части натуральных поступлений. Не все солдаты паделались такими ленами, а только личная охрана¹⁾ (?) [высшие офицеры] Касима. Простые солдаты получали ежегодное жалование и полное освобождение от налогов. [Воиско Мухаммеда, как отмечает профессор Доусон, не имело в своем составе ни женщин, ни детей; арабы вынуждены были поэтому *volens volens* вступать в смешанные браки с туземными женщинами завоеванных стран.] Вступая в браки с туземными женщинами Синда, арабские солдаты постепенно образовали особые военные колонии, которые в дальнейшем развились в города (?) под названием: *jūyūd* (=дружины*, *Gefolgschaften*) и *amṣār* (местечки, города). Из всех земель занятой им страны Касим забирал лишь домениальную собственность низверженных раджей, а также пустопорожние земли; земли того и другого рода составили фонд для наделения неприкосновенной частной собственностью духовных и благотворительных учреждений, прежде всего монастырей. Все существовавшее в Синде гражданское уложение целиком было сохранено. «Все процессы (Доусон), касающиеся имущества, договоров, долгов и т. д., продолжали решаться, как и раньше, в третейском порядке в советах сельских старшин (или так наз. *riṣchayāt*) на основании писаного, а еще чаще обычного права» (130—132).

Лишь в XI веке [особенно начиная с Махмуда Газневида³ (его вторжения относятся к 1001—1024 гг.) и его сына Мас'уда I — cf. стр. 42¹⁾]; последние потомки Махмуда после потери ими всех других владений господствовали еще в Лахоре (Пенджаб) до 1182 г.] начинается действительное завоевание Индии — Пенджаба и т. д. Их {владения} в северной части Индии охватывали 23 провинции.

Господство Махмуда Газневида и его преемников не оставило никаких следов в сфере земельной собственности²⁾), так как полководцы этой династии ограничивались грабительскими набегами, истреблением людей и т. д. (*Al'Utbi*.⁴ «*Tarikh Jamini*») (стр. 133). [Это не может относиться к последнему из Газневидов, султану Бехраму⁵, который, будучи изгнан в 1152 г. [Ала-ад-дином из Гура⁶]; бежал в Лахор, в то время, как династия Газневидов господствовала еще до 1182 г.] По Ковалевскому, прочное господство магометан в Северной Индии начинается с завоевания Дели Мухаммедом Гури. Это неправильно [в 1193 г. Шихаб (брат Гийас-ад-дина султан из династии Гуридов)⁷ разбил раджу Притхи⁸, правившего в Дели и Аджирире; оставил в Аджирире наместником бывшего раба Кутб-ад-

¹⁾ У Ковалевского: начальники дружин.
²⁾ Страница тетради Маркса; заключенное в квадратные скобки взято Марксом из его «Хронологических выписок по истории Индии».
³⁾ У Ковалевского: поземельных отношений.

Handwritten notes in German, likely a transcription of the Russian text on the left. The text is dense and contains many corrections and annotations. It begins with a reference to 'Шахнаме' and discusses the land tenure system in Sindh under the Kasimids. The notes are written in a cursive hand and include various names and terms in both Russian and German.

Страница конспекта К. Маркса главы VI книги М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения»

дина⁹; тот захватил Дели и объявил себя первым его мусульманским властителем (1206—1210)¹⁰).

Туземное население было обложено налогами, *zimmis*. Сбор налогов возложен был частью на местных *раджей*, обязанных уплачивать их ежегодно в форме установленной дани, частью на назначенных для этой цели чиновников, частью же {это поручалось} откупщикам. Прежние владельцы сохраняли свою собственность. Шамс-ад-дин¹⁰ (1211—1236) (3-й правитель из династии рабов в Дели) уже раздает села и округа своим военачальникам под условием поставки определенного числа ратников, т. е. превращает их в «иктадаров»¹¹. Таким образом, они получили право взимания в свою пользу с собственников земли в этих селах и округах налогов, поступавших ранее в казну. Этим ничего не изменялось в отношениях земельной собственности туземных владельцев. Если иктадар не выполнял обусловленной военной повинности, то икта у него отбиралась. Согласно персидскому хронисту || Зия-ад-дин Барани¹², Шамс-ад-дин роздал в одном только Дообе [Доаб — территория между рекой и ее притоком; здесь имеется в виду Доаб между реками Джамной и Гангом — главный Доаб] до 2000 икта. Точно так же Гийяс-ад-дин Балбан¹³ (1266—1286) (правитель Дели из династии рабов) и Джалал-ад-дин¹⁴ (Хилджи, а не Фируз¹⁵, как у Ковалевского) (1288—1295) роздали военной аристократии, лично или через губернаторов, новые бенефиции «для того, чтобы расположить ее в свою пользу», — говорит персидский Барани. Подобно бенефициальным владельцам в Западной Европе, иктадары стремились сделать свои привилегии наследственными и независимыми от султана (133, 134). Согласно Ковалевскому, персидский Барани говорит, что Гийяс-ад-дин Балбан застал монархию расшатанной в самых ее основах, так как иктадары его отца [отец раба Гийяс-ад-дина Балбана, ставшего позднее в визирем султана Насир-ад-дин Мухаммеда?!¹⁶], присвоившие себе звание ханов, стремились к независимости и постоянно делили между собою власть султана и достояние казны. Вместо того, чтобы являться на военные смотры, они находили оправдания для своей неявки, а узурпацию свою¹⁷) закрепляли каждый раз подкупом чиновников. Большинство иктадаров прямо отказывалось от несения военной службы, ссылаясь на то, что икта были даны им не в условную, а в безусловную собственность, так называемую «*ип'ат*»¹⁷(134). [Все это вполне естественно, если принять во внимание, что в 1206—1288 гг. в Дели царствовали властители из {династии} рабов.] Гийяс-ад-дин Балбан (см. его проект по Барани стр. 134, 135) напрасно старался положить этому конец; «он уступил настояниям и слезам иктадаров» (Барани) (стр. 135). Икта были розданы, главным образом, начальникам кавалерии (1. с.) (под условием личного отбывания военной повинности). Следовательно, уже в XIII веке иктадары стремились к «*milk*»¹⁸ или «*milk*», полной собственности, которую султан мог раздавать и действительно раздавал — обычно заслуженным чиновникам и придворным — только из доменальных и отнесенных к ним необрабатываемых земель (1. с.).

В XIII веке уже и духовные корпорации видели в праве производить сбор налогов в свою пользу главный источник своих доходов.

⁹) Заключенный в квадратные скобки текст Маркс взял из своих «Хронологических выписок по истории Индии».

¹⁰) У Ковалевского: «нарушение своих обязательств».

Гийяс-ад-дин Балбан передал в дар основанному им в Мултани монастырю (*khānkāh*¹⁹) «несколько сел на содержание», т. е. с тем, чтобы монастырь мог собирать с них причитающиеся казне сборы (136). [По индийскому закону правящая власть не подлежит разделу между сыновьями; тем самым оказался закупорен значительный источник европейского феодализма.]

1295—1317—Ала-ад-дин²⁰ (2-й монарх из дома Хилджи, правившего в 1288—1321 г.). Согласно Шамс Сирадж Афифу, Ала-ад-дин воздерживался не только от раздачи икта чиновникам и кавалерийским офицерам²¹, заменив их ежегодным жалованьем, но и отнимает также у многих эмиров своего отца [его отец не был султаном; он наследовал своему дяде Джелал-ад-дину (1288—1295), основателю династии Хилджи, которого он предательски убил], отданные им в икта села, подчиняет их непосредственно фиску империи (превращает их в *khalza*²¹ — слово, употребляемое еще {до сих пор} в Северной Индии). «Одним росчерком пера» (Барани) он приказал, чтобы все села, иктадары которых претендуют на владение ими на правах «*milk*», были подчинены непосредственно фиску. Та же участь должна была постигнуть всех лиц, получивших те или другие земли в дар от прежних султанов безо всяких условий (*in'ām*), безразлично, будь то светские лица или духовные корпорации (владельцы вакуфов) (стр. 136, 137). Его слабый преемник — Мубарак²² (1317—1320 г.), в лице которого было покончено с династией, должен был, разумеется, вернуться к прежней системе (л. с.).

(Описание Северной Индии)

В «*Travels of the eyes into the kingdoms of different countries*» (см. стр. 137, прим. 2) описывается военный и административный персонал:

в 1325—1351 г. при Мухаммеде Туглаке [2-й властитель династии Туглак (1321—1414 г.), основанной Гийяс-ад-дин Туглаком I²³ (1321—1325 г.)]. Там говорится: «Ханы, малики, эмиры и полководцы (*isfah' sālārs*) получают, каждый из них, доход с тех или других местностей, предоставленных им фиском. Солдаты и мамлюки не получают права участия в сборе налогов и живут на жалованье. Иначе обстоит дело с офицерами. Им отдаются целые села с правом обращать в свою пользу причитающиеся с них налоговые платежи. Села и округа остаются в их управлении до тех пор, пока это будет угодно одарившему их султану или его престолонаследнику. На практике эти последние при вступлении на престол обыкновенно утверждают икта за их прежними владельцами». [«Так поступают, — продолжает Ковалевский, — согласно сообщением дин-Барани, ближайшим преемником Ала-ад-дина, а именно: султаны Кутб-ад-дин и Гийяс-ад-дин Туглак. Однако Ала-ад-дин правил в 1317 г., тогда как Кутб-ад-дин правил в 1206—1210 гг. (следовательно, столетием раньше), а Гийяс-ад-дин Туглак не является ближайшим

преемником Ала-ад-дина (им был Мубарак (Хилджи)); Гийяс-ад-дин Туглак сверг династию Ала-ад-дина].

1351—1388 — Фируз Туглак. Он установил бесспорный переход икта от наделенного им впервые лица к его наследникам; он предписал: «Если умирает кто-либо из офицеров армии, то место его занимает его сын; за неимением сына — муж его дочери; при отсутствии прямых потомков место покойного должен занять ближайший к нему раб (*ghulam*), если же не имеется и последнего — ближайший родственник. Последними в порядке наследования являются жены покойного». «Замена иктадара его наследником может также иметь место и при жизни наделенного лица, если это лицо не способно к дальнейшему {несению} военной повинности» (Шамс Сирадж Афиф). Таким образом, икта законом была признана наследственной. Фируз допустил к пользованию икта не только офицеров, как это было до него, но и солдат. Чаще всего последние получают лишь некоторую долю налоговых сборов, причитающихся собственникам²⁴ уже существующих икта, и в этом случае они обычно продают свои права особому классу скупщиков, которые нередко, в свою очередь, перепродавали этот товар другим. Тот же Фируз применил эту, введенную для военачальников, систему бенефиций также и к правительственным чиновникам (137, 138). Он роздал также многочисленные земельные участки в безусловную собственность духовным корпорациям и частным лицам; они (эти участки) поступали из домениальных и членившихся за ними необрабатываемых земель. Последние передавались новым колонистам под условием уплаты хараджа²⁵; Фируз предоставлял обычно последний («харадж», уплачиваемый колонистами) в пользу духовных корпораций и основанных им самим благотворительных учреждений; таким образом, большая часть обращенной в обработку целинной земли стала вакуфами²⁵, следовательно, неотчуждаемой собственностью духовных корпораций, госпиталей и т. п. Собственность мертвой руки (вакуфы) возникала, кроме того, путем икта, вследствие того, что взимание причитающихся государству налогов с заселенных раньше сел и округов было передано духовным корпорациям, благотворительным учреждениям и т. п. Таким способом мусульманские властители лишь продолжали делать то, что в течение столетий до них делали туземные раджи, приписывавшие нередко к тому или другому храму сотни или тысячи новых селений. Разница между вакуфами и бенефициями следующая: собственность вакуфов была собственностью мертвой руки (неотчуждаемой и бесповоротной); кроме того, их владельцы были освобождены от всякого рода служебных повинностей и, прежде всего, от военной повинности (139).

1388—1389 — Туглак II²³; признает при своем вступлении на престол права, предоставленные Фирузом иктадарам, и раздает своим приверженцам и фаворитам новые икта. При нем и при последующих членах династии Туглак — непрерывные дворцовые и прочие перевороты, среди которых и много ногой Тимура (Тамерлана)²⁶ в 1398—1399 г. приводит к падению султаната Дели — вследствие чего эмиры и малики пограничных провинций объявили себя независимыми и получили возможность удержать в своих руках все сборы с вверенных им провинций (140, 141).

Если подвергавшиеся нападению слагали оружие, Тимур,

²¹ У Ковалевского: всадникам.

²⁴ У Ковалевского: владельцам.

следуя предписаниям пророка, гарантировал им их собственность — движимую и недвижимую — под условием уплаты *хараджа* и «заката»²⁸ (*ноголовного налога*). Но собственной администрации Тимур нигде не учреждал; более того, он оставлял на прежних местах покорных ему эмиров и маликов, заменяя их новыми лицами лишь там, где они казались ему не вполне надежными. Таким образом, его нашествия укрепили систему *бенефициального владения*. Как только он покидал страну, правители провинций *плевали на «нового властителя»*²⁹, не желая, с другой стороны, признавать «старых» (141, 142). (*Следует плохое изложение о династиях Сайидов и Лоди в Дели*²⁹, стр. 142, 143.)

Преемники Хизр-хана³⁰ — Мубарак, Мухаммед, Ала-ад-дин³¹ (1421—1450) немедленно по вступлении на престол закрепляли за *иктадарами* и *чиновниками* их должности, оклады и отданные им в* кормление* округа (*pergana*) и села (*dih*), земельные* наделы* и военные бенефиции (*икта*) (142).

Согласно автобиографии Бабура, самыми могущественными независимыми государствами, которые он застал — под властью либо мусульманских ханов, либо индийских раджей — были: 1) Афганистан, 2) Гуджарат, 3) Декан, 4) Мальва, 5) Бенгалия (143). Во всех этих государствах опять-таки {происходят} гражданские войны³²; как и в империи, то же развитие бенефициальной системы и системы откупа налогов, в ущерб политическому и административному³³ единству (143).

65 || Согласно свидетельству Бабура³², в Бенгалии уже в этот период была вполне развита система заминдарства, а именно || откупа налоговых поступлений с округов и сел финансовыми чиновниками; тогда как в Декане полностью были развиты военные бенефиции (143). В отношении Бенгалии Бабур говорит, что не известен был иной способ вознаграждения чиновников, кроме предоставления им права обращать в свою пользу налоги с подведомственных им местностей. В Декане же в то время под властью военно-феодалного дворянства, видимо, находилось так много округов, что властители были постоянно вынуждены искать помощи и поддержки у своих собственных эмиров (144).

Монголы³³ оставляли целые округа и провинции в руках индийских раджей; последние получили название заминдаров (*земельных собственников*³⁴), и эти раджи-заминдары обязаны были уплачивать ежегодные подати имперскому правительству; это в большинстве случаев имело место лишь в номинально подчиненных «империи» округах; во всех остальных округах заминдарства раздавались мусульманскими чиновниками. Утверждение старых и установление новых заминдаров обычно {имело место} при каждом новом вступлении на престол. В большинстве случаев заминдарами оказывались люди, владеющие уже земельной собственностью в том или ином округе или селении. К их старым владениям (*kotah*) прибавлялись, как только они вступали в свою должность, особые наделы* из необрабатываемых земель вверенного им округа (эти наделы* назывались *нанкар*³⁴). Кроме того {эти} заминдары иногда получали право охоты и рыбной ловли (Stewart, «Early English records», p. 165). Кроме ряда полицейских обязанностей заминдар при-

²⁸) У Ковалевского: «слагали с себя подчинение новому властителю».

²⁹) У Ковалевского: «междоусобия».

³⁰) У Ковалевского: «административному и политическому».

³¹) У Ковалевского: «землевладельцев».

нимал на себя сбор налогов с вверенного ему округа с правом вознаграждать себя за службу путем добавочного обложения местных жителей. Последние обязаны были теперь вместо того, чтобы платить налоги непосредственно фиску — вносить их посредникам-заминдарам (1. с.).

Наряду с этим: раздача бенефиций, или *икта*, военному сословию. Владельцы получали право исключительного пользования натуральными сборами и денежными налогами с вверенных им округов или селений и освобождались от всех платежей в государственное казначейство. Их единственная повинность: личная военная служба и поставка — за их собственный счет — заранее установленного числа пехотинцев и кавалеристов. *Иктадары*, владения которых были расположены на границах империи, получали титул *джагирдаров*³⁵ и обычно больший сравнительно с другими округ (145). Раздача еще неовощенной земли — как мусульманам, так и инаковерующим, без различия между теми и другими, происходила по-прежнему. Монголы — как и их индусские и арабские предшественники — в интересах увеличения государственных доходов стремились уменьшить размеры неовощенной или оставленной {их владельцами} земли. Местные чиновники — *мутсудии* и *амилы*, должны были строго следить за этим. Так говорится в фирмане Аурангзеба (цитировано Вормсом в «*Journal Asiatique*» 1842 г.): «В начале года местные чиновники — *мутсудии* и *амилы*, обязаны возможно обстоятельнее ознакомиться с характером обработки земли в предшествовавшем году. Если им станет известно, что земледельцы в той или другой части вверенного им округа лишены необходимых им орудий производства, то *мутсудии* и *амилы*, заручившись предварительно от них некоторой гарантией, обязаны дать им денежные ссуды от имени правительства. Каждый раз, когда владелец того или другого участка исчезал из селения, оставляя свою землю неовощенной, *мутсудии* и *амилы* имели право отдать ее в надел* третьему лицу, однако, не раньше, чем через год со времени удаления прежнего владельца». При передаче необрабатываемых земель лицам, желающим обратить их под плуг, речь идет о «вещных правах», о бесповоротном и наследственном праве собственности на землю — «*тилк*» или «*тилк*» (146).

То, что делали Великие Моголы по отношению к провинциям, повторялось в каждой провинции губернаторами; после того, как они отдавали в ленное владение своим чиновникам и ратникам селения и округа, — они, императоры, как и губернаторы, имели право вновь отнять у них бенефиции; о таких конфискациях часто упоминают летописцы и путешественники [(cf. Эллиот — Доусон, т. V, стр. 241, 414) и «*Early records of British India*» by Stewart (стр. 164, 165)]; наглядное доказательство того, что *джагиры* и заминдарства не были наследственными, хотя на практике они в большинстве случаев переходили от отца к старшему сыну (cf. перевод Фириши³⁶, сделанный Доу). Их владельцы могли вступить в предоставленные им права не раньше, как по получении императорских *санадов*³⁷, которые поэтому каждый раз должны были быть возобновлены при вступлении на престол (147).

При монголах произошло также мало юридических изменений в отношении земельной собственности, как и при прежних мусульманских властителях Индии — но зато произошли изменения фактические (1. с.). В мемуарах императора Джахангира (или Джеганжира) (1605—1627) говорится, что одной из его важнейших забот было

воспрепятствовать «присвоению земель туземного населения джагирдарами и финансовыми чиновниками в целях их дальнейшей обработки на свой собственный счет» (148).

66 || *Такого рода присвоение заражало, следовательно, всю систему*^{*)}. Обременение налогами, личные преследования, нередко открытое насилие легко доводили крестьян до того, что они покидали свои наделы. Эти последние обыкновенно поступали тогда на «округление» владений самого заминдара или доставались зависимым от него лицам. В числе различных видов заминдарств, существование которых в Бенгалии и Бихаре засвидетельствовано английскому правительству показаниями местных чиновников и браминов, мы находим поэтому и заминдарства, явившиеся следствием захвата заминдарами земель мелких собственников, санкционированного впоследствии санадами императоров и губернаторов провинций (148). [См.: *Charles William Boughton Rouse. «Dissertation concerning the landed property» (Appendix). № VII, p. 273. London, 1791*] (1. с.).

Другой способ экспроприации: переход ^{*)} прав собственности мелких земельных собственников ^{*)} к крупным при условии сохранения за мелкими наследственного права пользования. Такой договор [в романо-германском средневековье «коммендация»] держится до сих пор в Индии под наименованием «икбалдава». Отсюда — быстрый переход аллодиальной собственности крестьян в феодальную, с одной стороны, заминдаров, с другой стороны, духовных, благотворительных и общепользовательных учреждений (149).

Такие изменения в землевладении Индии, вызванные частью насильственно, частью самой природой вещей, особенно часты к концу царствования Великих Моголов, благодаря упадку центральной власти и усилению, вследствие этого, влияния и независимости местных органов власти. Уже Джахангир — преемник Акбара жалуется на то, что эмиры пограничных провинций присваивают себе суверенные права, налагая свои печати на королевские грамоты, и наделяют своих придворных собственными ^{*)} почетными титулами (1. с.). В течение 17-го и 18-го веков продолжается произвольное расширение джагирдарами и заминдарами предоставленных им прав. В теории требовалось подтверждение владения заминдарствами императорским санадом при каждом новом вступлении на престол, но фактически заминдарства стали наследственными; а император вынужден был возобновлять санад старшему сыну, а за отсутствием такового — старшей дочери; даже в том случае, если будет доказано, что заминдар злоупотребляет своей должностью, император может, самое большее, заменить его в его должности кем-нибудь из его родственников, но обязан утвердить за смещенным заминдаром его владение «как нанкар» и {право} пользования доходами от добавочного обложения налогами жителей вверенного ему округа. [Этo относится только к Бенгалии.] (150).

Согласно донесениям английских чиновников, комиссарам кадастрации во многих округах не удалось обнаружить иных собственников, кроме заминдаров. Например, в округе Кушба Сагранх — по донесению Томасона от 20 февраля 1864 г. — прежние земельные

^{*)} У Ковалевского: «подобного рода присвоения... перешли в целую систему».

^{*)} Ковалевский пишет об уступке прав собственности.

^{*)} У Ковалевского: владельцем.

^{*)} У Ковалевского: особыми.

собственники^{*)}, брамины, благодаря захватам джагирдаров, постепенно теряли всякое отношение к земле; так что ко времени кадастрации округа английскими чиновниками в округе не осталось иного собственника, кроме самого джагирдара (1. с.).

Чем большую независимость заминдары приобретали по отношению к центральному правительству, тем легче им становилось бесконтрольно распоряжаться в пределах вверенных им округов. Они находили более выгодным для себя не производить лично сбор налогов в каждом находящемся в их ведении селении, а отдавать их на откуп третьим лицам по отдельным подразделениям округов. Таким образом возник целый ряд зависимых от заминдара бенефициальных владений, наследственные пользователи которых, по примеру заминдаров, также стремились к узурпации прав вверенных им землевладельцев^{*)}. В эпоху кадастрации Бенгалии англичанами каждое заминдарство* включало в себя уже целую иерархию должностных лиц, из которых каждое претендовало на положение собственника или, по меньшей мере, наследственного пользователя землею в пределах границ вверенного ему округа (151).

67 || По словам местных английских чиновников, джагирдари, по примеру императора и губернаторов, создавали, в свою очередь, подчиненные им бенефициальные владения на тех же условиях, на каких они сами были наделены ими. Когда возникал вопрос об имущественном обеспечении младших членов семьи, джагирдар прибегал к выделению в их пользу того или другого участка своего джагира, под условием принятия ими на себя некоторых служебных обязанностей или также и уплаты почти номинального сбора, называемого «тадад». Весьма часто предметом надения, даже не родственным джагирдару лиц, была предоставлявшаяся в их распоряжение необрабатываемая земля; эта последняя передавалась в наследственное пользование под условием ее возделывания || и ежегодной уплаты джагирдару незначительных натурального или денежного сборов. На первых порах наделявшее лицо сохраняло за собой право в любое время отнять надел* обратно. С течением времени, по мере того как джагирдари превращали свои владения в наследственные, субджагиры тоже становятся наследственными, а именно переходят, по образцу своих прототипов, на началах майората, от отца к старшему сыну (151, 152).

Тот же процесс постепенной субинфеодации замечается и в тех землях, которые раздавались в великой монгольской империи гражданским чиновникам, получившим со временем генерическое наименование заминдаров, землевладельцев. Сами Великие Моголы — а по их примеру и правители провинций — присваивали себе право выделения особых селений из отданного ими в откуп округа с тем, чтобы наделять ими впоследствии заслуженных лиц, обычно под условием уплаты причитающихся с этих селений сборов не непосредственно фиску, а через посредство заминдара. Подобные раздачи стали позже производить по собственному почину также и заминдары. В надел* включались целые группы селений, возделанные и необрабатываемые пространства, которые в своей совокупности нередко охватывали весь округ, или «талуку», и поэтому их владельцев и называли «талукдарами». Наряду с ними встречаются почти повсюду в том же заминдарстве так наз. «патнидары»; разница

^{*)} У Ковалевского: землевладельцы.

^{*)} У Ковалевского: поземельных собственников.

между ними и талукдарами только в размере наделов*. Как те, так и другие, каждый в пределах своего округа, охотно уступали взимание натуральных и денежных сборов с входивших в состав их округа дистриктов особо доверенным лицам, каждый раз под условием временного или периодического их вознаграждения. Так возникла в пределах заминдарств новая группа чиновников — откупщиков сборов, так называемые «дарпатнис». Эти постепенно устанавливая новую категорию зависимых от них лиц — «сепатнис». Принцип наследования, первоначально признанный, по отношению к заминдарам, постепенно распространился на (другие) категории соподчиненных друг другу откупщиков налогов (смотри Hunter. «A statistical account of Bengal». 1877, t. I, p. 262 и след. и в каждом из других томов под рубрикой: «Формы земельной собственности»). Постепенно признается неотъемлемость их владения; с этого времени заминдарства — уже не целые налоговладельческие единицы, а группы расчлененных по многим категориям наследственных сборщиков налогов, их глава — заминдар, который, хотя в юридическом отношении ничем не отличается от остальных, однако, на практике добился признания за ним землевладельческих прав (152, 153).

На том основании, что в Индии встречаются «бенефициальная система», «отдача должностей на откуп» [последняя, однако, отнюдь не является чисто феодальной, доказательство — Рим] и коммандация, — Ковалевский усматривает в этом феодализм в западноевропейском смысле. Ковалевский забывает, между прочим, о крепостном праве, которого в Индии нет и которое представляет собой важный момент. [Что же касается индивидуальной роли защиты (ср. Палгрейв³⁸) феодалами (исполняющими функции фогтов) не только несвободных, но и свободных крестьян, то это играет в Индии, за исключением вакуфов, незначительную роль]; [свойственная романско-германскому феодализму поземельная система (Vöden - Poesie) (см. Маурер) Индии столь же мало присуща, как и Риму. Земля нигде в Индии не благородна, в том смысле, чтобы она была, например, неотчуждаема в пользу недворян!] Впрочем, сам Ковалевский видит основное различие: отсутствие патриархальной юстиции в области гражданского права в империи Великого Могола. В период упадка Аурангзеб предоставлял заминдарам во вверенных им округах некоторые уголовно-полицейские функции (направленные), например, против воров и разбойников; однако решения, касающиеся имущественных отношений, целиком оставались в руках туземных судов. Среди 15 видов юрисдикции одного из новейших кодексов, кодекса Вхригу, почти каждая имеет характер третейского суда, избранного жителями или спорящими сторонами (153, 154).

Отдача должностей на откуп, кроме того, имела место не по всей стране. Целые округа были подчинены непосредственно фиску и целиком от него зависящим чиновникам. Последняя система (встречается) не только в государствах Великого Могола, но также в большей или меньшей степени в независимых от него (государствах). Эта форма была единственной известной у маратхов, а они посте-

пенно распространили свою власть на всю центральную и южную Индию (154).

К концу монгольской империи так называемая феодализация (имела место) только в некоторых округах, в большинстве других общинная и частная собственность остается в руках туземных владельцев, а отправление государственных функций в руках чиновников, назначенных центральным правительством (155).

68 || Е) Английское хозяйничанье и его влияние на индийскую общинную собственность*)

«Respublica Moscoviae». Lugduni Batavorum, 1630, там же: De Moscovia, Antonii Possevini Diatriba, p. 213, 217.

Marly le Chastel. «Histoire générale des Indes». Paris, 1669, p. 227.

Henry Wilson. «An account of the Pelew Islandes». 1788, p. 297.

Дюбуа³⁹. Описание туземного населения Индии.

Письмо Кольберу⁴⁰ в приложении к «Voyages de François Bernier». Amsterdam, 1669 (p. 307, 310).

Дюперрон⁴¹ (смотри Mill. «History of British India», издание 1840, т. I, стр. 310 и т. д.). Дюперрон (приложение*), первый понявший, что в Индии Великий Могол не был единственным собственником земли.

Бьюкенен⁴² (Путешествие в Майсур) описывает тамошнюю общинную обработку земли**).

Cf. Harrington. «Elementary Analysis of the Bengal Laws and Regulations».

Colebrooke. Supplement to the Digest of Bengal Regulations and Laws;

в особенности же: Fifth Report from the Select Committee of the House of Commons on the Affairs of the East India Company (в особенности важные документы, помещенные в Приложении к отчету. См. также протокол 2-на Шора (в то время — 1812 г., лорд Тун, издание 18 июня 1789 г.) 1812.

70 || Большая часть земель провинций быстро переходила в руки городских капиталистов, располагавших свободным капиталом и охотно помещавших его в землю. [См. официальный отчет: Ост-Индия (голод в Бенгалии и Ориссе, 1866), 1867, ч. I, отчет комиссаров и т. д. 1848, стр. 222. «Как это обычно бывает при нашей системе, с самого начала происходила в широких размерах передача путем продажи прав заминдаров, и покупатели были [в Ориссе] почти повсюду денежные люди — из ранее заселенной и более богатой провинции Бенгалии, — у которых покупка земельных прав является излюбленной формой помещения капитала.] Городские капиталисты по-прежнему оставались в городах, не имели, следовательно, никакой связи с сельским населением и сдавали обычно свои поместья отдельными участками в краткосрочную аренду наиболее состоятельным членам сельского населения, нередко также мелким городским капиталистам (т. е. мелким ростовщикам). Со времени первой кадастрации сохранилось лишь небольшое число

*) У Ковалевского: «Английская поземельная политика в Ост-Индии и влияние ее на распад общинного землевладения у индусов».

В настоящей публикации не приводится часть текста из этого раздела записей Маркса, уже напечатанная при издании «Хронологических выписок по истории Индии» (Госполитиздат, 1947).

**) Далее следует текст 68—69 страниц рукописи, уже опубликованный в «Хронологических выписках по истории Индии» (см. стр. 96—100 указанного выше издания).

семейств старых заминдаров, не располагавших нужными для земледелия оборотными средствами, а тем более постоянным капиталом; они соперничают с арендаторами в искусстве выгодно помещать имюгся в их распоряжении незначительные денежные суммы, предоставляя ссуды крестьянам на ростовщических процентах (162, 163) (ср. в цитированном отчете, ч. I, стр. 321, 322, 349 и след.). Поэтому ничего в интересах земледелия не делается (за исключением того, что делали сами земледельцы) (стр. 163, 164, сравнение того, что делали монголы и проч. для орошения и т. п. с тем, что делали англичане) (примечание, стр. 164).

[Смотри: граф Варрен⁴³ — о моральном состоянии туземного населения и проч.] Корнуоллис⁴⁴ не предпринимал абсолютно ничего для ограждения (прав) крестьян, хотя в последний период монгольского владычества вновь установились некоторые обычаи и правила между ними и заминдарами [165. Смотри Stewart. «History of the Bengal»; памфлет: «The rights of landlord and tenant» и наконец: Dutt. «The peasantry of Bengal»].

В 1812 г. генерал-губернатором был декретирован в законодательном порядке «свободный договор» (между райятами и заминдарами) — без правительственного вмешательства. Фарс (стр. 166).

Акт 1859 г. Управление лорда Каннинга (1856—1859). После сипайского восстания (1857—1859) акт лорда Каннинга⁴⁵ (1859) для Бенгалии; он различает 3 категории землепользователей: 1) владевших землей в 1793 г. при кадастрации Бенгалии; 2) владевших ею свыше двенадцати лет; 3) владевших ею менее продолжительное время (166, 167). Для первой категории: арендная плата не может ни в коем случае быть увеличена заминдаром; для второй категории: арендная плата заминдару {может быть} увеличена в трех, определяемых законом, случаях: а) увеличения производительности участка — помимо улучшений, введенных в хозяйство самим арендатором; б) установления того факта, что участок, находящийся в пользовании арендатора, больше, нежели это было первоначально условлено; в) если выплачиваемая арендатором плата ниже платимой соседними арендаторами. Арендаторы первой и второй категории не могут быть удалены {с их земли} по одному лишь желанию землевладельца. {Что касается} третьей категории, то землевладельцы имеют право в любое время повысить арендную плату и вовсе прекратить аренду (стр. 167, смотри: Campbell. «Modern India»).

1826. Губернатор Монро⁴⁶ в Мадрасском округе вводит пародию на французскую мелкую земельную собственность. Этот вид собственности, как отмечает Кэмпбелл («Calcutta Review», 1864, № 45), должен был бы называться не крестьянской собственностью (ryotwar), а полевой собственностью (fieldwar), так как при этой форме правительство вступает в соглашение не с тем или другим крестьянином-собственником, а с временным владельцем того или иного поля. Каждый земельный участок должен нести определенную сумму денежных повинностей, обязанность (уплаты) которой ложится на временного обработчика поля. Последний может в любое время оставить свой участок и этим освободиться от денежного платежа. Если же он не внесет его, правительство заставляет его немедленно обратиться. Никакой частной собственности — в строгом смысле этого слова — здесь не имеется: ведь собственность предполагает право

отчуждения ее собственником! Все эти крестьяне являются по существу только «налоговыми единицами» (сообщает Кэмпбелл, 1. с.), «а целые провинции только фрондами, доставляющими определенную сумму налоговых платежей» (168).

При этой системе правительство имеет дело не с совокупностью общинных владельцев того или иного селения, а с наследственными пользователями индивидуальных участков, права которых прекращаются в случае несвоевременной уплаты налогов. Все же между этими атомами^{*)} продолжают существовать известные отношения, отдаленно напоминающие прежние общинно-сельские землевладельческие группы. Леса и пастбища продолжают быть нераздельной собственностью всех членов или вернее семейств; пашни и луга служат еще общим выгоном после уборки с них хлеба и сена. Лишь общинная пустошь является предметом исключительного присвоения со стороны английского правительства, использующего эту незаконную узурпацию для взимания земельных налогов с лиц, готовых возделывать отдельные участки пустоши и, eo ipso, увеличить число земельных пользователей и налоговладельцев того или другого селения (168, 169).

Несмотря на эту систему, в некоторых местностях Мадрасского президентства — расположенных в северных и прибрежных его округах и населенных племенами тамиллов и телугу — встречаются следы еще недавнего существования общинных союзов. Земли находятся еще в руках их прежних наследственных владельцев; хотя по закону за своевременную уплату правительственных налогов каждый из них ответственен в отдельности, однако они продолжают владеть своими наделами* на общинных началах (169). Мадрасская система разорвала узы солидарности между владельцами одного и того же селения; проявлением этой солидарности была не только круговая порука по (уплате) земельных налогов, но и осуществление объединенными усилиями целого ряда сельскохозяйственных сооружений, целью которых было увеличение производительности почвы. Эта система разрушила взаимную ответственность членов общины, а передачей участков любым, часто совершенно чуждым (общине) лицам — в случае несвоевременной уплаты налогов — искусственно нарушила состав общины и ее начало солидарности, основанное на соседстве (169, 170). Вдобавок к этому место прежних избираемых старшин^{**)} занимают произвольные назначаемые и смещаемые правительством чиновники; вследствие этого, — говорит тот же Кэмпбелл, — через несколько лет от общинных союзов не останется и следа. Это превращение прежних общинных собственников в случайных возделывателей правительственных земель не обошлось без протеста. Во многих округах Мадрасского президентства члены родовых общин, так называемые «тегассадаг», ставили на вид правительству, что принадлежащая им нераздельная собственность на те или другие земли насильственно обращается в индивидуальные аренды. В лучшем случае правительство предоставило им преимущественное право по сравнению с другими претендентами (стр. 170, ср.: английский миссионер Ланг. «Сельские общины в Индии и России» в «Transactions of the Bengal Social Science Association», p. 17) (стр. 170). [Та же чисто фискальная точка зрения «английских псов», что и при кадастра-

*) У Ковалевского: «Обособленными друг от друга в имущественном отношении владельцами».

**) У Ковалевского: «органов местного управления».

ци и Бенгалии.] Здесь они считали превращение заминдаров в «крупных земельных собственников» наилучшим средством обеспечить себе исправных налогоплательщиков; там, в системе правительственных земельных аренд, они усматривали гарантию своевременной уплаты налогов и возможности увеличения их суммы путем распространения системы налогового обложения на новых арендаторов государственных земель. Ожидаемый финансовый улов не удался. С каждым годом недоимки увеличивались. Потому-то мадрасская система и не была введена в Северо-Западных провинциях и в Пенджабе. Пенджаб был аннексирован в 1849 г. — в управление лорда Далхаузи⁴⁷ (1848—1856) (171).

Бенгальская система была введена постепенно в Ориссе, Бихаре и на первых порах в Северо-Западных провинциях. Там, где английские чиновники* не находили заминдаров, они признавали собственниками земли сельских старейшин («ламбердаров»). Права общинных собственников совершенно не принимались во внимание; столь же мало (учитывались) вплоть до 1859 г. и права наследственных возделывателей. Повсюду централизация земельной собственности в руках немногих капиталистов, при бедности искусственно созданных крупных земельных собственников, абсентеизм большинства собственников, эксплуатация крестьян посредством ссуд за ростовщические проценты (представляемые) живущими в своих имениях заминдарами и краткосрочными арендаторами, наконец, отсутствие каких бы то ни было сельскохозяйственных усовершенствований. Отсюда всеобщая ненависть к английскому правительству⁴⁸ (171, 172).

В 1810—1847 гг. в провинции (президентстве) Бенгалии⁴⁹ губернатором Элфинстоном⁴⁸ вводится нечто похожее на мадрасскую систему: она отличается от последней лишь тем, что она несколько считается с теми общинами, в которых в большей или меньшей степени осталось неприкосновенным общинное пользование («теерассе теппе»). Расторгая общинные союзы, бомбейская система одновременно признает за их членами (так называемыми теерассада⁴⁹) право наследственного пользования; они не лишаются своей собственности даже в том случае, если их земля временно остается невозделанной. Посредники между земледельцами и правительством признаются собственниками в том случае, если они могут предъявить титул владения. [Смотри: «Memorandum on the improvement in the administration of India during the latest thirty or forty years and the petition of the East-India Company to Parliament». 1858]. Итак, повсюду крупная земельная собственность и мелкие аренды. [Сочетание Англии и Ирландии. Прекрасно!] (172, 173). В Северо-Западных провинциях и Пенджабе, где как будто бы признана возможность сохранения общинной собственности, английское правительство в то же время своими мероприятиями способствует процессу ее быстрого разложения (173).

Система, постепенно установленная с 1807 г. в Северо-Западных провинциях, в строгом смысле слова не является {системой} общинного землевладения; вернее, это есть признание status quo, начало которому положено еще мусульманским правительством. Частной собственности на землю отведено в ней первое место, а общинная

*У Ковалевского говорится о «недовольстве английской администрацией».
 *) У Ковалевского: Бомбей.

Handwritten notes in German, likely a transcription of the Russian text on the left. The text is dense and includes various references and dates, such as 1807, 1849, and 1856. It discusses the administrative changes in Bengal and the impact of British rule on land ownership and village communities. The notes are written in a cursive hand and include some corrections and additional information.

Страница конспекта К. Маркса главы VII книги М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения»

собственность*) допускается лишь там, где английским «псам»-чиновникам не удается обнаружить лиц, которые могут представить какие-либо, хотя бы и самые сомнительные, титулы собственности***) (174). Английским ослам****) потребовалось невероятно много времени, чтобы хоть приблизительно разобраться в подлинных условиях землевладения в завоеванном лордом Уэлсли⁶⁰ крае. «Некоторые селения, — говорится, например, в отчете одного из комиссаров (по составлению) кадастра в 1818 г.: [«Selections from the revenue records of the N.-W. provinces», t. I], центром деятельности которого была Итава, — до сих пор остаются без собственников. К нашему крайнему удивлению, мы не нашли никаких следов существования заминдаров или других собственников такого же рода. Во многих селах владение землею является также предметом споров между двумя партиями, из которых ни одна не может представить в свою пользу никаких существующих доказательств» (английский остолон!). Если одной из этих партий являются общинные собственники****), а другой — местные власти или богатые и влиятельные жители, то комиссары, в большинстве случаев, оказывались на стороне последних и мотивировали свой образ действий тем, что: «Права общинных собственников никогда не были строго и точно установлены и что по этой причине невозможно дать определенный ответ на вопрос: имели ли они какие-либо права на землю?» [Из выше цитированных «Selections», т. I, р. 111, отчет комиссара по составлению кадастра в Розилкханде] (174, 175). Вопрос о принадлежности земли тому или другому семейству зачастую решался в полной зависимости от произвола комиссаров кадастрации и заинтересованных свидетелей магометанских чиновников, к которым обращались за справками. Таким образом, земельная собственность в значительной мере концентрировалась в руках людей, имевших лишь фиктивные титулы владения; поэтому комиссия, назначенная в 1821 г. для ревизии, вынуждена была отнять землю у многих владельцев. (Смотри: Campbell. «Modern India», р. 323). Во многих селах, где издревле не было известно других форм земельной собственности****), кроме общинной, сумели укрепиться как крупные земельные собственники — заминдары и талукдары, т. е. сборщики податей с целых дистриктов и их подразделений, — так и мелкие частные земельные собственники — сельские старшины («ламбердары»); как в том, так и в другом случае к большой невыгоде большинства населения, *polens volens* принужденного перейти в класс *з а в и с и м ы х* от помещиков арендаторов. В сравнительно редких случаях, когда комиссары признавали собственниками сельские общины, соглашение, касающееся уплаты налогов, заключалось не «с*целым* миром*», а только с одним или несколькими сельскими старейшинами, как в округе Бенарес. В таких случаях общинные собственники****) становились либо жертвой произвола и вымогательства последних, либо предъявляли петиции о разделе общинной земли и о передаче ее в частную собственность различным пользователям*. Такие иски о разделе разрешались уже в 1795 г. (стр. 175).

*) У Ковалевского: владение.

**) У Ковалевского: владения.

***) У Ковалевского: английским чиновникам.

****) У Ковалевского: владельцы.

****) У Ковалевского: пользователи.

Английские «остолопы» постепенно сообразили, что общинная собственность является не особенностью той или другой местности, а господствующим типом поземельных отношений, редким исключением из которого является лишь установленная мусульманским правительством «частная собственность»*) того или другого чиновника. [См. I. c., стр. 219: «Extract from a letter from Mr. Waichore to the secretary to the Board of commissioners in the ceded and conquered provinces» от 12-го августа 1809 г.; ditto: отчет Санда Ньюема (сборщика налогов) секретарю «Board of commissioners», Бунделкханд, 12-е мая 1817 г.] (стр. 176).

Поэтому пересмотр прежних кадастров, начатый в 1822 г., согласно регламенту губернатора Макензи, привел к заключению правительством соглашений не непосредственно с отдельными владельцами в пределах сельских общин, как {это было} прежде, а с целыми общинами, по крайней мере в тех местах, где сельские общины сохранились в большей или меньшей неприкосновенности (176), cf. *ibidem*, примечание 3.

73 || Частичные исправления кадастра, продолжающиеся и по настоящее время, имеют целью расширение принципа общинного землевладения; при этом исходят из него, как господствующего типа, а не из частного землевладения, как прежде. Давность владения признается неоспоримым доказательством принадлежности земли сельским общинам, в то время как от частных лиц, претендующих на землю, {требуется} представление письменных документов, составленных при акте купли или дарения со стороны мусульманского правительства (177). Таким образом, в принципе общинная собственность была признана; в какой мере это было на практике, — это всегда зависело и зависит всякий раз от того, что «английские псы» считают для себя самих наиболее выгодным (177). Так, в различных округах Бунделкханда еще сохранился, вплоть до их покорения англичанами, целый ряд сельских общин, земли которых занимали десятки квадратных миль. По политическим и фискальным {соображениям} это показалось «вредным»^{*)}. Состоя нередко из нескольких тысяч человек, связанных между собою единством происхождения и общностью владения, эти союзы казались английскому правительству, с одной стороны, опасным противником в случае возможного восстания, с другой стороны, помехой своевременному покрытию недоимок* посредством такого дельца, как продажа с публичных торгов наделов несостоятельных налогоплательщиков. Что делает британский «остолоп»? Относительно уплаты налогов он договаривается не с целой общиной (*pergana*), а с отдельными ее подразделениями (*bekri's* и *putti's*), оставляя одновременно за первой денежную ответственность на случай неплатежеспособности членов ее подразделения (стр. 177, 178. Cf. «Calcutta Review» № 14, september 1850; «Village schools and peasant proprietors in the N.-W. provinces», p. 155 etc.).

Разделяя таким образом сельские общины на округа, английское правительство одновременно проводит в большинстве общин меры для точного установления как наделов каждого в пахотной земле,

*) Кавычки Маркса.

так и доли каждого налогоплательщика в уплате налогов, причитающихся со всей общины. [Perfect putidaree system называется система, при которой вся пахотная земля распределяется между членами общины, а imperfect та, при которой часть пахотной земли остается в общинном пользовании] (178).

С течением некоторого времени сельские собрания совершенно перестали соблюдать эти правительственные распоряжения, — либо продолжали владеть землей нераздельно, либо производили новый раздел как общинных земель, так и налогов между своими отдельными членами. Исключение составляли только те местности, в которых комиссары по осуществлению кадастра застали систему наследственных наделов, размер которых определялся степенью близости или отдаленности владеющей ими семьи от общего родоначальника; эту последнюю систему господа комиссары сочли нужным безоговорочно признать (178). [Смотри цитированное на стр. 178, 179 [в «Selection from public correspondence, N.-W. provinces», № 34, p. 78] из отчета сборщика налогов Роуза в Банда в округе Аллахабад.]

Произвольное искажение (*Verstümmung*) общинной собственности британскими «остолопами» имело вредные^{*)} последствия. Раздел общинных земель между дистриктами ослабил начало взаимной помощи и поддержки, это жизненное начало общинно-родовых союзов. Многоземельные и многолюдные общины, по отзыву самих «остолопов»^{*)}, особенно способны смягчать и часто совершенно устранять последствия засухи, эпидемий и других временно постигающих страну катастроф. Связанные между собою узами крови, соседским сожительством и порождаемой этим самой общностью интересов, они способны противостоять всевозможным случайностям, страдают от них только временно; раз опасность миновала, они с прежней энергией приступают к работе. В несчастных случаях каждый может рассчитывать на всех (179).

74 || Это пошло пражом^{*)} после насильственного разделения (*Auf-lösung*) сельских общин на ничтожные по своему размеру дистрикты и ограничения общности (*Gesamthafi*) сравнительно небольшим числом семейств. Падение принципа родства проявилось с тем большей силой, что раздел общинных земель между округами лишь предшествовал разделу пахотной земли — в пределах большинства общин и округов — в частную собственность отдельных семейств. Во многих местностях, где существовали так называемые *bhej burrar tenure*, т. е. где время от времени имел место передел общинных земель пропорционально участию каждого владельца в уплате налогов, раздел общинной территории в наследственное пользование сделал невозможным как возвращение в общину временно отсутствовавших членов, так и увеличение ее численного состава наплывом поселенцев. (Cf. Report on the *bhej burrar tenures* in Zillah Banda 74 || (1875) || в «Selection from public correspondence, N.-W. provinces», № 34.)

Как в тех общинах, в которых вся пахотная земля была разделена между отдельными семьями, так и в тех, в которых часть пахотной земли оставалась в нераздельном пользовании всех членов общи-

*) У Ковалевского: невыгодные.

)) У Ковалевского: английских чиновников.

)) У Ковалевского: «потеряло свое первоначальное значение».

ны, система общинной собственности*) была в корне подсечена «остолопами» тем, что правительство не только не запретило отчуждение общинных наделов, но еще предписало продажу их с публичных торгов в случае несвоевременной уплаты тем или другим владельцем причитающихся с него налогов. Члены общинных союзов получали только привилегию предпочтительной покупки и должны были раз навсегда отказаться от права родового и соседского выкупа, признанного законодательством всех народов, живущих общинно-родовыми союзами (180, 181).

(См. «Calcutta Review», 1854: «The collection of revenue in the N.-W. provinces» и примечание на стр. 181.) (Это право продажи с публичных торгов, предоставленное сборщикам актом 1841 г., привело {к проникновению} чуждых элементов, большей частью городских капиталистов, в сельскую общину.) [Раньше существовало такое правило: если кто-нибудь не уплачивал своего налога, например, в течение 15 лет, его владение наделом* переходило к владельцу другим наделом, уплатившему за него недоимку, благодаря чему отчуждение в пользу чуждых общине лиц являлось редким исключением.] (См. «Calcutta Review», 1859, № 14, стр. 154.)

Пенджаб был аннексирован в 1849 году. Также и здесь англичане насильственно раздробили сельские общины на округа и искусственно ввели частную собственность на пахотные наделы; ditto и здесь: публичная продажа общинных {пахотных} наделов для уплаты частных долгов и общинных недоимок; однако в отличие от Северо-Западных провинций, в Пенджабе община была признана единственным и исключительным собственником всей земли; здесь общинные союзы удержались в гораздо большей неприкосновенности, нежели в Северо-Западных провинциях (182). Однако британское правительство присвоило себе в качестве государственной собственности, в ущерб сельским общинам, леса и необработываемые земли, под предлогом охраны первых от истребления общинными собственниками**), а в действительности с целью способствовать европейской колонизации. Общинные владельцы сохранили право въезда* и {пользования} пастбищами (1. с.). [«Selections from the records of the government of the Punjab and its dependencies». New Series, № 10, 1874, Lahore, p. 57]. [Смотри там же: «Selection from the records of the government, N.-W. provinces», v. IV. From R. Alexander, commissioner to the sudder board of revenue N.-W. provinces. Agra, August, 1855, p. 330, ibidem from Strachey, collector of Moradabad to Alexander, 16 July 1855 (vide стр. 183)]. *Англо-индийские чиновники, а опираясь на них и публицисты вроде сэра Генри Мена и т. п., изображают упадок общинной собственности в Пенджабе как результат экономического прогресса — несмотря на любовное отношение англичан к архаическим формам — тогда как на самом деле англичане сами являются главными (активными) виновниками этого упадка, — который в свою очередь угрожает им самим* (стр. 184).

Благодаря установлению отчуждаемости индивидуальных общинных наделов «остолопы»**) ввели совершенно чуждый и враждебный индусскому обычному праву элемент, ограниченный лишь

*) У Ковалевского: общинного землевладения.

**) У Ковалевского: владельцами.

)) У Ковалевского: английского законодательство.

в малой степени правом {предпочтительной} покупки, {признаваемым} за членами общины (184; 185). Благодаря соприкосновению с европейской культурой у индусов развивается склонность к роскоши. Они часто тратят половину своих доходов на празднование свадеб и т. п.; для этой цели они делают займы на условиях уплаты ростовщических процентов [во всех странах с некапиталистическим производством и преобладанием сельского хозяйства — развитие ростовщичества] и, используя предоставленную англичанами свободу отчуждения наделов, обеспечивают залогом этих {последних} своевременность уплаты ростовщикам. Когда наступает срок уплаты, у крестьян обычно не хватает необходимых средств. Ростовщик предъявляет иск и без больших издержек и проволочек приобретает право собственности на общинный надел. Став таким образом членом общины, ростовщик применяет те же средства для расширения своего земельного владения и в 10—20 лет достигает желанной цели. Общинные владельцы либо удалены со своих прежних земель, либо остаются на них в качестве простых арендаторов. Место общинной земельной собственности заняла земельная собственность чуждого всему селу городского ростовщика (185).

Спрошенные в 1854 г. о причинах быстрого упадка общинной собственности и перехода ее в другие руки, комиссары по исправлению кадастра и сборщики налогов единогласно ответили — ростовщичество. См. «Selections from the records of the government, N.-W. provinces». Vol. IV, p. 300, 315. Frequency of transfer of proprietary title. From Egerton officiating collector at Delhi to W. Muir, secretary to government N.-W. provinces. Delhi, 10 November 1854, p. 304. Ditto: «Selections from public correspondence, N.-W. provinces», № 34. (Смотри стр. 186, 187.)

75 || В результате ряда засух* в руки ростовщиков попадает также и трудолюбивое племя джатов (186). Благодаря системе высоких и сложных процентов ростовщик может, когда это ему заблагорассудится, завладеть общинными наделами... Мелкий ростовщик постепенно начинает играть роль гиганта в индийской земельной системе. Эти молодчики известны под наименованием prehteas, bohrahs, kayans, uthburyas, bunyas (в Бунделкханде); они, — говорит один сборщик налогов, — обстоятельно знакомятся с экономическим положением каждого члена общины, используют его стесненное положение путем {предоставления} ему займа под огромные проценты и под залог индивидуальных наделов... Раньше или позже, путем добровольной или принудительной продажи с публичного торга, они переходят в руки ростовщика. Постепенно он концентрирует в своих руках и все остальные наделы (186, 187).

Зачастую правительство играет непосредственную роль в отчуждении индивидуальных общинных наделов. Сами английские чиновники признают, что благодаря непомерно высокому обложению земель во время кадастрации в Северо-Западных провинциях общинные собственники считали для себя выгодным приступить к отчуждению своих наделов, результатом чего был быстрый переход владения наделом из одних рук в другие. За последние 30 лет (в Северо-Западных провинциях) обложение налогами в большинстве округов было значительно уменьшено, но {они} поглощают все еще, если не весь, то почти весь доход сельского хозяина в дистриктах Дели и Аллахабад, так что общинные собственники считают выгодным {для себя}

законотраговывают свои наделы, под условием, что арендаторы уплатят им сумму, равную сумме причитающегося с надела налога (187). Следствием этого часто (бывает): оставление земли без обработки, уход из общины с целью избавления от земельного налога, несвоевременная уплата тех или других индивидуальных платежей в общинную кассу. Против этого английская администрация (применяет) единственное средство: предоставление надела неисправного или удалившегося из общины (плательщика) другим членам общины, большей частью сельским старейшинам (ламбердарам) во временное или при продолжающейся несостоятельности и в постоянное пользование. Вследствие этого в относительно небольших общинах ламбердарам, избираемым обычно из среды самых состоятельных членов общины, удается сконцентрировать в своих руках наделы остальных (188). Таким образом все общинные земли перешли во временное или постоянное владение ламбердара в *pergana* *Budousa*, отдельные подразделения которой стали таким путем частью наследственной, частью временной собственностью этого молодца^{*)} (I. с.).

Гораздо чаще, однако, от несостоятельности того или иного члена общины выигрывает не старейшина общины, а городской капиталист. При невозможности внести всю сумму падающих на нее налогов, — вследствие неплатежеспособности ее отдельных членов, община нередко вынуждена приступить к отчуждению части своих земель, причем покупателями неизменно являются городские и сельские капиталисты, помещающие свои капиталы в земельную собственность^{**)}. Часто также продажа с публичных торгов производится правительственными чиновниками финансового управления для покрытия из полученной цены недоимок той или иной общины; и здесь опять-таки в выигрыше (оказываются) чуждые общине капиталисты. (188, с м о т р и т а м ж е ц и т а т у в п р и м е ч.)

Переход общинных земель — (в Северо-Западных провинциях и особенно в Пенджабе) — в частную собственность ускоряется еще благодаря той легкости, с какой ростовщик (займодавец) получает исполнительный лист на продажу индивидуального надела своего должника. Если сумма иска не превышает 300 рупий, решение выносится старейшиной общины (*tehseeldars*), выполняющим функции сборщика податей, в противном случае комиссаром кадастрации. Апелляция в бюро публичных сборов имеет место лишь в особо важных случаях (189, дальнейшее см. на стр. 189, 190). 29 ноября 1854 г. Дж. Кэмпбелл, сборщик податей в Азингуре, дистрикте Бенарес, пишет: {ни в одной стране} земля не переходит из рук в руки с такой легкостью — [те же самые английские агенты] затрудняют переход земли в своей собственной стране больше, нежели это имеет место в какой-либо другой стране! — как в Индии [— следствие правил {установленных} юрисдикцией английского управления, стр. 189]. В Северо-Западных провинциях при принудительных продажах земельной собственности иск (проходил) по меньшей мере через две судебные инстанции, в Пенджабе решение выносится: сборщиками податей, чиновниками кадастрации и, в крайнем случае, бюро публичных сборов (Хороши судьи!) (I. с.). Тот же Кэмпбелл говорит: «Права на земельную собственность {рассматриваются и} решаются в судах первой инстанции, с соблю-

дением точно тех же форм, как и при ничтожнейших долговых исках. Так как цена земель определяется просто их годовым доходом, то истец считает более выгодным для себя требовать продажи участка как наиболее легкого способа реализации долга. Как только имя должника занесено в книгу сборщика налогов, кредитор без труда добивается продажи его надела без промедлений, без каких-либо отсрочек. Должнику остается лишь выбор — либо самому приступить к отчуждению своего надела, либо предоставить это администрации. Поэтому неудивительно, что там, где население несостоятельно или перадиво, засухи часты и ростовщики многочисленны, переход земли из рук в руки происходит на каждом шагу» (189, 190).

В эпоху мусульманского владычества временное оставление общины не имело следствием потерю прав члена общины. Если он уходил на заработки в город, он уступал только временно свой надел всей общине или тому или другому соседу, под условием уплаты причитающегося с его надела налога. При возвращении он получал его обратно и платил причитающийся с него налог. Это особенно легко осуществлялось в тех местностях, где существовал обычай периодической разверстки всей суммы взимаемых с того или другого селения правительственных налогов соответственно размеру принадлежащего каждому члену участка (*bhey burrar tenure*). При этой системе, — говорит Роуз, сборщик налогов в Банда, — каждый возвращающийся уменьшал сумму налогов, уплачиваемую товарищами. Теперь, — говорит Томасон, — временный владелец участка [вместо отсутствующего] пользуется защитой правительства и может быть лишен его лишь приговором гражданских судов. Обычный способ сопротивления требованию возврата участка — это представление в суд иска о том, что истец в течение 12 лет непрерывно им владел, или же длинного счета издержек на чужой участок, понесенных временным владельцем (190, 191). Процесс распада общинных союзов не ограничивается созданием мелкой крестьянской собственности^{*)}, но неизбежно ведет к (образованию) крупной земельной собственности^{**)} (191). Описанное выше вторжение в лоно общины чуждого ей класса капиталистов уничтожает ее патриархальный характер, а вместе с тем и влияние старейшин общины; начинается война всех против всех. Так, Каст, сборщик налогов в Банда, пишет 9-го октября 1854 г.: «Порядок, вполне соответствующий условиям сельской общины, члены которой связаны между собой узами родства, становится невозможным с проникновением в общину чуждого ей элемента — спекулянтов. Нравственный контроль ламбердаров (старейшин общины, исчезает, и вся община распадается на части». Эджертен (10-е ноября 1854 г.), сборщик налогов в Дели: говорит так: «Ростовщики делают все, что в их силах, чтобы поддержать и породить новые распри в среде членов общины, рассчитывая на то, что конечный исход их будет благоприятен их интересам». Они используют и поощряют антагонизм интересов, неизбежный при упадке патриархальных отношений. Поэтому ни в одной стране {не встретится} такого количества поземельных процессов, как в Индии; эти иски требуют значительных денежных затрат, для покрытия которых члены общины часто должны прибегать к займам под залог своих наделов, нередко при условии уплаты 100% с занятой суммы (192). Конечный результат юридической войны^{**)*)} — разорение беднейшей из тяжущихся

*) У Ковалевского: «мелких крестьянских владений».

**) У Ковалевского: землевладения.

**)*) У Ковалевского: судебного спора.

*) У Ковалевского: ламбердара.

**) У Ковалевского: владение.

сторон, которое рано или поздно приводит к отчуждению его своего надела. С. Ф. Ле-Ба, сборщик налогов в Джунипуре, пишет 10-го октября 1854 г.: «Не будет преувеличением сказать, что каждый раз, когда бедняк ведет процесс с состоятельным лицом, не особенно разборчивым в выборе средств и мстительным, гражданский суд дает последнему полную возможность довести противника до окончательного разорения» (193).

Далее, Терибулл, сборщик налогов в Булундсгуре: «Чтобы избежать процесса, несправедливо начатого могущественным соседом, не знакомый с судебными формальностями и не способный нести издержки процесса владелец общинного надела часто передает свое право собственности другому, столь же могущественному соседу, ница его совета и содействия. Не обдумав хорошо всех последствий своих действий, имея слабое представление о собственных интересах, кроме достижения *рисующейся его воображению* ближайшей цели, мелкий крестьянин прибегает к так называемому *икбалдава*, или отчуждению принадлежащего ему надела в собственность крупному землевладельцу, под условием сохранения права пользования им, и осознает нелепость предпринятой им меры лишь после легального перехода его надела в чужие руки». *Вместе со {своей} семьей он становится простым возделывателем на ранее принадлежавшем ему наделе* (193). То же относится к мелким крестьянам-собственникам (I. c.). Тот же сборщик налогов говорит о «постепенном и быстром поглощении *мелкой земельной собственности крупной, законным и незаконным путем*» (194). «*Memorandum on the Census of British India of 1871—72*» дает следующее количество земельных собственников в Северо-Западных провинциях в Пенджабе: Северо-Западные провинции: 693207; Пенджаб: 3195455; итого: 3 888 662. Если к этому прибавить арендаторов и земледельцев — 5 182 000 в Северо-Западных провинциях и 1 765 000 в Пенджабе, — то общее число лиц, заинтересованных в дальнейшем удержании земель в руках временных владельцев = 10 миллионам (194). Жители (крестьяне) так привязаны к земле, что они предпочитают (см. примечание 3, стр. 194) оставаться в качестве простых сельскохозяйственных рабочих*) на своих прежних участках, нежели искать более высокую заработную плату**) в городах (195). *Антагонизм между лишенными своей земли общинными собственниками и крестьянами-собственниками, с одной стороны, и английским правительством, с другой* (I. c.).

Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3984.

¹ Мухаммед Касим (Имад-ад-дин Мухаммед бин Касим) — арабский военачальник, который по распоряжению Халджаджа, правителя Ирака, вторгся в 711 г. в Индию, завоевал Синд (территория нижнего течения р. Инд) и присоединил его к халифату. — 3.

² Омар — второй халиф (634—644), при котором приняло большой размах завоевательное движение арабов. — 4.

³ Махмуд Газневи — с 999 до 1030 г. правитель Газнийского государства, обширной державы, включавшей, кроме нынешнего Афганистана и Пенджаба, часть Ирана и Средней Азии. Столицей государства был г. Газни. — 4.

*) У Ковалевского: земледельцев.

**) У Ковалевского: заработков.

⁴ Аль-Утби — арабский историк XI в. — 4.

⁵ Бехрам-шах — потомок Махмуда Газневи, правивший Газнийским государством в 1117—1152 гг. — 4.

⁶ Ала-ад-дин Хусейн Джехансуз — правитель государства Гур, находившегося на территории современного Афганистана между Гератом и Бамианом, правил Гуром с 1150 до 1156 г. В 1152 г. овладел Газной и разрушил ее. — 4.

⁷ Гийяс-ад-дин Мухаммед и Шихаб-ад-дин Муизз-ад-дин Мухаммед Гури — два брата, последовательно правившие Гуром и отнятыми у потомков Махмуда Газневи землями бывшей Газнийской державы (первый с 1157 до 1202 г., второй с 1202 до 1206 г.). Шихаб-ад-дин в результате походов завоевал ряд областей Северной Индии. — 4.

⁸ Притхви — раджа Дели и Аджира, возглавил военный союз индийских княжеств, пытавшийся остановить продвижение Шихаб-ад-дина Мухаммеда Гури в долину рек Джамны и Ганга. В бою под Тарайном (1192 г.) войска Притхви раджи были разбиты Шихаб-ад-дином, а сам Притхви пал в бою. Эта победа открыла Шихаб-ад-дину путь для дальнейшего наступления в глубь Северной Индии. — 4.

⁹ Кутб-ад-дин Айбек — военачальник султана Шихаб-ад-дина, выдвинувшийся на этот пост из султанских гулямов. Поставленный наместником завоеванных Шихаб-ад-дином индийских земель, он после смерти последнего объявил себя в 1206 г. независимым государем (султаном) Дели, положив начало Делийскому султанату, просуществовавшему до 1526 г. — 5.

¹⁰ Шамс-ад-дин Илтутмыш — правитель Делийского султаната с 1211 до 1236 г. — 5.

¹¹ Иктадар — владелец икта, или военного бенефиция. — 5.

¹² Зия-ад-дин Барани (род. около 1265 г.) — автор «Тарих-и-Фируз-шах» — истории Делийского султаната со вступления на престол Гийяс-ад-дина Балбана (1265 г.) до начала правления Фируз-шаха из династии Туглукидов, стоявшей у власти с 1325 до 1414 г. — 5.

¹³ Гийяс-ад-дин Балбан — правитель Делийского султаната с 1265 до 1287 г. — 5.

¹⁴ Джалал-ад-дин Хилджи — правитель Делийского султаната с 1290 до 1296 г. — 5.

¹⁵ Фируз-шах — правитель Делийского султаната с 1351 до 1388 г. — 5.

¹⁶ Насир-ад-дин Мухаммед — правитель Делийского султаната с 1389 до 1394 г. — 5.

¹⁷ Инам — в Индии одна из форм пожизненного земельного пожалования мусульманскому духовенству и государственным служащим. Владелец инама (инамдар) обычно освобождался полностью или частично от уплаты государственных налогов. В период власти Великих Моголов инамы стали наследственными владениями. — 5.

¹⁸ Мульк — вид частной феодальной земельной собственности, не связанной с несением государственных повинностей. — 5.

¹⁹ Ханака — обитель мусульманских дервишей, странноприимный дом членов различных мистических суфийских братств. — 6.

²⁰ Ала-ад-дин Хилджи — правитель Делийского султаната с 1296 до 1316 г. — 6.

²¹ Халисе — в мусульманских средневековых государствах так назывались земли, находившиеся в непосредственном ведении финансового департамента. — 6.

²² Мубарак, Муизз-ад-дин — правитель Делийского султаната из династии Сайидов. Правил с 1421 до 1434 г. — 6.

²³ Гийяс-ад-дин Туглак — правитель Делийского султаната с 1320 до 1325 г. Ему наследовал Мухаммед Туглак, правивший с 1325 до 1351 г. — 6.

²⁴ Харадж — государственный земельный налог, взимаемый с населения в средневековых государствах Ближнего и Среднего Востока. — 7.

²⁵ Вакуф — имущество, отчужденное в пользу мусульманского духовенства и освобожденное от уплаты государственных налогов. Наиболее обычной формой вакуфа были земельные вакуфы различных мусульманских религиозных учреждений. — 7.

²⁶ Туглак-шах II — правитель Делийского султаната в 1388—1389 гг. — 7.

²⁷ Тимур (Тамерлан) (1336—1405) — среднеазиатский полководец. Приняв участие в феодальных распрях, Тимур сумел овладеть Мавераннахром и в 1370 г. присвоил себе титул великого эмира. В результате дальнейших завоевательных войн он

- подчинил себе всю Среднюю Азию и сделал столицей своей державы г. Самарканд. В 1398 г. он совершил поход в Индию и разграбил Дели.—7.
- ²⁸ *Закят* — государственный налог в средневековых государствах Ближнего и Среднего Востока, взимаемый, согласно корану, на оказание помощи немущим мусульманам, путешественникам и воинам, сражающимся за распространение религии ислама.—8.
- ²⁹ *Сайиды* и *Лоды* — две династии правителей Делийского султаната. Первые правили с 1414 до 1451 г., вторые — с 1451 до 1526 г.—8.
- ³⁰ *Хизр-хан* — основатель династии Сайидов. Правил с 1414 до 1421 г.—8.
- ³¹ *Мухаммед-шах* и *Ала-ад-дин Алам-шах* — султаны из династии Сайидов, правили: первый с 1434 до 1445 г., второй с 1445 до 1451 г.—8.
- ³² *Захир-ад-дин Бабур* — тимурид, эмир Ферганы, после изгнания его новой династией Шейбанидов и ряда бесплодных попыток вернуть Фергану, овладел Кабулом. В 1526 г., вмешавшись в феодальные распри в Делийском султанате, вторгся в Индию, разбил правителя Дели Ибрахима Лоды, занял столицу султаната и положил начало новой династии правителей Дели, вошедшей в историю под именем династии Моголов, или Великих Моголов.—8.
- ³³ *Моголы* — правильнее в данном случае Моголы, см. предыдущее примечание.—8.
- ³⁴ *Панкар* — часть феодального владения, не облагаемого земельным налогом, фактически являвшаяся частной собственностью владельца.—8.
- ³⁵ *Джагир* — феодальное владение типа военного бенефиция, владелец которого джагирдар был обязан содержать контингент конницы, соответствующий величине джагира.—9.
- ³⁶ *Фиришта*, *Мухаммед Касим* (род. около 1570 г., умер около 1611 г.). С 1589 г. и до самой смерти жил в Биджапуре (в Декане) и здесь написал свою историю Индии.—9.
- ³⁷ *Санад* — грамота, хартия, пожалование.—9.
- ³⁸ *Палгрейв* — очевидно, английский историк Френсис Палгрейв (1788—1861), автор ряда работ по истории феодальной Англии.—12.
- ³⁹ *Дюбуа*, *Жан Антуан* (1765—1848) — французский католический миссионер, проживший в Южной Индии с 1792 до 1823 г. Им была переведена на французский язык «Панчатантра» и написаны работы, посвященные Индии, среди которых особенно ценной является «Moeurs, institutions et cérémonies des peuples de l'Inde». Paris, 1825.—13.
- ⁴⁰ *Кольбер*, *Жан Батист* (1619—1683) — французский генеральный контролер (министр финансов) в правление Людовика XIV. По инициативе Кольбера в 1664 г. была создана французская торговая Ост-Индская компания.
Франсуа Бернье (1625—1688) — французский врач и путешественник, провел почти девять лет (1658—1666) при дворе Великого Могола и описал историю борьбы Аурангзеба за престол, а в письмах к Кольберу дал замечательное описание социально-экономической жизни и политического строя могольской державы. К. Маркс в письме к Ф. Энгельсу от 2 июня 1853 г. писал: «Об образовании городов на Востоке нет ничего более блестящего, наглядного и неотразимого, чем старая книга Франсуа Бернье, бывшего девять лет врачом при Аурангзебе (François Bernier: «Voyages contenant la description des états du Grand Mogol etc.»). Он также очень хорошо изображает военный быт, способ продовольствования этих огромных армий etc... Бернье справедливо усматривает основную форму явлений Востока — он имеет в виду Турцию, Персию, Индостан — в том, что там не существует частной собственности на землю. В этом действительный ключ даже к восточному небу» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 489—490). Книга Ф. Бернье в 1936 г. переведена на русский язык под заглавием «История последних политических переворотов в государстве Великого Могола».—13.
- ⁴¹ *Дюперрон*, *Анкетиль* (1731—1805) — известный французский ориенталист, перевел на французский язык «Авесту». — древнейший памятник религии зороастризма. Результатом долголетнего пребывания Дюперрона в Индии был ряд работ, в частно-

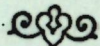
- сти «Recherches historiques et géographiques sur l'Inde», в которой он доказывал существование частной собственности на землю на юге Индии.—13.
- ⁴² *Бьюкенен*, *Ф.* — служащий английской Ост-Индской компании, по поручению правительства объехавший Бенгалию, Бихар, Майсур и Карнатак и давший географическое, экономическое и историческое описание этих областей. Описание Майсура дано Ф. Бьюкененом (F. Buchanan) в «A journey from Madras through the countries of Mysore, Canara and Malabar, performed under the order of the most noble the marquis Wellesley governor-general of India, etc.», изданном в трех томах в Лондоне в 1807 г.—13.
- ⁴³ *Баррен*, *Эдуард* — офицер английской армии в Индии, автор работы, переведенной на русский язык и изданной в 1845 г. под заглавием «Английская Индия в 1843 г.» (в трех частях).—14.
- ⁴⁴ *Корнуоллис* (1738—1805) — генерал-губернатор Индии с 1786 до 1793 г., по инициативе которого в Бенгалии была введена земельно-налоговая система — «постоянное заминдари», характеризуя которую К. Маркс писал: «Введением системы заминдари население Бенгальского президентства было сразу лишено своих наследственных прав на землю в пользу местных сборщиков налогов, так называемых заминдаров... Мы имеем, таким образом, в Бенгалии сочетание английского лендлордизма, ирландской системы посредничества, австрийской системы, превращающей помещика в сборщика податей, и азиатской системы, согласно которой подлинным владельцем земли является государство» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2 изд., т. 9, стр. 221, 222). Там же он характеризует эту систему как карикатуру на английский лендлордизм.—14.
- ⁴⁵ *Акт лорда Каннинга 1859 г.* — закон об аренде, согласно которому арендаторы, доказавшие, что они являлись арендаторами данного участка в течение двенадцати лет, приобретали на него наследственное право аренды, а те из них, которые доказали к тому же, что в течение двадцати лет они платили неизменную арендную плату, приобретали право на постоянную ставку арендной платы. Закон 1859 г. ограничивал также право заминдара сгонять арендаторов с земли и произвольно увеличивать ренту.—14.
- ⁴⁶ *Томас Монро* (1761—1827) — служащий английской Ост-Индской компании, с 1819 до 1826 г. — губернатор Мадрасской провинции, инициатор земельно-налоговой системы райятвари, согласно которой все общинные угодья, кроме пахотных, были конфискованы в пользу колониального правительства, а пахотные земли закреплены за их наследственными владельцами на правах бессрочной аренды. Владелец был обязан платить земельный налог непосредственно правительству в размере $\frac{1}{2}$ урожая с неорошаемой и $\frac{3}{5}$ — с орошаемой земли. Этот налог взимался деньгами, и при ежегодном определении суммы платежа с обрабатываемого участка земли при множественности критериев оценки дохода крестьянина это давало возможность налоговым властям отнимать у него не только прибавочный, но и значительную часть необходимого продукта. К. Маркс характеризовал систему райятвари как карикатуру на французскую систему крестьянской собственности и писал: «В Мадрасе и Бомбее мы имеем французского крестьянина-собственника, который в то же время является крепостным и арендатором-издольщиком [métayer] государства... Подобно французскому крестьянину, райят является жертвой вымогательства частных ростовщиков, но у него нет никаких наследственных, никаких постоянных прав на землю, как у французского крестьянина. Подобно крепостному, он должен обрабатывать землю в принудительном порядке, но в отличие от крепостного он не обеспечен в случае крайней нужды. Подобно издольщику, он должен делить свой продукт с государством, но государство не обязано авансировать его средствами и инвентарем, как оно обязано это делать по отношению к издольщику» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2 изд., т. 9, стр. 222).—14.
- ⁴⁷ *Далгузи*, *лорд* (1812—1860) — генерал-губернатор Индии с 1847 до 1856 г. Жестоким налоговым грабежом трудящихся масс, агрессивной политикой в отношении

феодалного класса Далхузи ускорил взрыв народно-освободительного восстания 1857—1859 гг.—16.

48 *Элфинстон, Маунтстuart* (1779—1859)— крупный чиновник английской Ост-Индской компании. Начал службу в Индии в 1796 г., занимал пост помощника резидента в Пуно при дворе главы маратхского государства пешвы Баджи Рао II, затем резидента в княжестве Нагпур и снова пост резидента в Пуно. С 1819 по 1827 г. был губернатором Бомбейской провинции. В 1808 г. Элфинстон возглавлял английское посольство к афганскому эмиру в Кабул и затем написал работу об Афганистане под заглавием «Account of the Kingdom of Cabul and its dependencies in Persia and India». Им была написана также «История Индии» («The history of India»).—16.

49 *Мирасдар* — в средневековой Индии (в Декане) полноправный член землевладельческой общины, наследственно владевший своим участком земли и плативший за нее установленный земельный налог.—16.

50 *Ричард Уэлсли, лорд Морнингтон* (1760—1842) — генерал-губернатор Индии с 1797 до 1805 г. В результате захватнических войн, вдохновителем и организатором которых был он, английская Ост-Индская компания овладела всей прибрежной полосой Деканского полуострова и присоединила к своим владениям земли, расположенные в Джамна-Гангском двуречье, включая Дели.—17.

МАТЕРИАЛЫ ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

ЭНГЕЛЬС О ФРАНЦУЗСКОМ КОЛОНИАЛЬНОМ ГОСПОДСТВЕ В АЛЖИРЕ

Ниже публикуется впервые на русском языке часть статьи Ф. Энгельса «Алжир», написанной им в сентябре 1857 года. «Алжир» принадлежит к серии статей, опубликованных Марксом и Энгельсом в «New American Cyclopaedia» («Новой американской энциклопедии»), которая издавалась в Нью-Йорке редакторами прогрессивной в то время американской буржуазной газеты «New-York Daily Tribune» («Ежедневная нью-йоркская трибуна»). Один из редакторов «Tribune» и инициаторов выпуска энциклопедии Ч. Дана пригласил Маркса сотрудничать в ней. Дав свое согласие, Маркс привлек Энгельса к написанию ряда статей для энциклопедии. Всего в течение 1857—1860 гг. Марксом и Энгельсом было написано около 70 статей, преимущественно на военно-исторические темы. Некоторые статьи, например вошедшая в первое издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса статья «Афганистан», представляли собой краткий историко-географический очерк, посвященный отдельным странам. К их числу и относится статья «Алжир». Принадлежность этой статьи, помещенной в энциклопедии без подписи, перу Энгельса была установлена сотрудниками Института марксизма-ленинизма на основании переписки Маркса и Энгельса и пометки Маркса в его *записной книжке* за 1857 год. Опушенная в настоящей публикации часть статьи «Алжир» в основном содержит описание географии и этнографии страны и носит некоторые следы вмешательства редакции энциклопедии, от которых целиком не свободен и приведенный ниже отрывок. В полном виде русский перевод статьи «Алжир» будет опубликован в 14 томе второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

При написании статьи «Алжир», так же как и других статей для «New American Cyclopaedia», Энгельс был связан сухой и сжатой формой изложения, принятой в энциклопедии, а также рядом условий, поставленных сотрудникам ее буржуазными издателями, которые, в частности, настаивали на том, чтобы в статьях отсутствовала «всякая партийная тенденция». Тем не менее, несмотря на это требование, статьи Маркса и Энгельса для энциклопедии отражали их революционное мировоззрение и их партийную позицию в освещаемых вопросах. Вопреки давлению редакции, которая, как уже отмечалось, иногда допускала и произвольное вторжение в авторский текст, Маркс и Энгельс умели, нередко в иносказательной форме, проводить в своих статьях пролетарскую точку зрения. Примером этого служит публикуемый отрывок, который является одним из образцов выступления основоположников марксизма на страницах буржуазного издания с защитой пролетарской, интернационалистской позиции в колониальном вопросе. Энгельс здесь решительно выступает против колониального угнетения народов Северной Африки капиталистическими государствами, против системы колониализма в целом.

Содержание публикуемой части статьи составляет разоблачение действий в Алжире французских колонизаторов, приступивших в 1830 г. к завоеванию страны. Подобно тому как в статье «Афганистан» Энгельс разоблачил колониза-

торские попытки капиталистической Англии подчинить своему господству алжирский народ, в статье «Алжир» он заклеймил свирепые методы покорения Алжира, применявшиеся господствующими классами Франции. Энгельс дал уничтожающую характеристику варварским действиям французской армии в Алжире, произволу и вымогательствам, чинимым французскими колониальными властями. Обличая колониальную политику Франции в Алжире, Энгельс отмечает, что несмотря на все насилия и зверские расправы французам не удалось сломить сопротивление коренного населения страны и привести его к покорности. Статья Энгельса проникнута горячим сочувствием к населению Алжира, которое вело героическую борьбу против иноземных захватчиков. Подчеркивая свободолюбие алжирского народа, его традиции упорной борьбы против чужеземного господства, присущую ему ненависть к угнетателям, Энгельс подводит читателя к выводу о неизбежности краха французского колониального владычества над Алжиром и конечного освобождения народа этой страны от колониального рабства.

Настоящая публикация подготовлена к печати старшим научным сотрудником Е. И. Удальцовым и младшими научными сотрудниками К. И. Конновой и Ф. Г. Рябовым.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Из статьи Ф. Энгельса «Алжир»

Начиная с момента первой оккупации Алжира французами до настоящего времени несчастная страна является ареной непрерывных кровопролитий, грабежей и насилий. Каждый город, большой и малый, завоевывается пядь за пядью ценою огромных жертв. Арабские и кабилские племена, которые дорожат независимостью, как сокровищем, а ненависть к иноземному господству ставят выше самой жизни, подавляются и усмиряются посредством свирепых набегов, во время которых сжигаются и разрушаются их жилища и имущество, вытравывается их урожай, а целые несчастные существа подвергаются либо истреблению, либо всем ужасам разврата и жестокости. Французы упорно придерживаются этой варварской системы ведения войны, вопреки всем нормам гуманности, цивилизации и христианства. В оправдание прибегают к утверждениям, будто кабилы жестоки, будто им свойственна склонность к убийствам и они пытаются своих пленных, и было бы, дескать, ошибкой проявлять снисходительность к дикарям. Политика цивилизованного правительства, прибегающего к *lex talionis**, вряд ли может найти оправдание. А если судить о дереве по его плодам, то нужно признать, что после того как было израсходовано примерно 100 000 000 долларов и принесены в жертву сотни тысяч жизней, Алжир сделался всего-навсего лишь военной школой для французских генералов и солдат, в которой прошли воинскую подготовку и приобрели свой военный опыт все французские офицеры, стяжавшие лавры в Крымской войне. Что касается попытки колонизации, то сравнение числа европейцев с численностью местного населения свидетельствует о ее почти полном провале в настоящее время, и это в одной из самых плодородных стран мира, древней житнице Италии, расположенной в 20 часах езды от Франции, где недостает лишь одного: безопасности для жизни и имущества, которым угрожают как друзья-военные, так и враги-дикари! Не в нашей компетенции судить, можно ли приписать

* — праву тождественного возмездия. — *Ред.*

эту неудачу врожденному недостатку характера французов, делающему их непригодными для эмиграции, или же неблагоприятию местной администрации. Все значительные города — Константина, Бон, Бужи, Арзев, Мостагавем, Тлемсен — были взяты штурмом и подвергнуты всем сопутствующим ему ужасам. Местные жители с чувством глубокой неприязни подчинялись своим турецким правителям, которые, по крайней мере, имели то достоинство, что были их единоверцами; но они не обнаружили никакого преимущества в так называемой цивилизованности нового правления, к которому они к тому же в полной мере питали отвращение, порожденное религиозным фанатизмом. Каждый новый губернатор являлся лишь для того, чтобы повторить все жестокости своего предшественника; в прокламациях говорилось о самых благих намерениях, но оккупационная армия, передвижения войск, ужасные жестокости, совершавшиеся обеими сторонами, — все это опровергало заявления о мире и доброй воле. В 1831 г. барон Пишон был назначен гражданским интендантом; он пытался организовать систему гражданской администрации, которая должна была бы действовать наряду с военным управлением, но так как его мероприятия привели бы к установлению контроля над главнокомандующим, то это вызвало раздражение Савари, герцога де Ровиго, прежнего наполеоновского министра полиции, и по его предложению Пишона отозвали. При Савари Алжир был превращен в место ссылки для всех, кого подвела под бич закона неблагонадежность в политическом или социальном отношении; в Алжир был введен иностранный легион, солдатам которого было запрещено посещать города. В 1833 г. в палату депутатов была подана петиция, в которой говорилось:

«В продолжение 3 лет мы терпели всевозможные несправедливости. Стоит только подать жалобы властям, как на них отвечают новыми зверствами, направленными прежде всего против тех, кто их подавал. В результате никто не решается что-либо сделать; именно поэтому под этой петицией нет подписей. О, господа, умоляем вас во имя гуманности освободить нас от этой губительной тирании, снять с нас эти рабские цепи. Если страна будет оставаться на военном положении, если в ней не будет гражданской власти, то мы погибли; для нас никогда не настанет мира».

Эта петиция привела к созданию комиссии по расследованию, в результате чего была введена гражданская администрация. После смерти Савари, при *ad interim** управлении генерала Вуароля было положено начало некоторым мероприятиям, рассчитанным на то, чтобы успокоить возбужденные: была начата осушка болот, улучшение дорог, создание местной милиции. Однако все это было прекращено, когда вернулся маршал Клозель, под командованием которого была предпринята первая и весьма неудачная экспедиция против Константины¹. Его управление было столь неудовлетворительным, что в 1836 г. в Париж была направлена петиция, подписанная 54 видными лицами, имеющими отношение к административным вопросам, с просьбой расследовать его злоупотребления. Это привело в конечном счете к отставке Клозеля. В течение всего периода царствования Луи-Филиппа предпринимались попытки колонизации, единственным результатом которых являлась земельная спекуляция; бесполезными оказались попытки создания военных колоний, так как колонисты-земледельцы были в безопасности лишь поблизости от орудий своих блокгаузов; предпринимались также попытки заселения восточной части Алжира и изгнания Абд-эль-Кадира² из Орана и с запада. В результате поражения этого неутомимого и бесстрашного вождя страна была в такой мере усмирена, что большое племя гаманов-гарабов тотчас же изъявило

* — временно. — *Ред.*

покорность. Во время революции 1848 г. генерал-губернатором провинции вместо герцога Омальского был назначен генерал Кавеньяк. Позднее он и принц Жуанвилльский, также пребывавший в Алжире, ушли в отставку. Но республика оказалась не более удачливой в управлении этой провинцией, чем монархия. Несколько губернаторов сменили один другого в продолжение ее недолгого существования. В Алжир отправляли колонистов обрабатывать землю, но они либо умирали, либо бросали начатое дело, проникшись к нему отвращением. В 1849 г. генерал Пелисье выступил против нескольких племен и деревень Бени Силлема; их урожай и все имущество, которое удалось захватить, были по обыкновению сожжены и уничтожены, так как они отказались платить подать. В Забе — плодородной местности, расположенной на границе с пустыней, — вспыхнули крупные волнения, вызванные проповедью одного марабута²; туда была отправлена экспедиция, насчитывавшая 1200 человек, которую повстанцам удалось разбить. Оказалось, что восстание широко распространено и что его вдохновителями были тайные организации, называемые «Сиди Абдеррахман», главной целью которых являлось истребление французов. Восставших удалось сломить лишь после того, как против них была выслана экспедиция под командованием генералов Канробера и Эрбийона; осада же арабского города Зоадча показала, что коренные жители отнюдь не утратили храбрости и не прониклись любовью к своим завоевателям. Город отбивал атаки осаждающих в течение 51 дня и в конце концов был взят штурмом. Малая Кабилия не сдавалась вплоть до 1851 г., когда генерал Сент-Арно покорил ее и таким путем установил линию коммуникаций между Филиппвилем и Константиной. Французские сводки и французские газеты полны заявлений о мире в Алжире и о процветании этой страны. Но это является данью национальному тщеславию. Внутренние районы страны до сих пор не колонизованы как и прежде. Господство французов носит совершенно иллюзорный характер, если не считать побережья и окрестностей городов. Племена продолжают отстаивать свою независимость и ненавидеть французский режим, а зверская система набегов все еще продолжает практиковаться. Так, в 1857 г. маршалом Рандоном был предпринят увенчавшийся успехом набег на деревни и селения до сих пор не покоренных кабиллов с целью присоединения их территории к французским владениям. Местным населением до сих пор управляют железной рукой, а непрерывные восстания свидетельствуют о непрочности французской оккупации и призрачности мира, который поддерживается такими средствами. Так, в Орне в августе 1857 г. происходил процесс, на котором капитан Дуано, начальник Vigneau Agabe⁴, был признан виновным в убийстве видного и богатого местного жителя; этот процесс показал, с какой крайней жестокостью и деспотизмом обычно пользуются своей властью французские чиновники. Даже чиновники низших рангов, что не могло не привлечь внимания всего мира.

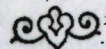
Написано Ф. Энгельсом около
17 сентября 1857 г.
Напечатано в «New American Cyclopaedia», т. I, 1858, стр. 348

Печатается по тексту энциклопедии
Перевод с английского
На русском языке публикуется
первое

⁴ Имеется в виду экспедиция в Константино Французских войск под командованием маршала Клозеля (занимал пост генерал-губернатора Алжира с сентября 1830 по февраль 1831 г. и с 1835 по февраль 1837 г.) осенью 1836 года. Попытки французских войск штурмом овладеть 2. Константиной были отбиты алжирскими отрядами. Осенью следующего года была предпринята вторая экспедиция под

командованием генерала Дамремона, сменившего Клозеля на посту генерал-губернатора Алжира. На этот раз французам удалось ценой больших потерь штурмом овладеть Константиной. Французские солдаты учинили в городе зверскую расправу над местным населением.

- ² Абд-эль-Кафир (1808—1883) — вождь национально-освободительной борьбы алжирского народа против французских завоевателей в 1832—1847 годах.
- ³ Марабуты — представители мусульманских религиозных орденов, отшельники, в прошлом принимали активное участие в освободительной борьбе народов Северной Африки против европейских завоевателей.
- ⁴ Арабские бюро — название органов при французской военной администрации в Алжире, которые ведали вопросами, непосредственно касающимися местного населения. Такие бюро учреждались в каждом из завоеванных в Алжире округов и облакались огромными полномочиями.

ВЕЛИКАЯ И НЕПОБЕДИМАЯ СИЛА

Октябрь 1917 года будет жить в веках как самая великая дата в исторических судьбах человечества. Разрушив старый мир эксплуатации и произвола, рабочие и крестьяне России под водительством коммунистической партии создали новое, социалистическое общество, не знающее ни угнетателей, ни угнетенных. Наступила новая эра мировой истории — эра социализма.

Став поворотным пунктом в развитии человечества, Великая Октябрьская социалистическая революция вызвала мощный подъем национально-освободительной борьбы в колониальных и зависимых странах. Народы Востока, обреченные империализмом и феодализмом на нищету и вымирание, пробудились к новой жизни. В Октябрьской революции они увидели вдохновляющий пример и наглядное подтверждение того, что угнетенные народы стран Азии и Африки могут сбросить с себя ненавистное ярмо империалистического и феодально-помещичьего господства и стать хозяевами собственной судьбы. В странах Востока развернулось массовое движение, направленное на завоевание национальной независимости. Как предвидел великий Ленин, борьба угнетенных народов колоний и зависимых стран стала неотъемлемой частью революционной борьбы против империализма во всем мире. С исключительной прозорливостью Ленин определил и ту всемирно-историческую роль, которую призваны сыграть народы Востока: «Народы Востока просыпаются к тому, чтобы практически действовать и чтобы каждый народ решал вопрос о судьбе всего человечества»¹. Величайшее значение для народов Востока имеет ленинское учение о том, что отсталые страны могут с помощью победившего пролетариата передовых стран перейти к социализму и коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития.

Уже в первые годы своего существования молодая Советская республика показала себя как верный и надежный друг восточных народов, ведущих борьбу против колониального рабства. Отмена неравноправных договоров, навязанных этим странам царской Россией, привела к установлению новых, основанных на подлинном равноправии, отношений. Братская помощь, оказанная Советской страной соседним народам Востока, помогла им изгнать империалистических интервентов и добиться независимости. Особенно большое революционизирующее влияние на развитие национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах оказало решение национального вопроса в СССР. В своем письме «Товарищам коммунистам Туркестана» В. И. Ленин указывал: «Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч миллионов людей будет

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 139.

иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, доныне угнетавшимся народам»².

Октябрьская революция разбила цепи национального угнетения, открыла необъятный простор для проявления творческих сил народов, утвердила подлинное равенство и братство всех наций Советской страны. Темпы развития промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры в республиках Советского Востока неопровержимо свидетельствуют о лживости распространяемых империалистами и их агентурой клеветнических расистских измышлений о якобы «неспособности» народов Востока к самостоятельной государственности, о их «неполноценности», о «благодетельной» роли иностранных «цивилизаторов» в странах Азии и Африки и т. п. Республики Советского Востока стали ныне подлинными маяками социализма. С любовью и восхищением к ним устремлены взоры сотен миллионов трудящихся стран Азии и Африки.

Октябрьская революция и национально-освободительное движение угнетенных народов потрясли до основания систему колониализма, положили начало ее глубокому кризису. Идеи Октября, идеи марксизма-ленинизма овладели широчайшими народными массами и превратились в могучую материальную силу.

«Идти по пути русских» — таков был вывод, который сделал для себя великий китайский народ. Победа народной революции в Китае нанесла новый, самый мощный после Октября, удар по мировому империализму. «Именно идя по пути Октябрьской социалистической революции, — указывал товарищ Мао Цзэ-дун, — наш китайский народ добился нынешних побед и успехов. Китайский народ всегда рассматривал китайскую революцию как продолжение Великой Октябрьской социалистической революции и считает это огромной честью»³. Возникли суверенные социалистические государства — Монгольская Народная Республика, Корейская Народно-Демократическая Республика и Демократическая Республика Вьетнам.

Самым ярким подтверждением величайшей жизнеспособности и неодолимости идей марксизма-ленинизма явились образование и укрепление мировой системы социализма, объединяющей ныне около миллиарда человек.

Пример Китая и других социалистических республик Востока содействует стремительному росту национально-освободительного движения во всех странах Азии и Африки; еще 700 миллионов человек освободились от колониального гнета и создали свои национальные государства. Народы этих стран ищут новых путей укрепления своей независимости, соответствующих их историческим и национальным особенностям.

Победа социализма и развитие национально-освободительного движения в странах Востока резко ускорили процесс распада колониальной системы империализма.

41-ю годовщину Октября страны социализма встречают в обстановке крупных достижений в экономическом и культурном строительстве. Успехи трудящихся СССР в развитии техники открыли новую эру в покорении природы человеком. Советские искусственные спутники Земли стали символом превосходства социалистической науки и техники. Претворяя в жизнь решения XX съезда КПСС, советские люди высокими темпами развивают промышленность, добиваются все новых успехов в сельском хозяйстве, двигают вперед науку и культуру. Волнующие перспективы

² В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 117.

³ Пресбывание К. Е. Ворошилова в Китае, Индонезии, Вьетнаме и Монголии. М., Госполитиздат, 1957, стр. 7.

стремительного роста откроются перед нашим народом в цифрах семилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1959—1965 гг.), которые будут обсуждаться на XXI внеочередном съезде КПСС в январе 1959 г. Осуществление семилетнего плана явится существенным этапом в решении советским народом основной экономической задачи.

Китайский народ под руководством Коммунистической партии Китая одержал решающую победу в социалистической революции. Социалистический сектор стал господствующим в экономике страны. Создана прочная экономическая база социализма. Вооруженная творческой теорией марксизма-ленинизма, опираясь на богатейший опыт социалистического строительства в СССР и учитывая конкретные условия Китая, коммунистическая партия наметила и осуществляет генеральную линию в строительстве социализма: «напрягая все силы, стремясь вперед, строить социализм по принципу: больше, быстрее, лучше, экономнее».

Одновременно с завершением социалистической революции на экономическом, политическом и идеологическом фронтах в Китае разворачиваются техническая и культурная революции. Исключительно большое значение приобретают в этих условиях вопросы ускорения темпов строительства. Ведь трудящиеся Китая предостоят в течение ближайших 10—20 лет достичь такого уровня производства, на достижение которого капиталистические страны затратили 100—200 лет, а затем оставить их далеко позади. Огромной популярностью пользуется в народе лозунг «За пятнадцать лет, а может быть и еще быстрее догнать и перегнать Англию по производству важнейших видов промышленной продукции».

Процессы огромной исторической значимости разворачиваются в сельском хозяйстве Китая. Пятиотмиллионное крестьянское население страны прочно связало свою судьбу с коллективным производством. Опираясь на помощь рабочего класса, труженики сельского хозяйства повышают производительность своего труда. Уже сейчас крестьяне собирают на своих полях невиданные урожаи. Нужды социалистического строительства требуют осуществления нового крупного «скачка» в развитии сельского хозяйства, что, в свою очередь, требует всемерного развития промышленности Китая.

Движение за упорядочение стиля работы и разгром правых антисоциалистических элементов способствовали воспитанию широчайших народных масс Китая в духе коммунизма. Оно привело к укреплению связей коммунистической партии с народными массами, усилило сплоченность партии и повысило ее боеспособность.

Успехи, достигнутые китайским народом в социалистическом строительстве, имеют огромное международное значение, ибо они усиливают могущество всего социалистического лагеря, благоприятствуют взаимной помощи и сотрудничеству между социалистическими странами, между всеми странами, входящими в зону мира.

В юбилейный, десятый год своего существования Китайская Народная Республика вступила как мощная социалистическая держава, обладающая огромным международным авторитетом. Неуклонно крепнет дружба между народами Советского Союза и Китая. Новым ярким свидетельством силы и крепости этой великой дружбы братских народов явилась встреча Н. С. Хрущева с Мао Цзэ-дуном в июле 1958 г.

В коммюнике об этой встрече выражена твердая решимость обоих народов обеспечить дело мира во всем мире, укрепить взаимную дружбу и сотрудничество.

Выдающиеся победы в развитии экономики и культуры одержали и другие социалистические страны Азии. Эти успехи вновь подтверждают правоту марксизма-ленинизма, научно доказавшего, что только социа-

лизм может обеспечить народам подлинную свободу, мир и процветание.

Идущие по пути мира и прогресса суверенные государства Азии и Африки укрепляют свою политическую независимость и отстаивают ее от посягательств империалистов, стремящихся восстановить колониальные порядки. Эти государства также решают не менее сложные задачи достижения экономической независимости и преодоления экономической отсталости, являющейся наследием длительного хозяйничанья колонизаторов. Эти государства глубоко заинтересованы в укреплении мира во всем мире, они успешно противостоят натиску империалистических сил: Как указывал Н. С. Хрущев, «В этой совместной борьбе против прощесков империализма еще больше окреп боевой союз двух величайших сил современности: социалистических стран и стран, недавно завоевавших национальную независимость»⁴.

Новых успехов добилось национально-освободительное движение арабских народов. Серьезным ударом по планам колонизаторов на Ближнем и Среднем Востоке явилась победа национальной революции в Ираке (июль 1958 г.). Эта революция покончила с существованием одной из наиболее реакционных монархий в странах Востока, являвшейся членом Багдадского пакта.

Неудержимо ширится национально-освободительное движение в тех странах Азии и Африки, которые продолжают еще изнывать под игом колонизаторов. С глубоким сочувствием относятся прогрессивные силы всего мира к героической борьбе свободолюбивого народа Алжира против французских угнетателей. Новым важным этапом в этой борьбе является создание Временного правительства Алжирской Республики. Африканский континент, который империалисты до недавнего времени считали последним оплотом своих колониальных империй, ныне охвачен пламенем национально-освободительной борьбы.

Могучий союз социалистических стран и освободившихся от колониального гнета народов Востока повергает в смятение империалистов-колонизаторов. Они не щадят усилий для того, чтобы любой ценой изолировать молодые государства Востока от стран социалистического лагеря. США, выступающие ныне как злейший враг народов Востока, всячески стремятся к тому, чтобы завладеть колониальным наследием старых империалистических держав и покончить с освободительным движением в странах Азии и Африки. Осуществление захватнических планов американских империалистов натолкнулось на решительное сопротивление народов Азии и Африки. Они не дали обмануть себя лживыми посулами и не испугались угроз применения силы. С позором провалилась предпринятая империалистами США попытка навязать народам стран Ближнего и Среднего Востока пресловутую «доктрину Эйзенхауэра — Даллеса». Американские пропагандисты затратили много сил и энергии, чтобы представить США противником колониализма и защитником интересов народов Востока. Оккупация вооруженными силами США Ливана, помощь, которую США оказывают мятежникам, выступающим против законного правительства Индонезийской республики, лихорадочные военные приготовления, осуществляемые агрессивными блоками, подобными СЕАТО или Багдадскому пакту, — все эти и многие другие факты разоблачают американских колонизаторов как злейших врагов национально-освободительного движения народов Востока. Союз, заключенный правящими кругами США с самыми прогнившими и продажными кликами в Азии, кликами Чан Кай-ши, Ли Сян Мана, Нго Динь Дьема и других, показывает, на кого опираются американские империалисты в Азии.

⁴ «Правда», 5 апреля 1958 г.

Потерпев морально-политическое поражение при организации вооруженной интервенции на Ближнем Востоке, американские империалисты решили предпринять военную авантюру против великого народного Китая. Безрассудные провокации агрессивных сил США против Китайской Народной Республики представляют собой серьезную угрозу делу мира во всем мире и вызывают гнев и осуждение всех миролюбивых народов. Великий друг и союзник Китая — СССР твердо и решительно предупредил агрессоров, что нападение США на Китай будет означать нападение на Советский Союз со всеми вытекающими отсюда последствиями. Ныне уже нельзя третировать народы Востока как «низшие», «неполноценные» подобно тому, как это делали колонизаторы в прошлые годы. Суверенные миролюбивые государства Востока представляют собой могучую силу, способную обуздать любых колонизаторов. О твердой решимости этих государств защищать свою свободу и независимость убедительно свидетельствуют идеи и решения Бандингской и Каирской конференций и совещания государственных деятелей стран Африки в Аккре. Век колониализма ушел в прошлое, дни колониального господства империалистов сочтены.

По крылатому выражению Мао Цзэ-дуна, «Направление мирового ветра изменилось. В борьбе между лагерем социализма и лагерем империализма ветер с Запада одолевает ветер с Востока, а ветер с Востока одолевает ветер с Запада»⁶. В тесном содружестве с социалистическими странами идут неисчислимые силы национально-освободительного движения стран Востока. Своей антинародной политикой агрессивные реакционные силы сами готовят себе могилу. Именно в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, благодаря великой и непобедимой силе ее воздействия вторая половина XX в. будет эрой полного распада колониализма, ликвидации его наследия, торжества великого и правого дела освобождения народов Востока и всестороннего развития их творческих сил.

СТАТЬИ, ПУБЛИКАЦИИ, СООБЩЕНИЯ

УСПЕХИ ТРУДЯЩИХСЯ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И ЗАДАЧИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА*

СЮЭ МУ-ЦЯО

Китайская Народная Республика со дня ее образования осуществляет социалистическое строительство с помощью Советского Союза и других братских социалистических стран. С 1949 по 1954 г. было успешно закончено восстановление народного хозяйства. Растущий с каждым днем социалистический сектор твердо занимал ведущие позиции в народном хозяйстве. С 1953 г. мы начали осуществление первого пятилетнего плана развития народного хозяйства. Основная задача 1-й пятилетки заключалась в том, чтобы заложить первичную основу социалистической индустриализации страны и осуществить социалистические преобразования в сельском хозяйстве, кустарной промышленности, капиталистической промышленности и торговле.

1. Достижения за период 1-й пятилетки

Первый пятилетний план развития народного хозяйства страны был в 1957 г. перевыполнен. За период 1-й пятилетки были в основном завершены социалистические преобразования в народном хозяйстве. К 1957 г. число крестьянских дворов, вступивших в сельскохозяйственные кооперативы, составило 98% общего количества крестьянских дворов страны. Кооперированные кустари составили 90% от общего числа кустарей страны. Почти все капиталистические промышленные и торговые предприятия были преобразованы в смешанные предприятия, которые полностью находятся в ведении государства (бывшие капиталисты пользуются лишь правом на получение твердо установленных процентов на их капитал). Во всем национальном доходе за 1957 г. доля государственного сектора и смешанных предприятий, находящихся под управлением государства, составила 41%, доля кооперативного сектора — 56%, доля индивидуального сектора — 3%.

Задание по капитальному строительству, предусмотренное 1-м пятилетним планом, было перевыполнено. Задание пятилетнего плана по общему объему капиталовложений составляло 42 млрд. 700 млн. юаней, а фактическое выполнение выразилось в сумме 49 млрд. 300 млн. юаней, причем по капиталовложениям в промышленность пятилетнее задание было

* Настоящая статья, освещающая грандиозные успехи великого китайского народа в построении социалистического общества, написана по просьбе редакции журнала начальником Государственного статистического управления КНР Сюэ Му-цяо.

выполнено в сумме 27 млрд. 600 млн. юаней, что почти в два раза превышает общую стоимость основных фондов в промышленности страны в 1952 г. За 5 лет количество сверхлимитных промышленных предприятий, которые были построены и полностью или частично введены в действие, составило 537 (при плане 455). В среднем за год вводилось 100 с лишним предприятий. Из 156 важнейших объектов, спроектированных при помощи Советского Союза, 127 объектов уже находились в процессе строительства, 52 объекта полностью, а 12 объектов частично введены в эксплуатацию. Успешное сооружение объектов заложило первичную основу социалистической индустриализации страны. В первые годы существования Китайской Народной Республики подавляющая часть всего оборудования, необходимого для нашего экономического строительства, получалась из Советского Союза и других братских стран. Теперь дело обстоит иначе. Мы уже в состоянии сами производить нужное нам оборудование (кроме некоторых видов крупного и точного).

Благодаря вводу в действие вновь построенных и расширению имеющихся предприятий промышленное производство стало развиваться быстрыми темпами. Валовая продукция промышленности за 1957 г. составила 240% к уровню 1952 г. и примерно в 7 раз превысила уровень 1949 г. Развитие тяжелой промышленности шло еще быстрее. Валовая продукция тяжелой промышленности в 1957 г. составила 320% к 1952 г.; валовая продукция легкой промышленности — 190% к 1952 г. Темп роста валовой продукции промышленности в среднем за год по пятилетнему плану предусматривается в размере 14,7%, а фактически составил 19,2%.

Приводим данные о росте производства некоторых основных видов промышленной продукции:

	1949 г.	1952 г.	1957 г.	По пятилетнему плану намечалось на 1957 г.
Сталь (тыс. тонн)	160	1 350	5 350	4 220
Электроэнергия (млн. квтч)	4 300	7 300	19 300	15 900
Уголь (млн. тонн)	32	66	131	113
Пряжа хлопчатобумажная (тыс. кип)	1 800	3 620	4 650	5 000

За прошедшие 5 лет сельскохозяйственное производство дважды пострадало от серьезных стихийных бедствий, тем не менее валовая продукция сельского хозяйства за это время все же выросла на 25%. С 1952 г. по 1957 г. производство зерна увеличилось с 154 млн. тонн до 185 млн. тонн; производство хлопка — с 1 млн. 170 тыс. тонн до 1 млн. 640 тыс. тонн. Общее сельскохозяйственное производство за 5 лет по сравнению с периодом до освобождения (1932—1936 гг.) выросло: по зерну — на 32%, по хлопку — на 120%.

Развитие промышленного и сельскохозяйственного производства повлекло за собой соответствующее развитие транспорта, торговли, рост культуры и просвещения. В 1957 г. по сравнению с 1952 г. грузооборот на современных средствах сообщения вырос на 140%, розничный товарооборот — более чем на 70%. Число учащихся в вузах и средних учебных заведениях увеличилось в два раза, а число учащихся в начальных школах — на 26%.

За пять лет материальные условия жизни народа заметно улучшились. В 1957 г. по сравнению с 1952 г. национальный доход вырос на 52%,

средняя реальная зарплата рабочих — примерно на 30%, общие доходы крестьян выросли также примерно на 30%.

В течение пяти лет промышленное производство КНР добилось очень больших успехов. Однако в настоящее время уровень производства тяжелой промышленности в нашей стране еще значительно ниже, чем в США и Англии. В 1957 г. КНР могла производить только 5 с лишним млн. тонн стали, что резко не соответствует потребностям великой страны с 600-миллионным населением. Хотя сельскохозяйственное производство получило заметное развитие за годы первой пятилетки, однако оно в 1957 г. еще не могло полностью удовлетворять жизненные нужды населения страны. Поэтому стало необходимым, чтобы промышленное и сельскохозяйственное производство в будущем развивалось более быстрыми темпами. Центральный Комитет Коммунистической партии Китая призвал народные массы к тому, чтобы догнать и перегнать Англию в отношении производства основных видов промышленной продукции за 15 лет или за более короткий срок и разработал «Основные положения развития сельского хозяйства», в соответствии с которыми намечено увеличить производство зерна и хлопка до 1967 г. еще примерно в два раза по сравнению с богатым урожаем 1955 г. Такова наша ближайшая цель в экономическом строительстве, за достижение которой мы должны бороться.

II. Социалистическое экономическое строительство в будущем

Основная задача 2-го пятилетнего плана развития народного хозяйства состоит в том, чтобы превратить нашу страну в независимую социалистическую державу с современной промышленностью, современным сельским хозяйством, современной наукой и культурой. В первом году 2-го пятилетнего плана в промышленном и сельскохозяйственном производстве произошли большие изменения. Уже зимой 1957 г. пятисотмиллионное крестьянство нашей страны под мудрым руководством ЦК КПК во главе с товарищем Мао Цзэ-дунем поднялось на борьбу за подъем сельскохозяйственного производства. Вслед за крестьянством рабочие также развернули движение за подъем промышленного производства.

В соответствии с этими новыми обстоятельствами Вторая сессия VIII Всекитайского Съезда Коммунистической партии Китая, состоявшаяся в 1958 г., своевременно выдвинула генеральную линию: напрягая все силы, стремясь вперед, больше, быстрее, лучше и экономнее строить социализм. На основе генеральной линии партии, промышленное и сельскохозяйственное производство нашей страны в небывало короткие сроки совершает гигантский скачок вперед.

Ирригационное строительство и другие работы, осуществленные крестьянами КНР с зимы 1957 г. до конца 1-го полугодия 1958 г., превысили объем работ, произведенных за прошлые пять лет. Крестьяне успешно применяют методы глубокой вспашки, загущенного посева, увеличивают количество вносимых в почву удобрений. Это позволит получить в 1958 г. урожай зерна до 350 млн. тонн, т. е. — на 90% больше, чем было собрано в 1957 г.; хлопок будет собрано до 3500 тыс. тонн, в два раза больше, чем в 1957 г. Такие темпы роста являются поистине небывалыми как в прошлом, так и теперь, как для Китая, так и для других стран.

В области промышленности, благодаря осуществлению выдвинутого товарищем Мао Цзэ-дунем курса на развитие промышленности как силами государства, так и на местах, при участии всего народа за 1-е полугодие 1958 г. во всех районах страны было построено 300 тыс. средних и мелких промышленных предприятий. Темпы роста промышленного производства возрастают из месяца в месяц: промышленное производство

с января по август 1958 г. возросло на 47% по сравнению с тем же периодом прошлого года, а в августе вдвое, по сравнению с соответствующим месяцем 1957 г. Ожидается, что темп роста промышленного производства за 1958 г. может достигнуть 50—60%. Производство стали в 1958 г. увеличится вдвое по сравнению с уровнем 1957 г., т. е. составит более 10 млн. тонн. Подобный темп роста также является редким в истории промышленности других стран.

В связи с этими новыми чертами в развитии промышленного и сельскохозяйственного производства, в настоящее время еще трудно предсказать, насколько высоким будет уровень промышленного и сельскохозяйственного производства в нашей стране в период 2-ой пятилетки. Но одно можно сказать наверняка: задача «догнать Англию за 15 лет» и задача, поставленная в «Основных положениях развития сельского хозяйства», будут не только выполнены до срока, но и перевыполнены.

Крутой подъем промышленного и сельскохозяйственного производства осуществлен на основе достижений первой пятилетки. Если бы нам не удалось завершить социалистические преобразования в народном хозяйстве и заложить первичную основу индустриализации, т. е. если бы у нас не было своей тяжелой промышленности и технических кадров, такой крутой подъем производства был бы невозможен. Другое условие крутого подъема состоит в том, что ЦК КПК выдвинул правильную генеральную линию строительства социализма. Эта генеральная линия воодушевляет всех трудящихся больше, быстрее, лучше и экономнее строить социализм. Наша страна имеет наибольшее население в мире. Решительно проводить в жизнь линию масс, правильно разрешать противоречия внутри народа и в полной мере выявлять творческие силы и ум 600-миллионного народа — это важнейший залог успешного строительства социализма.

На основе генеральной линии партии был выдвинут курс: при условии преимущественного развития тяжелой промышленности одновременно развивать и промышленность и сельское хозяйство. Раньше при составлении плана строительства мы исходили главным образом из возможности выделения средств, машин и оборудования государством, ошибочно считая, что для всемерного развития сельского хозяйства необходимо ограничивать развитие тяжелой промышленности. Но действительность свидетельствует о том, что строительство в таких крупных масштабах в области нашего сельского хозяйства осуществляется не за счет капиталовложений государства и выделяемых им машин и оборудования, а благодаря самоотверженному труду 500-миллионного крестьянства. Если полностью выявить активность и инициативу крестьянства, можно совершить такие чудеса, о которых раньше нельзя было и мечтать. Развитие сельскохозяйственного производства требует быстрого внедрения технических усовершенствований. Тяжелая промышленность должна обеспечить потребности сельского хозяйства в совершенных с.-х. орудиях — тракторах, машинах для орошения и осушения, транспортных средствах, различных машинах для переработки сельскохозяйственных продуктов, химических удобрениях, а также нужды электрификации сельского хозяйства. Поэтому скачок в сельскохозяйственном производстве не только не может замедлить скачок в промышленном производстве, но и неизбежно ускоряет этот скачок.

Генеральная линия выдвинула курс: при условии единого руководства, всестороннего планирования, разделения труда и кооперирования одновременно развивать и промышленность центрального подчинения и местную промышленность, одновременно развивать как крупные, так и средние предприятия. Раньше мы считали, что только центр в состоянии

развивать промышленность в больших масштабах, мы недостаточно смело опирались на места, непосредственно на народные массы в деле большего развития промышленности. Теперь практика доказала, что при отказе от этих недостатков в строительстве крупной промышленности и решительном проведении в жизнь курса на одновременное развитие крупной, средней и мелкой промышленности, провинции, уезды, даже волости и кооперативы в состоянии успешно развивать промышленность. Они могут развивать не только различные отрасли промышленности для удовлетворения нужд крестьян, но и тяжелую промышленность для удовлетворения нужд сельскохозяйственного производства. В течение первого полугодия 1958 г. уже построены десятки тысяч мелких доменных печей, мелких конвертеров, мелких шахт, мелких железных рудников, мелких машиностроительных заводов, мелких цементных заводов, мелких фабрик по производству химических удобрений, мелких электростанций и др. Провинции, уезды, волости и кооперативы обеспечивали себя сырьем, материалами, а также некоторыми типами машин, необходимых для развития сельского хозяйства. Такой повсеместный расцвет промышленного производства не только позволит значительно ускорить темпы развития промышленного производства, но и окажет благотворное влияние на сбалансирование производства различных средств производства и предметов потребления, а также спроса на них.

Генеральная линия потребовала также осуществить в стране техническую и культурную революцию. Совершив идеологическое освобождение и покончив со слепой верой в различные предрассудки, рабочие и крестьяне нашей страны усвоили коммунистический стиль «смело мечтать, смело говорить и смело действовать». Везде и всюду наблюдается небывалый рост изобретательства и творчества в области промышленного и сельскохозяйственного производства и научных исследований. Рабочие и инженерно-технические работники на заводах и фабриках ежемесячно осваивают тысячи новых видов продукции. Они с большой решимостью догоняют Англию и США в развитии техники, а по отдельным видам продукции уже не только догнали, но даже перегнали их. Крестьяне различными способами добиваются мировых рекордов сбора богатого урожая различных культур. Лозунг: соревноваться с передовыми, учиться у передовых и перегнать передовых уже стал общим лозунгом трудящихся КНР. По всей стране расцвели цветы научных исследований, культуры и просвещения. Во многих районах широко распространено начальное образование; в настоящее время создается много средних и высших учебных заведений. Можно предполагать, что подъем промышленного и сельскохозяйственного производства повлечет за собой большой подъем культуры.

Крутой подъем экономики и культуры КНР не только значительно ускорит строительство социализма в нашей стране, но и значительно укрепит мощь социалистического лагеря и дела мира во всем мире. Такой крутой подъем будет воодушевлять трудящихся всего мира, трудящихся братских социалистических стран в особенности.

SUMMARY

The article is dedicated to the great achievements of the working people of the Chinese People's Republic in all spheres of economy and culture, and to the grand prospects of the new stage in Socialist construction which is being introduced now.

РАБОЧИЙ КЛАСС В НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВЕ ВЬЕТНАМ

С. А. МХИТАРЯН

Начало развития капитализма во Вьетнаме в основном совпало с периодом захвата страны французскими империалистами, хотя отдельные элементы капитализма начали зарождаться еще задолго до французского завоевания.

На промышленных предприятиях, принадлежавших колонизаторам и местной вьетнамской буржуазии, складывался рабочий класс Вьетнама. К концу первой мировой войны численность промышленных рабочих достигла 100 тыс. человек¹. Как класс вьетнамский пролетариат сформировался в первой четверти XX в. Промышленный пролетариат вырос и окреп на таких предприятиях, как текстильные фабрики Намдиня, цементный завод Хайфона, угольные шахты Хонгая, оловянные рудники Тинтука, Тхай Нгуена, Баккана; многочисленные рисоочистительные заводы Сайгона—Телона, железные дороги, порты Сайгона и Хайфона, многочисленные кофейные, чайные и, особенно, каучуковые плантации Центрального и Южного Вьетнама; ремонтные мастерские и военный арсенал Сайгона и др.

В период 1918—1929 гг. происходила дальнейшая консолидация и концентрация вьетнамского пролетариата, он рос количественно и изменялся качественно. По официальным данным, на французских промышленных предприятиях в Индокитае в 1929 г. насчитывалось 221 052 рабочих².

Одновременно с формированием пролетариата развивалось и закалялось рабочее движение. До 1925 г. оно носило стихийный, неорганизованный характер. После создания марксистской организации «Товарищество вьетнамской революционной молодежи» («Тхань нием кать манг донг тхой») рабочее движение усилилось и стало более организованным. Оно стало особенно активным в 1929—1930 гг., когда были проведены 43 забастовки, участники которых выдвигали собственные экономические и политические требования. Пролетариат, таким образом, превратился в самостоятельную политическую силу.

С созданием в январе 1930 г. коммунистической партии Вьетнама, в октябре 1930 г. переименованной в компартию Индокитая, рабочий класс выступил как руководящая и направляющая сила национально-освободительного движения.

Народно-демократическое государство Вьетнам возникло в результате победы всеобщего вооруженного восстания в августе 1945 г. Эта победа явилась завершением более чем 80-летней борьбы вьетнамского народа за независимость.

В Августовской революции была практически осуществлена генеральная линия Коммунистической партии Индокитая на создание союза рабочего класса с крестьянством при руководящей роли рабочего класса. Политическая власть во всех городах и районах страны была захвачена при непосредственном участии рабочего класса. 19 августа 1945 г. несколько десятков тысяч рабочих овладели крепостью и государственными учреждениями в Ханое и установили народную власть. 25 августа отряды «Фаунг конг доан», насчитывавшие 100—120 тыс. вооруженных рабочих, совместно с молодежными организациями поднялись на борьбу против японских оккупантов в Сайгоне—Телоне и провозгласили в городе власть народа.

После победы Августовской революции в стране начали осуществляться социально-экономические преобразования. Впервые в истории Вьетнама широкие народные массы добились подлинно демократических прав: трудящиеся стали принимать непосредственное участие в государственном управлении. В результате всеобщих выборов в 1946 г. представители рабочего класса получили в Национальном собрании 30 мест из 300³.

Основой нового государственного строя явился союз рабочего класса с крестьянством в форме народных советов в провинциях, городах, районах. Установление народной власти способствовало созданию массовых организаций (Единого национального фронта, профессиональных и крестьянских союзов, добровольных обществ и т. п.). Бесправная в прошлом вьетнамская женщина получила равные права с мужчиной во всех областях государственной и общественной деятельности.

Еще накануне Августовского вооруженного восстания профсоюзная организация «Рабочая ассоциация национального спасения» имела свои революционные рабочие комитеты (Уи бан конг нян кать манг) на всех предприятиях, шахтах и плантациях. Эти комитеты развернули большую организаторскую работу. В дни восстания они руководили народным движением по захвату власти, впоследствии они возглавили борьбу рабочих за сохранение фабрик и заводов. Через эти комитеты рабочий класс осуществлял свою руководящую роль в государственном управлении сохранными предприятиями. Затем эти революционные рабочие комитеты были преобразованы в производственные комитеты, в состав которых вошли представители профсоюзных организаций, специалистов, рабочих. Главной задачей этих комитетов являлась борьба за увеличение выпуска продукции, улучшение жизни рабочих, повышение их квалификации.

Сразу же после победы Августовской революции и образования Демократической Республики Вьетнам французские империалисты в союзе с английскими послали во Вьетнам свои войска и предприняли ряд военно-политических акций с целью уничтожить завоевания вьетнамского народа и подорвать его единство. 23 сентября 1945 г. колонизаторы захватили Сайгон и создали марионеточное правительство в Кохинхине. По всей стране состоялись массовые митинги протеста трудящихся против интервенции англо-французских войск на юге Вьетнама. Более 100 тыс. рабочих Сайгона по призыву профсоюзных организаций приступили к со-

¹ Trần-văn-Giàu. Giai cấp công nhân Việt-nam (Чан Ван Зау. Рабочий класс Вьетнама). Ханой, 1957, стр. 58.

² Problèmes de travail en Indochine. Genève, 1937, p. 301.

³ «Việt-Nam news service». Rangoon, 1948, September 2, № 33, p. 15.

оружению баррикад, чтобы дать отпор натиску империалистов. Нанеся серьезные удары по врагу (были выведены из строя заводы, коммуникации, мосты), вооруженные отряды рабочих покинули Сайгон. Большое количество рабочих, членов профсоюзных и молодежных организаций вступило в отряды самообороны. Впоследствии эти отряды составили костяк трех боевых полков Народно-освободительной армии, действовавших в Южном Вьетнаме⁴. В огне боев в Южном Вьетнаме Всеобщая Федерация Труда Кохинхины создавала рабочие отряды, вооружала их и непосредственно руководила боевыми операциями.

Французские колонизаторы стремились осуществить окружение и блокаду республики, удушить ее голодом, а затем оккупировать всю ее территорию. Перед Коммунистической партией Индокитая и Лигой Вьетминь встала задача сплочения народных масс на борьбу против интервентов. В мае 1946 г. был создан Национальный союз — Льенвьет, в который вошли социалистическая партия, ряд массовых организаций и отдельные представители национальной буржуазии и патриотически настроенных помещиков. Вьетминь и Льенвьет под руководством коммунистов, за короткий срок сумели сплотить народные массы, что явилось залогом успешной национально-освободительной борьбы вьетнамского народа.

Могучий размах всенародного сопротивления вынудил французское правительство 6 марта 1946 г. подписать с правительством республики соглашение, по которому оно официально признало Демократическую Республику Вьетнам независимым государством.

Несмотря на то, что французская сторона систематически нарушала принятые ею обязательства и провоцировала военные конфликты в различных частях страны, рабочий класс через профсоюзные организации в период мирной передышки провел большую работу по восстановлению и развитию народного хозяйства.

Осенью 1946 г. началась всеобщая забастовка трудящихся против нарушений французскими властями условий соглашения от 6 марта и в знак протеста против террора империалистов на юге страны. Инициаторами забастовки выступили рабочие Ханоя. Их поддержали все прогрессивные организации Вьетнама. Наряду с промышленными рабочими в забастовке активно участвовали рикши, кули, рыночные торговцы и др. Французские трудящиеся из солидарности поддержали рабочих Вьетнама, развернув широкое забастовочное движение во Франции. Империалистам не удалось в этот период развязать захватническую войну против ДРВ.

После Августовской революции и создания Демократической Республики обстановка в стране изменилась. Все усилия рабочего класса, ставшего руководящей и направляющей силой нового общества, были теперь направлены на построение независимого народно-демократического государства. Выполнение этой задачи, преодоление огромной экономической отсталости Вьетнама требовали от трудящихся мобилизации всех сил и возможностей. Настоятельной необходимостью стало создание единого профсоюзного центра страны.

2 марта 1946 г. в Ханое состоялась первая конференция представителей профсоюзных организаций трех частей страны — севера, центра и юга (Бак-бо, Чунг-бо, Нам-бо), на которой был образован Временный Вьетнамский исполнительный комитет профсоюзов. Впервые в истории профсоюзного движения рабочий класс Вьетнама добился единства своих организаций. По инициативе Исполнительного комитета профсоюзов было проведено празднование 1 мая 1946 г.⁵ 27 мая того же года в Ханое собра-

⁴ «Công nhân Việt-nam tru'ong thành trong chiến đấu». («Рабочий класс Вьетнама закалился в годы войны сопротивления», стр. 21).

⁵ Там же, стр. 12.

лась вторая Всевьетнамская конференция представителей «Рабочих ассоциаций национального спасения», на которой было решено создать Всевьетнамскую конфедерацию труда (Тонг Льен доан Лаодонг Вьетнам). Главной задачей ВКТ являлась защита интересов трудящихся и борьба за национальную независимость, демократию и мир. В состав исполнительного комитета конфедерации вошли Хоанг Куок Вьет (председатель), Чан Зань Туюн — генеральный секретарь и старейшие участники рабочего движения Вьетнама: Тонг Дык Тханг, Чан Бао, Нгуен Хыу Май, Ли Конг Тханг.

По всей стране развернулось широкое движение за создание городских, провинциальных, зональных профсоюзных организаций. Число членов профсоюзов с 200 тыс. увеличилось до 250 тыс.

Создали свои профсоюзы по производственному принципу рабочие угольной и текстильной промышленности, служащие почты и телеграфа и работники транспорта. Все эти профсоюзы вступили в ВКТ.

ВКТ мобилизовывала рабочий класс на восстановление народного хозяйства и повышение производительности труда. По примеру коммунистических субботников в Советской России рабочие Ханоя в сентябре 1946 г. организовали субботник по ликвидации последствий войны и причиненных ею разрушений. В годовщину провозглашения ДРВ по всей стране также были проведены патриотические субботники.

Железнодорожники обеспечили восстановление связи с центральным Вьетнамом, что позволило предотвратить голод в провинциях Тханьхоа, Нге-ан и Ха-тинь.

Одной из главных задач народного правительства после провозглашения ДРВ явилось создание трудового законодательства. Декрет № 29, принятый Национальным собранием в 1946 г., определял порядок профессионального обучения рабочих, гарантировал заключение коллективных договоров, устанавливал ставки заработной платы, вводил различные пособия, определял способы найма рабочей силы и условия труда. За рабочими было признано право на создание профессиональных организаций, участие в управлении производством, объявление забастовок. Однако этот декрет еще не распространялся на всех рабочих. Только 12 марта 1947 г. президентом был подписан общий закон о труде⁶.

Были созданы общеобразовательные и профсоюзные школы, в которых рабочие ликвидировали свою неграмотность. Профсоюзные организации издавали центральную газету «Лаодонг» («Труд»). В сплочении рабочего класса значительную роль сыграли также профсоюзные газеты, выходившие на местах: «Хоа са» в Бак-бо, «Конг няп», «Лой тхо» в Чунг-бо, «Кам ты» в Нам-бо и другие.

Строительство нового народно-демократического государства, восстановление и развитие народного хозяйства вскоре были прерваны захватнической войной против вьетнамского народа, развязанной французскими империалистами.

* * *

С началом военных действий ВКТ обратилась с воззванием к рабочему классу, призывая его к защите родины и завоеваний Августовской революции. Рабочий класс организовывал всенародное сопротивление для спасения родины от захватчиков. Профсоюзы приступили к повсеместному созданию рабочих отрядов самообороны. Рабочие шли на фронт защищать

⁶ Демократическая Республика Вьетнам. Конституция, законодательные акты, документы. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1955, стр. 248.

родину, создавали оборонную промышленность, принимали самое активное участие в работе органов государственного управления, уходили в деревню для оказания помощи крестьянам в увеличении продукции сельского хозяйства. Немало рабочих осталось в тылу в оккупированных врагом районах для борьбы с захватчиками. Рабочий класс проявлял безграничное самопожертвование во имя защиты родины.

В период всенародной войны основные усилия рабочего класса и трудового крестьянства были направлены на увеличение выпуска продукции для обеспечения победы над колонизаторами. Рабочие ремонтировали старые машины, захваченные у врага, из найденных деталей собирали новые машины, изыскивали заменители сырья, в котором ощущался острый недостаток. Патриоты-рабочие и инженеры проделали поистине титаническую работу по созданию промышленности в джунглях и горных районах страны. В этот период был выдвинут лозунг: «Жить и умереть вместе с машинами»⁷. Производя оружие, рабочие в то же время нередко защищали свое предприятие от нападения французских империалистов. В самый трудный период сопротивления 1947—1949 гг. вьетнамские рабочие обеспечивали потребности фронта в вооружении и боеприпасах.

Трудящиеся сумели за короткий промежуток времени построить новые жилые поселки с промышленными мастерскими. В 1949 г. большое внимание стало обращать на совершенствование производства. Был выдвинут лозунг: «Проявлять инициативу, совершенствовать технику». Вместе с инженерами рабочие добились в этом отношении больших успехов. Оружейные мастерские приступили к производству пушек калибром 187—190 мм, а также бомб и мин автоматического действия. Эти новые виды оружия производили на фронте большой эффект, способствовали укреплению боевых качеств народной армии.

Создание оборонной промышленности в условиях народно-освободительной войны привело к концентрации рабочего класса, укреплению и росту рядов его организаций.

В республике были созданы новые принадлежащие государству отрасли производства: химическая; горнодобывающая, текстильная, мыловаренная, бумажная, табачная, спичечная и другие. Наряду с государственными предприятиями работали частные кустарные мастерские. Были пущены в ход фосфатные разработки, построены небольшие доменные печи, лаборатории для разработки и освоения новых методов производства. В глубине страны, в лесах была создана новая сеть телефонных и телеграфных линий и налажена почтовая связь. Изготавливались необходимые медикаменты. Вместе с этим все же постоянно ощущалась острая нехватка квалифицированных кадров, сырья, оборудования, инструментов. 19 декабря 1948 г., в годовщину народной войны, правительство ДРВ, фронт Вьетминь и профсоюзы призвали весь народ включиться в соревнование за увеличение продукции, чтобы успешно продолжать сопротивление. Рабочий класс самоотверженно откликнулся на этот призыв.

Профсоюзы принимали самое активное участие в общественно-политической жизни республики. Уже к концу 1948 г. ВКТ объединяла в своих рядах 283 тыс. членов⁸, из которых 20% являлись промышленными рабочими. Состоявшийся в январе 1950 г. первый национальный конгресс профсоюзов принял решение об активизации и расширении на всех предприятиях движения сопротивления интервентам. Перед профсоюзными организациями были поставлены главные задачи: активно участвовать в созда-

⁷ *Trần Danh-Tuyên*. Giai cấp công nhân Việt-Nam chiến đấu cho độc lập, dân chủ và hòa bình (Рабочий класс Вьетнама борется за независимость, демократию и мир), 1950, стр. 32.

⁸ «Всемирное профсоюзное движение», 1949, № 8, стр. 34.

нии на местах органов народной власти; развивать патриотическое соревнование; улучшать условия жизни трудящихся; развивать профсоюзное движение в оккупированных районах; расширить связь с международным профсоюзным движением⁹.

В годы войны сопротивления еще более окреп союз рабочего класса с крестьянством. Предприятия и производственные кооперативы поддерживали тесную связь с крестьянами и оказывали им постоянную помощь. Рабочие рыли оросительные каналы, помогали убирать урожай, изготавливали и ремонтировали сельскохозяйственные орудия и инвентарь, налаживали местную кустарную промышленность, развертывали культурно-массовую деятельность.

С прекращением военных действий перед вьетнамским народом встали задачи мирного развития.

В результате войны примерно от 40 до 60% всех промышленных предприятий страны оказались разрушенными. Эвакуируясь из Ханоя, Хайфона, Донгхоя и других городов, французские власти вывезли на юг Вьетнама или во Францию все наиболее ценное оборудование и материалы.

Партия трудящихся и правительство ДРВ призвали рабочий класс возгласить усилия вьетнамского народа, направленные на восстановление и развитие экономики страны, всемерно укреплять союз рабочего класса с крестьянством.

«Во время войны, — заявил Хо Ши Мин в своем обращении к народу, — освобожденные районы были расположены главным образом в сельской местности. Сейчас настала необходимость управлять не только деревнями, но также и крупными городами, промышленностью и железными дорогами... Мы должны умело управлять всеми вновь освобожденными деревнями и городами, бороться за то, чтобы залечить раны, нанесенные войной, восстановить национальную экономику и развивать внешнюю торговлю и торговлю между городскими и сельскими районами. Это явится основой увеличения производства и улучшения жизни народа»¹⁰.

Положение рабочего класса во вновь освобожденных городах было весьма тяжелым. Летом 1955 г. в Северном Вьетнаме насчитывалось более 80 тыс. безработных.

Партия трудящихся совместно с правительством разработала программу восстановления разрушенных войной городов и сел и дальнейшего развития народного хозяйства. Большое значение придавалось установлению в городах революционного порядка, налаживанию в освобожденных районах промышленности и торговли, борьбе с подрывными действиями, направленными против экономической политики правительства¹¹. Основное внимание было обращено на всемерное укрепление и развитие государственного социалистического сектора народного хозяйства. Героические усилия рабочего класса и братская помощь стран социалистического лагеря позволили в короткий срок восстановить Хонгайские угольные копи с портом Камфа, крупный цементный завод в Хайфоне, текстильный комбинат в Намдине и ряд других предприятий. Рабочие городов Сонтэй и Ниньбинь быстро отремонтировали ткацкие станки и пустили их в эксплуатацию. Многочисленные мелкие мастерские, в основном построенные в годы войны сопротивления, были реконструированы на базе нового оборудования.

Только за девять месяцев 1955 г. в результате патриотического соревнования было внесено свыше шести тысяч рационализаторских предло-

⁹ «Профессиональные союзы», 1953, № 1, стр. 49.

¹⁰ *Хо Ши Мин*. Обращение к народу в связи с миром. «Правда», 23 сентября 1954 г.

¹¹ «Nhân dân», 10—12 августа 1954 г.

жений, что дало экономию для государства на сумму в 2 070 млн. донгов¹². За четыре месяца была проложена железнодорожная линия Ханой — Мукнамкуан. В 1955 г. были организованы десятки курсов для обучения членов профсоюза и для повышения квалификации рабочих. Было открыто большое число рабочих клубов; созданы новые рабочие поселки; открыты поликлиники, магазины. Уже к концу 1955 г. из 80 тыс. безработных были устроены на работу 70 тыс. человек¹³.

В 1956 г. промышленность ДРВ впервые работала на основе государственного плана. Годовое задание было выполнено на 115,2%¹⁴. Рабочие Хонгайских угольных копей выполнили годовой план досрочно к 10 декабря и дали дополнительно десятки тысяч тонн угля. От рабочих Хонгай не отставали и коллективы хромовых и оловянных рудников.

Валовая продукция промышленности и кустарного производства выросла с 100,5 млрд. донгов в 1955 г. до 295 млрд. донгов в 1956 г. или на 193,5%¹⁵. За три года мирного труда (с середины 1954 г. по середину 1957 г.) было восстановлено или построено заново 41 промышленное предприятие. В 1958 г. государственные предприятия дадут продукции на 67% больше, чем в 1957 г., частные на 29%, кустарные на 15%. В целом продукция промышленных предприятий увеличится в 1958 г. на 36% по сравнению с 1957 г.¹⁶

Несуклоно растет численность рядов рабочего класса. К началу 1957 г., по данным ВКТ, общее количество рабочих в ДРВ превысило 200 тыс. человек, тогда как во всем французском Индокитае (Вьетнам, Лаос и Камбоджа) накануне второй мировой войны было 221 тыс. рабочих.

Количество рабочих, служащих, членов профсоюза (по данным ВКТ)

Отрасли промышленности	Численность рабочих и служащих		Численность членов профсоюзов	
	К началу 1956 г.	К началу 1957 г.	К началу 1956 г.	К началу 1957 г.
1. Строительство	59 200	55 332	22 187	32 685
2. Промышленные предприятия и рудники	61 732	59 628	31 607	41 047
3. Госучреждения	103 957	131 195	70 197	96 591
4. Кустарное производство в городах (частное)	38 455	92 405	17 349	22 994
5. Госхозы	9 200	9 660	5 000	6 198
6. Лесхозы	6 800	6 829	3 600	3 678
7. Железнодорожный транспорт	—	10 540	—	6 812
8. Госавтотранспорт	—	843	—	676
Итого:	279 344	366 432	149 940	210 681

После восстановления мира во Вьетнаме была проведена аграрная реформа, укрепившая союз рабочего класса и крестьянства. Аграрная реформа была в основном закончена в 1956 г. Несмотря на то, что при

¹² «Đoàn kết lao động chân tay và trí óc hoàn thành thắng lợi kế hoạch nhà nước năm 1956 (Объединить работников физического и умственного труда для успешного выполнения государственного плана 1956 г.), стр. 14.

¹³ Там же, стр. 18.

¹⁴ «Развитие экономики стран народной демократии Азии». М., Внешторгиздат, 1957, стр. 303.

¹⁵ Там же, стр. 302.

¹⁶ «Nhân dân», 12 февраля 1958 г.

ее проведении были допущены серьезные ошибки (впоследствии они были вскрыты и исправлены) в результате реформы около 8,4 млн. трудящихся крестьян Северного Вьетнама получили 810 тыс. га помещичьей земли. Аграрная реформа уничтожила феодальную собственность на землю и сделала крестьян хозяевами земли. Она изменила производственные отношения и освободила производительные силы сельского хозяйства от феодальных пут¹⁷. Переход земли в руки крестьянства еще больше упрочил народно-демократический строй Вьетнама. Вьетнамская народно-демократическая революция, ликвидировавшая колониализм, выполнила свою вторую задачу — она ликвидировала класс феодалов и помещиков.

За 13 лет существования ДРВ коренным образом изменилось соотношение классовых сил. Ликвидированы власть колонизаторов, класс феодалов и помещиков. Сохранилась мелкая и средняя национальная буржуазия, которая включается в систему государственного капитализма. На частных предприятиях установлен контроль профсоюзов, которые регулируют взаимоотношения между рабочим и хозяином на основе договора.

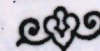
Современный рабочий класс Вьетнама резко отличается от прежнего вьетнамского пролетариата до Августовской революции. Нынешний рабочий класс Вьетнама в союзе с трудящимся крестьянством является подлинным хозяином страны, всех ее производительных сил.

SUMMARY

The article brings out the role played by the Vietnamese working class in the revolution of August 1945; in the war against the French imperialists and in the reconstruction and development of the national economy of the Democratic Republic of Viet-Nam after the attainment of peace in 1954.

During the 13 years of the existence of the Republic, the working class of Viet-Nam has greatly changed. It differs from the Vietnamese proletariat of old times, primarily by the fact that the working class of the Republic, allied with the peasantry, is master of the country.

The facts given in the article are based on Vietnamese sources.

¹⁷ Чыонг Тинь. Октябрьская революция и борьба вьетнамского народа. «Вопросы истории», 1957, № 10, стр. 138.

УСПЕХИ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА В МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Б. ШИРЕНДЫБ

Монгольская народно-революционная партия, руководствуясь учением марксизма-ленинизма, обеспечивает строительство социалистической экономики в Монгольской Народной Республике. Трудящиеся МНР достигли больших успехов в развитии всех отраслей народного хозяйства.

Делегация КПСС в своем приветствии XIII съезду Монгольской Народной-революционной партии (март 1958 г.) отмечала: «Ваши победы на пути строительства социализма имеют не только национальное значение. Монгольская народно-революционная партия, руководствуясь всепобеждающим учением марксизма-ленинизма, умело и творчески применяя его в условиях развития своей страны, вносит определенный вклад в развитие мирового рабочего и коммунистического движения. Трудящиеся колониальных и зависимых стран на примере МНР воочию видят, как на практике претворяется в жизнь учение великого Ленина о том, что отсталые страны с помощью победившего пролетариата передовых стран могут успешно решать задачи перехода к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Вот почему успехи социалистического строительства в вашей стране приобретают особое значение для угнетенных народов Азии и Африки, активно выступающих против колониализма, за свое национальное возрождение».

Подводя итоги достижениям трудящихся республики в области социалистического строительства, XIII съезд МНРП, состоявшийся в апреле 1958 г., отметил, что МНР из аграрной страны превратилась в аграрно-индустриальную. В ходе борьбы за выполнение второго пятилетнего плана социалистический сектор сельского хозяйства вырос в большую силу; еще больше укрепился союз рабочего класса с трудовым крестьянством.

Рост промышленности за годы пятилетки свидетельствует о серьезных сдвигах в социалистической экономике страны. Промышленность МНР ныне дает уже 41% всей валовой продукции народного хозяйства. Соотношение тяжелой и легкой промышленности характеризуется тем, что предприятия, производящие средства производства, дают 51% общего объема валовой продукции всей промышленности. 77% промышленной продукции страны падает на долю государственной промышленности, 21% — на долю кооперативной и только 2% — на долю мелких частных кустарных предприятий. Таким образом, налицо существенные изменения в самом характере промышленности.

Второй пятилетний план выполнен на 107%, в том числе по государственной промышленности на 105% и по кооперативной промышленности

на 112%. Прирост промышленной продукции за 1952/57 гг. равен 69%, в том числе по государственной промышленности — 73%. Добыча угля возросла почти в 3 раза, выработка электроэнергии — в 2 раза.

Значительно выросли ряды рабочего класса. Численность рабочего класса составляет 14%, крестьян — 73% населения страны.

Большие сдвиги произошли и в сельском хозяйстве. Намного вырос социалистический сектор сельского хозяйства. В начале второй пятилетки было кооперировано лишь 5% аратских хозяйств. Сейчас в стране насчитывается 658 сельскохозяйственных объединений, члены которых составляют 35% всех аратских хозяйств. Общественная собственность сельскохозяйственных объединений состоит из 5,2 млн. голов скота; помимо этого, 540 тыс. голов скота является собственностью государственных предприятий. Таким образом, на долю социалистического сектора сельского хозяйства МНР приходится 25% всего поголовья скота и 78,6% всей посевной площади.

По неполным данным в среднем денежный доход сельскохозяйственных объединений за 1957 г. составил 54,3 млн. тугр. или 82 тыс. тугр. на одно объединение. Некоторые передовые кооперативы получили доход в размере свыше 500 тыс. тугр. В дальнейшем эти кооперативы имеют возможность стать кооперативами-миллионерами.

За 1957 г. трудодень в среднем оплачивался деньгами в размере 1 тугрик 73 мунгу, а в передовых объединениях по 7 тугриков. Таким образом, кооперативные объединения стали сейчас именно той формой передового сельского хозяйства, которая открывает перед крестьянами-скотоводами путь социалистического развития. Повысилась активность середняков. Целями багами и сомонами (административные единицы. — *Ред.*) вступают крестьяне в сельскохозяйственные объединения. Сельское хозяйство вплотную подошло к массовой коллективизации. Учитывая это, XIII съезд МНРП наметил необходимые мероприятия по улучшению руководства сельским хозяйством.

На основе роста промышленности, сельского хозяйства и укрепления социалистической экономики повышается уровень материального благосостояния и культурной жизни народа. За 1954—1958 гг. фонд заработной платы рабочих и служащих увеличился на 75%. Реальная заработная плата возросла на 40%, а реальные доходы аратов и членов сельскохозяйственных объединений увеличились примерно на 60%.

XIII съезд МНРП определил, что главными задачами трехлетнего плана является обеспечение нового подъема производительных сил страны, укрепление социалистического сектора в деревне и рост всех отраслей народного хозяйства.

Намечено увеличить к 1960 г. объем паловой продукции промышленности на 52%, в том числе добычу угля — на 221%, выработку электроэнергии — на 120%, выпуск нефтепродуктов — в 2,7 раза, добычу минералов и руд цветных металлов — в 20 раз. В течение этого периода с помощью СССР, КНР и Чехословакии должны быть закончены реконструкция действующих и строительство ряда новых промышленных предприятий. Советский Союз поможет довести мощность Улан-Баторской ТЭЦ до 24 тыс. квт., завершить строительство второй очереди капитальной шахты Налайха мощностью 600 тыс. тонн угля в год и ряда других объектов. При помощи КНР будет завершено строительство текстильной фабрики с годовой производительностью 700 тыс. метров шерстяных тканей. Чехословацкие специалисты примут участие в реконструкции обувного комбината, рассчитанного на выпуск 1 200 тыс. пар обуви в год.

Основными задачами в области сельского хозяйства являются укрепление существующих сельскохозяйственных объединений и кооперирова-

ние основной массы аратства на основе строгого соблюдения принципа добровольности.

Процесс социалистического преобразования сельского хозяйства немалым образом зависит от широкой механизации основных сельскохозяйственных работ и большой государственной помощи.

Важное значение для развития сельского хозяйства МНР имеет также братская помощь Советского Союза. В течение 1958—1960 г. СССР поставит МНР 2500 тракторов, 550 зерновых комбайнов, 200 дизельных и локомотивных электростанций, 80 пиломатериалов, 3 тыс. грузовых автомобилей, 12 тыс. голов племенного скота.

Все эти мероприятия позволят довести к 1960 г. поголовье скота до 25 млн. и значительно повысить продуктивность животноводства.

Намечено увеличить посевную площадь до 200 тыс. га или в 2,3 раза по сравнению с 1957 г. при одновременном повышении урожайности. Количество машино-животноводческих станций (МЖС) будет доведено до 58. МЖС окажут помощь сельскохозяйственным объединениям в расширении посевной площади, налаживании племенного животноводства, строительстве производственных и жилых помещений. С помощью МЖС намечается перевести 150 сельхозобъединений на оседлое положение.

Развитие промышленности и сельского хозяйства требует большого количества квалифицированных кадров. Предстоит подготовить через техникумы 4 тыс. специалистов; значительно увеличится выпуск специалистов из вузов. 10 тыс. специалистов массовой квалификации получат подготовку на курсах; в том числе 3 тыс. трактористов и комбайнеров, 3 тыс. шоферов, 800 зоотехников.

Умножение социалистической собственности, особенно в сельскохозяйственных объединениях, повышение производительности труда во всех отраслях социалистической экономики, воспитание бережливого отношения к народным средствам, старательный и честный труд на благо социализма — таковы непеременимые условия успешного преодоления трудностей социалистического строительства и возникающих в связи с этим противоречий в идеологии и быту.

Трехлетний план развития народного хозяйства имеет и ту важную особенность, что уже в ходе его осуществления одновременно будет вестись подготовка к составлению перспективных планов развития народного хозяйства на последующий период. С этой целью в ближайшие годы предстоит осуществить комплексное зональное изучение проблем сельского хозяйства, геологическое исследование важнейших районов страны, определять промышленные запасы ископаемых и выявить перспективы развития водного хозяйства. На эти исследования ассигнуются большие средства. В перспективном плане найдут отражение коренные проблемы дальнейшего экономического развития Монголии.

В результате осуществления долгосрочных планов развития народного хозяйства в последующее десятилетие Монголия превратится в страну с высокоразвитым сельским хозяйством и крупной индустрией. В решении этих задач МНР будет опираться на братскую помощь СССР, КНР и других социалистических стран.

SUMMARY

The author notes that the achievements of the Mongolian People's Republic in socialist construction have converted her from an agrarian into an industrial and agrarian country. Cooperation in agriculture is being successfully carried out in the MPR.

The article gives a good idea of the main aspects of the three-year plan for the national economic development of the country.

КОРЕЙСКАЯ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА НА ПУТЯХ К СОЦИАЛИЗМУ

Г. В. ГРЯЗНОВ, И. С. КАЗАКЕВИЧ

В обстановке огромного политического и трудового подъема корейский народ в сентябре 1958 г. торжественно отметил 10-ю годовщину провозглашения Корейской Народно-Демократической Республики. Вместе с ним эту знаменательную дату отметило все прогрессивное человечество.

Тринадцать лет прошло с тех пор, как героическая Советская Армия изгнала из Кореи японских империалистов, освободила корейский народ от цепей колониального рабства и открыла перед ним широкую дорогу к свободной и счастливой жизни. Под руководством Трудовой партии были созданы демократические органы власти, опирающиеся на Единый демократический национальный фронт. В короткие исторические сроки был проведен ряд демократических реформ и преобразований, из которых важнейшее значение имели земельная реформа и национализация промышленности, транспорта, средств связи и банков.

С установлением народно-демократического строя была заложена база для мирного объединения страны на демократической основе и созданы материальные предпосылки для подготовки к строительству основ социализма. Провозглашение 9 сентября 1948 г. народно-демократической республики явилось важнейшим событием в истории корейского народа.

Корейская Народно-Демократическая Республика как равноправное суверенное государство вошла в дружную семью братских стран социалистического лагеря.

За сравнительно короткий период мирного строительства корейский народ добился значительных успехов в развитии экономики и культуры. Народно-демократический строй продемонстрировал свою великую жизненную силу в трехлетней войне, навязанной корейскому народу американскими империалистами и кликой Ли Сын Мана и нанесшей огромный ущерб народному хозяйству КНДР. Особенно сильно пострадала промышленность. В ходе войны были разрушены здания и производственное оборудование около 9 тыс. фабрик и заводов. К моменту подписания соглашения о перемирии объем валовой продукции промышленности сократился до 64% по сравнению с уровнем 1949 г., в том числе энергетической промышленности — до 26%, топливной — до 11%, металлургической — до 10%, химической — до 22%¹. Удельный вес группы «А» (производство средств производства) снизился с 58,6% в 1949 г. до 37,7% в 1953 г.²

¹ 노동 신문 («Нодон синмун»), 24 февраля 1957 г.

² 경제 전망 («Кечче консол»), 1956, № 5, стр. 25.

Значительный ущерб был нанесен сельскому хозяйству. В результате разрушения оросительных сооружений, речных дамб и вследствие варварской бомбардировки полевых участков пострадало около 370 тыс. чонбо полей, посевная площадь сократилась на 90 тыс. чонбо. В 1953 г. валовой сбор зерна составил только 88% от уровня 1949 г. В ходе войны было сожжено и разрушено 29 млн. кв. м. жилой площади, более 5 тыс. школ, свыше 1000 больниц и здравпунктов, более 260 театров и кинотеатров. По неполным данным, общий ущерб, нанесенный войной народному хозяйству республики, составил 420 млрд. вон³.

Еще во время войны (1952 г.) ЦК Трудовой партии наметил основные задачи восстановления и развития народного хозяйства КНДР. Сразу же после подписания перемирия (27 июля 1953 г.) корейский народ приступил к восстановлению разрушенного.

В решениях шестого пленума ЦК Трудовой партии (август 1953 г.) отмечалось, что для достижения независимости и единства родины на мирной и демократической основе прежде всего необходимо укрепить материально-производственную базу экономики и повысить материальный и культурный уровень жизни трудящихся. Восстановительные работы было намечено провести в два этапа. На первом этапе (до апреля 1954 г.) был установлен полный объем разрушений, мобилизованы людские и материальные ресурсы, конкретизирован трехлетний план восстановления и развития народного хозяйства⁴. Второй этап — выполнение трехлетнего плана 1954—1956 гг.

Трудовая партия определила главное направление послевоенного трехлетнего плана следующим образом:

«Главные задачи послевоенного восстановления и развития народного хозяйства, предусмотренные в трехлетнем плане, заключаются в том, чтобы не просто восстановить наше разрушенное народное хозяйство в прежнем виде, а ликвидировать колониальную однобокость, унаследованную от периода длительного господства японских империалистов, создать основы для дальнейшей социалистической индустриализации нашей страны и одновременно с преимущественным ростом тяжелой промышленности круто поднять легкую промышленность и сельское хозяйство для стабилизации и улучшения жизни населения, ухудшившейся вследствие войны⁵. Трудовая партия учитывала внутренние и внешние факторы, способствующие успешному решению этой задачи. Такими факторами, как указывал Ким Ир Сен, являлись: опыт восстановления народного хозяйства в годы мирного строительства; опыт ведения хозяйства в ходе трехлетней отечественной войны; наличие богатых природных ресурсов и помощь со стороны международного социалистического лагеря.

Трехлетний план послевоенного восстановления и развития народного хозяйства был выполнен досрочно. Промышленное и сельскохозяйственное производство превысило довоенный уровень. Основные отрасли экономики были восстановлены на новой технической основе. Объем валовой продукции государственной и кооперативной промышленности в 1956 г. составил 197% по сравнению с уровнем 1949 г. и 290% по сравнению с уровнем 1953 г.

³ «Итоги послевоенной трехлетки в КНДР». Пхеньян, Изд-во литературы на иностранных языках, 1957.

⁴ Подробно о состоянии послевоенной экономики КНДР и трехлетнем плане см. Г. Ким. Борьба корейского народа за мир, национальное единство и демократию. М., 1957.

⁵ Ким Ир Сен. Отчетный доклад ЦК Трудовой партии Кореи третьему съезду партии. «Третий съезд Трудовой партии Кореи. Документы и материалы». Пхеньян, 1956, стр. 29.

Особенно быстрыми темпами развивалась машиностроительная и металлообрабатывающая отрасли промышленности, уровень производства которых в 1956 г. достиг 397% по сравнению с 1949 г.

Значительных успехов добилась легкая промышленность. Так, производство текстиля увеличилось по хлопчатобумажным тканям до 781% и по шелковым — до 106% по сравнению с 1949 г. За этот же период производство продуктов питания возросло до 127%.

В сельском хозяйстве страны произошли коренные преобразования. К концу трехлетки доля кооперированных крестьянских хозяйств увеличилась с 1,2% в 1953 г. до 80,9% в 1956 г.

Социалистический сектор в сельском хозяйстве страны одержал решающую победу.

К концу 1956 г. валовой объем производства зерна по сравнению с 1949 г. составил 108%, поголовье скота по сравнению с 1949 г. составило: лошадей — 171%, молочных коров — 126% и свиней — 108%.

Трудовая партия и правительство КНДР проявляли постоянную заботу о повышении благосостояния трудящихся. За три года население города и деревни получило 13,4 млн. кв. м. жилой площади. В результате снижения розничных цен реальная заработная плата трудящихся выросла в два с лишним раза.

Успешное выполнение трехлетнего плана позволило решить главную задачу — создать основы социализма в северной части страны. В 1956 г. доля социалистического сектора в национальном доходе достигла 82%⁶.

Завершение трехлетнего плана создало также необходимые предпосылки для осуществления первого пятилетнего плана (1957—1961 гг.), который был в основных чертах намечен на III съезде Трудовой партии Кореи в апреле 1956 г. Уже в ходе осуществления плана первого года стало очевидным, что пятилетний план в целом не только будет успешно выполнен по основным показателям, но и значительно перевыполнен.

В связи с этим в марте 1958 г. I конференция Трудовой партии Кореи увеличила предварительные задания пятилетнего плана. В результате осуществления пятилетнего плана будут ликвидированы колониальные пережитки и техническая отсталость промышленности, укреплены основы независимой экономики, создана база социалистической индустриализации, материальные и технические предпосылки для оснащения всех отраслей народного хозяйства новейшей техникой и развертывания капитального строительства.

Таким образом, будет обеспечена полная победа социалистической системы над капиталистической, переход от частной торговли к социалистической и завершение кооперирования деревни.

Пятилетний план предусматривает дальнейшее повышение материального благосостояния и культурного уровня трудящихся.

Экономическая политика Трудовой партии направлена на обеспечение преимущественного развития тяжелой индустрии при одновременном развитии легкой промышленности и сельского хозяйства. Преимущественное развитие тяжелой промышленности является основой социалистической индустриализации и ключом к разрешению проблемы обеспечения населения продовольствием, одеждой и жильем. Наряду с укреплением самостоятельной экономической базы расширятся экономические связи и техническое сотрудничество со странами социалистического лагеря. Братская помощь Советского Союза, Китайской Народной Республики и других социалистических стран является залогом дальнейшего успешного развития народного хозяйства Корейской Народно-Демократической Республики.

⁶ «Нодон синмун», 24 февраля 1957 г.

За годы пятилетки объем валовой продукции промышленности увеличится в 2,6 раза (производство средств производства в 2,9 раза, а производство предметов потребления в 2,2 раза).

Полное удовлетворение потребностей народного хозяйства в чугуна, стали и прокате даст возможность быстрыми темпами развивать машиностроение, широко развернуть промышленное и жилищное строительство. Производство чугуна в 1961 г. возрастет по сравнению с 1956 г. в 3,7 раза, стали — в 3,5 раза и проката — в 3,7 раза. Отечественное машиностроение сможет удовлетворить потребности страны во многих видах машин и оборудования.

В 1961 г. должно быть выработано более 9 млрд. квтч электроэнергии. Предстоит построить Токноганскую и Кангескую гидроэлектростанции. По сравнению с 1956 г. в 1961 г. каменного угля будет добыто в 2,4 раза больше.

В 1961 г. производство химических удобрений будет доведено до 630 тыс. тонн, что позволит удовлетворить потребности сельского хозяйства. Значительно увеличится производство различных стройматериалов, в частности производство цемента превысит 1750 тыс. тонн.

Ускоренное развитие легкой промышленности создаст необходимые условия для коренного перелома в обеспечении населения товарами широкого потребления и продовольствием. Производство искусственной и штапельной пряжи увеличится до 25—30 тыс. тонн, а выпуск тканей составит 18 м на душу населения.

В области сельского хозяйства пятилетний план предусматривает разрешение зерновой проблемы, развитие производства технических культур, животноводства и садоводства, завершение кооперирования корейской деревни. В 1961 г. производство зерновых должно превысить 3760 тыс. тонн. поголовье коров будет доведено до 900 тыс., а свиней — превысит 2 млн.

Грузоперевозки железных дорог по сравнению с 1956 г. должны увеличиться в 1,7 раза, автотранспорта — в 1,9 раза, водного транспорта — в 8,6 раза.

За пятилетие трудящиеся городов получат свыше 10 млн. кв. м жилой площади, в селах будет построено 200 тыс. домов.

В результате выполнения пятилетнего плана национальный доход страны должен возрасти в 2,2 раза, реальная заработная плата трудящихся и реальный доход крестьян — в 1,5 раза. Чрезвычайно большое значение придается повышению производительности труда, которая должна возрасти в промышленности на 65%, а в строительстве — на 52%.

Успешное выполнение заданий первого пятилетнего плана позволит превратить КНДР из отсталой сельскохозяйственной в индустриально-аграрную страну.

Трудящиеся КНДР широко развернули массовое соревнование, показывая образцы подлинной самоотверженности и нового социалистического отношения к труду.

Благодаря правильному руководству Трудовой партии и энтузиазму корейского народа плановые задания первого года пятилетки (1957 г.) выполнены государственной и кооперативной промышленностью по производству валовой продукции на 117%. Средств производства и товаров широкого потребления произведено на сумму 15,4 млрд. вон, что превышает плановое задание на 5,2 млрд. вон.

Отрасли промышленности, не восстановленные полностью в период трехлетнего плана, уже в 1957 г. превысили довоенный уровень производства. В 1957 г. сверх плана было выработано 900 млн. квтч. электроэнергии, 574 тыс. тонн угля, 4 тыс. тонн чугуна, 55 тыс. тонн стальных

изделий, 43 тыс. тонн химических удобрений, 145 тыс. тонн цемента, 5790 тыс. метров хлопчатобумажных тканей и т. д. Повышение производительности труда и экономия сырья, топлива и электроэнергии на единицу изготавливаемой продукции позволили снизить ее себестоимость на 11% по сравнению с довоенным уровнем.

К концу 1957 г. в КНДР насчитывалось уже 16 032 сельскохозяйственных кооператива, охватывавших 95,6% крестьянских дворов. В 1957 г. на государственных и кооперативных оросительных системах площадь поливных земель увеличилась на 24 тыс. чонбо. В целом посевные площади по сравнению с 1949 г. расширились на 140 тыс. чонбо. В 1957 г. валовой сбор зерновых составил 3 200 тыс. тонн, что превышает довоенный на 11%. На конец 1957 г. в стране насчитывалось 566 тыс. коров, 1 340 тыс. свиней, т. е. соответственно на 17% и 89% выше довоенного уровня. Для сравнения стоит указать, что если в северной части Кореи прежде производилось лишь $\frac{1}{4}$ зерновых всей страны, то сейчас в КНДР производство зерновых уже обогнало Южную Корею. То же самое наблюдается и в животноводстве.

Результатом успешного выполнения плана первого года пятилетки явилось заметное улучшение материального благосостояния корейского народа. Денежные доходы рабочих и служащих по сравнению с 1949 г. возросли на 43%. В 1957 г. трудящиеся КНДР получили 1 540 тыс. кв. м жилой площади в городах и 30 тыс. новых домов в сельской местности. Сделан большой шаг по пути к разрешению проблемы обеспечения населения продовольствием и одеждой.

В 1957/58 учебном году в КНДР в учебных заведениях всех видов обучалось 2,2 млн. человек. Практически уже решена проблема всеобщего семилетнего обучения. КНДР сейчас — страна сплошной грамотности.

Успешно развивалось здравоохранение. В 1957 г. в КНДР вступило в строй 14 новых больниц. Существенно увеличилось число врачей.

Значительные сами по себе достижения трудящихся Корейской Народно-Демократической Республики за годы народной власти становятся еще более убедительными при сравнении с нынешним положением в Южной Корее, находящейся под властью американских империалистов и послушной им антинародной клики Ли Сын Мана. Там и поныне экономика находится в упадке, народ живет впроголодь.

Выполнение и перевыполнение ежегодных плановых заданий пятилетки трудящимися КНДР служит доказательством величайших преимуществ народно-демократического строя в Северной части Кореи, являющейся демократической базой для мирного объединения всей страны.

S U M M A R Y

The authors show that the economic foundations of the peoples's democratic system in North Korea have been strengthened by the achievements of the KPDR in postwar reconstruction and development of its national economy (1953—1956). The first five-year plan of the KPDR inaugurates a new stage in the struggle of the Korean people for building up the foundations of socialism and creating a sound material base for the peaceful reunion of their motherland. The Labour Party, which takes care of the vitally important, fundamental interests of all the Korean people and carries out a correct economic policy, inspires and leads the work for the achievement of these grand tasks.

Таблица 1

Платежный баланс английских колоний*
(в млн. ф. ст.)

Текущие операции	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	Всего за 1950—1956 гг.
Импорт	-590	-866	-887	-825	-860	-1019	-1103	-6150
Экспорт	+804	+1171	+955	+823	+906	+1014	+1045	+6718
Сальдо неторговых операций	-91	-135	-38	-36	-30	-27	-23	-380
Общее сальдо	+123	+170	+30	-38	+16	-32	-81	+188
В том числе сальдо операций со странами стерлинговой зоны с другими странами	-65	-27	-92	-116	-70	-99	-124	-593
	+188	+197	+122	+78	+86	+67	+43	+781

* Источник: «The colonial territories, 1954—1955», Cmd 9489. London, 1955, p. 184; Cmd. 9769, 1956, p. 174; Cmd 195, 1957, p. 182; J. Polk. Sterling, its meaning in world finance. New York, 1956, p. 191—192.
В расчеты включены данные по всем английским колониям, за исключением Гонконга.

В 1956 г. на долю Англии и других стран стерлинговой зоны приходилось около 45% экспорта и 58% импорта колоний. Исключительное положение Англии на рынках этих стран дает ей большие преимущества. В отличие от доминионов и независимых стран Британской империи колонии лишены возможности осуществлять самостоятельную валютно-финансовую политику и обязаны сдавать золото и дефицитную валюту в централизованный резерв («долларовый пул») стерлинговой зоны, который находится в распоряжении метрополии. Действующая в странах стерлинговой зоны система имперских преференций широко открывает рынки колоний для сбыта английских товаров, ограничивая в то же время доступ товаров из других стран. Однако эти «узаконенные» методы валютной эксплуатации дополняются еще неравноправным обменом, от которого обогащается метрополия и страдают колонии.

Наиболее эффективным способом взимания колониальной дани долгое время служили массовые закупки сырья и продовольствия у колоний, которые Англия осуществляла с начала второй мировой войны вплоть до 1953 г. По соглашению о массовых закупках продажа колониальной продукции в другие страны, кроме метрополии, запрещалась. Закупки осуществлялись английскими правительственными организациями по твердо установленным на весь сезон ценам, которые были значительно ниже мировых цен. Под предлогом стабилизации цен Англия получала, таким образом, большую выгоду за счет своих колоний².

Но это еще не все. Такой метод ограбления колониальных народов дополняется «скрытой валютной эксплуатацией», в частности, посредством особого валютно-финансового механизма — так называемой системы колониального стерлингового стандарта. Важнейший принцип этой системы состоит в автоматической конверсии колониаль-

² Например, средняя цена тонны сахара, закупаемого Англией в колониях, была в 1949 г. на 14 долл. ниже мировой цены, в 1950 г. — на 26 долл. и в 1951 г. — на 22 долл. Разница, которую Англия извлекала в свою пользу от продажи пальмового масла, составляла в 1951 г. 61 ф. ст. за тонну.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ АНГЛИЙСКИХ КОЛОНИЙ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Ю. М. ОСИПОВ

Обострение общего кризиса капитализма и распад колониальной системы империализма в годы после второй мировой войны привели к значительным изменениям в структуре Британской империи. Английская финансовая олигархия, учитывая коренные сдвиги в составе некогда единой империи, вынуждена пользоваться замаскированными, более «гибкими» методами эксплуатации. Прямое взимание дани сменяется «манипуляциями с таможенными пошлинами, акцизными сборами, а также финансовой и валютной политикой», которая способствует не менее эффективному обогащению метрополии за счет колоний¹. Англия стремится в известной мере компенсировать потерю своих владений усилением экономической эксплуатации еще оставшихся колоний. Ярким примером этого является принудительное изъятие из колоний значительной части их национального продукта в счет увеличения так называемой стерлинговой задолженности метрополии этим странам. Для того чтобы уяснить эксплуататорскую сущность этого метода, необходимо рассмотреть состояние платежного баланса колоний и английских инвестиций в колониях.

Известно, что английские колонии в Африке и Азии вывозят в Англию и на мировой рынок не только сельскохозяйственные и плантационные культуры, но и разнообразные полезные ископаемые. Почти половина мирового экспорта натурального каучука и свыше одной трети олова поступает из Малайи, которая лишь недавно обрела политическую независимость, но сохраняет по-прежнему типично колониальную структуру хозяйства. Больше половины мировых поставок какао-бобов, пальмового масла и семян производится Британской Западной Африкой, главным образом Нигерией и бывшей колонией Золотой Берег (Гана). Свыше одной четверти мирового экспорта бокситов поступает из Ямайки, Британской Гвианы, Ганы и Малайи. Почти одна шестая экспорта марганца падает на долю Ганы и одна восьмая экспорта меди — на долю Северной Родезии и Кипра. В английских колониях добывается также значительное количество золота (Кения, Танганьика), промышленных алмазов и других важных минералов. Все это предопределяет решающее значение внешней торговли для экономического положения этих стран.

До 1950 г. торговый и платежный баланс колоний сводился с дефицитом. После 1950 г. наблюдается обратное явление. Милитаризация экономики крупных капиталистических держав, война в Корее и инфляционные тенденции привели к значительному росту мировых цен и, в частности, на сырье. Начиная с 1950 г. за исключением отдельных периодов, когда на внешнеторговые операции колоний оказывало влияние значительное падение цен на сырье, платежный баланс колоний Англии неизменно сводился с превышением доходов над всеми расходами, включая и значительные выплаты по невидимым статьям (доходы от инвестиций, неторговые переводы и т. д.).

¹ Дж. Неру. Открытие Индии. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1955, стр. 321.

ных валют в фунты стерлингов по твердому курсу. Поскольку у колоний нет собственных центральных банков, операции по обмену валюты осуществляются подконтрольными Англии Валютными управлениями («Currency Boards») или комиссионерами, выпускающими местные денежные знаки в обмен на фунты стерлингов. Полученная таким образом английская валюта зачисляется на счета этих органов в Английском банке в качестве 100% эмиссионного резерва. Для совершения валютно-финансовых операций колонии обязаны беспрепятственно платить фунты стерлингов за передачу им эквивалентной суммы местной валюты. Тем самым колонии лишаются возможности воздействовать на свое собственное денежное обращение, исходя из потребностей их собственного производства и товарооборота. Поскольку состояние экономики колоний определяется в значительной мере внешними факторами, главным образом внешней торговлей, то между активным сальдо их платежного баланса и инфляцией всегда существует непосредственная взаимозависимость. Увеличение доходов от экспорта вызывает рост денежного обращения, который в свою очередь влечет за собой повышение внутренних цен, либо расширению денежной массы в колониях не противостоит сколько-нибудь заметный прирост продукции местного производства.

Инфляция тяжелым бременем ложится на трудящихся колоний. Так, с 1948 г. по 1955 г. денежное обращение бывшей колонии Золотой Берег (Гана) увеличилось в 1,6 раза, вследствие чего в 1,5 раза возрос индекс стоимости жизни. В Нигерии за два последних года розничные цены выросли на 20%. И в то же время за счет падения реальной заработной платы трудящихся на инфляции обогащаются английские колонизаторы. О быстром увеличении прибылей английских монополий свидетельствует рост депозитов в коммерческих банках колоний. Только за период с 1952 г. по 1956 г. сумма депозитов и текущих счетов в банках Нигерии, Золотого Берега и Сьерра-Леоне возросла в 1,8 раза — с 39,4 млн. ф. ст. до 71,5 млн. ф. ст. Дополнительную прибыль английские экспортеры готовых изделий в колонии извлекали благодаря тому, что в послевоенные годы покупательная способность валют колониальных стран падала, как правило, быстрее, чем стоимость английской валюты.

Высокие цены на импортируемые английские товары, с одной стороны, и более низкие цены на продукцию колониального экспорта — с другой, явились основной причиной пассивности платежного баланса английских колоний с метрополией в стерлинговой зоне. Эта пассивность носит весьма гипертрофированный характер, ибо возникла она не только в результате неэквивалентного обмена, но также вследствие неравноправных экономических отношений между угнетающей державой и подчиненными ей странами. В последнее время валютное положение колоний заметно осложнилось также из-за кризиса перепроизводства в США, который вызвал падение мировых цен на колониальное сырье. Тем не менее задолженность колоний метрополии и стерлинговой зоне перекрывается пока активным сальдо их платежного баланса с остальными странами мира и, главным образом, с долларовой зоной.

В послевоенный период колонии стали основным поставщиком долларовой валюты для валютного пула стерлинговой зоны, что наглядно подтверждается следующими данными (см. табл. 2).

Как видно из таблицы, за 14 послевоенных лет колонии, а также Гана и Малайя внесли в централизованный резерв стерлинговой зоны около 3,5 млрд. долл., тогда как Англия была основным погребителем долларовой валюты. По мере ослабления влияния Англии на доминионы и независимые страны Британского содружества избыток долларовых накоплений колоний непрерывно увеличивается. Если в 1946—1952 гг. долларовой дефицит стерлинговой зоны покрывался за счет колониальных стран на 22%, то за весь период (1946—1956 гг.) эта пропорция составила уже около 38%.

Стимулируя экспорт колониальных стран в долларовую зону и в то же время резко ограничивая их ввоз оттуда, Англия тем самым за счет колоний поддерживает ресурсы пула.

Таким образом пассивность платежных балансов колоний в операциях с метрополией и другими странами стерлинговой зоны с лихвой перекрывается изъятием Анг-

Таблица 2

Операции стран стерлинговой зоны, прошедшие через «долларовый пул» в Лондоне*
(в млн. долл.)

Операции с долларовой валютой, взносы (+), изъятия (-) (включая продажу золота Англии)	1946—1952 гг.	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	Первое полугодие 1957 г.	Итого за период с 1946 г. по июль 1957 г.
1. Англия	-7743	-246	-182	703	137	-140	-9151
2. Политически самостоятельные страны стерлинговой зоны,	-1411	+178	+159	+185	+283	+300	+306
Итого:	-9154	-68	-23	-518	+146	+160	-9457
3. Колонии, Гана и Малайя	+1990	+283	+305	+371	+328	+182	+3459

* Источник: Ph. W. Bell. The sterling area in the postwar world. Oxford, 1956, p. 56—57; «United Kingdom balance of payments, 1946 to 1956», Cmd 9871. London, October 1956, p. 32—33, 47; «1954 to 1957», Cmd 273. London, 1957, p. 8, 18.

лий долларовых накоплений своих колониальных владений, за что последние не получают взамен реальных ценностей. В результате уже не колонии являются должниками Англии, а создается задолженность, причем весьма значительная, самой Англии ее колониям. Эта общая, по всем операциям, задолженность метрополии колониям носит название стерлинговой задолженности, или стерлинговых авуаров.

Апологеты английского империализма не жалеют сил, чтобы исказить классовую сущность экономических взаимоотношений колоний с метрополией. Ссылаясь на Дж. Стюарта Милля, они пытаются теоретически оправдать неравноправный характер отношений между метрополией и колониями, исходя из якобы разумного разделения труда между странами одной империи. По их мнению, торговля метрополии с колониями является не международным обменом, а внутренней торговлей различных частей единой империи³. Несостоятельность этой «теории» была вскрыта еще К. Марксом, который в III томе «Капитала» показал, что даже в условиях чисто экономического обмена высокоразвитая страна извлекает дополнительную прибыль за счет страны с низким уровнем развития, присваивая большее количество труда за меньшее. В условиях политического господства метрополии это присвоение резко усиливается, принимая характер принудительных внешнеэкономических форм эксплуатации. Неэквивалентный обмен или иные, более скрытые, но не менее разоритель-

³ Дж. Стюарт Милль писал в 1848 г. в «Основах политической экономии»: «Наши колонии в Вест-Индии нельзя считать странами с собственным производительным капиталом. Если бы Манчестер находился не там, где он сейчас расположен, а на скале в Северном море, то и тогда он был бы не страной, торгующей с Англией, а служил бы, как и теперь, просто тем местом, где Англия считает удобным для себя производить изделия из хлопка» (Цит. по I. Greaves. Colonial monetary conditions. London, 1953, p. 2—3). Те же мотивы звучат и в трудах современных апологетов английского империализма, например, Иды Гривс, которая считается одним из наиболее авторитетных специалистов в области колониальных финансов. «Неправильно судить об экспорте колоний, — утверждает Гривс, — как о продукте их собственной экономической системы, только потому, что он исходит из их внутренних географических границ» («The Journal of political economy», February 1954, vol. 62, № 1, p. 8).

ные для колониальных народов способы финансовой эксплуатации юридически закрепляются колониальным государством.

Одним из важных элементов образования стерлинговой задолженности или, по-иному, стерлинговых авуаров являются английские инвестиции в колониях⁴. До последнего времени Англия не форсировала вывоза частных капиталов в колонии, предпочитая вкладывать их в других странах стерлинговой зоны (например, в Австралии и Новой Зеландии), где ослабление ее политического влияния сопровождалось усилением экономической экспансии. Однако сужение сферы приложения капиталов, усиление влияния экономической экспансии США в слаборазвитых странах Африки и Азии и достижение самостоятельности некоторыми колониями (образование независимых государств Ганы и Малайской федерации) начинают вызывать обратные тенденции, т. е. усиление экономической экспансии Англии в колониях. Об этом именно свидетельствует резкое увеличение в последние годы притока английских частных капиталовложений в колонии. Только за три года — 1954—1956 гг. — частные инвестиции в колонии (главным образом в Восточную Африку и Вест-Индию) увеличились примерно на 190 млн. ф. ст.⁵. По весьма осторожным оценкам можно установить, что вложения английского частного капитала составили к 1956 г. примерно 450—500 млн. ф. ст., а с государственным долгом колониальных властей — около 550—600 млн. ф. ст.⁶. Однако даже и в этом случае доля капиталовложений в образовании стерлинговых авуаров достигает лишь 46%, что видно из следующей таблицы (в млн. ф. ст.):

	1939 г.	1950 г.	1956 г.
Частные инвестиции	200	350	450
Государственный долг	100	100	150
Итого	300	450	600
Авуары	100	750	1290
	-200	+300	+690

* Первые две колонки — по данным английского экономиста А. Р. Коэнна. «Стерлинговая зона». М., Изд-во иностр. лит-ры, 1954, стр. 166. Третья колонка — наша оценка.

Фактически данные не подтверждают утверждений некоторых английских экономистов о решающей роли частных инвестиций в формировании стерлинговой задолженности Англии своим колониям. Напротив, как следует из вышеуказанных данных, роль частных капиталовложений в образовании стерлингового долга Англии

⁴ Образование задолженности Англии в результате вложений английского частного капитала в колонии происходит в результате того, что обменываемые английскими инвесторами на местную валюту фунты стерлингов поступают в собственность упоминавшихся выше Валютных управлений («Currency Boards») и не могут быть использованы колониями для закупки товаров за границей, поскольку в соответствии с системой колониального стерлингового стандарта увеличение выпуска местных денег, вызываемое инвестициями, должно полностью обеспечиваться валютными резервами, то есть фунтами стерлингов. Уменьшение долга может быть достигнуто только в результате обратного внесения местной валюты на счета Валютного управления (перевод прибылей, репатриация капитала и т. п.). Указанная практика существует только в финансово-валютных отношениях Англии с ее колониями.

⁵ «The colonial territories, 1956—1957». Cmd 195, p. 183.

⁶ Оценка наша. По данным отчета Английского банка за 1956 г. размер частных инвестиций в английских колониях составлял в 1955 г. 348 млн. ф. ст. Однако Банк учитывает примерно лишь 40—45% ценных бумаг, т. е. только те бумаги, которые котируются на Лондонской бирже и имеют фиксированный доход. Причем оценка этих бумаг производится по номинальной, а не по рыночной стоимости.

Таблица 3

Стерлинговая задолженность Англии и доминионов колониям*

(в млн. ф. ст. на конец периода)

Колонии	1945 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	Июль 1957 г.
Западная Африка (включая Гану)		254	332	360	400	488	507	481	489
Восточная Африка		137	165	205	217	217	197	192	195
Малайя		164	252	283	282	305	363	369	374
Гонконг		94	116	120	132	135	132	143	143
Вест-Индия		75	79	89	105	122	117	133	152
Прочие		84	88	102	109	120	127	136	133
Итого:	454	808	1032	1160	1245	1387	1444	1454	1486
Чистый долг Англии (без доминионов) колониям**	454	719	964	1024	1093	1221	1280	1281	1309
Задолженность Англии политически самостоятельным странам стерлинговой зоны	2088	1999	1883	1518	1705	1703	1599	1575	1616

* Источник: «Digest of colonial statistics». London, January — March 1958, № 36; p. 62; «Bank for international settlements. 27th annual report». Basle, June 1957, p. 182.

** Английское законодательство разрешает помещать средства, принадлежащие колониям, в ценные бумаги английских доминионов. Однако на практике Англии удалось добиться подавляющего (выше 90%) помещения стерлинговых авуаров колоний в английские обязательства.

своим колониям заметно снизилась (с 47% в 1950 г. до 35% в 1956 г.). Однако и здесь необходимо отметить весьма условный характер определения удельного веса чистых инвестиций, поскольку вывоз капиталов тесно сопрягается с вывозом товаров.

С другой стороны, освоение капиталовложений стимулирует вывоз сырья и продукции из колониальных стран, что в условиях функционирования системы стерлингового колониального стандарта создает устойчивую тенденцию для дальнейшего увеличения задолженности Англии своим колониям. По-прежнему главной причиной роста авуаров продолжает оставаться безэквивалентное изъятие в пользу метрополии продукции колониальных стран главным образом путем принудительного перечисления долларов в валютный пул стерлинговой зоны. Что же касается английских инвесторов в колониях, то они на свои капиталовложения получают немалые прибыли.

За период 1950—1956 гг. колонии уплатили метрополии в виде доходов от инвестиций, переводов и прочих неторговых операций около 380 млн. ф. ст. Уже одно это составляет свыше 63% стоимости всех частных инвестиций и государственного долга колоний вместе взятых. Английские вкладчики капитала в колониях имеют среднюю доходность ценных бумаг, котирующихся на Лондонской бирже, свыше 12%, тогда как доходы по ценным бумагам остальных стран стерлинговой зоны не достигают 8%.

Динамика стерлингового долга вскрывает изменения, происшедшие во взаимоотношениях между странами Британской империи и стерлинговой зоны. Данные, приведенные в таблице 3, наглядно свидетельствуют об ослаблении зависимости доминионов и независимых стран стерлинговой зоны от Англии.

Таблица 4

Структура распределения стерлинговых авуаров колоний*
(в млн. ф. ст. на конец периода)

	1950 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	Июнь 1957 г.
1. Средства, хранящиеся на счетах у денежных органов и комиссионеров в качестве обеспечения местной эмиссии	282	372	395	439	464	447
2. Фонды у колониальных агентов:						
а) специальные	141	201	232	237	238	246
б) общего назначения	107	266	322	347	384	394
3. Официальные фонды	86	144	139	143	118	113
4. Средства в английских банках	192	262	299	278	250	286

* Источник: «Digest of colonial statistics», January — March 1958, № 36, p. 62.

Анализ же стерлинговых счетов колоний свидетельствует о том, что, начиная с военного периода, Англии непрерывно наращивала свой долг колониям, превратившись к настоящему времени в крупнейшего должника этих стран. За 11 послевоенных лет стерлинговые авуары колоний увеличились почти в 3 раза. Если в 1945 г. доля стерлинговых авуаров колоний в общей сумме задолженности Англии странам Британской империи составляла около 18%, то в июне 1957 г. она уже достигала почти 45%. Эти данные подтверждают вывод о том, что стерлинговая задолженность выполняет роль своеобразного валютно-экономического амортизатора Англии, поскольку ей удается автоматически переключать на колонии значительную часть дефицита своего платежного баланса. Некоторые английские экономисты стремятся затушевать эту важную особенность в современных отношениях между метрополией и колониями. Рассматривая эти отношения в отрыве от их истинного экономического и классового содержания, они сводят их к простому перемещению выгод и преимуществ из одного экономического сектора стерлинговой зоны в другой⁷. Перемещение центра тяжести задолженности внутри стерлинговой зоны на колонии свидетельствует прежде всего об усилении эксплуатации колониальных народов в послевоенный период.

Систематически накапливая свою задолженность колониям, Англия вместе с тем пользуется в послевоенный период инфляционным ростом цен (оптовые, например, цены в Англии увеличились с 1945 г. в два раза) для уменьшения реальной стоимости своего долгового бремени. Кроме того, проведенная в 1949 г. девальвация фунта стерлингов сократила на 30% ту часть стерлинговых авуаров, которая образовалась в результате долларовых поступлений в валютный пул стерлинговой зоны.

В отличие от доминионов колонии практически лишены возможности изымать принадлежащие им авуары на собственные нужды. Это прежде всего подтверждается структурой распределения стерлинговых авуаров колоний.

Как видно из приведенных данных, почти треть задолженности Англии концентрируется на счетах денежных органов колоний или комиссионеров в качестве обеспечения внутреннего выпуска денег в указанных странах. С экономической точки зрения подобная система означает не что иное, как принудительное изъятие в пользу метрополии значительной части национального продукта колоний. Колониалистская сущность указанной системы состоит в том, что колонии не могут использовать собственные средства на импорт товаров, поскольку высвобождение этих средств может

⁷ См. А. Р. Конэн. Указ. соч., стр. 187.

быть достигнуто только при сокращении денежного обращения в колониях. Но поскольку, как подтверждается послевоенной практикой, колонии, за редким исключением, имели активный платежный баланс, их денежное обращение постоянно увеличивалось, а следовательно и росли стерлинговые резервы его покрытия — с 1950 г. по 1956 г. они выросли более чем в 1,6 раза (с 282 млн. ф. ст. до 464 млн. ф. ст.).

Английское законодательство запрещает денежным органам колоний вкладывать принадлежащие им средства в ценные бумаги колониальных правительств. Естественно, что накопления, которые должны храниться в Лондоне и используются метрополией для финансирования своих потребностей, могли бы значительно облегчить положение народов колоний. Нарастивание государственного долга Англии за счет колоний лишь в незначительной степени компенсируется уплатой небольшого процента, который колонии получают от вложения своих средств в английские ценные бумаги.

Второй крупной статьёй стерлинговых авуаров колоний являются средства так называемых колониальных агентов⁸. В них в основном включаются бюджетные накопления колониальных властей, вложенные в ценные бумаги в Лондоне, резервы погашения внешних долгов, средства сберегательных касс и пенсионных фондов, а также прочие, зарезервированные на всякий случай средства. Здесь с особой силой проявляется паразитическая сущность английского империализма, ограничивающего возможности использования свободных внутренних ресурсов этих стран для развития их экономических возможностей. Побуждая колониальные правительства инвестировать часть их внутренних бюджетных накоплений в ценные бумаги метрополии, последняя таким образом также финансирует за счет колоний свои текущие расходы. Кроме того, Англия, задолжавшая колониям огромную сумму, заставляет колониальные власти отвлекать значительную часть их внутренних накоплений на создание гарантийных фондов погашения внешнего государственного долга колоний, который, по самым оптимистическим оценкам, едва ли превышает 150—200 млн. ф. ст. Одно только разблокирование этих фондов позволило бы колониям получить гораздо большие средства, чем те, которые выделяет им Англия под разными благотворительными вывесками.

Третьим, не менее важным элементом стерлинговой задолженности Англии, являются так называемые официальные фонды. Эти фонды состоят из средств полуправительственных монополий — «Маркетинг бордс», которые выполняют посреднические функции. Скупая у сельскохозяйственных производителей их продукцию по твердо установленным на каждый сезон ценам, эти монополии затем осуществляют ее продажу на внешних рынках. За счет отчислений с продажной цены сельскохозяйственных и плантационных культур эти организации создают особые фонды на случай падения мировых цен ниже установленных закупочных цен. Функционирование указанных организаций в колониях справедливо подвергается резкой критике со стороны представителей угнетенных народов. Созданные под предлогом борьбы с инфляцией «Маркетинг бордс» являются на деле эффективным инструментом, облегчающим взимание колониальной дани, так как цены, по которым скупается продукция у фермеров, носят по существу принудительный характер и очень обременительны для коренного населения. Например, в 1954 г. «Маркетинг борд» Золотого Берега выплачивала фермерам и арендаторам за тонну какао 134 ф. ст., тогда как на мировом рынке она выручала около 500 ф. ст. за тонну. Средства стабилизационных фондов так же, как и все остальные сбережения, направляются не на расширение производственных возможностей колоний, а оседают на стерлинговых счетах в Лондоне

⁸ «Агенты Короны для правительств и администраций заморских территорий Англии» — (колониальные агенты) официальная организация, близко примыкающая к министерству колоний. Она занимается различными посредническими функциями в колониях и в том числе управлением денежными фондами колониальных властей и средствами денежных комиссионеров (органов, осуществляющих функции по обмену валюты), фактически она является органом контроля над колониальными правительствами.

и не могут быть использованы на дополнительный импорт товаров. «Маркетинг бордс» не имеют также права вкладывать свои средства в ценные бумаги колониальных правительств. Таким образом, колонизаторы под предлогом борьбы с инфляцией не допускают в колониях даже обычных капиталистических методов валютно-финансового регулирования.

Наконец, значительное место в стерлинговых авуарах занимают накопления английских и местных колониальных банков. Это, пожалуй, единственная статья в составе стерлинговой задолженности, регулирование которой осуществляется самими банками. Тем не менее, указанные средства являются также сбережениями колоний и наличие их в составе стерлинговой задолженности зависит больше от состояния платежного баланса, чем от объема кредитных операций в колониях. Английские банки, осуществляющие там свои операции, предпочитают направлять привлеченные средства не на развитие экономики колоний, а вкладывают их преимущественно в краткосрочные обязательства английского казначейства в Лондоне. Таким образом, увеличение экспортных доходов колоний косвенно используется английскими банками опять-таки для финансирования потребностей метрополии.

Таков истинный характер образования и использования стерлинговой задолженности Англии своим колониям, который полностью опровергает домыслы некоторых апологетов колониализма из числа английских экономистов (Гривс, Кинг, Коэн), не желающих признавать стерлинговые авуары колоний займом, предоставленным Англии, и утверждающих, что они якобы не являются сбережениями колоний⁹. Идеологи новейшего колониализма сознательно приукрашивают грабительскую сущность английского империализма, тщательно скрывают эксплуататорский характер образования стерлингового долга, который коренится в присвоении максимума труда колониальных народов в пользу метрополии. Однако угнетенные народы не верят колонизаторам. Поэтому ныне английский империализм вынужден ридиться в тогу колониального реформизма, якобы заботящегося о благе колоний.

Для того чтобы по-настоящему оценить эти «заботы» метрополии, необходимо рассмотреть экономическое развитие колониальных и подопечных территорий Англии за последние годы.

В соответствии с законами 1940 г. о развитии колоний предусматривалось выделение им ежегодно в течение десятилетнего периода 5 млн. фунтов стерлингов на улучшение сельского хозяйства, транспорта и связи, социального обслуживания, а также 500 тыс. ф. ст. на исследовательскую работу.

В 1945 г. общая сумма ассигнований на развитие колоний (1946—1956 гг.) была увеличена до 120 млн. ф. ст. В соответствии с законами от 1950 и 1955 гг. колониям было дополнительно ассигновано 100 млн. ф. ст., в том числе 14,35 млн. ф. ст. на исследовательскую работу и 12,5 млн. ф. ст. в качестве резерва. Таким образом, общая сумма ассигнований колониям из фондов колониального развития с 1940 по 1960 финансовые годы, составляет 220 млн. ф. ст. или в среднем около 10,5 млн. ф. ст. в год. Однако и эти небольшие по своему размеру ассигнования не были им предоставлены Англией в полном размере.

Таким образом, из предусмотренных на 17-летний период ассигнований в 180 млн. ф. ст. (см. табл. 5) колонии недополучили около 35 млн. ф. ст. Уже сама по себе эта широко разорванная помощь в расчете на душу населения ничтожна: «щедрость» метрополии выражается в сумме 1,7 ф. ст. за 17 лет. Однако и эти малозначительные средства направляются прежде всего на развитие тех отраслей хозяйства, которые являются источником дополнительного обогащения Англии и служат тому, чтобы обеспечить ее стратегические интересы в колониях. Распределение фактических расходов из фондов колониального развития показывает, что около 16% средств направляется на расширение коммуникаций, т. е. на строительство дорог, аэродромов, аэропортов и прочих средств связи и передвижения, что преследует цели, рассчитанные в первую

⁹ Например, см. I. Greaves. Указ. соч., стр. 77—87; A. P. Коэн. Указ. соч., стр. 159.

Таблица 5

Динамика фактических расходов на развитие колоний
за 1940—1957 гг.*
(в тыс. ф. ст.)

Годы	Расходы на развитие	Расходы на исследовательскую работу	Всего
1940—1945	5 606	109	5 715
1946—1950	30 229	2 740	32 969
1950/51	11 865	1 411	13 276
1951/52	13 239	1 233	14 472
1952/53	13 214	1 269	14 483
1953/54	12 782	1 210	14 072
1954/55	14 946	1 176	16 122
1955/56	15 319	1 374	16 693
1956/57	15 462	1 538	17 000
Итого:	132 662	12 140	144 802

* Источник: «Colonial development and welfare acts». London, H. C. 309, 18 January 1956; «The colonial territories, 1956—1957», Cmd 195. London, 1957, p. 82; «Colonial research 1956—1957», Cmd 321. London, November 1957, p. 18.

очередь на транспортное освоение колоний, на обеспечение выкачки сырья и быстрое, в случае необходимости, подавление национально-освободительного движения в колониях.

Около 18% всех израсходованных средств, предусмотренных на развитие сельского хозяйства, рыболовства, лесного хозяйства и ирригации пошло на организацию показательных фермерских хозяйств и оплату многочисленных английских специалистов.

На социальное обслуживание (главным образом образование и здравоохранение) израсходовано с 1946 г. около 20% общей суммы. Было бы наивным полагать, что 30 млн. ф. ст. могут внести сколько-нибудь заметные изменения в почти поголовную неграмотность населения и отсутствие элементарного медицинского обслуживания в колониях. Но и эти средства подчас используются не по назначению. Колонизаторы подозрительно относятся к созданию национальной системы образования. Часть выделяемых фондов поступает на внедрение и организацию английских школ, в которых молодому поколению прививается «английский образ жизни» и ориентация на «западную цивилизацию».

Остальные средства из фондов колониального развития направляются в основном на административные расходы, информационную службу, изыскательские и исследовательские работы (главным образом по фотографированию местности и составлению карт).

Примечательно, что английские власти не выделяют колониям средств на развитие национальной промышленности. Английская администрация препятствует вложению собственных средств колоний в развитие промышленного производства. «Колониальные правительства разрушат свою собственную цель, — указывал министр колоний в циркуляре от 1 июля 1953 г., — если они возложат на себя непосильное бремя постоянных капитальных расходов, которые не дают отдачи».

К категории финансовой помощи колониям Англия также относит единовременные выдачи средств на покрытие расходов колониальной администрации. Эти средства направляются главным образом на покрытие военных расходов и «поддержание порядка» в колониях. Из 25,6 млн. ф. ст., выделенных Англией колониальным властям,

около 19 млн. ф. ст. было предоставлено в форме даров на «специальные», т. е. военные цели, для подавления национально-освободительного движения в Кении, Адене, на Кипре и в других английских колониях.

При наличии благоприятного платежного баланса и «с учетом участия колоний своими ресурсами в развитии Британского содружества наций» Англия также разрешает им размещать займы на лондонском денежном рынке. За период с 1948 г. по 1956 г. английские колонии, не считая погашенных сумм, получили по займам около 150 млн. ф. ст. Наращивание колониями государственного долга тяжелым бременем ложится на трудящиеся массы, за счет которых выплачиваются проценты по займам.

Помимо займов, колонии получают кредиты от «Корпорации колониального развития», созданной в 1948 г. Корпорация призвана стимулировать приток частных капиталов в колонии. На конец 1957 г. общая сумма предусмотренных Корпорацией кредитов на строительство свыше 70 объектов составляла немногим больше 80 млн. ф. ст., из которых фактически предоставлено около 52 млн. ф. ст. Кредиты Корпорации направляются преимущественно на развитие сельскохозяйственной и сырьевой базы и освоение водных ресурсов английских колоний. Казначейство по своим взносам в капитал Корпорации взимает очень высокие проценты — от $4\frac{1}{4}$ до 5% годовых, что значительно увеличивает ее накладные расходы, а это, в свою очередь, отражается на размере кредитов, которые предоставляются колониальным странам.

Вопреки широкой рекламе, планы «экономического возрождения» колоний не подняли жизненного уровня народов этих стран. Напротив, положение местного населения значительно ухудшилось вследствие обострения инфляции в большинстве английских колоний. «Помощь» английского правительства бессильна разрешить экономические проблемы, стоящие перед колониальными странами. То, что Англия выделяет своим колониям, не идет ни в какое сравнение с ее колоссальной задолженностью этим странам.

Колониальные народы убедились на своем горьком опыте, что колонизаторы ничего не дают даром. Планы «экономического развития» колоний, как и все остальные «реформы» колониальной системы, направлены не на повышение благосостояния колониальных народов, а преследуют цели сохранения и усиления империалистической эксплуатации.

За пышными фразами об «эволюции по пути достижения независимости» и «равноправии» колоний скрываются хищнические устремления английских монополий, которые по мере распада мировой колониальной системы стараются компенсировать свои потери за счет более интенсивной эксплуатации материальных богатств и народов все еще остающихся под их господством колоний. Однако усиление экономической экспансии английского империализма, выступающего сейчас под флагом колониальных «реформ», наталкивается на растущее сопротивление угнетаемых народов, которые решительно встали на путь борьбы за свою свободу и независимость.

SUMMARY

The article describes the modern forms of financial exploitation of the British colonies. Exposing the apologetic theories of the British bourgeois economists about the allegedly unselfish attitude of Britain to the development of her colonies and about the so-called «decolonization», the author proves by concrete examples the important thesis that the centre of exploitation within the British Empire in the postwar period has shifted to the colonies.

Main attention is directed to Britain's sterling debt to her colonies. The author cites concrete data on the sources and distribution of the sterling balances, and shows the functioning of the financial mechanism of the sterling zone by means of which so rich a country as Britain appropriates a substantial part of the national income of the impoverished colonial peoples.

ИЗРАИЛЬ И АМЕРИКАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ

Г. С. НИКИТИНА

1

В 1958 г. исполнилось десять лет с момента образования государства Израиль. Роль Соединенных Штатов Америки в образовании этого государства широко известна. США поддержали провозглашенную в сентябре 1917 г. декларацию Бальфура — этот первый камень в фундаменте Израиля. Причем в отличие от английских авторов этого документа, туманно говоривших о «национальном очаге для еврейского народа» в Палестине, но вовсе не желавших создания самостоятельного еврейского государства, американские политики считали, что образование еврейского государства полностью отвечает интересам их ближневосточной политики, особенно в условиях нарастающего англо-американского соперничества. Поэтому американское правительство не только выступило в поддержку декларации Бальфура, но и постаралось дать ей с самого начала самое недвусмысленное толкование. Как свидетельствует Ллойд-Джордж, в дни, когда решалась судьба декларации в английском парламенте, в Вашингтоне последовало не оставлявшее никаких сомнений заявление президента Вильсона о том, что «союзные нации при полной поддержке нашего правительства и народа решили заложить в Палестине фундамент еврейского государства»¹. В 1922 г., когда Лига Наций предоставила Англии мандат на Палестину, включив в соглашение принципы декларации Бальфура, американский конгресс принял специальную резолюцию «о благоприятствовании США образованию в Палестине национального очага для еврейского народа». Два года спустя Белый Дом добился подписания с Англией специальной «Конвенции относительно Палестины», включавшей весь текст мандата вместе с принципами декларации Бальфура. В статье VII конвенции по существу подчеркивалось согласие правительства США на любое, предусмотренное в мандате изменение². В дальнейшем Соединенные Штаты с чисто американской деловитостью содействовали устранению английского мандата на Палестину, когда вопрос о нем встал в Организации Объединенных Наций после второй мировой войны.

Английский мандат на Палестину истек 15 мая 1948 г. Уже накануне президент США Трумэн приветствовал рождение нового государства — государства Израиль и руководителей сионистского движения, которым предстояло его возглавить. К этому времени сионистские лидеры уже достаточно прочно связали свою судьбу с Вашингтоном, оказавшим им всемерную поддержку. Только заморские «пожертвования» палестинским сионистам составили свыше 300 млн. долл. Секретные совещания членов правительства США с сионистскими вождами проходили в Вашингтоне и Нью-Йорке вплоть до официального провозглашения государства Израиль.

¹ Д. Ллойд-Джордж. Правда о мирных договорах, т. 2. М., 1957, стр. 302.

² С. Alpert. America and Zion. «Israel and Middle East. Special issue: Israel—USA». Tel Aviv, 1955, vol. 7, № 1—3, p. 64.

Добившись осуществления своей давнишней цели — создания Ираиля в качестве противовеса английскому верховенству на Ближнем и Среднем Востоке, правящие круги США постарались с самого начала его существования целиком поставить новое государство себе на службу. Они рассматривали Израиль с его стратегически выгодным положением как свою твердую опору на Ближнем Востоке, как орудие вытеснения своих английских конкурентов из этого района и, прежде всего, как средство давления на арабские страны и плацдарм своей экспансии в этот район мира.

История прошедшего десятилетия показала, что правительство Ираиля действительно превратилось в верного прислужника американских колонизаторов на Ближнем и Среднем Востоке. Его участие в синайской авантюре колонизаторов против египетского народа явилось закономерным проявлением проимпериалистического курса израильских экстремистов. Соединенные Штаты достигли немалых успехов в борьбе с английскими соперниками за преобладание на Ближнем и Среднем Востоке. Однако главного — остановить и подавить развитие национально-освободительного движения арабских народов им, несмотря на все их старания, добиться не удалось. Открытия американская интервенция в Ливане и поощрение интервенции Англии в Иордании прямо разоблачили американский империализм в глазах арабских народов как их злейшего врага.

Противодействие арабских стран «доктрине Эйзенхауэра», настойчивое стремление всех арабских народов к избавлению от империалистической зависимости показали американским колонизаторам, что в настоящее время Израиль представляет для них на Ближнем и Среднем Востоке единственный надежный плацдарм. Это особенно наглядно подтвердили события последнего времени в Ираке, Ливане и Иордании, переживающих новый подъем национально-освободительного движения. С первых же дней вооруженной интервенции США и Великобритании против Ливана и Иордании американские и английские агрессоры превратили воздушное пространство Ираиля в коридор для переброски английских оккупационных войск в Иорданию и для их снабжения. Таким образом, Израиль выступил прямым соучастником агрессивных действий США и Англии против ливанского, иорданского и других арабских народов.

2

Американские миллиардеры не замедлили использовать широкие возможности, открывшиеся перед ними с образованием израильского государства. В небольшое государство Израиль, население которого еще и сейчас не достигает 2 млн. человек, в течение последнего десятилетия ежегодно поступало в среднем 150 млн. долл. К 1955 г. общая сумма долларовых поступлений превысила 1,1 млрд. долл., а к середине 1958 г. она возросла до 1,5 млрд. долл. В то же время все арабские страны получили из-за океана за 8 лет, с 1948 по 1955 гг., всего 163 млн. долл.³

На государство Израиль распространены различного рода программы американской «помощи»: четвертый пункт программы Трумэна, Закон об обеспечении взаимной безопасности 1951 г., Закон 1954 г. о продаже сельскохозяйственных излишков. По этим программам Израиль получил свыше 335 млн. долл.⁴ Его опекуном также выступил Экспортно-импортный банк США, предоставивший сначала 100 млн. долл., затем еще 35 млн. долл.⁵ В ближайшем будущем обещано еще 75 млн. долл.⁶; в счет которых Израиль в начале 1958 г. уже получил 24,2 млн. долл. В шествие над Израилем включились различные американские «благотворительные» общества, такие как

³ G. Lenczowski. The Middle East in world affairs. New York, 1957, p. 356.

⁴ «The Middle Eastern affairs», 1957, № 11, p. 385; «Israel Economist», 1957, № 1, p. 4 (Данные за 1957/58 финансовый год включены по предварительной оценке).

⁵ «Export-import bank of Washington. Tenth semiannual report to Congress for the period January-June 1950», p. 13; C. Tadmor, Israel economic survey, July-December 1952, 1953, p. 124.

⁶ «Economic review», 1957, vol. X, № 47, p. 4.

Фонд Ротшильда, Фалк Проджект Фонд, специально учрежденный в 1954 г. для помощи Ираилю. Постоянно действующим источником долларов для Ираиля стали «пожертвования» американских капиталистов еврейского происхождения. По этому каналу за десятилетие в Израиль поступило почти 700 млн. долл.⁷, а вместе с реализованными среди американских евреев израильскими займами на сумму 320 млн. долл.⁸ — более миллиарда долларов.

Когда Израиль оказался связанным крупными поступлениями американской «помощи», империалисты США отбросили всякие стеснения. По подписанному в 1951 г. между США и Израилем так называемому «Договору о дружбе, торговле и мореплавании» американские монополисты оформили свое фактическое положение твердыми юридическими гарантиями⁹. Им предоставляются, как гласит преамбула соглашения, «нефиксированные права и привилегии в сфере экономической и культурной деятельности и... во всех других сферах». Обременительность договора для Ираиля была столь очевидной даже для правящих кругов страны, что Соединенным Штатам понадобилось три года на то, чтобы заставить израильское правительство ратифицировать договор в 1954 г. Отдельные американские «советники» были заменены большой миссией, осуществляющей фактически неограниченный контроль над всеми областями жизни страны. Эта специальная американская миссия узаконена соглашениями, заключенными между США и Израилем в осуществление программ «помощи». По условиям этих соглашений установлена фактически полная подотчетность израильского правительства этой миссии: оно обязано регулярно представлять «советникам», действующим от имени правительства США, отчеты о расходовании получаемых средств и материалов; подробно информировать о намечаемых или принятых им проектах, программах и мероприятиях для осуществления соглашений, сообщать о любой технической помощи, которая может быть предложена Ираилю другими странами или международными организациями и которая может иметь какое-либо отношение к проектам, предусмотренным соглашениями с США. Израиль обязался также освобождать от пошлин или других сборов и валютного контроля поставляемые в счет «помощи» американские товары; от налогов и сборов освобождены также члены миссии и их семьи. Членам миссии предоставлено право экстерриториальности. Формально правительство Ираиля должно отчитываться лишь в вопросах, касающихся американской «помощи». Однако при зависимом положении Ираиля от США никто не может ввести в заблуждение это ограничение, ибо американская помощь охватывает все стороны экономической жизни Ираиля и полностью определяет его политику.

Американские советники подвизаются, как свидетельствует израильский «Правительственный ежегодник» за 1955 г., в сельском хозяйстве, торговле, промышленности, ирригации, транспорте и связи, эксплуатации минеральных ресурсов, образовании¹⁰, — по существу во всех областях жизни страны. Они контролируют также и идеологическую жизнь страны, используя обширную программу американского «содействия» развитию культурных, научных и филантропических учреждений Ираиля. Этот вид «помощи» не только способствует проникновению США в Израиль, но и предоставляет широкую возможность для «американизации» страны. Выделяемые по этой программе средства расходуются на приобретение в США периодической прессы, информационной литературы, на создание в израильских учебных заведениях кафедр по изучению Америки, на учреждение специальных денежных фондов с целью «обеспечения большего американско-израильского взаимопонимания», на переводы и издание книг аме-

⁷ Подсчитано по «Israel and Middle East», 1955, № 1—3, p. 57; «Government yearbook. State of Israel», 1955, p. 164; «Lebanon, Jordan and Iraq. Report on US foreign assistance programme. US Senate. Survey 2. Washington, February 1957, p. 14; «Economic review», 1957, № 46, p. 6.

⁸ «Israel weekly digest», 27 февраля 1958 г.

⁹ «Friendship, commerce and navigation: Treaty, with protocol and exchange of notes between USA and Israel. Treaties and other international acts series 2948».

¹⁰ «Government yearbook. State of Israel», 1955, p. 41.

риканских авторов, расширение изучения английского языка, организацию специальных курсов по изучению истории и литературы Америки и т. п.¹¹. Этой программе идеологического воздействия на Израиль в Вашингтоне уделяют особое внимание. Она проводится в жизнь при непосредственном содействии госдепартамента, а также таких правительственных учреждений, как «Управление международного сотрудничества», ведающее программами американской «помощи» и Информационная служба США, осуществляющая широкую пропагандистскую деятельность за границей. Программа так называемой культурной помощи пользуется поддержкой трех десятков частных американских организаций: «Американского еврейского конгресса», «Хадасса», «Американского еврейского комитета», «Юнайтед Джуиш Эппил», «Сионистской организации Америки», «Национального совета благополучия евреев» и т. п.

В мае 1957 г. была опубликована новая программа «помощи» Израилю в области культуры и науки. Она предусматривает, в частности, расширение обучения и совершенствования в США «наиболее отличившихся» молодых израильских специалистов, которым по возвращении предоставляются наиболее важные в стране посты в научных учреждениях и в экономической сфере¹².

Под неослабным контролем США находится израильская печать. Информационная служба США (ЮСИС) непосредственно и через американское посольство в Тель-Авиве регулярно снабжает израильские газеты различной рода информацией и готовыми бюллетенями. В 1956 г. Соединенные Штаты создали в Израиле специальное агентство СИМА, финансируемое и действующее в качестве филиала пресловутой «Свободной Европы». СИМА ежедневно рассылает израильским газетам, прежде всего, проамериканским «Херут», «Лахронет», «Габокер», бесплатные бюллетени с клеветнической информацией об СССР и восточноевропейских странах народной демократии. Страну буквально наводняют американские политические деятели, бизнесмены, журналисты, туристы. В 1956 г. Израиль посетило около 50 тыс. иностранных туристов, из них 19 тыс. были из США.

Хотя Израиль считается независимым государством, на самом деле даже на израильскую армию и внешнюю политику страны распространяется американский контроль. По условиям соглашения о взаимном обеспечении безопасности Израиль обязан вместе с Соединенными Штатами «участвовать в обороне района, частью которого он является» (т. е. Среднего Востока. — Г. Н.) и с этой целью предоставлять в распоряжение США любое «оборудование, услуги и другую помощь»¹³, включая и возможность использования для военных целей израильской территории, как это и случилось, когда через воздушное пространство Израиля были пропущены в Иорданию английские интервенционистские войска.

Что касается внешней политики Израиля, то ясно, что проводимый правящими кругами этой небольшой страны провокационный, агрессивный по отношению к его арабским соседям курс инспирируется Вашингтоном, преследующим свои экспансионистские цели на Ближнем и Среднем Востоке.

3

Размер частных американских капиталовложений в экономику Израиля не идет ни в какое сравнение с поступающими из США государственными субсидиями и субсидиями частных лиц в виде помощи, и это вполне закономерно, ибо Израиль представляет для Соединенных Штатов, прежде всего, важный стратегический плацдарм, а уж затем место приложения частного капитала. Общая сумма американских субсидий Израилю, включая все виды «помощи», возросла за 8 лет с 1948 по 1955 гг. со 140 млн. долл. до 1100 млн. долл., тогда как инвестиции частного капитала увеличились с 2 млн. долл. до 63 млн. долл.¹⁴. Однако если учесть темпы прироста частных американских инвес-

¹¹ «The Department of State bulletin», 1956, vol. XXXV, № 893, p. 223.

¹² «Economic review», 1957, vol. X, № 40, p. 16.

¹³ «Mutual defense assistance agreement between the USA and Israel. Entered into force July 1952. Treaties and other international acts series 2675».

¹⁴ «Survey of current business», August 1955, p. 16.

тиций, Израиль не без оснований считается сейчас «одним из основных международных центров привлечения новых частных капиталовложений США»¹⁵. Уже в 1954 г. американский капитал имел в частном капиталистическом секторе экономики Израиля значительно большую долю, чем любая другая страна. В так называемых «одобренных», т. е. зарегистрированных специальным израильским управлением по капиталовложениям иностранных и смешанных предприятиях, по данным израильского «Правительственного ежегодника», он составил 32% всех иностранных капиталовложений (124,7 млн. долл.) при несравненно меньшей доле других стран: Англия — 11,6%, Канада — 7,4%, Франция — 3,2 и т. д.¹⁶. По данным, приводимым в журнале «Израил энд Миддл Ист», указанная доля США составляла в 1954 г. 37,5%, а в предприятиях, которые к этому времени выполнили свои инвестиционные планы и начали выпуск продукции, она достигала даже 43,5%¹⁷. Приток американского капитала в «одобренные» предприятия только в течение 1956 г. составил 56% из общей суммы иностранных инвестиций этого года¹⁸ и 73% (вместе с небольшой долей Канады) — в течение 1957 г.¹⁹. Общая сумма иностранных инвестиций в названные предприятия к концу 1956 г. достигла 220 млн. долл. в то время как внутренние израильские капиталовложения составили 91 млн. долл. или 29% всех — иностранных и местных — капиталовложений²⁰.

В Израиле иностранным вкладчикам капиталов предоставлено множество различных льгот и привилегий. По закону о поощрении капиталовложений, принятому в 1950 г., они в течение первых пяти лет освобождаются от налога на имущество, а также от уплаты пошлин на импортируемое машинное оборудование и сырье; им увеличиваются суммы амортизационных отчислений, гарантируется предельный размер подоходного налога; предоставляется право переводить ежегодно за границу в иностранной валюте 10% прибыли на вложенный капитал²¹. Полученные привилегии американские инвесторы закрепили с помощью подписанного в августе 1952 г. между США и Израилем специального соглашения о гарантиях американским вкладчикам.

Предоставленные американским капиталистам гарантии содействовали тому, что монополии США буквально наводнили Израиль собственными филиалами, дочерними предприятиями, различными агентствами и представительствами, заняв ведущее положение во многих отраслях израильской экономики. Крупнейшие из действующих в Израиле монополий «Палестайн Экономик корпорейшн» (ПЭК) и «Америкэн Израэл корпорейшн» (АМПАЛ)²² являются целиком американскими и превратились в концерны, объединяющие множество дочерних компаний и филиалов. Концерн ПЭК включает несколько крупных банков и десятки различных, полностью или частично подчиненных ему компаний. Он выступает также в качестве посредника крупнейших американских трестов.

Наличный капитал и резервы ПЭК уже в 1955 г. достигли 50 млн. долл. Чистые прибыли этой монополии, по явно заниженным официальным данным, выросли со 150 тыс. долл. в 1950 г. до 423 тыс. долл. в 1956 г. Не уступает ПЭК концерн АМПАЛ, с 1949 г. по 1956 г. увеличивший свои активы в 5 раз. Как и ПЭК, АМПАЛ скрывает свои действительные доходы, переводя значительную часть прибыли на баланс своих филиалов. Поэтому, хотя прибыли самого АМПАЛ'а в течение 1956 г. увеличились незначи-

¹⁵ A. B. Magil. Which way Israel. New York, 1956, p. 10.

¹⁶ «Government year-book. State of Israel», 1955, p. 85; «Israel economic bulletin», 1955, vol. 7, № 5/6, p. 37.

¹⁷ «Israel and Middle East», 1955, № 1—3, p. 65.

¹⁸ «The Jewish agency's digest of press and events», 1957, vol. X, № 32, p. 1036.

¹⁹ «Israel weekly digest», 1958, № 14, Suppl.

²⁰ «Economic review», 1957, № 47, p. 3.

²¹ «The encouragement of capital investment law», 29 March 1950; «The Israel economist», May 1950, vol. VI, № 5, p. 134—136.

²² До 1954 г. АМПАЛ носила название «Америкэн Палестайн Трейдинг корпорейшн».

тельно, активы его дочерней «Индастриэл энд Минерал Дивелопмент корпорейшн» возросли на 60%. Крупными американскими компаниями — монополиями в Израиле являются также «Кайзер Фрезер корпорейшн» (автомобильная промышленность), «Дженерал Тайр энд Раббер компани» (резиновая промышленность), «Мидл Ист Тьюб Компани» (завод стальных труб в Акре), «Америкэн Израэл Пейпер Милз» (бумажная промышленность), «Израэл Америкэн Ойл компани», имеющая 7 лицензий на разведку нефти на территории в 535 тыс. акров, что составляет примерно половину всех обрабатываемых в стране площадей. Американские монополии принимают участие в прокладке нефтепроводов на территории Израиля.

Нефтепровод Эйлат-Беершеба протяжением в 224 км с годовой пропускной способностью в 750 тыс. тонн был сооружен за четыре месяца, и уже в апреле 1957 г. он был введен в эксплуатацию. Стоимость сооружения оценивается в 14 млн. изр. ф. (6,7 млн. долл.). В течение 1957 г. проложен нефтепровод от Хайфы до Тель-Авива. Теперь вопрос стоит о мощном нефтепроводе, непосредственно связывающем Эйлат с Хайфой, с пропускной способностью в 25 млн. тонн нефти в год. Предварительная стоимость строительства определена в 70—75 млн. долл. Как сообщает печать, американские бизнесмены выразили готовность участвовать в финансировании сооружения и этого нефтепровода.

Характерная черта действующих в Израиле американских компаний состоит в том, что их заправками выступают крупнейшие монополисты США и, прежде всего, американские миллиардеры еврейского происхождения. Среди них банкиры Лиманы, которым принадлежит один из 17 банковских домов Уолл-стрита. В настоящее время Герберт Лиман является почетным председателем ПЭК, а практически концерн возглавляет брат одного из компаньонов банка Лиманов Роберт Сзолд, в прошлом председатель сионистской организации в США. Крупные интересы в Израиле имеют одна из главнейших групп финансового капитала США — группа «Куп, Леб энд Ко», Бостонская финансовая группа, Меллоны из Питсбурга, кливлендские финансисты и другие магнаты²³. Это они — истинные хозяева Израиля, диктующие ему свою волю.

Весной 1957 г. они создали широко разрекламированную «Американо-Еврейскую Лигу для Израиля», во главе которой встали виднейшие американские промышленники и сионистские лидеры.

4

Американские капиталы играют решающую роль в израильской экономике. Расходы Израиля в иностранной валюте с 1949 по 1954 гг. составили 2020 млн. долл. Из них только 460 млн. долл., или 23%, были покрыты экспортом; остальные же, почти 1,6 млрд. долл. — получены в результате перевода иностранных капиталов и поступлений по займам, главным образом из США²⁴. Из предусмотренных планом развития Израиля на 1954—1960 гг. расходов в иностранной валюте в сумме 1,7 млрд. долл. львиная доля также поступает из американских источников. Собственные капиталовложения Израиля по этому плану определены в 1092 млн. изр. ф. или 607 млн. долл., что составляет лишь примерно 1/4 всех намеченных инвестиций в израильское народное хозяйство²⁵. Удельный вес собственных ресурсов в государственном бюджете Израиля составляет лишь 50—60%, а его составная часть — так называемый бюджет развития — фактически целиком покрывается за счет иностранных поступлений. В 1956/57 финансовом году общие бюджетные поступления Израиля составили 766,2 млн. изр. ф., из них из собственных ресурсов — 468,3 млн. изр. ф. Приходная часть бюджета развития на тот же год в размере 237 млн. изр. ф.²⁶ была покрыта иностран-

²³ См. V. Perlo. *Israel and dollar diplomacy*. New York, 1953, p. 17.

²⁴ «Economic developments in the Middle East, 1945 to 1954. United Nations». New York, 1955, p. 137, 139.

²⁵ Там же, стр. 148, 149.

²⁶ «Economic review», 1958, vol. XI, № 18, p. 1, 4; «Economic developments in the Middle East, 1955—1956. United Nations». New York, 1957, p. 84.

ными поступлениями — в основном из США, но также и за счет западногерманских репараций, составляющих в настоящее время значительные суммы.

Для внешней торговли Израиля характерно постоянное превышение импорта над экспортом. Неуклонно возрастающий дефицит внешнеторгового баланса превысил в 1957 г. 300 млн. долл., а всего за десятилетие он составил 2,3 млрд. долл. Финансовое положение страны усложняет все увеличивающаяся внешняя задолженность Израиля, равнявшаяся в 1956 г. 472,9 млн. долл., а в 1957 г. — уже 532 млн. долл., против 397,2 млн. долл. в 1953 г.²⁷ Что касается промышленного развития Израиля, то ключевые отрасли производства все еще находятся в неравном состоянии. Удельный вес машиностроения в общем производстве страны составляет всего 2,1%, горно-рудной промышленности — 3,8%, и химической — 6,4%²⁸.

Финансовые трудности Израиля, медленное развитие промышленности в значительной степени объясняются тем, что израильское государство тратит огромные средства на милитаризацию страны и подготовку военных авантюр. По свидетельству министра финансов Эшкола, военные расходы израильского правительства с 15 мая 1948 г. по 31 марта 1957 г., то есть за неполные 9 лет, составили 2 млрд. изр. ф. или 1,1 млрд. долл.²⁹ Американская «помощь» за тот же, примерно, период выразилась в сумме несколько более 1,3 млрд. долл. Таким образом «помощь» США по существу пошла на милитаризацию Израиля. В соглашении об американской «помощи» специально подчеркивается, что «правительство Израиля обязуется использовать помощь США таким образом, чтобы обеспечить себе возможность участвовать в обороне района, частью которого он является»³⁰.

Американские империалисты все большее внимание обращают на ту часть Израиля, которая граничит с Египетским районом ОАР и находится в непосредственной близости к Суэцкому каналу. С использованием порта Эйлат на Акабском заливе связаны реваншистские планы израильских правящих кругов и их заокеанских покровителей против Египта и других арабских стран. Порту уделяется исключительное внимание, его в настоящее время основательно реконструируют с целью превратить в крупную военно-морскую базу. Как сообщает израильская пресса, на реконструкцию порта выделено 75 млн. изр. ф.

5

Тесным связям и «взаимопониманию» между американскими империалистами и лидерами ведущей и самой значительной правительственной партии Израиля МАПАИ содействует девиз этой партии: «Использовать любые усилия для привлечения капиталовложений из-за границы»³¹. МАПАИ рассматривает постоянный приток в страну иностранного и, в частности, американского капитала, как основное условие своего пребывания у власти. В свою очередь США всемерно поддерживают мапаевское руководство. Наиболее крупные американские подачки обычно приурочиваются к избирательным кампаниям в Израиле, чтобы помочь МАПАИ удержаться у власти. Мапаевские лидеры в свою очередь оказывают поддержку американским опекунам в их экспансионистской политике на Ближнем и Среднем Востоке.

Идеологической платформой, на базе которой сближаются интересы монополистов США и правящей верхушки Израиля, является сионизм — реакционно-националистическая идеология еврейской буржуазии, проповедующая классовый мир между еврейскими богачами и беднотой. Правящие круги Израиля используют сионизм как программу максимального расширения пределов израильского государства за счет арабских народов. Поэтому арабские народы справедливо усматривают в си-

²⁷ «Statistical abstract of Israel, 1955/56», p. 225; «New outlook. Middle East monthly», August 1957, p. 63.

²⁸ «Statistical bulletin of Israel», May 1957, vol. VIII, № 5, p. 152—153.

²⁹ «Israel weekly digest», 1958, № 19, p. 2.

³⁰ «Mutual defense assistance...»

³¹ «Who's who, Israel». Tel-Aviv, 1955, p. 470.

низме прямую угрозу для себя. Они учитывают при этом далеко идущие планы израильских правителей об увеличении населения Израиля до 5 млн. человек и их откровенно агрессивные намерения в отношении арабских стран, уже проявившиеся два года назад в открытой агрессии против Египта. Израильские правители хорошо понимают, что осуществление экспансионистских планов и проектов подобного рода возможно лишь при условии тесного контакта с монополистами США, которые также питают в отношении арабских народов колониалистские намерения. Поэтому на почве экспансионистских устремлений против арабских народов и происходит особенно активное сближение США с правящей израильской верхушкой. Проамериканский экспансионистский курс правящих кругов Израиля встречает, однако, все большее противодействие внутри страны. Как подчеркивал XIII съезд Компартии Израиля, происходивший в конце мая 1957 г., в настоящее время «почти во всех партиях, за исключением партии «Херут», есть элементы, которые желают проводить политику мира и нейтралитета и таким образом выражают интересы и настроения различных общественных слоев, которых сильно затрагивает политика зависимости, проводимая правительством в отношении США и иностранного монополистического капитала». Народные массы страны, не желающие быть вовлеченными в новые опасные авантюры американских монополистов, все более активно выступают против антинациональной политики, проводимой правительством Израиля. Самоотверженным, последовательным борцом за подлинно национальные интересы народов Израиля является коммунистическая партия, единственная в стране партия, объединяющая трудящихся евреев и арабов.

6

Предназначая Израилю важную роль в своих экспансионистских планах на Ближнем и Среднем Востоке, Соединенные Штаты до сих пор воздерживаются от заключения с ним военного союза. Причина этого, как заявил один французский журналист, состоит в том, чтобы «не потерять те остатки доверия, которыми США еще пользуются в некоторых арабских странах...», т. е. натравливая Израиль на арабов, одновременно иметь возможность заявлять о своем дружеском отношении к ним.

Позицию «беспристрастности» и «объективности» по отношению к арабским народам американская дипломатия особенно старалась показать в период прямой агрессии колонизаторов против египетского народа в октябре — ноябре 1956 г. За то, что Израиль проявил якобы «своеволье», он был наказан приостановкой американской «помощи». Из 25 млн. долл., выделенных Соединенными Штатами в 1956 г., Израиль недополучил более половины. Зато в тот самый момент, когда предоставление американской «помощи» Израилю было приостановлено³², на нью-йоркской бирже молниеносно был реализован израильский заем, с лихвой покрывший приостановленную «помощь»³³.

Необходимо отметить, что только в период подготовки синайской авантюры Израиль получил от американских сионистов свыше 125 млн. долл.³⁴. Но правительство США сумело остаться в тени. Американские руководящие круги стремились воспользоваться англо-франко-израильской агрессией против Египта для того, чтобы вытеснить своих английских и французских соперников с Ближнего Востока. Не участвуя непосредственно в военных действиях, США рассчитывали предстать перед арабскими народами в качестве «защитника свободы народов». Агрессия США на Ближнем Востоке, предпринятая летом нынешнего года, окончательно сорвала с них эту маску.

Активную роль играла американская дипломатия в заключении сделки между Израилем и ФРГ. В 1952 г. эти страны подписали соглашение, по которому Федеративная Республика Германии обязалась в течение 12 лет выплатить Израилю 3450 млн. марок (841 млн. долл.) в качестве компенсации за ущерб, понесенный евреями

³² С весны 1957 г. предоставление американской «помощи» было возобновлено.

³³ «The Israel economist», 1957, № 2, p. 26.

³⁴ «Lebanon, Jordan and Iraq. Report...», p. 14.

от гитлеровцев в период второй мировой войны³⁵. На такую компенсацию Израиль не имеет ни юридических, ни моральных прав, поскольку Израиль никоим образом не является выразителем интересов европейских евреев, пострадавших от фашизма. Подавляющее большинство евреев — жертв нацизма не имеют к Израилю никакого отношения, проживают они по-прежнему в Европе, в частности в ряде стран народной демократии. Тем не менее Израиль получает огромные суммы, фактически ему не принадлежащие, но обогащающие израильскую буржуазию. К апрелю 1958 г. Израиль получил от ФРГ уже 376 млн. долл.³⁶. Эти средства идут прежде всего на усиление военного потенциала Израиля. За счет западногерманских репараций увеличивается флот, пополняется машинный парк, завозятся различного рода стальные конструкции, металлоизделия и другие стратегические товары. Западногерманские репарации составляют значительную долю в бюджете страны (примерно 30% в бюджете развития 1956/57 г.)³⁷.

Хотя в ходе переговоров между Израилем и ФРГ по поводу репараций американское правительство старалось вести себя осторожно и не высказывать своей точки зрения, однако при сложившейся уже к этому времени зависимости Израиля и ФРГ от США было вполне очевидным, что американская дипломатия выступала главным вдохновителем этой сделки, ибо таким образом США перекладывали на Западную Германию часть финансового бремени по поддержанию Израиля. Снижая Израилю размер американских субсидий, они могли разыгрывать роль «беспристрастного» арбитра в арабо-израильских отношениях.

Однако правящие круги США просчитались в самом главном — арабские народы хорошо разобрались в истинном характере американской политики, преследующей империалистические, колониалистские цели. Подтверждением этого являются образование Объединенной Арабской Республики, соединившей усилия египетского и сирийского народов для дальнейшей борьбы против колонизаторов за свою свободу и независимость, провозглашение Иракской республики, мужественная борьба ливанских патриотов.

Вовлечение Израиля в авантюристическую и опасную политику США на Среднем Востоке серьезно осложняет положение израильского государства. Об этом со всей очевидностью свидетельствует весь десятилетний путь развития Израиля. Прямое пособничество правительства Израиля американским и английским интервентам в Ливане и Иордании еще более усилило напряженность на Ближнем и Среднем Востоке, которая чревата конфликтом с чрезвычайно опасными последствиями для национальных интересов самого Израиля. Вовлечение Израиля в опасную военную авантюру США против арабских народов может, как указывало Политбюро ЦК Компартии Израиля, поставить под угрозу безопасность Израиля и жизнь его народа.

Только отказ от экспансионистского курса, диктуемого США, единственно отвечает интересам Израиля.

SUMMARY

The author shows that American imperialism has converted Israel into an outpost of its aggressive policy in the Near and Middle East. United States expansion in Israel is becoming more and more intense every year. American «aid» clears the way for the penetration of Israel by the American colonialists and secures the widest possibilities for their operations in that country. The increasing penetration of Israel by American capital is striking proof of the growing dependence of the Israeli state upon the USA. Israel's provocative policy with regard to its Arab neighbours demonstrates most vividly how precarious is the course pursued by the Israeli rulers in obedience to the dictates of the American colonialists.

³⁵ «Deutsches Wirtschaftsinstitut», 1956, Bericht 15/16, S. 36.

³⁶ «The Banker», April 1957, p. 245; «Economic review», 1958, № 18, p. 2.

³⁷ «Economic review», 1958, № 18, p. 2, 4.

«БУДИ УТОМО» («ВЫСОКАЯ ЦЕЛЬ»)

К 50-летию первой национальной организации
в Индонезии

Е. И. ГНЕВУШЕВА

К началу XX в. в экономике и общественных отношениях Нидерландской Индии произошли существенные изменения. Они были естественным результатом нового курса колониальной политики, начатого Голландией с 1870 г., когда была отменена система принудительных культур и ликвидирована монополия Голландии на эксплуатацию ее богатейшей колонии. Именно с этого времени в Индонезию, наряду с голландским, устремился английский, французский, бельгийский капитал. В последние десятилетия XIX в. в колонии возникли многочисленные акционерные компании, банки, коммерческие общества. Западноевропейскому капиталу стали принадлежать плантации, предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья, рудники, шахты, железные дороги, пароходы. Сферой же приложения национального капитала оставалось производство батика (набивной ткани), соломенных шляп, циновок, сигарет, и доля национальной буржуазии в общем промышленном производстве была ничтожна.

Империалистическая эксплуатация крайне ухудшала и без того тяжелое положение крестьянства Явы. Участились крестьянские волнения, и в последние десятилетия XIX в. они охватили Центральную Яву. Крестьяне бойкотировали распоряжения колониальных властей, не платили налогов, и, наконец, стали захватывать земли. Антифеодальные крестьянские движения имели вместе с тем ярко выраженную антиколониальную направленность. В условиях обострения противоречий между метрополией и колонией голландские колонизаторы в 1901 г. вынуждены были провозгласить так называемый этический курс. Было официально признано «бедственное состояние яванцев», королева заявила, что «моральным долгом Нидерландов как христианской державы является забота о туземцах».

Ирригация, иммиграция и просвещение — таковы были торжественно провозглашенные основы «этического курса». Но увеличением площади орошаемых земель голландское правительство преследовало своекорыстную цель; иммиграция приняла ничтожные размеры: в 1907 г. с Явы на Целебес переселились приблизительно 30 человек, в 1912 г. — 150, весьма незначительная часть населения переехала в лампонгские округа Суматры¹; что касается просвещения, то сами голландцы признают, что ассигнованные на него суммы были «весьма скромны», и в 1908 г. сельских школ на Яве было всего 367², а грамотных среди индонезийского населения — 10%³.

Новым в «этическом курсе» было открытие учебных заведений, которые готовили клерков для нужд колониального аппарата. Дети состоятельных слоев населения,

как правило, дети феодальной аристократии, уже давно привлеченной голландцами к участию в административно-бюрократическом аппарате, составляли основной контингент учащихся этих правительственных школ⁴.

Нидерландское правительство открыло такие учебные заведения, в которых индонезийцы из аристократических семей могли получать знания лишь в объеме, нужном для колонизаторов. Либеральный ученый Шэйе опасался, что если индонезийцам дать европейское образование, то они используют приобретенные знания против своих иноземных господ. Мы, писал Шэйе, излагая взгляды колонизаторов «нового стиля», должны обучать индонезийцев — это в интересах нашей власти, нашей администрации, наших финансов. Но пусть Голландия остерегается и, следуя выражению одного правителя, не допускает побежденного к цивилизации...⁵ Голландское правительство систематически урезывало статьи бюджета, предназначенные для нужд просвещения в колонии.

«Этический курс» не уничтожил пропасти между голландцами и индонезийцами. Получившие в Голландии образование индонезийцы подвергались дискриминации: в индонезийской гражданской службе индонезиец получал 25 гульденов в месяц, голландец или евразец⁶ — 60 гульденов⁷. Одним из объективных результатов проводившегося колонизаторами «этического курса» было, однако, появление по-европейски образованной национальной интеллигенции, из среды которой могли исходить организованная оппозиция голландскому господству. Колониальные условия порождали, вместе с тем, тип интеллигента, по словам Ситоруса, «более западного, чем сам Запад», преклонявшегося перед буржуазной цивилизацией Европы и презиравшего свой народ, отказывавшегося говорить на родном языке и в повседневной жизни старательно копировавшего обычаи и манеры европейцев. Однако такой тип не был характерен для большинства индонезийской интеллигенции, которая искренно хотела видеть свою страну независимой, процветающей, культурной. Индонезийская интеллигенция полагала, что для этого нужно перенести в Индонезию политические институты метрополии и прежде всего повысить общий культурный уровень народа. До 1900 г. в университетах Голландии обучалось всего четыре студента индонезийца⁸, а в 1908 г., когда возникла организация «Буди Утомо» («Высокая цель»), в Голландии обучалось 10 молодых индонезийцев⁹. Как ни мала была эта группа студенческой молодежи в Голландии, но влияние ее на весь ход общественного движения в Индонезии было весьма значительным. Все индонезийские студенты занимались журналистской деятельностью, помещая свои статьи в голландские и индонезийской прессе. Часть из них была связана с голландскими организациями, созданными руководителями «этического курса», например, с обществом «Друзья Индонезии», которым руководили ван Девентер, ван Коль, Снук Хургронье. Обучавшиеся в Голландии индонезийские студенты создали свою организацию в форме землячества. Они называли ее «Индийский Союз» (Indische Vereeniging). Союзом руководил Нотосурото, юрист и литератор, впервые выдвинувший идею культурного единства жителей всех островов Малайского архипелага¹⁰.

Индонезийские авторы (Ситорус, Сануси Пале) совершенно справедливо подчеркивают, что индонезийское общественное движение испытало на себе влияние ряда стран Азии и Европы. Индонезийская интеллигенция читала Тагора и Сунь Ят-сена, Руссо

⁴ В 1909 г. 72,3% учащихся в правительственных школах для индонезийской администрации составляли сыновья чиновников. G. McTurnan Kahin. Nationalism and revolution in Indonesia. New York, 1952, p. 58.

⁵ Chailley-Bert. Java et ses habitants. Paris, 1907, p. 287.

⁶ Лица, родившиеся от смешанных браков с европейцами.

⁷ G. McTurnan Kahin. Указ. соч., стр. 54.

⁸ Ki Hadjar Dewantara. Dari kebangunan nasional sampai proklamasi kemerdekaan. Djakarta, 1952, h. 87.

⁹ J. Chaudhry. Указ. соч., стр. 44.

¹⁰ Ki Hadjar Dewantara. Указ. соч., стр. 89.

¹ См. E. S. de Klerck. History of the Netherlands East Indies, vol. 2. Rotterdam, 1938, p. 423.

² Там же, стр. 415.

³ I. Chaudhry. The Indonesian struggle. Lahore, 1950, p. 44.

и Локка, Дж. Ст. Милли. Политические доктрины Европы, начиная от буржуазных просветителей XVIII в., идейно вооружали интеллигенцию колониальных стран. Наряду с изучением политических теорий и истории освободительного движения Европы, индонезийская интеллигенция с пристальным вниманием следила и за деятельностью Национального конгресса в Индии, национально-освободительной борьбой филиппинского народа, восстанием ихэтуань в Китае (1900 г.).

В первое десятилетие XX в., как указывал В. И. Ленин, началось «пробуждение Азии», подъем национально-освободительного движения в колониях и зависимых странах¹¹. Процесс национального пробуждения Индонезии происходил в условиях все обострявшейся борьбы между империалистическими державами за колонии. Эта борьба задела Голландию и отразилась на Индонезии. Заморские владения Голландии были под угрозой захвата более сильными капиталистическими державами. Так, голландские колонизаторы ощутили большую тревогу, как только США начали войну с Испанией за овладение Филиппинскими островами¹². Чтобы предотвратить территориальные захваты на Малайском архипелаге со стороны других государств, голландское правительство спешно предприняло меры для укрепления своего положения на всех островах: так были начаты колониальные войны. Сразу же после провозглашения «новой политики», открывшей двери в Индонезию другим государствам, Голландия начинает войну за овладение Аче — последним крупным независимым государством архипелага. Но на Суматре голландцы встретили ожесточенное сопротивление народа. «Война, начавшаяся 21 год тому назад, продолжается без перерыва до сего дня, — писал Бакунин в 1894 г., — ...умиротворения края и полного его подчинения в близком будущем предвидеть и ожидать нельзя...»¹³. Большой урон понесли голландские колонизаторы в войне за подчинение о. Ломбок. В Макассаре, на Целебесе также было неспокойно¹⁴. В 1903 г. голландцы подчинили Аче, установив в новом губернаторстве военный оккупационный режим, но и он не предотвращал всплеск антиголландской борьбы. По-прежнему требовалось большое напряжение и дипломатическое усердие, чтобы удерживать под чужеземной властью огромную островную колонию. В 1906 г. голландское правительство предприняло военную экспедицию на о. Бали. Изага события этой войны, первый секретарь русского посольства в Гааге писал, что «хорошо вооруженные европейские войска и броненосцы, конечно, должны были взять верх над индийцами, из коих даже не все вооружены огнестрельным оружием». Голландский флот обстрелял и поджег столицу княжества Денпасар. «Видя, что всякое сопротивление сделалось лишним, князь приказал приступить к древнему индийскому обычаю, называемому „попотам“, который состоит в том, что все могущие владеть оружием, бросаются на неприятеля и умирают до последнего, — старики же, жены и дети друг друга убивают»¹⁵.

Победа Японии в войне с Россией опрокинула старые теории колонизаторов о неполноценности народов, не принадлежащих к белой расе, пробудила надежду на избавление от заморских угнетателей. «Победа Японии над царской Россией расценивалась всеми цветными народами как победа цветных над белыми, как победа Азии

¹¹ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 66.

¹² Русский консул М. М. Бакунин так излагал точку зрения Голландии после беседы с генеральным секретарем Нидерландского правительства в Батавии Герингом: «Признавая опасную несостоятельность и неспособность испанской колонизации и администрации, голландцы тем не менее... считают агрессивность американцев знаменательным психологическим... симптомом, усматривая в оной... тревожный признак нового экспансивного колониационного поворота в американской политике вместе с тенденцией вмешиваться в дела европейские и азиатские» (АВПР, Тихоокеанский стол, д. 1517, л. 101 об.).

¹³ АВПР, Тихоокеанский стол, д. 1517, л. 2—2 об.

¹⁴ См. там же, л. 28.

¹⁵ АВПР, ф. Канцелярии, 1906, д. 88, л. 161 об.

над Европой»¹⁶. Президент Индонезийской республики Сукарно писал о значении русско-японской войны: «Для нас Япония была Азией. Мы видели, что Азия победила белого человека в том, в чем он был силен, — в военном деле. Это явилось толчком для развития национализма по всей Азии»¹⁷. Пример Японии имел притягательную силу для всех стран Востока: Япония была единственной страной Азии, не ставшей колонией. Деятель национального движения Сурьопраното сохранил в памяти беседы своего отца с известным врачом Вахидином Судирохусодо. Он прекрасно помнил, как восхищался Вахидин энергией японской нации, которая в короткий срок смогла достигнуть такого прогресса, который позволил ей стать на одну ступень со странами Запада¹⁸.

В росте образованности, особенно европейского типа, индонезийская интеллигенция видела основное средство изменения судеб своего народа. Вопрос о том, будет ли просвещенный народ по-прежнему признавать господство чужеземцев, или голландцы допустят (добровольно или по принуждению) индонезийцев к управлению страной — не только не решался, но и не ставился. В этом отношении показательна деятельность Адженг Картини, дочери яванского регента, учившейся в голландской правительственной школе и хорошо владевшей голландским языком. Картини обращалась к голландским чиновникам за содействием в просветительной деятельности. Но вскоре она поняла, что колонизаторам нет никакого дела до прогресса и процветания ее родины. «Я сейчас знаю, почему голландцам не нравится, чтобы мы, яванцы, были передовыми», — писала она и разъясняла: когда яванец станет образованным, он не будет покорно ни выслушивать, ни выполнять повелений своих господ¹⁹.

В 1902 г. Картини основала школу для девочек. Смерть рано оборвала жизнь Картини, но не прекратила начатого ею дела. В 1904 г. индонезийская общественность основала фонд для организации таких школ, которые с 1913 г. стали называться именем Картини.

Дошедшие до нас письма Картини, по справедливому заключению их исследователя Х. Субандрио, являются документом антиколониальным. Она любила древнюю культуру своей родины и невидела все то, что сковывало человека, его волю и его способности. Картини с удивительной чуткостью и быстротой воспринимала все то новое, передовое, что поднималось в индонезийском обществе. Уже в начале 1900 г. она писала: «Новое движение яванцев только что началось. Борьба будет очень упорной». Картини отмечала, что в этой борьбе нужно также бороться против собственной уступчивости. «И когда борьба мужчины достигнет своего апогея, поднимутся женщины. Как мы счастливы, что живем в это время — время переходное от старого к новому!»²⁰.

В самом начале XX в. в яванском обществе появились новые веяния. В среде интеллигенции наметилось стремление к созданию национальной организации. Об этом рассказывает в своих воспоминаниях Сурьопраното, впоследствии один из руководителей «Сарекат-Ислама», основатель движения «Адхи-Дхарма»²¹. Сурьопраното увлекался одно время теософией, организовал школы «Адхи-Дхарма», занимался издательской и литературной деятельностью. Составитель яванско-голландского и голландско-яванского словарей Сурьопраното был типичным просветителем. В некоторой степени ему были свойственны и религиозные искания. В 1900 г. мы застаем Сурьопраното поглощенным организаторской деятельностью по объединению яванцев.

¹⁶ L. M. Sitorus. Sedjarah pergerakan kebangsaan Indonesia. Djakarta, 1951, h. 7.

¹⁷ Сукарно. Октябрьская революция и угнетенные народы. «Новое время», 1957, № 44, стр. 10.

¹⁸ Ki Hadjar Dewantara. Указ. соч., стр. 155.

¹⁹ Subandrio Hurustiati. Kartini wanita Indonesia. Djakarta, 1955, h. 28.

²⁰ Там же, стр. 37.

²¹ Сурьопраното так определяет цели «Адхи-Дхарма»: это общество должно было осуществлять помощь народу во всех областях жизни — экономической, социальной, политической — основывать школы, кассы взаимопомощи, банки, поликлиники, ясли, дома для престарелых. См. Ki Hadjar Dewantara. Указ. соч., стр. 148.

Он создает кооперативное общество в Джокьякарте, вместе со своими друзьями — учащимися сельскохозяйственной школы в Богоре обращается с письмом к учащимся медицинской школы Стония в Батавии, призывая их к объединению. Обсуждение этого письма в Стонии превратилось в небольшой митинг, но, как пишет Сурьянинграт, «время еще не настало».

Идею создания национальной организации выдвигал также ревностный сторонник европейского образования врач Вахидин Судирохусодо. Журнал «Ретно-Думилах», который он издавал на Яве, постоянно пропагандировал необходимость расширения образования. Вахидин особенно ратовал за то, чтобы способным, но немущим молодым яванцам была дана возможность получить образование. Он решил создать «национальный студенческий фонд» из добровольных пожертвований состоятельных индонезийцев. С этой целью в 1906—1907 гг. Вахидин совершил поездку по всей Яве, однако самой значительной суммой, которую ему удалось получить, были 145 рупий, пожертвованные султаном Джокьякарты Хаменгку Бувоно VII. Большинство феодальных аристократов (радены, бупати и адипати), к которым обращался Вахидин, не поддержали его идеи создания «студенческого фонда», и только молодое поколение яванского дворянства оказало ему поддержку.

Идея создания национальной организации, несмотря на неудачи отдельных индонезийских просветителей, уже вполне созрела. Инициаторами создания такой организации были два студента — Сутомо и Гунаван Мангункусумо. 20 мая 1908 г. в Батавии было основано общество под названием «Буди Утомо». Современники рассказывают, с каким восторгом встретила учащаяся молодежь основание «Буди Утомо». Все студенты медицинской школы сразу же вступили в общество; его отделения стали возникать и в других городах, охватывая главным образом учащуюся молодежь и правительственных служащих — представителей феодальной аристократии. К 1909 г. в обществе было 10 тыс. членов. Чтобы обсудить цели общества, выработать программу, наметить пути, по которым должна развиваться деятельность членов организации, 5 октября 1908 г. в Джокьякарте собрался конгресс «Молодой Явы», который открыл доктор Вахидин (быть председателем организации он отказался). Председателем организации был избран бупати Караганьяра раден Тиртакусумо, Вахидин исполнял обязанности заместителя председателя.

Конгресс обсуждал культурные и социальные проблемы. Особое внимание было уделено «важности всеобщего образования и прогрессу в области земледелия, скотоводства и торговли, прогрессу техники и промышленности, возрождению древней классической культуры и науки...»²². Делегаты конгресса говорили о высоких целях организации, но формулировали их весьма неясно. Так, они решили «делать все, что необходимо для обеспечения жизни нации», «стремиться поднять выше идеалы человечности». Студенческий фонд стал только скромным пунктом намеченной на конгрессе широкой программы культурного развития страны. Статут «Буди Утомо», утвержденный голландскими властями лишь 28 декабря 1909 г., формулировал не только цели общества. Он обязывал каждого члена организации содействовать «гармоничному развитию страны и народа Явы и Мадур», применяя для этого все средства, дозволенные законом²³. Призывом к умеренности прозвучали слова: «Молодежь должна быть мотором, который двигает вперед, но старшее поколение должно быть рулевым, опытные руки которого знают, как избежать ужасных скал, чтобы привести корабль в безопасную гавань»²⁴.

Собравшиеся на конгресс были яванцы и для большинства родным языком был яванский, но так как для многоязычного населения архипелага основным средством

²² L. M. Sitorus. Указ. соч., стр. 9.

²³ T. Th. Blumberger. De nationalistische beweging in Nederlandsch Indie. Haarlem, 1931, p. 19—20.

²⁴ Там же, стр. 19.

общения является малайский язык (впоследствии он стал называться индонезийским), конгресс «Буди Утомо» принял решение употреблять на конгрессах и собраниях общинный всем малайский язык. Это свидетельствовало о преодолении местной ограниченности и обособленности, что является несомненной заслугой «Буди Утомо».

Возникновение «Буди Утомо» было результатом развития капиталистических отношений в колонии и обострения противоречий между национальной буржуазией и метрополией. «Азиатский национализм, — как отмечал впоследствии Сукарно, — развился в результате... империалистической агрессии»²⁵. Рождение «Буди Утомо» сразу было отмечено современниками. «Случилось нечто удивительное: прекрасная Инсулинда, которая спала, — проснулась», — писал отец «этического курса» ван Девептер²⁶. Деятельность «Буди Утомо» способствовала активизации политической жизни индонезийского общества. Она дала пример новой, до тех пор неизвестной в Индонезии формы организации: с отделениями, членством, выборным руководством, конгрессами. Это обстоятельство подчеркивала «Хариан ракят»: «20 мая 1908 г. вошло в историю нашей нации как момент национального пробуждения, национального подъема, начала использования индонезийским народом современной организации для достижения своих политических целей»²⁷.

Деятельность «Буди Утомо» заметнее всего развивалась в области культуры, что дало основание многим историкам считать «Буди Утомо» преимущественно культурно-просветительской организацией. «Движение индонезийского национализма до 1914 г. было скорее культурным, чем политическим», — пишет Кахин²⁸. Члены «Буди Утомо» явились создателями первых яванских и малайских словарей и грамматик. Из ее среды вышли видные деятели науки. Действительно, огромную положительную роль в изучении и развитии национального искусства, истории и археологии сыграли созданные «Буди Утомо» различные кружки и общества. Выше уже упоминалось, какое значение имело исследование Нотосурото в области культуры народов архипелага: оно обосновывало идею единства. Таким образом, культурно-просветительская деятельность «Буди Утомо» способствовала формированию национального сознания. После основания «Буди Утомо» стали возникать и другие общества — торговые, спортивные, религиозные, в области просвещения, искусства и т. п.

Рамки просветительской деятельности «Буди Утомо» скоро оказались тесными для передовых и активных членов организации. Руководство ее, состоявшее в большинстве из лояльных в отношении правительства чиновников, не хотело менять взятого им умеренного курса, поэтому наиболее революционные деятели «Буди Утомо» вышли из нее и примкнули к другим организациям, ставившим уже политические цели. Так, в 1912 г. возникла Индийская партия, которая выдвигала требование создания свободной и независимой Индонезии. В связи с тем, что некоторые члены «Буди Утомо» стали склоняться к политической борьбе, голландское правительство в 1912 г. впервые обрушивается на них с репрессиями.

В оформлении идеологии освободительного движения в Индонезии большую роль сыграли революции в странах Востока, на которые оказали мощное воздействие идеи и пример русской революции 1905—1907 гг.

Со времени возникновения политических организаций число членов просветительского общества «Буди Утомо» стало резко уменьшаться. Несмотря на это, общество еще долго осуществляло свою культурно-просветительскую деятельность. Еще не были утрачены иллюзии о возможности преобразований путем мирного прогресса в области хозяйства и, главным образом, культуры, с помощью самих колонизаторов. Некоторые изменения в установках «Буди Утомо» произошли в 1915 г., когда на конгрессе в Семаранге была принята резолюция, предлагавшая правительству ввести в Нидерландской Индии парламент и милицию, так как «ни одна страна не может считаться силь-

²⁵ Сукарно. Указ. соч., стр. 10.

²⁶ L. M. Sitorus. Указ. соч., стр. 2.

²⁷ «Harian rakjat», 1957, 20.V.

²⁸ G. McTurnan Kahin. Указ. соч., стр. 64.

ной и процветающей, если она не управляется парламентом и сама не защищает свой народ»²⁹. Эта резолюция была послана в Голландию. Вурьянинграт считает, что именно она способствовала созданию в Индонезии фолькскраада. Между тем известно, что голландское правительство никогда не считалось с мнением и пожеланиями даже самых лояльных национальных организаций колоний. Организовать фолькскраад побудила голландцев сложная обстановка, создававшаяся для колонизаторов после первой мировой войны.

Октябрьская социалистическая революция подняла на новую ступень национально-освободительное движение в колониях. Могучее дыхание Великого Октября оживило и деятельность «Буди Утомо». Без преувеличения можно сказать, что политической организацией «Буди Утомо» стала в 1917 г., когда в ее программу были включены требования всеобщих выборов и создания национального демократического правительства, когда внутри организации возникло течение несотрудничества с колонизаторами.

Ряды «Буди Утомо» поредели после того, как развернулась деятельность социал-демократической и коммунистической партий. В наступивший след за восстанием 1926—1927 гг. период реакции «Буди Утомо» почти сошла со сцены. На конгрессе в Соло в 1926 г. было даже принято решение не считать «Буди Утомо» политической партией. Некоторое оживление в ее деятельности наметилось лишь в годы кризиса 1929—1933 гг., когда произошло сильное полевение организации: верх взяли сторонники политики несотрудничества с колонизаторами. На конгрессах горячо обсуждались события в Индии. Многие ораторы призывали следовать примеру Индии, а некоторые выдвигали требование полной независимости Индонезии. Однако эта вспышка активности «Буди Утомо» была последней.

Лидеры «Буди Утомо» не замечали рабочего класса даже тогда, когда он заявил о себе стачками и создал свои организации — профсоюзы и коммунистическую партию, и в своей программе не отводили ему никакой роли. Некоторое внимание организация уделяла крестьянству. В ее программе с 1917 г. содержались требования минимума арендной платы, мер против ростовщичества, поощрения сельскохозяйственного образования. Несколько позже «Буди Утомо» выступила организатором крестьянских кооперативов, для этой цели был даже создан фонд на конгрессе в 1926 г.

Вурьянинграт считает основной идеей «Буди Утомо» борьбу за единство народа. Организация следовала этой идее с исключительной последовательностью. Она выступала инициатором объединений, охотно присоединялась к различным союзам, группировкам и блокам. Еще до образования фолькскраада ею был создан Национальный комитет, в который кроме «Буди Утомо» вошли «Сарекат-Ислам» и националистические группы Соло и Джокьякарты. В 1919 г. «Буди Утомо» вошла в «Радикальную концентрацию» — объединение партий, стремившихся добиться от правительства превращения фолькскраада в парламент; она была также членом «Политического Союза индонезийской нации» («Пермуфакатан перхимпуан политик кебангсаан Индонезия»), образовавшегося в 1927 г.

Не будучи организацией массовой, «Буди Утомо» вместе с тем не была организацией узкоместной. С момента своего возникновения она широко открыла свои двери для всех индонезийцев и неоднократно подчеркивала свой общенациональный характер. Так, в 1928 г. «Буди Утомо» вновь заявила, что ее целью является объединение всего индонезийского народа: для амбонца, мадурца, буги, яванца родина одна — вся Индонезия. Поэтому нельзя согласиться с Ситорусом, который рассматривает «Буди Утомо» как выразительницу местного яванского патриотизма³⁰.

С 1935 г. началось объединение «Буди Утомо» с Союзом индонезийской нации (Персатуан багса Индонезия) и несколькими мелкими партиями (Союз Суматры, Партия объединенного Целебеса и др.). Так была образована Партия великой Индонезии (Партай Индонезия райя-Париндра). Новая партия восприняла основные идеи «Буди Уто-

мо»: единый народ — индонезийская нация, единая родина — независимая Индонезия, единый язык — индонезийский как язык единства (bahasa persatuan). «Париндра» стала считать знаменем нации бело-красное знамя, а созданный Супратиманди гимн «Индонезия райя» («Великая Индонезия») — национальным гимном. Как и «Буди Утомо», «Париндра» стояла на позициях сотрудничества с голландским правительством. С момента организации «Париндры» (25—26 декабря 1935 г.) «Буди Утомо» прекратила свое существование.

«Буди Утомо» была буржуазно-национальной организацией. Ее члены мечтали о прогрессе своей страны и видели этот прогресс в развитии науки и техники. Но путь «гармоничного развития» страны мог быть, по их представлениям, только путем буржуазного развития. Любопытно, что деятели «Буди Утомо» в религии не находили ни морального, ни идеологического, ни организующего фактора и никогда не обращались к ее помощи. Вместе с тем представители «Буди Утомо» ни разу не отважились критиковать колониальные порядки и империалистический грабеж. В этом отношении они уступали не только «Сарекат-Исламу», но и голландцам — деятелям «этического курса».

«Индонезийская буржуазия, — писал Айдит, — со времени основания „Буди Утомо“ ориентировалась на буржуазию Запада, принимая ее как учителя и пример». И только длительное испытание временем убедило индонезийскую буржуазию, что «буржуазия Запада вообще не желает независимости Индонезии от колониализма»³¹.

Объективно деятельность «Буди Утомо» шла вразрез с голландской колониальной политикой. В то время как «Буди Утомо» добивалась превращения Индонезии в передовую страну в области науки и техники, Голландия стремилась сохранить в своей колонии феодальные пережитки. Целью «Буди Утомо» было широкое распространение просвещения, голландские же колонизаторы сознательно чинили всяческие препятствия развитию образования. «Буди Утомо» выдвинула и последовательно проводила принцип национального единства индонезийцев. Во всем этом и состоит историческая заслуга общества «Буди Утомо».

SUMMARY

The author of the article traces the origin of the Budi Utomo, the first national organisation in Indonesia, and its activities. Its birth was a natural result of the process of capitalist development in that country. Owing to the colonial policy of the Netherlands, Indonesia entered the capitalist stage of development later than other colonies and dependent countries. Founded in 1908 Budi Utomo brought together in its ranks almost all the national intelligentsia which came in the main from the midst of feudal aristocracy. The aims of Budi Utomo, such as the development of industry, agriculture and education, as well as its proclaimed principle of the unity of Indonesia's peoples, were progressive, since in the final they helped popularize the idea of a united independent national state.

³¹ D. N. Aidit. Beladjarlah lebih banyak utk lebih memperbaiki praktek revolusioner kita. «Harian rakjat», 1957, 20.V.

²⁹ См. *Ki Hadjar Dewantara*. Указ. соч., стр. 163.

³⁰ L. M. Sitorus. Указ. соч., стр. 10.

К ВОПРОСУ О ФОЛЬКЛОРНЫХ МОТИВАХ В ПОЭМЕ «КУТАДГУ БИЛИГ»

А. А. ВАЛИТОВА

Среди очень распространенных в средние века на Востоке этико-дидактических произведений значительное место занимает поэма «Кутадгу билиг» (Знание, дающее счастье). Поэма эта, принадлежащая перу Юсуфа хассе-хаджиба, уроженца г. Баласагуна, была завершена в Кашгаре в 1069 г. Книга содержит советы по вопросам управления и определяет права и обязанности различных должностных лиц Караханидского государства. Написанная на тюркском языке того времени¹, поэма «Кутадгу билиг», по признанию многих исследователей, является очень ценным памятником для изучения языка², литературы³ и истории общественных идей⁴ Средней Азии и Восточного Туркестана караханидского периода.

Юсуф Баласагунский был одним из наиболее образованных людей своего времени. Его произведение свидетельствует, что он хорошо знал астрономию⁵, химию, естественные науки, географию и математику. Юсуф призывал современников изучать геометрию Эвклида⁶ и, видимо, разделял этико-философские и медицинские взгляды

¹ По определению С. Е. Малова, так называемый «д»-уйгурский язык («Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», 1947, т. VI, вып. 6, стр. 478).

² Н. И. Ильминский. Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка. «Ученые записки, издаваемые Императорским Казанским Университетом за 1861 г.», стр. 24 сл.; W. Radloff. Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-hadschib aus Balasaghun, Theil I. St.-Petersburg, 1891; V. Thomsen. Sur le système des consonnes dans la langue ouigour. «Keleti Szemle», t. II. Budapest, 1901, № 4, p. 241—259; А. Н. Самойлович. К истории среднеазиатского турецкого языка. Сб. «Мир-Али-Шир». Л., Изд-во АН СССР, 1928, стр. 21 сл.; С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 224; Н. А. Васяков. Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования. «Труды Института языкознания АН СССР», т. I, 1952, стр. 45 сл.

³ См. Е. Э. Бертельс. ئۇيغۇرلارنىڭ قۇتادغۇ بىلىك داستانى دە ئۇنىڭ نەھىيىتى (Уйгурская поэма «Кутадгу билиг» и ее значение) «Шарҳ ҳақиқати», № 1—2 (5), Ташкент, 1944, стр. 15; его же. Подготовка к изданию Наманганской рукописи «Кутадгу билиг». «Литературная газета», 10 марта 1945 г.; А. Bombaci Kutadgu Bilig hakkında bazı mülâhazalar. Fuad Köprülü armağanı'ndan ayrı basım. İstanbul, 1953, S. 65—70.

⁴ Н. Vambery. Uigurische Sprachmonumente und das Kudatku Bilik. Innsbruck, 1870; W. Barthold. The Boughra-Khan mentioned in the Qudatku-Bilik. «Bulletin of the School of Oriental studies», 1932, vol. III, p. 151—158; А. Ю. Якубовский. Общественные отношения в Мавераннахре при Караханидах в XI—XII веках. «История Узбекской ССР», т. I, кн. 1, Ташкент, 1955, стр. 256—257.

⁵ См. «قۇتادغۇ بىلىك», стр. 21₁₀ сл. (Наманганский список, хранящийся в Рукописном фонде Института востоковедения АН Узб. ССР в г. Ташкенте; в дальнейшем — Н.).

⁶ Н., стр. 315₈.

ды Авиценны⁷. В своей поэтической деятельности он творчески использовал многовековую литературную традицию панд-наме и адабов, художественные приемы бухарской школы поэзии X в. (Рудаки, Шахид, Агаджи)⁸, систему стихосложения⁹, образы и метафоры «Шах-наме» Фирдоуси¹⁰.

Будучи идеологом караханидского государства, он попытался обобщить и осмыслить опыт предшествующих правлений применительно к своему времени и использовать его, чтобы укрепить могущество караханидских правителей. Желая сделать свои поучения более доходчивыми, Юсуф Баласагунский использовал в своей поэме и народное устно-поэтическое творчество тюркских племен. Эту черту творчества Юсуфа в свое время отметил еще В. В. Бартольд, поставивший вопрос о связи литературной и устно-поэтической традиций в поэме «Кутадгу билиг». Даже название книги и употребление слова *قوت* в смысле «величия», как подчеркивает В. В. Бартольд, свидетельствует о том, что мусульманские и персидские влияния в XI в. еще не могли вытеснить в Кашгаре тюркские традиции¹¹. Возражая М. Хартманну, который видел разницу между Юсуфом Баласагунским и Махмудом Кашгарским в том, что первый примыкал к придворному кругу, а второй был связан с народной поэзией, В. Бартольд отмечал, что Юсуф Баласагунский также использовал народную мудрость для своих дидактических целей.

В дальнейшем Е. Э. Бертельс¹² и К. К. Юдахин¹³, проводя текстуальные сопоставления, также устанавливали наличие элементов народной поэтики в произведении Юсуфа Баласагунского.

Анализ текста произведения дает возможность установить ряд моментов, говорящих о связи поэмы Юсуфа с местными тюркоязычными преданиями и с фольклорной поэтикой (сравнения, метафоры, эпитеты, элементы композиции и пр.).

Уже сам факт, что Юсуф, который имел прекрасное образование в области обязательных тогда мусульманских наук, нарушая укоренившуюся традицию, написал свою поэму не по-арабски или таджикски, а на родном языке своего народа, очень знаменателен:

عرب جا تڑیکجا کتاب لار اوکوش بزینل تیلیمیزجا بو یومنی اووش

«Много книг имеется на арабском и таджикском языках,
На нашем языке это [первая собранная] вместе мудрость»¹⁴.

В другом месте Юсуф подчеркивает, что он сложил эту поэму из тюркских жемчужин, что, пленившись богатствами родного языка, он любовно работал над ней, отбирая лучшие образы и слова (см. К 392₃₋₄). Конечно, вряд ли «Кутадгу билиг» была

⁷ См. O. Alberts. Der Dichter des in uigurisch-türkischem Dialect geschriebenen Kudatku bilik (1069—70 p. Chr.) ein Schüler des Avicenna. «Archiv für Philosophie. Archiv für Geschichte der Philosophie», Bd. XIV, Neue Folge, Bd. VII. 1901, S. 319—336.

⁸ Е. Э. Бертельс. Персидская поэзия в Бухаре X в. М.—Л., 1935.

⁹ М. Hartmann. Zur metrischen Form des Kutadgu-Bilik. «Keleti Szemle», III, Hft 2/3, 1902, S. 141—153.

¹⁰ А. Н. Самойлович. Иранский героический эпос в литературах тюркских народов Средней Азии. Сб. «Фердовси». Л., Изд-во АН СССР, 1934, стр. 161 сл. См. также «Kutadgu bilig tirkibasım», I. Viyana nüshası. İstanbul, 1942, S. 118—119. (Венский список. В дальнейшем — В.)

¹¹ W. Barthold. 12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens. Deutsche Bearbeitung von Th. Menzel. Berlin, 1935, S. 135.

¹² Е. Э. Бертельс. К вопросу о традиции в героическом эпосе тюркских народов. «Советское востоковедение», т. IV, 1947, стр. 73 сл.

¹³ К. К. Юдахин. Боуз или бу уз? «Эпиграфика Востока», I, 1947, стр. 46 сл.

¹⁴ «Kutadgu Bilig tirkibasım», III, Mısır nüshası. İstanbul, 1943, s. 7₁₃ (Каирский список. В дальнейшем — К.).

первой поэмой на тюркском языке. Сравнительно высокий поэтический уровень ее, сложные художественные приемы заставляют думать, что тюркоязычная литература подобного рода существовала, но не дошла до нас. Тем более, что о наличии исторических и лингвистических трудов того времени сведения имеются¹⁵. Однако литература на тюркских языках, очевидно, не получила широкого признания, так как традиция писать на арабском и персидском языках укоренилась очень прочно. Нужна была большая смелость со стороны автора, чтобы решиться написать на родном языке столь значительную по объему поэму, тем более, что он одним из первых ввел в тюркоязычную литературу несвойственную для тюркского языка того времени систему стихосложения — аруз¹⁶.

В этом отношении Юсуф Баласагунский предвосхитил Алишера Навои, который как всем своим творчеством, так и, в частности, своими принципиальными высказываниями отстаивал право родного языка на существование в литературе¹⁷. Создавая «Кутадгу билиг» на тюркском языке, Юсуф руководствовался также и политическими соображениями. Ведь целью его труда было стремление научить среднеазиатскую династию Караханидов, еще не оторвавшуюся от кочевой среды, управлять обширной страной с высокоразвитыми оседлыми областями (Мавераннахр, Восточный Туркестан). А чтобы его наставления были поняты кочевниками-караханидами, необходимо было писать по-тюркски. На всем протяжении поэмы в ее содержании, сюжетных мотивах и в поэтике относительно отчетливо прослеживаются две линии — традиции литературно-книжная и традиция устно-поэтическая.

* * *

Несмотря на несколько абстрактную форму изложения поучений, в поэме довольно широко используются изречения и пословицы тюркских племен. Об этом свидетельствует сопоставление многочисленных изречений в «Кутадгу билиг» (автор вкладывает их в уста безымянных опытных старцев, мудрых людей или часто представляет прямо как *ترك لار سوزى* 'слова тюрков' с образцами народного творчества в «Диван Лугат ат-тюрк», а также с бытующими и донные поговорками и пословицами среднеазиатских народов.

Многие наставления Юсуфа имеют предельно сжатую афористическую форму: *اردام بشى تيل* 'начало умения — речь'.

Это несомненно народная пословица, как указано в «Диван Лугат ат-тюрк»¹⁸. Очень близка к ней киргизская пословица — «өнер алды — кызыл тил»¹⁹.

سوزوك سوزلاماسا ساو التون سائى بقير بولدى تيلدين جيفاراسا ائى

'Несказанное слово — чистое золото,

Сойдя с языка, оно становится медью'. (Н 147_а)

Интересно сопоставить это изречение с казахской пословицей: «көп сөз — кемір, аз сөз — алтын» 'множество слов — уголь, мало слов — золото' («Қазақтың мақалдары мен мәтелдері», стр. 69).

¹⁵ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 19.

¹⁶ Устной тюркоязычной поэзии, как известно, свойственна силлабическая система стихосложения, о чем свидетельствуют как образцы фольклора, приведенного Махмудом Кашгарским (см., например, плач об Алп Эр-Тонга-Афрасиабе, летнюю песню и др. «Divanü Lûgat-it-Türk tercümesi», с. I. Ankara, 1939, s. 41, 106), так и бытующие до сих пор среднеазиатские эпические сказания («Манас», «Алпамыш», «Гёр-оглы», «Кырк-кыз» и др.).

¹⁷ А. К. Боровков. Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка. Сб. «Алишер Навои». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946, стр. 96.

¹⁸ «Divanü Lûgat-it-Türk tercümesi», s. 107.

¹⁹ «Қазақтың мақал мен мәтелдері», Алматы, 1957, стр. 63; «Кыргыздын мақалдары менен лакаптары». Фрунзе, 1948, стр. 45; ср. также К. К. Юдахин, Указ. соч., стр. 46 сл.

اوقوش كوركى تيل اول بوتيل كوركى سوز كشى كوركى يوز اول بو يوز كوركى كوز
'Красота разума — речь, красота речи — слово,
Красота человека — лицо, красота лица — глаза'²⁰. (Н 32_а)

اوقشلوغ كشيكا ايشى تب اوقش بيليكيز كشيكا ائى تب سوكوش
'Разумному человеку [его] разум — [постоянный] друг,
Невежественному человеку его собственное имя — брань.' (Н 35_а)

اقرار سف يوريق تيل بو قوت تورمادى

'Текущая вода, лстивый язык и [человеческое] счастье — непостоянны.' (Н 58_{1а})

اورونك سوت ييلا كيرسا ادكو قليق اولوم توتماغينچا ائورماس يوريق

'Если хороший характер вошел [в человека] с чистым молоком,
То он не испортится до самой смерти.' (Н 74_а)

قرا بش يغى قزىل تيل ترور نجا بش ييدى بو قى ما ييور

'Враг человека — красный язык.

Сколько пожрал он голов и сколько погубит еще?' (Н 80_а—б)

اوغول قيز ساقينجى بو توب سوز تنكيز

'Забота о сыне и дочери — бездонное море'²¹. (Н 95₁₂)

Все приведенные изречения заключены в поэме в четверостишия — дёртлик и оговорены у Юсуфа как *تركجا مثل* (См. также Н 138₁₁; Н 140₉ и т. д.). Нет никаких оснований считать, что это не соответствует действительности. Это или непосредственно сами пословицы, или поэтические обработки их. Поэт использовал здесь народную мудрость, чтобы сделать более вескими свои политические и этические положения. В изречениях другого рода, очень разнообразных по своему содержанию, также чувствуется сочность и острота народных пословиц и наставлений²².

1. О мужестве, храбрости и отваге:

يوراكسيز كشيلا جر يك ارتاتور

'Трусливые люди уничтожают войско.' (Н 172_{11а})

كور ارسلان بولوب ييرسا ايت قا بشى بو ايت برجا ارسلان بولور اوتروشى

قلى بولسا ارسلان قا ايت بشجى سى بو ارسلان بولور برجا ايت ساقشى

'Смотри, если лев будет главою собак,

Все собаки станут львами,

Если же собака станет предводителем львов,

Все львы станут подобны собакам'²³. (Н 156₁₀—11)

²⁰ Этот принцип построения обычен для поэтики тюркоязычных пословиц. Ср. например, киргизскую пословицу: *Сездун көркү макалда, жигиттин көркү сакалда* 'красота слова — в пословице, красота джигита — в бороде'. («Кыргыз элинин макал жана лакаптары», Фрунзе, 1955, стр. 40.) То же в казахской пословице; см. «Қазақтың мақалдары мен мәтелдері», стр. 72.

²¹ К 50₁₅. Ср. начало каракалпакской и казахской пословиц, построенных на том же образе: «уайым туби — тенгиз...» 'дно заботы — море'... «Қарақалпақ нақыллары җамь мақаллары». Нокис, 1956, стр. 13; «Қазақтың мақалдары мен мәтелдері», стр. 74. Ближайший образ в киргизской пословице: «ойдун тубу жок» 'мысль — бездонна'. «Кыргыз элинин макал жана лакаптары». Фрунзе, 1955, стр. 39.

²² Ср. киргизские *уеут, санат* и *насият*, узбекские — *насиғат*.

²³ Ср. узбекскую пословицу с таким же принципом противопоставления храбрости львов и трусости собак: «Кўчүк басмас юлбарс-шеринг изини» 'собака не ступит на след тигра и льва'. Тот же образ см. в эпосе «Алпамыш» («Алпамыш». М., 1949, стр. 145).

II. О разуме и знании:

يولا اول اوقوش كور قراغوقا كوز اولوك تنكا جان اول اغين تيلكا سوز
'Разум — это светильник, видишь, он — глаз для слепого,
Для мертвого тела — душа, для немого языка — речь'²⁴. (Н 143₁)

اوقوش سوز كشى اول ييميش سيز ييغاج ييميش سيز ييغاج نيكو قلسون اج
'Человек без разума — бесплодное дерево,
Что может сделать голодный с деревом без плода?'²⁵ (Н 184₄)
اوقوش بولدى آرکا مينك اردم بشى

'Разум для мужа — начало тысячи умений'²⁶. (Н 140₁₂₆)

كومونكا اوقوش بولسا اصلى بولور قايددا ييليك بولسا بكليك الور
'У кого будет разум, тот станет благороден,
У кого будут знания, тот получит владычество.'²⁷ (Н 34₂)

Интересно, что в этом изречении демократические настроения, свойственные народному творчеству, прорываются через собственные воззрения Юсуфа, и иногда даже возникает противоречие²⁷.

اوقوشلوق كشى دين كشى ليك كليلر
'Человечность придет от разумного'. (Н 214₆)

ييليك ييلدينك ارسا توکال اوکرائيب انى ايشلات امدى كور امکاک ايديب
'Если ты получил знания, обучавшись всему,
Ты должен применить его к делу, [иначе оно бесполезно]'. (Н 186₁₀)

III. О ценности слова и о красноречии:

اوقوش قا ييليك كا بو تيلماجي تيل
'Язык — переводчик для разума и знания'. (Н 24₈)

قيليج دا ايتيكراك بولارنيك تيلي
'Речь острее меча'²⁸. (Н 316₆)

ييلنك ليك سوزى يركا سف تك ترور ايتسا سفونغ يردا نعمت اونور
'Слово знающего, как вода для земли,
Если она притечет, на земле вырастет богатство'. (Н 80₁₄)

Уважение к слову и умение ценить красноречие — одна из среднеазиатских фольклорных традиций: в частности, у народов Средней Азии имеется множество по-

²⁴ Ср. киргизскую пословицу: «билим — өмүр чырагы» ('знание — светильник жизни'). «Кыргыз элинин макал жана лакаптары». Фрунзе, 1955, стр. 36; то же у казахов, см. «Қазақтың мақалдары мен мәтелдері», стр. 53.

²⁵ Такое же сравнение имеется у Ахмада Югнали, но применительно к скупому. См. Е. Э. Бертельс. «Хибат аль-Хаканик» Ахмада Югнали. «Труды САГУ», новая серия, вып. 3, кн. I. 1945, стр. 38.

²⁶ Ср. узбекскую пословицу: «йиғит кишига минг хунар ҳам оз»; то же у туркмен: «йиғиде муң дурли хунар хем аз». «Туркмен накыллары». Ашгабат, 1949, стр. 27. Несколько иной вариант той же пословицы имеется у казахов: «жигіт адамға жетпіс өнер да аз». «Қазақтың мақалдары мен мәтелдері», стр. 47.

²⁷ Ибо Юсуф всюду подчеркивает, что разум и способности являются качествами врожденными и присущи только людям знатного происхождения (اوروغلق, ادكو اوروغ); в еще большей мере это касается права на власть и господство (بكليك), которое, по Юсуфу, даруется только богом.

²⁸ Букв. 'их язык действенное меча' (речь идет о поэтах. — А. Б.) Ср. туркменскую и киргизскую пословицы: «Дил ғылычдан йити» (Туркмен накыллары, стр. 51); «Дил ғылычтан өткүр» («Кыргыз элинин макал жана лакаптары». Фрунзе, 1955, стр. 40). Та же пословица имеется у казахов, см. «Қазақтың мақалдары мен мәтелдері», стр. 63.

словниц и поговорок, восхваляющих остроумие и остроумие²⁹. Находчивые остроумцы и шутники — неперенные персонажи эпических сказаний и сказок. Так, в «Манасе» выведен образ красноречивого Аджибая, в казахских сказках — Алдар-Косе и Жеренше-шешена, в узбекских сказках — образ бедняка-«Плешивого» (Таз), в туркменских его двойника — Келя³⁰, по всей Средней Азии бытуют анекдоты об остроумце и мудреце Ходже Насреддине. Очень распространены в Средней Азии шуточные диалоги, словесные поэтические состязания — казахские айтысы, киргизские — айтышуу, узбекские — аския, каракалпакские — жуабы.

IV. Осуждение жадности:

جيغاي قىلسا كيمنى كوزى سولوقى بايوتمانى انى بو ازون تولوقى

'Кого сделают бедным его жадные глаза,
Того не насытит богатство этого мира'³¹. (Н 195₂)

V. Похвала уменю и искусности:

كيمينك اردمى بولسا آتى يورير تلى بولماسا اردم آتسيز قورير

'У кого есть умение, тот прославится,
У кого его нет, тот бесславно состарится'. (Н 197₂)

Здесь приведена, разумеется, только небольшая часть афоризмов и сентенций, содержащихся в поэме. Но перечислить и проанализировать их все в пределах данной статьи не представляется возможным. Это — тема специального исследования. Предварительно хотелось бы лишь отметить, что не всегда к изречениям Юсуфа, несомненно близким к народным пословицам (или по содержанию, или по использованному сравнению и принципу строения), можно найти текстуальные аналогии. Это объясняется, во-первых, тем, что мы не имеем полного сборника пословиц, бытовавших у тюркоязычных народов во времена Юсуфа Баласагунского (лишь кое-что сохранил М. Кашгарский), во-вторых, Юсуф не просто вставлял пословицу в текст в неизменном виде, а по своему ее перерабатывал, подчеркивая и оттеняя свои мысли метким народным словом. Такой переработки требовал и размер поэмы, и, конечно, ее идейное содержание.

* * *

Влияние тюркской эпической традиции можно проследить также и на именах героев поэмы. Имена двух главных действующих лиц — правителя-илека Кун-Тогды ('Взошедшее солнце', букв. 'солнце родилось') и его вазира Ай-Толды ('Полная луна', букв. 'луна стала полной') тесно связаны с тюркским фольклором.

بوكون توغدى تيكلى ترو اول كوئى بو آى تولدى تيكلى قت اول كور انى

'Кун-Тогды — это справедливый закон,
Ай-Толды — это счастье, посмотри на него'. (Н 37₈₋₉)

²⁹ См., например, «Қазақтың мақалдары мен мәтелдері». Алматы, 1957, стр. 63—72; «Кыргыздын макалдары менен лакаптары». Фрунзе, 1948, стр. 43—45; «Қарақалпақ накыллары ҳам мақаллары». Нокис, 1956, стр. 62—66; «Туркмен накыллары», стр. 49—54; Н. Н. Паитусов. Образцы тарапчиской народной литературы. Казань, 1909; С. Е. Малов. Рассказы, песни, пословицы и загадки желтых уйгуров. «Живая старина», год XXIII, вып. 3—4, стр. 309; П. М. Мелиоранский. Киргизские пословицы и загадки. «Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества», т. VII, 1893, стр. 39—50.

³⁰ См. А. И. Самойлович. Сказка «Сорок небывлиц» по туркменскому, узбекскому и киргизскому вариантам. «Живая старина», год XXI, вып. II—IV. СПб., 1912, стр. 477; В. Каримов. Узбекские народные сказки. Ташкент, 1941; «Туркменские народные сказки Марыйского района». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 22—23.

³¹ Близкая пословица имеется у Махмуда Кашгарского. См. С. Brockelmann. Alturkestanische Volkspoesie, II. «Asia Major». Leipzig—London, 1924, vol. I, p. 44.

По варианту Рашид ад-Дина, который сохранил одно из наиболее ранних тюркских преданий, двух первых сыновей Огуз-кагана, легендарного родоначальника тюркских племен, звали Кун 'солнце' и Ай 'луна'³². Более того, мать Огуз-кагана носила имя Ай-каган³³.

В фольклоре народов Средней Азии и Восточного Туркестана у положительных героев и героинь очень часты имена, сложные с Ай (Ой) и Кун. Так, они постоянно встречаются в узбекских дастанах, например, в воинской повести «Юсуф и Ахмед» два хана из пяти правителей городов Ургенча носили имена Кун-хан и Ай-хан³⁴.

В дастане исторического содержания «Ай-сулу» (Ой-сулу) по варианту сказителя Эргаша Джуманбулбул-оглы, сюжет которого узбекские фольклористы возводят ко времени борьбы среднеазиатских скифов с персидским царем Дарием, таковы имена главных действующих лиц — царицы Ой-сулу (Луна-красавица) и ее сына Кун-батыра (Солнце-богатырь)³⁵. Имя героя поэмы «Кунтугмыш» является иным вариантом имени правителя Кун-тогды из «Кутадгу билиг», что было отмечено еще Б. Каримовым³⁶, который установил связь поэмы с событиями караханидского времени. Сестру Кунтугмыша звали Оппок-ой (Белая луна)³⁷.

В киргизском фольклоре также очень часты такого рода имена. Сам Манас, как повествуется в эпосе, происходит от солнца и луны (айдаң кунден жаралган). Во второй части трилогии — «Семетей» — героиня эпоса, возлюбленная Семетей носит имя Ай-чурек³⁸ ('лунная красавица', букв. 'лунный широк'), а другие героини — Толган-ай, Айканыш и т. д. В эпосе Курманбек жену героя зовут также Айканыш. В каракалпакских сказаниях встречаются имена Ай-парша (в эпическом сказании «Мас падша»), Ай-Сенем (в каракалпакской версии известного на Востоке сказания «Гариб-Лшик»), Гуль-айым и Айсулу (в дастане «Кырк кыз») ³⁹, наконец, ураном (боевым кличем) одного из каракалпакских племен является Ай-Шолпан. Имена, сложные с Ай и Кун, имеются и в казахском фольклоре. Так, в лирическом казахском предании «Козы-Корпеш и Баян-сулу» встречается имя Ай-тансык. Постоянное присутствие такого рода имен в эпических сказаниях говорит об устойчивой традиции, ибо все эти имена не случайны, они отражают нормы народной эстетики и своими корнями связаны с тотемистическими культами луны и солнца, уходящими в далекое прошлое.

В связи с именем Кун-Тогды интересно отметить указание В. В. Бартольда о наличии культа восходящего солнца у древних тюркских племен⁴⁰. Чокан Валиханов, в свою очередь, сообщает о пережитках культа луны у казахов⁴¹. Об особом отношении к луне у тюркоязычных народов свидетельствует и наличие родовых знаков — *тамга*, изображающих месяц⁴².

Исследования С. П. Толстова показали, что у тюркских племен Кун 'солнце' и Ай 'луна' очень долго сохранялись как тотемы, и это отразилось в туркменских

³² Рашид Эд-дин. Сборник летописей. История монголов. Пер. с персидского И. Н. Березина. СПб., 1858, стр. 5—6, 23—26.

³³ W. Radloff. Указ. соч., стр. X.

³⁴ H. Vambery. Sogataische Sprachstudien. Leipzig, 1867, S. 96.

³⁵ «Ойсулу». В кн. «Ўзбек халқ достонлари». I том. Тошкент, 1956, стр. 7 сл.

³⁶ См. В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов. Узбекский народный героический эпос. М., 1947, стр. 140—142.

³⁷ «Кунтугмыш». Достон. Айтувчи Эргаш Жуманбулбул угли. Тошкент, 1955.

³⁸ В. В. Радлов. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Часть V. Наречие дикокаменных киргизов. СПб., 1885, стр. 320.

³⁹ «Кырк кыз. Каракалпак халкынын кахарманлык дастаны». Нокис, 1956.

⁴⁰ W. Barthold. Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. «Die alttürkischen Inschriften in der Mongolei». Neue Folge. St.-Petersburg, 1897, S. 11.

⁴¹ Ч. Ч. Валиханов. Следы шаманства у киргизов. Сочинения. СПб., 1904, стр. 19—20.

⁴² Н. А. Васкаков. Ногайский язык и его диалекты. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1940, стр. 138.

родовых названиях тотемного происхождения⁴³: у племен али-эли, эрсари и ших имеются подразделения *ай*, *ай-догды* 'луна родилась', у теке, эрсари и ших — *кун* 'солнце', *кун-догды* 'солнце родилось', в последнем случае — полное совпадение с именем главного героя «Кутадгу билиг». У киргиз также до сих пор два рода, обитающих недалеко от города Фрунзе, называются *кунтуу* и *айтуу* 'солнечный' и 'лунный'⁴⁴.

Все сказанное заставляет думать, что имена действующих лиц «Кутадгу билиг» не являются случайными, а отражают традиции устной эпической поэзии и связаны с фольклорными эстетическими воззрениями тюркоязычных народов Средней Азии и Восточного Туркестана⁴⁵.

* * *

Несмотря на использование Юсуфом Баласагунским изобразительных средств саманидской придворной поэзии и наличие некоторой условной стилизации «Весенней песни», во всей поэме довольно ясно проступает самобытность тюрка-кочевника, его своеобразное восприятие мира. Поэтому попятно его стремление использовать выразительные средства фольклора тюркоязычных народов, особенно в олицетворениях, сравнениях и метафорах. Это настолько характерно, что даже в весьма отвлеченных рассуждениях поэта о бренности мира, суетности человека, собирающего мирское богатство, казалось бы, так оторванных от реальной жизни, даются очень яркие образы, взятые из кочевой скотоводческой и охотничьей жизни.

Так, Юсуф сравнивает «бренный мир» с птицеловом, который ловит в свои силки людей, не заботящихся о нравственном самоусовершенствовании и гибнущих от жажды наживы:

Коронмаз тек اول كور توزاچی سنكا بو دنیا ننكى اول سچيلمیش سنكا
 اوسا يوق بو يىنكلوق ایدی سوق كوزى قلى توزكا كيرماز بو يىنكلوق اوزى
 '[Бренный мир] для тебя — невидимый птицелов,
 Блага земного мира — рассыпанный птичий корм.
 Беспечен человек, а глаза его очень жадны,
 Как же он может избежать силка?' (К 208)

Подчеркивая краткость жизни человека, Юсуф уподобляет мир кочевью и советует не терять времени на погоню за богатством и не прикрепиться сердцем к «мирским благам», так как:

اوزونك کوچكو آينك سينك کوچكون اول... کوچكلى كشى ايتماز اوردو سراي
 'Сам ты откочуешь [из этого мира], имя твое уйдет,

Кочующий человек не разбивает ставки, [не воздвигает] дворца.' (Н 437₁₄—18)
 Для психологии народа, живущего в окружении больших пустынь, характерно сравнение жадности человека с сухим песком:

اجىغ سف تك اول كور بو دنیا ننكى نجا ايجسا قانماز اولماز انكى
 قوروغ قوم قا اوخشار بو يىنكلوق اوزى اوکوز كيرسا تودماز بوسوقلوق كوزى
 'Богатство этого мира, как соленая вода.
 Сколько бы [человек] ни пил, жажда [его] не будет утолена.

⁴³ С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. «Проблемы истории докапиталистических обществ», № 9—10, 1935, стр. 7. Ср. также имена Ай-слу и Ай-Джамал в поэме классика туркменской литературы XVIII в. *Шабенде*. «Гуль и Бильбиль».

⁴⁴ Об этом любезно сообщил народный акын Киргизии Аалы Токомбаев. Ср. также В. В. Радлов. Образцы..., ч. V, стр. 144 (Манас, гл. IV, 120).

⁴⁵ Н. И. Пантусов. Таранчинские песни. СПб., 1890; его же. Образцы таранчинской народной литературы. Казань, 1909.

Человек похож на сухой песок,
Если в него втекут [даже целые] реки, жадные глаза [его] не
насытятся? (К 212₅₋₆)

И далее Юсуф подчеркивает, что мирские богатства — прах, и только одно бо-
гатство в мире — накопление знаний — непреходяще.

В пределах этого же образа стоит сравнение:

بىلىكىنى كىشى كۆنكى قوم تك ترور اوکوز كيرسا تولماس اب اوتيم اونور
'Сознание невежды, подобно [сухому] песку,
Если [в него] втекут [даже] реки, оно не наполнится'. (Н 81₂)

Желая подчеркнуть значение речи и ценность слова, Юсуф сравнивает его с неис-
сякаемым родником:

اكا تىماز ارتار بولاقلار ارا
'[Слова] как родники, они никогда не перестают течь, но постоянно
увеличиваются'. (К 392₁₂₆)

Характерно, что излюбленным приемом Юсуфа являются метафорические сравне-
ния, где главную роль играет конь, с которым связана вся жизнь кочевника. Богат-
ство человека измеряется многочисленностью конских табунов (см. Н 145). С конем
сопоставляется сознание человека:

ات اول بو كىشى كۆنكى ارتار بيدير انى كد كودازكو اي قىلقى قدير
'Сознание человека — это конь; [он] жиреет и худеет,
Нужно его очень охранять, о [ты], сильный духом'. (К 350₁₃)

Поэт восхваляет служащего, который благодаря усердной службе сел «на коня
счастья» — *تبوغ بيرلا دولت اطين موزكوجى* (Н 125₁₄).

Начало человеческой жизни для Юсуфа не отделимо от представления о коне:

اناسيندا توغنا اتانسا اتى مسافر بولوب موندى اودلاك اتى
'Когда [сын] родился от матери и ему нарекли имя,
Став путешественником, он сел на коня жизни [букв. на ко-
ня времени]'. (Н 111₉)

В другом месте сравнение еще более красочно, хотя и идет в ином плане:

بويشلاق اوسغولوغ ترور بوات اوز سيموز توتسا ارتوق بولور بويقوز
بويشلاق سيميرسا مونار هم ازار . ادى سين جالار يرکا اندين تزار
توكال اشجى ايت تك ات اوزکا يقين سيموز بولسا ييلماز ادى سى حقين
قرين تودسا افقا يوكورماس بولور ادىسى تىلاكىنجا برماس ترور

'Как тощий конь, выносливо это имущество,
Если коня раскормить, он станет слишком поровнистым,
Когда конь разжиреет, он становится на дыбы и беснуется,
Своего хозяина сбрасывает на землю и убегает.

Посмотри имущество подобно охотничьему псу,
Если он разжирел, то не знает обязанностей перед своим
хозяином.

Когда он сыт, то не гоняется за дичью,
Не бежит по приказу хозяина, остается стоять'. (К 210₁₂₋₁₅)

Эти два сравнения находят себе ряд параллелей. Образ разжиревшей лошади,
не годной для работы, применительно к жизни человеческого общества, часто встре-

чается в тюркоязычном фольклоре. Так, в XIX в. Л. Будагов зафиксировал у казахов
такую поговорку⁴⁶:

جان اطقا جال بىسه جانينه طورسوق يانداتماس . جان بايسه جانينه بايقوستى قوندورماس
'Если разжиреет тощий конь, то не даст приторочить к себе турсук,
Если разбогатеет дурной человек, то не даст бедняку поселиться
близ себя.'

Такой же образ имеется и в *ضرب المثل* («Пословицы») узбекского сатирика Гуль-
хани (ум. в 1821 г.)⁴⁷ и в туркменских народных пословицах⁴⁸.

В устной словесности тюркских народов нередко встречается и вторая часть при-
веденного выше сравнения, ср., например, алтайскую поговорку, также сохраненную
Л. Будаговым⁴⁹:

يمان ايت سميرزه يائنه كيرى يوتوباس
'Если тощая собака разжиреет, то не допустит к себе никого.'

Как видно из сопоставлений, в этих двух сравнениях-метафорах Юсуф исполь-
зует фольклорные выражения не буквально, однако принцип построения образа
здесь тот же, что и в пословицах.

Очень часто Юсуф сравнивает мудреца, разум которого господствует над его стра-
стями, со стреноженной лошадию. Знание и разум — путы, удерживающие его от не-
подобающих действий:

كشان اول كشيكا بىليك هم اوقوش كشانليك يراغيزقا برماس اوکوش
ستوكراك اطين آر كشانليك توتار كراكليك اطين آر كودازليك توتار
'Разум и знания — путы для человека⁵⁰,
Стреноженный конь не часто идет к опасному [месту].
Любимого коня муж держит [всегда] стреноженным,
Нужного коня муж [всегда] охраняет.' (П 34₁₅₋₃₅₁).

Или еще:

'Знающий — стреножен, не может бежать,
А невежда, смотри, всегда гоняется за своими желаниями'. (В 184₁₁).

Убеждая караханидских ханов заботиться об интересах народа, Юсуф называет
народ стремнем правителя-бега, самой надежной опорой с точки зрения всадника-
кочевника:

'Если народ подчиняется [правителю], он возвышается и крепнет,
Народ становится стремнем бега и [тот] прочно стоит
в нем. (В 174₁₉)

Близко к этому образу 'народ-опора, конь для правителя' — сопоставление ролей
правителя, вазира и народа в государстве:

بو بلكا وزير اول توتوب يتكوجى ايلي اتى قبغى بو اول ايتكوجى
قلى تترو يتسا بوروندوق وزير قموغ تترو بولدى اوزوم اينوجى

⁴⁶ Лазарь Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. II. СПб., 1871, стр. 337. Ср. также П. М. Мелиоранский. Киргизские пословицы и загадки, стр. 2 и 10 (отдельный оттиск из «Записок Восточного Отделения Имп. Русского археологического общества», т. VII, стр. 39—50): «Сек семіргец күнү іесін тобер» «Осел, раздобрел, лигнет хозяина».

⁴⁷ Гульхани. Избранные произведения. Ташкент, 1951, стр. 60.

⁴⁸ «1000 туркменских пословиц и поговорок». Ашхабад, 1945, стр. 61.

⁴⁹ Лазарь Будагов. Указ. соч., стр. 345.

⁵⁰ Ср. начало киргизской пословицы: «киши акылы кишен менен тушоо». «Ум человека — путы и связки». «Киргиз элинин макал жана лакаптары», стр. 36.

‘Вазир — это конюший для бега.

Он все снаряжает. Ведь народ — это конь у ворот.

Если вазир неверно взнуздает [коня],

То все [дела] пойдут превратно, говорю я [тебе]’. (Н 383₉₋₁₀)

Сравнение Юсуфа ‘конь-опора богатыря’⁵¹ перекликается с эпическими сказаниями, песнями и пословицами. Общеизвестно, какую большую роль играет конь в фольклоре среднеазиатских народов. Очень часто эпический герой и его конь рождаются в один день и бывают неразлучны всю жизнь (Манас и Ак-кула, Гёр-оглы и Гыр-ат). Сказители изображают коня почти так же подробно, как и самого эпического героя. Конь всегда имеет собственное имя. В киргизской трилогии «Манас» любовно перечисляются не только имена и особенности боевых коней Манаса⁵² и его сорока богатырей⁵³, но даются описания и клички даже коней врагов киргизов (особенно в сцене знаменитой скачки Манаса в погоне за Конурбаем)⁵⁴.

В поэме содержится также ряд сравнений, близких к жизни и быту степного кочевника. Так, знаки зодиака сравниваются с загоном для скота (В 177₂₉). Непостоянное счастье олицетворяется в образе быстро убегающей серны:

كديك سانی دولت كشی كا تريك

‘Смотри на счастье, как на серну, оно убегает от человека’. (К 29₁)

Говоря о необходимости установить крепкую власть правителя, Юсуф опять использует образ, близкий к охотничьей жизни:

كور ارسلان كراك بو قولان بسوقا

‘Смотри, нужен лев, чтобы схватить кулана’. (Н 32₁₅)

В разделе, посвященном тому, как должен бег обращаться с учеными, Юсуф образно раскрывает значение ученых для общества близким для себя сравнением:

بولار اول سوروك قوي قا اركاج سانی قويوغ بيشلا سورسا يولجا كوني

‘Считай их вожаками овечьего стада,

Пусть они возглавляют овец и приводят их на правильную дорогу’.

(Н 313₂)

Можно привести еще ряд сравнений, взятых из кочевой и охотничьей жизни. Отшельник Одгурмыш, уговаривая вазира Огдулмыша продолжать службу бегу, говорит, что служба принесла ему могущество:

تومان اوزو نعمت يدينك اينچلانيب بويون يال بدوتونك بوئا تك قليب

‘Десять тысяч желаний и благ ты получил, наслаждался,

У тебя, как у быка, разжирел загривок’.

(К 346₁₄)

Советуя бегу устранять корыстных и несправедливых вельмож, Юсуф говорит:

قموغ ننگ قتيلى اوز اوكرى بيلا كوني تور قتيلا سن اكرى بيلا

‘Всякое животное сходится только со своим стадом,

[Поэтому] ты будь справедлив и не сходишь с несправедливым’.

(Н 170₉)

⁵¹ Ср. киргизскую пословицу: «ат эрдин канаты» ‘конь — крыло мужа’ («Кыргыздын макалдары менен лакаптары». Фрунзе, 1949, стр. 14). То же у каракалпаков («Каракалпак нақыллары қамь макаллары. Нокис, 1956, стр. 15).

⁵² «Манас сериялары. Алгачкы айкаш». Фрунзе, 1942, стр. 84—86, 87, 88, 92—95; см. также «Манас сериялары. Чаңкејдин сомоолу». Фрунзе, 1941, стр. 66. Ср. описание Гыр-ата в «Гёр-оглы» («Сөгөт»). А.Ş. gabat, 1941, стр. 41—42) и особенно в дастане «Жушкелди» по варианту Эргаша Джуманбулбул-оглы (Ташкент, 1942, стр. 92).

⁵³ «Алгачкы айкаш», стр. 36, 45—46, 72 и др. См. также «Манас сериялары. Makel-dee». Фрунзе, 1941, стр. 2, 45, 52; «Чаңкејдин сомоолу», стр. 36, 40, 88, 89.

⁵⁴ «Алгачкы айкаш», стр. 4, 67, 80, 92—95.

Илагая свое учение о двух видах добра и зла — врожденном и приобретенном, Юсуф подтверждает мысль о неизменности прирожденного характера таким сравнением:

قريندا تورويش قىلىنج اوكرى تىك يىغىز ير قىندا كىتار اى تىك

‘Прирожденный характер в теле подобен сурку,

Он исчезает лишь под покровом черной земли, о быстрый!’. (Н 74₉)

Особая любовь степняка к соколиной охоте⁵⁵ отразилась в «Кутадгу билиг» в метафоре-сравнении ловкого, отважного и неустрашимого военачальника-сюбаша с соколом-лачин, который разгоняет врагов, как стаю ворон:

Bu alp ğr sġkirtip ġarik torġany

Laġyn quġ qobaġ dġk qalyn qarġany

‘Этот герой — муж, налетая, разгоняет [вражеское] войско,

Подобно соколу, вспугивающему тучи воронья’.

(В 88₂₉)

Такое противопоставление благородного сокола презренному ворону часто встречается в эпических сказаниях среднеазиатских народов и несомненно навеяно привычной картиной соколиной охоты. Так, в узбекском дастане «Орзигул» героиня восклицает:

«Душман-қарға, мен булайин лочини»⁵⁶ ‘Я стану соколом, против врага — ворона’, а в дастане «Равшан» Аваз отказывает Хасану в сватовстве, говоря, что Аваз — лачин, а Хасан — кузгун — ворон-стервятник⁵⁷. То же в «Манасе»: киргизские богатыри, громящие войска вражеского хана у стен эпического Бейджина, уподоблены соколам, а их враги — воронам, летящим от соколов.

Не единичен в поэме прием уподобления полководцев и воинов хищным ловчим птицам. Так, Юсуф, советуя бегу щедро награждать своих воинов, говорит, что необходимо совершать походы для захвата военной добычи, ведь «пища ловчей птицы Урунг не иссякает» — *توتوغلى اورونك قوشقا ننگ اكسوماس* (Н 157₂).

Таким образом, Юсуф, отражая интересы кочевой феодальной знати, своеобразно использует в данном контексте образ народных преданий в подкрепление своей мысли о необходимости поступления военной добычи и дани для содержания войска.

В другом месте поэмы Юсуф, желая подчеркнуть значение войска для власти бега, уподобляет рядовых воинов (ارات) крыльям ловчей птицы:

ارات بولدى بىكلار قاناتى يوكى قنات سىز قوش اوجماز اى بىكلار بىكى

‘Рядовые воины — это крылья и перья бегов,

Без крыльев птица не [может] взлететь, о, бег бегов!’. (Н 221₁₂)

Среди приемов фольклорной поэтики в «Кутадгу билиг» можно встретить также эпические обращения, обычные для среднеазиатских сказаний. Так, в поэме в разговоре персонажей неоднократно употребляется ласкательное обращение *يوزى* — ‘ягненок’.

نيكو تير ايشيكيلى اوتاجى سوزى مونونك معنى سى اوق تيريلكيلى قوزى

‘Слушай слова врачевателя,

Пойми их значение и исцелись, ягненок!’⁵⁸ (Н 333₁₄₋₁₅)

⁵⁵ Это пристрастие к охоте с ловчими птицами нашло свое отражение в фольклоре всех среднеазиатских народов, в постоянных эпитетах эпических богатырей, в сказках и пословицах. Ср., например, киргизскую поговорку: «куштун алганман салганы кызык» ‘охота с ловчей птицей интереснее, чем ее добыча’.

⁵⁶ «Орзигул». Достон. Айтувчи Ислом Назар угли. В кн. «Ўзбек халқ достонлари», II том. Ташкент, 1957, стр. 512.

⁵⁷ «Равшан». Достон. Айтувчи Эргаш Жуманбулбул угли. В кн. «Ўзбек халқ достонлари», I том. Ташкент, 1956, стр. 348—349.

⁵⁸ К 274₃; В 131₄₁; то же обращение в Н 417₁₄; В 166₁₃; К 349₈: *اى قوزى*, ягненок!

Также обращения с использованием названий детенышей животных обычны в фольклоре скотоводческих народов. Так, в эпосе «Алпамыш» сестра героя Калдыргач-аим называет его сына Ядгара «мой ягненок»⁵⁹, в эпосе «Манас» Кашыкей, жена Манаса, называет своего сына Семетей «мой ягненок», «мой жеребенок» (кулунум), в дастане «Равшан» так называет сына Хасан⁶⁰ и т. д.

Иные обращения употребляются для правителя Илека. Одгурмыш, обращаясь к Илеку, говорит: «О ты, благородный олень!» (B144₁₈)

В другом месте поэмы, превознося охотничье искусство и ловкость правителя, Юсуф называет илека «серым волком»: *كوك بوري*

بوري تيلكو ارسلان ادغ يا تونكوز سينك دين قوتولماز اولور اادا توز

تليقدا اوجوغلى قرا قوش يورى سينك دين كجرماز ايا كوك بوري

«Волк, лиса, лев, медведь и кабан

Не могут убежать от тебя, все [они] погибают на охоте.

[Даже] парящий в небе орел

Не может спастись от тебя, о ты, серый волк». (К 320₁₅₋₁₇)

Такое обращение к Илеку — носителю власти не случайно. Волк считался тотемом многих тюркских племен⁶¹. И это нашло свое отражение в ряде имен караханидских правителей, современных Юсуфу. Так, в «Тарихи Бейхаки»⁶² в связи с событиями 429 г. х. (1034—1035 г.) упоминается Бури-тегин. У Сельджукидов тоже встречались такие имена, например, Бури-барс — сын Алп-Арслана, задушенный по приказу своего брата после поражения в битве 488 г. х. (1095)⁶³.

Тотемное происхождение имени *бури* можно довольно отчетливо проследить по киргизскому эпосу: там *бури* «волк» является одним из самых устоявшихся положительных эпитетов богатырей. Постоянным эпитетом Манаса, а нередко и его сорока дружинников на протяжении всего эпоса является Кок-джал — «Сивогривый (волк)». Например, в эпизоде схватки Манаса с Кокурбаем:

Көл кечууге киргенде,

Көк жалга найза салыптыр,

Көк жал Манас баатырың

Кокурбайдын найзасын

Колуна сууруп алыптыр.

«Когда достигли брода через озеро,

Кокурбай ударил сивогривого коньем.

Сивогривый Манас — богатырь

Рывком выхватил конь

Из рук Кокурбая». (Алгачкы айкаш, стр. 91)

Этот же эпитет богатыря сохраняется и во второй части трилогии Манаса — «Семетей». Кок-джалом именуется Манаса его жена Кашыкей. Сорок богатырей Манаса — *кырк-чоро* также называются кок-джалами, например, в эпизоде борьбы с чудовищем

⁵⁹ «Alpamiş». Taşkent, 1939, стр. 301.

⁶⁰ «Qanykejdin çomoçu», стр. 54; «Равшан». Достоп. В кн.: «Ўзбек халк достоплари», т. I, стр. 354.

⁶¹ См. Вичурин (Ивакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I. СПб., 1851, стр. 257, 259; Рашид Эд-дин. Указ. соч., стр. 177. По вопросу о волке как тотеме см. также В. А. Гордлевский. Что такое «босый волк»? (к толкованию «Слова о полку Игореве»). «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», т. VI, вып. 4; Л. П. Потапов. Героический эпос алтайцев. «Советская этнография», 1949, № 1, стр. 122—123; А. П. Окладников. Конь и змея на лесных писаницах. «Тюркологический сборник», I. М.—Л., 1951, стр. 148.

⁶² «The Tārīkhi Baihaki...». Ed. by W. H. Morley. Calcutta, 1862, p. 682; Encyclopédie de l'Islam, t. I, p. 818—819; Būrī-tegin.

⁶³ Encyclopédie de l'Islam, t. I, p. 818: Būrī-Bars.

Макел-дөө и в повествовании о первом сражении. Особый интерес представляет место, где дружина Манаса прямо именуется *көк бөрү*, так же как Илек в «Кутадгу билиг»:

Көчөс куйрук көк бөрү

Көк жал эрдин жөкөрү.

«Короткохвостые серые волки —

Свита сивогривого богатыря».

(Алгачкы айкаш, стр. 88)

Интересно при этом вспомнить, что еще в VII в. по китайским известиям дружина вождей ту-гю называлась *фу-ли* «волк»⁶⁴.

Манас и его дружинники, как правило, называются также «волками сражения» — *жоо бөрүсү*. Один из дружинников Чубак называет Манаса «жоо бөрүсү жолдошум» — «мой спутник — волк сражений» (Алгачкы айкаш, стр. 36, 43).

Таким образом, Юсуф, адресуясь к Илеку, использовал традиционный для среднеазиатского фольклора образ «серый волк» («синий волк»), бытующий с очень давних пор для названия полководца и его дружины и связанный с тотемистическими представлениями тюрков. Эти же тотемистические воззрения сыграли некоторую роль в уподоблении витязей различным зверям и хищным птицам, а также в приписывании богатырям и полководцам свойств диких животных. Так, смелость, храбрость, неукротимость в битве — качества, необходимые военачальнику, в «Кутадгу билиг» даются, как установил Е. Э. Бертельс, в традиционном для эпических сказаний Средней Азии сравнении героя с животными. Такой прием отмечен еще у ат-Туртуши (ум. 1126 г.) в описании полководца Наера ибн Сейяра; наблюдается он и в туркменском эпосе «Гёр-оглы», использован в «Гёрекдир» Махтум-Кули и бытует даже в современной туркменской поэзии⁶⁵. К этому можно добавить, что подобное сравнение богатырских качеств героя с хищными животными имеется и в других эпических сказаниях Средней Азии, например в «Манасе». Батыр Манас обладает «львиным сердцем» («арстан жүрек»), «носом кочкора» (кочкор тумшук), «мощью слона» (пил мучалуу кәрунет), «шеей и грудью тигра» (жолборс моюң, жолборс төш), «натиском барса и обликом тигра»...

Качырганы ильбирстей

Комдонгопу кадимки

Кара чаар жолборстой...⁶⁶

Так же описаны и его соратники, например Алмамбет:

Жолборс билек, таш жүрек

Жоодон корккон жан эмес.

Обладающий лапой тигра, с каменным сердцем,

Его дух не утрашит битвы.

(Алгачкы айкаш, стр. 16)

Сам Манас и его сорок богатырей в эпосе имеют постоянные эпитеты: арстан — «лев», джолбарс — «тигр», кабан — «леопард», кыраан — «тренированный ловчий сокол», шумкар — «кречет», туйгун — «белый ястреб» и кокджал — «сивогривый (волк)».

Наличие очень древних корней эпической традиции сравнения богатырей и героев с хищными животными фиксируется еще в орхон-енисейских надписях, у Махмуда Кашгарского и в уйгурской легенде об Огуз-кагане. Рисуя облик Огуз-кагана, легенда наделяет его мощью и качествами зверей: «Его ноги были, как у быка, живот его был, как у волка, лопатка была, как у соболя, грудь его была, как у медведя»⁶⁷. Традиционный комплекс таких же сравнений героя эпоса с хищными животными и птицами наличествует и в узбекских дастанах — Гёроглы, Алпамыш, Равшан.

⁶⁴ Ср. в Памятнике Кюль-Тегина: «Так как небо даровало (ему) силу, то войско моего отца-кагана было подобно волку...» («Сборник Трудов Орхонской экспедиции, IV. Древне-тюркские памятники в Кошо-Цайдаме. СПб., 1897, КТ, I). Уподобление эпического героя волку имеется и в казахском эпосе. См. Акад. А. С. Орлов. Казахский героический эпос. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1945, стр. 27.

⁶⁵ См. Е. Э. Бертельс. Указ. соч., стр. 73—74.

⁶⁶ К. Рахматуллин. Улуу патриот укмуштуу Манас. Фрунзе, 1942, стр. 43.

⁶⁷ Dr. W. Radloff. Kudatku Bilik. St.-Petersburg, 1890, S. 191—192.

Все вышесказанное свидетельствует, что В. В. Бартольд был совершенно прав в своей оценке поэмы «Кутадгу билиг» как произведения, в котором, несмотря на сильное воздействие арабо-персидской дидактической литературы, в значительной мере сохранились фольклорные мотивы и традиционные приемы эпических сказаний тюркоязычных народов. Юсуф Баласагунский использовал пословицы, поговорки и пословичные выражения, эпические имена героев сказаний, прием сопоставления воинов с хищными животными и ловчими птицами, образные выражения и сравнения, свойственные фольклору кочевых племен, и другие средства фольклорной поэтики. Эти моменты делают «Кутадгу билиг», наряду со словарем Махмуда Кашгарского, исключительно ценным источником для воссоздания народного устно-поэтического творчества тюркских племен Средней Азии и Восточного Туркестана в период раннего средневековья.

SUMMARY

The poem «Kutadgu Bilig» written by Yusuf of Balasaghun was completed at Kashghar, in 1069. It belongs to the epico-didactic genre which is widespread in the East and bears the imprint of the influence of the Persian Pand-Namahs and Arabic Adabs. The poem was also greatly influenced by the poetic traditions of the Turkic-speaking peoples of Central Asia and Eastern Turkestan handed down by word of mouth. Folklore motifs and the traditional style of the epics born among Turkic tribes are quite conspicuous in the poem. Yusuf of Balasaghun has utilized proverbs, adages and proverbial expressions, the names of epic heroes, comparisons of warriors with beasts and birds of prey, picturesque imagery and comparisons characteristic of the folklore of the nomads, and other media of folklore poetry. These elements make the «Kutadgu Bilig» a valuable source for retracing the folklore of the Turkic tribes of Central Asia and Eastern Turkestan in the early middle ages.

О ГЛАВНЫХ ЧЛЕНАХ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ЭРГАТИВНОЙ КОНСТРУКЦИЕЙ В ПАШТО

Н. А. ДВОРЯНКОВ

Особое построение предложений в пашто со сказуемым, выраженным переходными глаголами в прошедших временах¹, было отмечено уже первыми исследователями афганского языка. Особенности спряжения и построения предложения с переходными глаголами получили, например, отражение в работах петербургского ученого акад. Б. Дорна — пионера в изучении пашто. Впоследствии почти все исследователи прагматических языков, в том числе и Е. Трумп² — автор лучшей для XIX в. грамматики языка пашто, обращали внимание на эту характерную особенность грамматического строя пашто. Рассмотрение и описание этого явления занимает немало страниц и в наше время даже в таких работах, в которых эргативная конструкция не является специальным предметом исследования³.

Причина такого обостренного внимания к эргативному построению предложения состоит прежде всего в том, что с эргативной конструкцией связаны важнейшие характерные черты всей системы морфологии афганского глагола, да и не только глагола; эта конструкция определяет способы выражения главных членов предложения.

Эргативная конструкция (или эргативный строй) в пашто представляет собой настолько специфическое и сложное для изучающих язык грамматическое явление, что она стала своего рода «иробным камнем» для определения степени совершенства овладения этим языком (конечно, не для самих афганцев). Можно без преувеличения сказать, что самые значительные промахи и неточности при изложении грамматики пашто связаны именно с этим явлением. Даже после большой работы, проведенной М. Г. Аслановым по выявлению специфических черт эргативного построения предложения в пашто (результатом которой явился доклад в Институте языка и мышления АН СССР в 1947 г.), до сих пор еще встречаются неточности в толковании этого явления. Так, во втором издании Большой Советской Энциклопедии в статье «Афганский язык» два примера на эргативную конструкцию 'мāдā китāб в; лв'ст' и 'д; асуна в; тарл' не по воле автора этой статьи неверно переведены, как 'мною эта книга прочитана' и 'им кони привязаны'⁴. Поскольку эргативная конструкция не имеет пассивного значения, эти предложения следовало бы перевести соответственно: «я прочитал книгу», «он привязал коней».

¹ Имеются в виду все глагольные формы, образованные от основы прошедшего времени, и причастия прошедшего времени.

² E. Trumpp. Grammar of the Pāstō or language of the Afghāns, compared with the Irānian and North-Indian idioms. London, 1873, p. 210.

³ См., например, дисс. В. А. Лившица «Местоимения в афганском языке (пашто)». Л., 1951, стр. 140; а также дисс. А. Ганиева «Страдательный залог в современном литературном пушту». М., 1955, стр. 135 сл.

⁴ Большая Советская Энциклопедия, т. 3, 2-е изд., стр. 507.

Но больше всего недоразумений возникает при определении главных членов предложения с эргативной конструкцией. Большинство исследователей считает дополнение также главным членом такого предложения. Из рассуждений других авторов можно понять, что особым главным членом предложения с эргативной конструкцией является и «агенс», т. е. показатель действующего лица⁵. Иногда даже при правильном понимании основных особенностей эргативной конструкции исследователи, смешивая логические и грамматические категории, именуют «агенс» косвенным дополнением, а «логический объект» — «грамматическим подлежащим», причем и «агенс», и «объект», и сказуемое относят к главным членам предложения⁶.

Понятие «эргативная конструкция» было введено А. М. Дирром еще в 1928 г. Среди языков, в которых наблюдается это явление, наряду с кавказскими, индийскими и другими, А. М. Дирр отметил и афганский⁷. Сами афганцы называют это явление «фанли джумла», т. е. «предложение с деятелем». В свое время нами была предпринята попытка отказаться от термина «эргативная конструкция». Исходя из того, что современная эргативная конструкция исторически восходит к пассивному обороту, некоторые авторы употребляли термин «пассивная конструкция». Однако этот термин неудобен, так как никакого пассивного (страдательного) значения в современном языке данная конструкция не имеет, значение же пассивности (страдательности) в пашто передается совершенно иной грамматической категорией — страдательным залогом⁸. Стремление отразить в термине специфику и существо этого построения в пашто и сделать «внутреннюю форму» данного наименования более прозрачной, а следовательно, и более доступной для изучающих язык, привело нас к созданию термина «прошедше-переходный строй». Но поскольку название «эргативная конструкция» стало традиционным и для пашто, мы продолжаем пользоваться этим термином, понимая под ним лишь конструкцию, характеризующуюся особым оформлением глагольной транзитивности, но отнюдь не наличием специального падежа или отсутствием залоговых форм.

Нужно сразу оговориться, что эргативная конструкция в пашто имеет свои специфические «национальные» черты. Прежде всего, в исследуемом языке такое синтаксическое построение сопровождается не все временные формы переходных глаголов, а только формы прошедшего времени. Построение предложения с переходными глаголами в настоящем и будущем времени ничем принципиально не отличается от номинативной конструкции и предложений с непереходными глаголами. При эргативном построении предложения в пашто соблюдается ряд неизменных условий. Подлежащее (для уточнения его в этом случае иногда называют агенсом) обязательно наличествует в предложении и стоит в форме косвенного беспредложного падежа. Особенностью эргативного построения является также то, что в пашто нет особого падежа «эргатива», который имеется, например, в кавказских языках. Сказуемое в эргативной конструкции связывается по способу согласования не с подлежащим, а с прямым дополнением. Благодаря богатству афганской морфологии согласование в некоторых формах проводится не только в лице и числе, но и в роде.

При описании эргативной конструкции в афганском языке до сих пор специально не ставился вопрос о соотношении главных членов предложения. Тем не менее в работах по грамматике пашто часто выдвигается тезис о том, что дополнение является главным членом предложения. Нам кажется, что это положение, справедливое, по-

⁵ Л. С. Яцевич. Порядок слов в простом предложении в современном афганском языке (пушту). Диссертация. М., 1952, стр. 95 сл.

⁶ См. А. Ганисв. Указ. соч., стр. 150—151.

⁷ См. А. М. Дирр. Глагол в кавказских языках. Сб. «Эргативная конструкция предложения». М., Изд-во иностр. лит-ры, 1950, стр. 32.

⁸ См. А. Ганисв. Указ. соч., стр. 135.

видимому, для языков с «классическим» эргативом⁹, на афганский язык было распространено без достаточных оснований. Правильно ли утверждение о том, что в афганском языке дополнение, так же как подлежащее и сказуемое, является главным членом предложения, мы попытаемся показать на конкретных языковых примерах:

‘в’р’ста л’ь һага чи д’ь йав ланд тавак’уф’у в’у к’тр’ а’в д’ь һага да’й д’ь халко дардуна ав мусибат’уна йе ву лид’ля но пешав’ар’ та ра’г’ий’ букв. ‘После того, как он сделал короткую остановку и он увидел мучения и бедствия людей, то приехал в Пешавар’ («Ислах», 7 декабря 1950 г.).

В первом предложении подлежащее выражено косвенной формой личного местоимения 3 л. м. р. «д’ь» (прямая форма «да’й»), а глагол «вук’тр» согласован с дополнением «тавак’уф» (3 л. ед. ч. м. р.). Еще более показательно второе предложение, где подлежащее выражено слабой формой местоимения «йе», а глагол «ву-лид’ля» — согласован с дополнениями «дард’уна» и «мусибат’уна» (3 л. мн. ч. м. р.). Синтаксическая функция дополнения в эргативном построении выявляется в значительно большей степени, так как объектное сочетание в этом предложении объединяется согласованием в роде; числе и лице. При наличии в предложении двух однородных членов — дополнений, выраженных существительными различных родов, сказуемое согласуется с последним из дополнений. Так, в предложении

‘дага сор’ вазий’ат’ ав бентин’а’ йе вулид’ля’ букв. ‘Он увидел эту холодную обстановку и невнимание’ («Ислах», 7 декабря 1950 г.) сказуемое «вулид’ля» согласовано со вторым дополнением «бентин’а» (3 л. ед. ч. ж. р.), тогда как первое дополнение «вазий’ат» относится к мужскому роду. Вот еще одна иллюстрация подобного способа согласования:

‘һаг’ой’ зму’ж’ н’р’ мулк’ б’а’нди дер к’а’зуна тер’и ав тадж’авоз’уна в’у к’р’л’ ‘Они много лет совершали посягательства и нападения на нашу страну’ («Ислах», 8 декабря 1950 г.).

Первое дополнение «тер’и» — женского рода, но сказуемое согласовано со вторым дополнением «тадж’авоз’уна» (3 л. мн. ч. м. р.).

Эргативное построение образуют все типы переходных глаголов, причем производные неположительные глаголы в форме совершенного вида распадаются на именную и глагольные части и с дополнением согласуется не только глагольная, но и именная часть:

‘де мак’але’ д’ь па’цтан’о’ адиб’а’ но п’ь ма’фал’ ки й’ав’а’ һан’г’ама’ дж’ор’а’ к’ра’ ‘Эта статья произвела скандал в кругу афганских литераторов’ («Кабул», № 334, стр. 2). Именная часть сказуемого «дж’ора» и глагольная «кра» согласованы с дополнением «һан’г’ама» (3 л. ед. ч. ж. р.), подлежащее «де мак’але» стоит в косвенной форме (прямая д’а мак’ала). В сложносочиненных предложениях, где употребляется одно и то же подлежащее при эргативном построении, оно должно непременно дублироваться. Оно дублируется и тогда, когда в первом предложении имеется номинативный строй, и в том случае, если в первом предложении эргативное построение. Вот иллюстрация для первого случая дублирования подлежащего:

‘да’га лар’ий’ д’ь ш’ар’ һари х’в’а’ та цо д’з’ла влар’’ле ав ра’гле ав халк’ йе п’ь дер узир’ да д’ь истик’бал’ та ра’вустьл’ ав д’ь сайл’ кав’ло п’ь пал’ма’ йе де д’з’й’ та ра’ һазир’ к’р’л’ букв. ‘Эти грузовики несколько раз ездили взад и вперед по всему городу, и они под многими предложениями привезли людей для его встречи, и они под предлогом прогулки собрали их к этому месту’ («Ислах», 7 ноября 1950 г.). Подлежащее повторяется и при наличии в первом предложении эргативной конструкции, хотя сами предложения могут быть безобъектными:

‘му’ж’ д’ь к’алифор’ни’й’ па’штан’о’ д’ь ра’дио’г’а’но’ н’з’ васил’а’ в’ар’вед’ляв’ п’ь ах’бар’о’ ки мо’ ву’ластьл’ чи...’ букв. ‘Мы — паштуны, живущие в Калифорнии, услышали по радио, и мы прочитали в газетах, что...’ («Ислах», 9 октября 1950 г.). При сложных формах прошедшего времени, образованных от причастия прошедшего времени, с дополнением

⁹ См. В. В. Виноградов. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения. «Вопросы языкознания», 1954, № 1, стр. 11.

согласуется и причастие (в роде и числе) и связка (в роде, числе и лице). Эргативную конструкцию с причастиями иллюстрируют следующие примеры:

'пъ катй даул дъ жванж масала йе на да хал къре' букв. 'Он не решил жизненной проблемы решительным образом' («Кабул», № 334, стр. 9). Объект — ж. р. 3 л. ед. ч. 'муж пъ тарих ки һицкъла дъ хагой дъ бадарано голами на да манале' букв. 'Никогда в истории не признавали рабства [со стороны] их господ' («Ислах», 8 октября 1950 г.). Объект — ж. р. 3 л. ед. ч.

Но 'плас лъ хага йе дъ амал пъ дагър ки камийаби гатъле да' букв. 'И после этого он достиг успеха на поприще практики' («Кабул», № 334, стр. 9).

Объект — ж. р. 3 л. ед. ч.

'дъ алвутаки пъ майдаи ки поро мъшрано ав дъ нуфъз хавьндапо һиц гади на ву кърай' букв. 'Другие начальники и влиятельные лица на аэродроме [во встрече] участия не принимали' («Ислах», 7 декабря 1950 г.). Объект — м. р. 3 л. ед. ч.

Анализируя особенности эргативной конструкции, каждый исследователь совершенно закономерно замечает, что синтаксическая роль дополнения в эргативном построении в сравнении с номинативной конструкцией выявляется в значительно большей степени. Согласование сказуемого с объектом, несомненно, придает дополнению большую синтаксическую весомость во всем построении предложения. Ряд предикативных признаков находится в прямой зависимости не от подлежащего, а от дополнения. Однако можно ли на этом основании сделать вывод о том, что дополнение становится главным членом предложения, таким же, как подлежащее и сказуемое?

Категория лица в афганском глаголе дает возможность варьировать синтаксическое построение. Так, при субъектном согласовании, когда в сказуемом представлено действие определенного деятеля, допустим пропуск подлежащего. Вместо предложения 'зъ макала ликъм' 'я пишу статью' можно сказать просто 'макала ликъм' 'пишу статью'. Опускание местоимения в таких случаях является обычным, но пропуск подлежащего совершенно невозможен в эргативном построении, где «бесподлежащих» предложений не существует, где деятель должен быть непременно выражен отдельным самостоятельным членом предложения: 'ма макала ликъла' 'я писал статью'. Но нельзя сказать «макала ликъла», так как такое сочетание не имеет предикативного оформления и, как таковое, в пашто невозможно.

В эргативном построении в сказуемом выражено «действие, направленное на определенный объект», что и закрепляется особым согласованием. В нем возможен лишь пропуск дополнения, т. е. возможно предложение с безобъектным оборотом, который имеет свои морфологические особенности оформления.

'Я писал' — ма ликъл; 'ты читал' — та лвастъл.

Законы эргативного построения предложения соблюдаются и в этом случае, т. е. подлежащее ставится в косвенном падеже, а сказуемое (и это очень важно) выступает в таких предложениях в безличной форме, совпадающей с инфинитивом. Инфинитив в пашто обладает способностью к субстантивации, однако, разъясия безобъектные обороты, их нельзя толковать как именные конструкции. (Серьезные неточности в трактовке этого вопроса допускал в своей диссертации Д. А. Шафеев)¹⁰. Как и всякая глагольная форма, она способна, например, принимать показатели вида (-ву и -бъ) и т. д. Следует признать ошибочными и утверждения о том, что «при отсутствии объекта действия переходный глагол в прошедшем времени ставится в форме 3-го лица множественного числа мужского рода, например: -ма вайъл — я говорит; -дъ гуштъл — он хотел»¹¹.

На самом деле данная форма не соотносима ни с одним лицом, поэтому ее следует, как и во всех других случаях, называть инфинитивом. Некоторые глаголы, смысловые эквиваленты которых в русском языке являются непереходными, в пашто спрягаются

¹⁰ Д. А. Шафеев. Категория рода в пашто. Диссертация. М., 1946, стр. 224.

¹¹ Д. А. Шафеев. Краткий грамматический очерк афганского языка в «Русско-афганском словаре» П. Б. Зудина. М., 1955, стр. 1100.

как переходные безобъектные. В «Кратком грамматическом очерке» Д. А. Шафеев приводит 6 таких глаголов. М. Г. Аслапов в своем докладе указывал, что их около 20. Мы считаем, что этот список можно представить в следующем виде:

(асвелъл — вдыхать или авселъл)	(фаргръл) — реветь (о вер- блюде)
(ангуъл) — выть (о собаке, шакале, перен. о человеке)	(фрумбъл) — рычать (о тигре)
(ангъл) — реветь (об осле)	(ламбъл) — купаться
(пърчъл) — чихать	(лапръл) — выбирать (в игре)
(траплъл) — спешить, удирать	(лоръл) — клясться, бо- житься
(тухъл) — кашлять	(луведъл) — рассыпаться
(тукъл) — плевать	(масъл) — улыбаться
(друмъл) — отправляться	(митъл) — мочиться
(дангъл) — устремляться, прыгать	(межъл) — плясать, танцевать
(хандъл) — смеяться	(пацъл) — кричать (о дрофе)
(хъравъл) — тошнить	(наръл) — кричать (о дрофе)
(риндъл) — слабить	(нжъл) — чихать
(райъл) — блеять (о баране)	(нужъл) — насыщать
(заниъл) — качаться	(имужъл) — чесаться
(жаръл) — плакать	(ингъл) — жадничать
(шашиъл) — ржать	(вийаръл) — гордиться, расти
(гапъл) — лаять	(вайъл) — говорить
(фържъл) — рычать (о собаке)	(йунъл) — странствовать, кочевать

Поскольку предикативность — это «совокупность таких грамматических категорий, которые определяют и устанавливают природу предложения как грамматически организованной единицы речевого общения, выражающей отношение говорящего к действительности и воплощающей в себе относительно законченную мысль»¹², то следует признать, что грамматическая ценность дополнения в процессе отнесения основного содержания сообщения к действительности в значительной степени уступает главным членам предложения — подлежащему и сказуемому. В эргативной конструкции соотносительными членами предложения, которые связаны с предикативными отношениями, являются подлежащее и сказуемое. В ней, как и в номинативной конструкции, предикативным является только словосочетание «подлежащее + сказуемое». Только оно может быть остоном всего предложения и уже само является предложением. Подлежащее и сказуемое потому и называются главными членами, что именно они определяют языковую форму предложения, его построение и оформление. Так семантика и морфологические свойства глагола-сказуемого предопределяют номинативное или эргативное построение предложения (а отнюдь не семантико-грамматические свойства дополнения!).

Подлежащее в эргативной конструкции в пашто остается главным и грамматически независимым от других членов предложения и всегда обозначает предмет (в широком смысле слова), признак которого раскрывается в сказуемом. Морфологические особенности подлежащего в различных языках настолько своеобразны, что общее остается, пожалуй, только в том, что этот член предложения исторически приспособился для выражения субъекта суждения, и в том, что он вместе со сказуемым образует предикативное сочетание. Но именно поэтому мы и называем этот член предложения

¹² «Грамматика русского языка», т. II, ч. I. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 76.

подлежащим. В эргативной конструкции пашто отражается один из случаев противоречия и расхождения между логикой и грамматикой и несоответствия их категорий. В таком предложении неизменно наличествует подлежащее и сказуемое, соотносимые с субъектом и предикатом суждения, но по способу согласования синтаксически связаны не они, а сказуемое и дополнение. Односоставных предложений с эргативной конструкцией в языке не существует. В них всегда соотносится с реальной действительностью не одно, а два понятия или представления. Реализация логического суждения осуществляется в данном случае своеобразными языковыми средствами.

Сказуемое в эргативном построении — это не особый главный член, а лишь частный случай оформления сказуемого особым способом согласования (в данном случае с дополнением). Можно сказать, что в пашто сказуемое — главный член двусоставного предложения, грамматически зависящий от подлежащего в номинативном и от дополнения в эргативном предложении. Обычно сказуемое выражается личной формой глагола, причастием, существительным или другими частями речи и обозначает признак (действие, состояние или качество) предмета, выраженного подлежащим. При всей своей синтаксической зависимости от дополнения сказуемое и в эргативном предложении выражает признак, приписываемый подлежащему.

В соотношении главных членов предложения в эргативной конструкции пашто раскрывается тесная взаимосвязь между семантико-синтаксической категорией переходности и категорией времени, так как это построение встречается лишь в прошедшем времени. Все это построение зависит от значения переходности, но хотя сказуемое согласуется с дополнением и содержит в себе важнейшие предикативные признаки, эргативное предложение не получает полного оформления без подлежащего (агенса). Это обстоятельство наводит на мысль о том, что, может быть, не все категории равноценны при оформлении эргативных построений в пашто. Возможно, что в таких построениях предикативная нагрузка специфических глагольных категорий — модальности (наклонения), времени, залога и переходности более значительна, так как в этом случае категории лица, числа и рода оформляют лишь дополнительное (объектное) сочетание в процессе превращения «строительного материала языка в живую действительную речь».

Поскольку словосочетание «дополнение + сказуемое» остается в эргативном предложении лишь «строительным материалом» и не превращает предложение в полностью грамматически организованную единицу речевого общения, нет оснований утверждать, что в афганском языке дополнение является главным членом предложения.

SUMMARY

The author deals with the so-called ergative construction in the Pushtu language and defines the specific features of this construction. He arrives at the conclusion that the subject and predicate remain the main parts of the sentence in this construction, and that there is no reason for considering the object to be the main part in such sentences.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ К БИОГРАФИИ МУХАММЕД-КАЗИМА

И. И. ПЕТРОВ

В 1919 г. акад. В. В. Бартольд дал краткое описание обнаруженных им в Азиатском музее Академии наук второго и третьего томов истории Надир-шаха, написанной мерским чиновником Мухаммед-Казимом в 50-х годах XVIII в. В статье говорится, что В. А. Жуковский при составлении своей монографии о Мерве не знал об этом источнике, но богатству фактических сведений далеко оставляющем за собой не только все, что известно об истории Мерва в XVIII в., но и все вообще источники по истории Надир-шаха, в частности и труд официального историка Надира — Мехди-хана. «Труды Мухаммед-Казима, — писал В. В. Бартольд, — несомненно, суждено сделаться основным источником по истории Надир-шаха, в особенности, если удастся найти недостающий пока первый том». Впоследствии первый том был обнаружен в Московском институте востоковедения. Судя по припискам в этом томе, автор назвал свое произведение «Мир украшающей надировой книгой».

Полностью признавая заслугу покойного академика, обратившего внимание на этот источник, не замеченный до него никем из востоковедов, мы не можем, однако, не отметить, что он неправильно назвал Мухаммед-Казима мерским везиром¹. Эта на первый взгляд незначительная ошибка В. В. Бартольда повлекла за собою, уже после его смерти, ряд ложных представлений как о самом Мухаммед-Казиме, так и о его произведении.

Ввиду установившегося в нашей литературе неправильного взгляда на Мухаммед-Казима, как на лицо, занимавшее важный пост и бывшее «гражданским правителем Мерва»², постараемся прежде всего выяснить, что представляла собой должность везира во времена Сефевидов и при Надире. До Сефевидов в халифате и во всех странах, входивших в него, был лишь один везир, подчиненный только главе государства и возглавлявший весь правительственный аппарат. При Исмаиле I глава правительственного аппарата в Иране и заместитель шаха по управлению всей страной носил титул «бекиль-ад-доуле». Должность главного везира осталась, однако он уже именовался везиром (или назиром) верховного дивана, в который, кроме везира, входили еще такие влиятельные члены, как садр и эмир. При правителях областей также состояли везиры, функции которых все более и более ограничивались. При Тахмаспе I везирами в провинциальных управлениях назывались чиновники, контролировавшие расходование казенных сумм. Будаг-мушши Казвини, автор исторического труда «Перлы известий» (вторая половина XVI в.), говоря о самом себе, сообщает, что правитель Гератской об-

¹ В. Бартольд. О некоторых восточных рукописях. «Известия Российской Академии наук», VI сер., т. XIII, 1919. По словам В. В. Бартольда, Мухаммед-Казим уже в 1741 г. был мерским везиром. Там же, стр. 927.

² И. И. Петрушевский называет Мухаммед-Казима «везиром [гражданским правителем] Мерва при Надир-шахе» (И. И. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв. Л., 1949, стр. 41).

ласти Мухаммед-хан Текелю обещал ему должность везира своих собственных владений и мушхи. Впоследствии главный везир Хорасана назначил его везиром и ревизором в Турбете. Спустя десять лет правитель Себзевара и Туршиза Мустафа-султан Варсак предложил ему должность своего везира и векили. Еще позднее он занимал должности везира и ревизора в Дамгане, Бастаме, Бияруджменде и Араб-Амери³. Даже на основании этого перечисления должностей, которые занимал средний персидский чиновник во второй половине XVI в., можно заключить, что значение должности провинциального везира определялось важностью объекта заведования и что везиром назывался не правитель, а состоявший при нем чиновник со строго ограниченными правами и обязанностями. То же было и при последних Сефевидеях и Надире.

Ни в одном из современных Мухаммед-Казиму источников не упоминается его имя, ибо он не был выдающимся лицом ни в политическом мире, ни в литературном; кое-где он говорит о себе, но в его отрывочных сообщениях автобиографического характера, пожалуй, больше лирики, чем интересного для нас фактического материала. Будущий историк родился в 1133/1721 г. в Мерве в семье чиновника, который в 30-х годах XVIII в. состоял на службе у брата Надира Ибрагим-хана и пользовался его доверием и любовью. Мухаммед-Казим провел в Мерве только раннее детство, в школьном возрасте он жил уже в Мешхеде.

В апреле 1736 г. после избрания Надира на царство Ибрагим-хан, назначенный правителем Азербайджана, поехал в Тавриз. В начале 1737 г. умерла жена Ибрагим-хана, и он поручил отцу Мухаммед-Казима отвезти ее тело из Тавриза в Мешхед и при возвращении захватить с собой своего сына для определения на службу. Мухаммед-Казим, которому в это время было 16 лет, по собственному признанию, был беззаботным юношей, любившим верховую езду и прогулки. Отец его пробыл в Мешхеде всего восемь дней, после чего отправился с сыном в Азербайджан. Разлука с матерью и сестрой так тяжело переживалась юношей, что он, несмотря на уговоры отца, прошлякал всю дорогу до первой остановки в Фахр-Дауде⁴. Через сорок два дня оба прибыли в Тавриз, и Мухаммед-Казим был представлен Ибрагим-хану. Тот милостиво отнесся к нему и приказал быть служить в канцелярии, но Мухаммед-Казим пожелал быть ясаулом⁵, и как ни отговаривал его Ибрагим-хан, убеждая, что ясаульство — пустое дело, Мухаммед-Казим, как он сам говорит, по невежеству настоял на своем.

В апреле 1737 г. Ибрагим-хан выехал в Карабах; в этой, как и в других поездках, его сопровождал Мухаммед-Казим. В конце ноября Ибрагим-хан поручил Мухаммед-Казиму переселение курдского племени халильвенд из Мераги в Келат и Мешхед. В командировке по этому делу он пробыл шесть месяцев⁶. Около того времени, когда он вернулся в Тавриз⁷, Ибрагим-хан стал готовиться к походу на Дагестан. Укомплектовав войско, Ибрагим-хан вступил в Дагестан. Когда он был в районе селения Ках⁸, к нему прибыли из Кабула два курьера с приказом Надира отправить в Мерв находящихся в его войске мервских жителей; поэтому Мухаммед-Казим вместе с ше-

³ См. П. И. Петров. Об одном редком источнике по истории Сефевидов. «Советское востоковедение», 1956, № 1, стр. 112.

⁴ В 50 км юго-западнее Мешхеда. Мухаммед-Казим, т. II, стр. 155а.

⁵ Т. е. адъютантом или ординарцем. Мухаммед-Казим, т. II, стр. 156.

⁶ Мухаммед-Казим, т. II, стр. 168а. Надо полагать, Мухаммед-Казим не был организатором или руководителем этого переселения, потому что, во-первых, у него не было необходимых для этого знаний и опыта и, во-вторых, действительными исполнителями этого дела были, с одной стороны, халильвендские ханы, а с другой — мервагские и хорасанские чиновники; Мухаммед-Казим был только контролером и наблюдающим за всей операцией. О своей командировке он ничего не говорит, а между тем было бы интересно знать, сколько семейств было переселено, как проводилось переселение и как относились к этой операции переселенцы.

⁷ Если он отправился в командировку в ноябре—декабре, то вернулся в май—июне 1738 г.

⁸ В 40 км северо-западнее Нухи.

стьюдесятью мервцами был отослан из войска. Мухаммед-Казим прибыл в Тавриз, откуда поехал в Мешхед. После этого, по-видимому, в начале 1739 г. Мухаммед-Казим отправился в Мерв и поступил на службу к мервскому беглярбегу.

Что делал в течение полутора лет будущий историк на новой службе, неизвестно. Он упоминает о себе лишь в рассказе о событиях в июне 1740 г., когда Надир прибыл из Кандагара в Герат и правители областей Хорасана встречали его; в числе встречавших в свите (100 человек) беглярбега Мерва находился и Мухаммед-Казим. Затем Мухаммед-Казим принимал участие в походе в Бухару и Хиву. Мухаммед-Казим в это время, по-видимому, был на незначительной должности. Он не называет ее, а говорит только, что после взятия Ханкаха был так занят в канцелярии, что не имел возможности выйти в течение суток⁹. Из Хивы Надир направился в Мешхед через Мерв, из которого выступил в первых числах января 1741 г.; Мухаммед-Казим остался в Мерве.

Вскоре в Мешхед поступило донесение балхского правителя о неподчинении Данияль-бека Кунграта. Надир, находившийся в то время в Мешхеде, приказал отрядам из нескольких областей общей численностью в 7500 человек выступить в Балх; в одном из таких отрядов в 1500 человек из Мерва «ляшкер-невисом» был Мухаммед-Казим¹⁰. Обязанность ляшкер-невиса состояла в учете наличного состава людей отряда и причитающегося им жалованья и продовольствия; нельзя сказать, чтобы эта должность в настоящем случае была значительной, если принять во внимание, что отряд был невелик и этот временный ляшкер-невис экспедиционного отряда был лишь представителем ляшкер-невиса, или везира мервского беглярбегства¹¹.

После расправы с кунгратами все отряды в апреле 1741 г. разошлись по своим местам. Не доезжая Мерва, Мухаммед-Казим узнал о постигшей его беде: еще перед выступлением в поход индеец, которому Мухаммед-Казим сдал на хранение 300 туманов наличными и на 200 туманов вещей, скрылся, и имущество его конфисковала казна. Прибыв в Мерв, Мухаммед-Казим обнаружил, что все его вещи погибли. Закачивая рассказ о своих несчастьях, он пишет: «Из-за неблагоприятной судьбы в течение двух лет дело дошло до того, что я нуждался в дирхеме и вдобавок один год я пролежал больной в постели. Когда дело дошло до пределов крайности и были прожиты имущество и вещи, доставшиеся мне от отца по наследству на сумму около 800—900 туманов, вдруг взлетел высокопарящий сокол счастья и почти мрачных бедствий сменялись сияющим утром».

Когда и как улыбнулось счастье Мухаммед-Казиму? Улучшение в его жизни могло произойти лишь в 1744 г. О себе он упоминает при описании начатого весной 1745 г. похода Али-Кули-хана против хивинских йомудов. Мухаммед-Казим был и в Мерве и в походе везиром артиллерии, оружейного склада, муло-верблюжьего транспорта и арсенала. По окончании похода (декабрь 1745 г.) он ездил в Хоуз-хан¹² за жалованьем и, получив его, вернулся в Мерв¹³.

⁹ Мухаммед-Казим, т. II, стр. 279: مسود این اوراق دران روز در دفترخانه نشسته و تا یکشنبه حالت بیرون آمدن نداشتم

¹⁰ Мухаммед-Казим, т. II, стр. 287а: مسود این اوراق دران سفر بامر لشکر نویسی عازم ام البلاد گردید

¹¹ Поэтому непонятна фраза В. В. Бартольда: «По должности мервского везира, автор... состоял при военных отрядах для заведования письменной частью» («Известия Российской Академии наук», сер. VI, 1919, стр. 929). Как мог везир Мерва, возглавлявший все конторально-финансовое ведомство области, быть одновременно ляшкер-невисом небольшого экспедиционного отряда?

¹² Около 100 км юго-западнее Мерва; на карте Гоуз-хана.

¹³ Мухаммед-Казим, т. III, стр. 83а: مسود این اوراق چون وزیر توپخانه مرو و صفر خیراثر مذکور بود بجهة معاسا حساب تا حوض خان رفته و معاسای صفر مذکور را گرفته معاودت بالکای مرو نمودم

В свое время Надир приказал мервским властям изготовить много пушек и снарядов для задуманного им похода в Восточный Туркестан. Направляясь в феврале или начале марта 1746 г. в Мешхед, он остановился в селении Хасанабад¹⁴ и вытребовал к себе правителей областей и городов Хорасана вместе с подчиненными им чиновниками. В это время Мухаммед-Казим был «невисандэ»¹⁵ и наблюдал за работами в артиллерийском парке, арсенале и складе оружия. Взяв старые и новые счета, он вместе с мервским начальником артиллерии, начальником арсенала и чиновниками прибыл в Хасанабад к шаху¹⁶. Мухаммед-Казим пишет, что Надир подвергал жестоким наказаниям даже чиновников и писмоводителей с отчетами на ничтожные суммы в десять туманов, а его отчетность была на 500 тыс. туманов. Однако Надир утвердил ее.

В 1746 г. правитель Бухары Абуль-Файз просил Надира помочь ему в борьбе с восставшими против него Ибадуллою Хатан и другими местными владетелями; Надир приказал бывшему мервскому беглярбегу Шах-Кули-хану выступить с сводным отрядом в Бухару. Прибыв на место, Шах-Кули донес о положении в стране, и Надир назначил дополнительную помощь, а также приказал мервской артиллерии в составе 52 пушек с 6 тыс. снарядов и арсеналу выступить в Бухару; с этой артиллерией отправился и Мухаммед-Казим, очевидно, в прежней должности «невисандэ». После назначения Бехбуд-хана главнокомандующим начались военные действия, закончившиеся успешно весной 1747 г. Когда войско было в Шахрисябзе, прибыли два курьера с приказом Надира Шах-Кули-хану явиться с отчетностью своей и Бехбуд-хана; Мухаммед-Казим составлял эту отчетность¹⁷. Перейдя из Шахрисябза в Самарканд, Бехбуд-хан разослал семьдесят указов разным правителям и начальникам племен Туркестана, чтобы читали хутбу и чеканили монету на имя Надира; из этих указов тридцать было написано Мухаммед-Казимом. Известен еще и такой факт из истории туркестанского похода, в котором участвовал Мухаммед-Казим. Он сообщает, что после окончания похода Бехбуд-хан отправился из Мешхеда к Али-шаху в Астрабад, а артиллерийские начальники и Мухаммед-Казим — в Мерв. Но здесь они ничего не получили за поход: отчетность по крайней мере на 5000 человек по туркестанскому походу была брошена в арык, и они оказались в пренебрежении¹⁸.

Мухаммед-Казим не говорит, когда он вернулся в свой родной город; вероятно, это было в конце 1747 г. Какую должность он занимал после этого, мы не знаем, но во всяком случае счастье не улыбалось ему, потому что те его стихи, в которых он обращается к самому себе, пропитаны разочарованием и горькими жалобами на коварство судьбы.

Тщательный просмотр второго и третьего томов произведения Мухаммед-Казима позволил нам проследить все этапы его служебной карьеры с момента поступления на службу к правителю Азербайджана Ибрагим-хану до конца туркестанского похода, т. е. до конца 1747 или начала 1748 г. Мы видим, что все должности, которые он занимал в течение этих одиннадцати лет, если не считать должности исаула в Тавризе и чиновника канцелярии мервского беглярбегства, были исключительно по письмен-

Переписчик в этих строчках сделал пять ошибок, написав два раза *صفر* вместо *سفر*, два раза *معاشا* вместо *معاشات* и один раз *مذكور* вместо *مذكور*.

¹⁴ Западнее Мешхеда; точно не ориентировано.

¹⁵ Писмоводитель-учетчик.

¹⁶ Мухаммед-Казим, т. III, стр. 166а. *مسود این اوراق دران آوان نویسنده وصاحب کار توپخانه و قورخانه و جباخانه بود که صورت محاسبه قدیم و جدید انرا برداشته یا توپچی باشی و جبا دار باشی مرو در منزل حسن آباد باعمال مرو دارد حضور اقدس کردیدیم*

¹⁷ Мухаммед-Казим, т. III, стр. 186. *محاسبات اردوی مذکور را از نقد و جنس نسخه منقحه ساخته که محرر این اوراق باتمام رسانید برداشته*

¹⁸ Мухаммед-Казим, т. III, стр. 207а.

ной части в мервских войсках; то он был «длинкер-невисом» небольшого мервского отряда, то «везиром», т. е. контролером хозяйственной части мервской артиллерии и муло-верблюжьего транспорта в отряде Али-Кули-хана, то «невисандэ», т. е. контролером-писмоводителем артиллерийской группы в туркестанском походе; в общем, это был не везир города Мерва, а средней руки чиновник, не сделавший большой карьеры в царствование Надира. Что он делал после возвращения из туркестанского похода, т. е. в 1748 г. и позднее, неизвестно.

Мухаммед-Казим, как и другие персидские писатели, говоря о каком-нибудь должностном лице, не употребляет название города в виде прилагательного, т. е. пишет *وکیل مرو* или *وزیر بلخ*, но не *وکیل مروی* или *وزیر بلخی*, потому что последнее означало бы «везир Мерве» или «везир Балхе». На полях стр. 2646 первого тома другим почерком, по-видимому, рукою самого автора, написано: *محرر این اوراق میرزا محمد کاظم وزیر مروی*, что означает: «Автор этих листов мирза Мухаммед-Казим, везир Мерве»; подобно тому, как *محمد مؤمن بیگ قوللاراقاسی مروی* означает «Мухаммед Му'мин-бег, начальник гвардии Мерве»¹⁹, но не «начальник гвардии Мерва», что было бы явным вздором. Иногда он называет себя просто везиром, употребляя этот термин как звание или прозвище²⁰. Правда, в начале третьего тома написано: *فقیر کثیر التفسیر* «Многогрешный бедняк Мухаммед-Казим, везир столицы Мерв-Шахиджан»²¹, но это титулование исходит от писца, который мог по персидскому обычаю «повысить в ранге» своего начальника или заказчика. При сопоставлении этих данных с вышеизложенными биографическими сведениями представляется весьма сомнительным, чтобы Мухаммед-Казим хотя бы после 1747 г. был везиром Мерва.

Биография Мухаммед-Казима, при всей ее краткости и неполноте, оказывает нам существенную помощь при оценке его труда: если бы совсем не было этой биографии, мы отнесли бы одинаково ко всем частям его сочинения и совершили бы грубую ошибку. Все его сведения делятся на две категории: сообщения как очевидца²² и сведения, полученные от других лиц. Но не все то, чему он как будто был свидетелем, является точным воспроизведением действительности. Сведения его о том периоде, когда он был шестнадцатилетним юношей на службе Ибрагим-хана в качестве исаула в Азербайджане, а также о походе Ибрагим-хана в Дагестан были почерпнуты им от других лиц гораздо позднее. Поход Надира в Бухару и Хиву в 1740 г. описан им, как очевидцем, основательно, хотя и не отмечены некоторые эпизоды, известные нам из других источников²³. Он участвовал и в походе Али-Кули-хана в 1745 г. против йомудов, описанном им подробно; наконец, он был участником похода Бехбуд-хана в Самарканд в конце царствования Надира. Вот и все, что мог наблюдать Мухаммед-Казим, до некоторой степени воочию; к этому пужно добавить, что за исключением бухарского и хивинского походов Надира все это были события второстепенной важности.

Несмотря на жестокую расправу Надира в конце его жизни со своими бывшими сподвижниками по малейшему подозрению в измене или хищениях, к моменту его

¹⁹ Это имя встречается не раз, например: т. I, стр. 2646, т. II, стр. 165а. «Куллар» — гвардейский конный отряд, состоявший при шахе.

²⁰ Мухаммед-Казим, т. II, стр. 155 и т. III, стр. 195. Поэтому неправильно утверждение Н. Д. Миклухо-Маклая, «будто Мухаммед-Казим неизменно добавляет к своему имени название своей должности «везир мервский». «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», 1953, т. VI, стр. 132.

²¹ Мухаммед-Казим, т. III, стр. 3.

²² Эти сведения составляют лишь одну восьмую часть всего труда.

²³ Например, он ничего не говорит о приезде русского геодезиста Муравина в ставку Надира и о встрече Надира с англичанами Томпсоном и Хоггом. Это можно объяснить тем, что он не состоял в свите Надира и, работая на незначительной должности в канцелярии, мог слышать только то, о чем там говорилось.

смерти осталось немало живых свидетелей, если не всей его жизни, то во всяком случае отдельных ее этапов. В большей части труда жизнь Надира описывается на основании сведений, полученных Мухаммед-Казимом именно от этих лиц, причем весь первый том составлен исключительно таким образом. Не все эти сведения одинаково ценны и достоверны, но Мухаммед-Казим не высказывает своего мнения о них. К недостаткам рассматриваемого источника нужно также отнести отсутствие дат многих важных событий; некоторые даты заимствованы из «Надировой истории» Мехди-хана, которую Мухаммед-Казим пользовался при составлении своего труда. Цифровые данные Мухаммед-Казима слишком округлены, и многие сведения требуют осторожного отношения и проверки. Ввиду изложенного выше мнение акад. Бартольда об этом труде как об основном источнике по истории Надир-шаха является не вполне обоснованным. Несмотря на это следует признать, что Мухаммед-Казим собрал огромный материал, содержащий много ценных сведений не только о походах, но и о внутренней политике Надира.

S U M M A R Y

The author corrects the erroneous tendency in some of our literary sources to consider Mohammad Kazim as the «civil ruler of Merv». He proves convincingly that Mohammad Kazim was just an ordinary official and that his writings which contain a great deal of valuable information, cannot, however, serve as a basic source for the history of Nadir Shah (as Academician Barthold considered them to be) because by virtue of his status he could not have witnessed or taken part in many of the events described by him.

Angora, le 10 Avril 1922.

Mon Cher Président.

Le Traité que nous avons heureusement conclu avec la Russie ayant été suivi avec ceux intervenus entre nous et les Républiques du Caucase et subséquemment l'Ukraine, la Grande Assemblée Nationale de Turquie a ratifié récemment ce dernier Traité.

Pour procéder à l'échange des instruments de ratification une Mission Extraordinaire choisie au sein de la Grande Assemblée Nationale de Turquie et présidée par le Docteur Riza Nour Bey, Commissaire du Peuple pour l'Hygiène Publique et l'Assistance Sociale est partie pour l'Ukraine.

Etant un des négociateurs du Traité de Moscou Riza Nour Bey a aussi été chargé de se rendre en mission spéciale auprès de Vous.

L'Amitié de la Russie est toujours et comme par le passé la base fondamentale de la politique du Gouvernement de la Grande Assemblée Nationale de Turquie.

J'estime qu'actuellement nos deux Pays doivent plus que jamais constituer un bloc ferme en face de nouvelles méthodes inaugurées par les Puissances impérialistes et capitalistes. L'aide que nous a apportée la Russie à maintes reprises acquiert à nos yeux une importance spéciale.

Riza Nour Bey aura certainement l'occasion de revenir à ce sujet dans ses conversations. En tout cas, je nourris le ferme espoir que cette aide ne nous fera pas non plus défaut dans les circonstances que nous traversons.

Je termine, Mon Cher Président, en Vous assurant de mon très sincère et très profond dévouement et de ma très haute considération.

Mustapha Kemal

Au Camarade Lénine,
Président du Conseil des Commissaires
du Peuple du Gouvernement de la République
Socialiste Fédérative des Soviets de Russie.

Фотокопия письма К. Ататюрка В. И. Ленину

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

ИЗ ПЕРЕПИСКИ М. К. АТАТЮРКА С В. И. ЛЕНИНЫМ

Документ, фотокопия которого впервые публикуется в настоящем номере журнала, относится к периоду, когда были уже заключены и ратифицированы договор о дружбе и братстве между Турцией и РСФСР от 16 марта 1921 г. и соответствующие соглашения с кавказскими республиками (подписано 13 октября 1921 г.) и с советской Украиной, который был заключен в январе 1922 г. и подписан М. В. Фрунзе. Заключение этих договоров имело огромное значение для борющейся с силами империализма Турции.

В этом отношении весьма показательным выступление М. К. Ататюрка, 27 июня 1921 г., когда он в ответ на речь представителя РСФСР, вручавшего свои верительные грамоты, заявил: «Разрушительный и жестокий характер, который приняла теперешняя борьба, есть результат притеснений и тирании со стороны империалистических государств, желающих поработить народы, которые для сохранения своей родины и были поставлены в состояние законной обороны.

Союз народов, борющихся против империалистических сил в целях защиты их прав на жизнь и независимость, вполне естественен. Желательно, чтобы союз такого рода сделался, как сегодня, так и на будущее, твердой гарантией против завоевательных идей.

Наши народы, права коих на жизнь и независимость были под угрозой, предприняли борьбу, которая длится и поныне. Те же причины, обуславливающие это возмущение и эту борьбу, привели нас к братству, осуществление которого принято нашим народом с большой радостью¹.

Публикуемый ниже документ является фотокопией подлинника письма М. К. Ататюрка В. И. Ленину.

Анкара, 10 апреля 1922 г.

Мой дорогой Председатель.

Вслед за счастливо заключенным между нами и Россией договором последовали договоры между нами и Кавказскими Республиками, а затем и с Украиной. Великое Национальное Собрание Турции в настоящее время ратифицировало этот последний договор.

Для обмена ратификационными грамотами выехала на Украину Чрезвычайная Миссия, образованная из депутатов Великого Национального Собрания Турции, под председательством народного комиссара здравоохранения и социального обеспечения доктора Риза Нур Бей.

Ввиду того, что Риза Нур Бей был одним из тех, кто заключил договор в Москве, на него также возложена и специальная миссия к Вам.

Дружба с Россией является постоянно, как это было и в прошлом, основой политики правительства Великого Национального Собрания Турции.

¹ АВП СССР, ф. 132, оп. 4, п. 66, д. 65, л. 13.

Я полагаю, что в настоящее время наши страны должны более чем когда-либо объединить свои усилия против тех новых методов, к которым стали прибегать империалистические и капиталистические государства. Помощь, которую нам столько раз оказывала Россия, приобретает в наших глазах особое значение.

Риза Нур Бей, без сомнения, будет иметь возможность коснуться этого вопроса в беседах с Вами. Во всяком случае я питаю твердую надежду на то, что в нынешней обстановке нам не будет отказано в помощи.

Заканчиваю, мой дорогой Председатель, заверением в моей искренней и глубокой преданности и в моем высоком к Вам уважении.

Мустафа Кемаль

Товарищу Ленину
Председателю Совета Народных Комиссаров
Правительства Российской Советской Федеративной
Социалистической Республики.

АВП СССР, оп. 7, п. 8, д. 2, л. 4.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО МУСУЛЬМАНСКОГО КОМИССАРИАТА ПРИ НАРОДНОМ КОМИССАРИАТЕ ПО ДЕЛАМ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ В 1918 году

Р. НАФИГОВ

До сих пор деятельность Центрального Мусульманского Комиссариата еще не изучалась и о ней упоминается лишь вскользь в некоторых трудах. Между тем, Комиссариат по делам мусульман Внутренней России, созданный по инициативе В. И. Ленина¹, сыграл значительную роль в распространении идей марксизма-ленинизма среди так называемого мусульманского населения России, в мобилизации трудящихся Востока на борьбу против империализма.

В Комиссариате имелись следующие отделы: труда, земледелия и промышленности, просвещения, печати, финансовый, юридический, военный, международной пропаганды, по башкирским делам, по делам мусульманского пролетариата Кавказа, Крыма, Туркестана, Казахстана².

Военный отдел ставил своей целью «создание мусульманской Рабоче-Крестьянской Красной Армии»; революционные батальоны должны были «охранять честь и достоинство великих завоеваний Российского пролетариата и нести знамя социальной революции в страны мусульманского Востока». Мусульманские части создавались для приобщения трудового мусульманства к революционной семье красноармейцев³. 14 февраля 1918 г. в «Правду» было послано объявление о записи мусульман, сочувствующих идее социализма, в ряды мусульманской Красной Армии⁴. 26 февраля

¹ Декрет СНК об образовании Комиссариата по делам мусульман Внутренней России был опубликован 19 января (1 февраля) 1918 г. Члены комиссариата были утверждены 18 января 1918 г. (ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, ед. хр. 383, л. 169). Название комиссариата менялось несколько раз: Центральный Мусульманский Комиссариат, Татаро-Башкирский Комиссариат.

² ЦГАОР, ф. 1318, оп. 1, ед. хр. 28, лист 37. В 26 городах страны имелись отделы Центрального Мусульманского Комиссариата (ЦГАОР, ф. 1333, оп. 1, ед. хр. 1, лл. 8—9).

³ Там же, ф. 1318, оп. 1, ед. хр. 28, л. 55.

⁴ Там же, ф. 1333, оп. 1, ед. хр. 11, л. 6.

1918 г. в газете «Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета» (№ 34) было напечатано «Обращение к мусульманскому революционному народу», в котором говорилось о величайшей опасности Петрограду со стороны наступающих немецких отрядов. «Над освященными великими жертвами Красным Городом Революции собрались темные тучи международной реакции. Социалистическая Республика в опасности». Обращение призывало мусульман стать на защиту революционного Петрограда: «Товарищи, братья мусульмане! Соберите все свои духовные и физические силы и спешите под красные знамена Мусульманской Социалистической Армии. Во имя Вашей свободы, во имя Вашего национального расцвета спешите в ряды мужественных защитников крепости революции, на стенах которой алеет кровь рабочих и солдат, павших в героической борьбе за радость и счастье грядущих поколений». Воззвание заканчивалось выражением твердой уверенности в победе социализма и лозунгом «Да здравствует революция!»⁵.

Центральный Мусульманский Комиссариат принимал деятельное участие в разработке вопросов военного строительства. Приказом Центральной Мусульманской Военной Коллегии № 6 от 18 июля 1918 г.⁶ был введен институт политических комиссаров «при всех мусульманских частях Советской Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

1 апреля 1918 г. Муллапур Вахитов подписал приказ о формировании первого пехотного татаро-башкирского батальона Красной Армии⁷. Члены военной коллегии Мусульманского Комиссариата провели собрание рабочих московского завода «Красный богатырь», на котором производилась запись добровольцев в батальон. На собрании присутствовали также рабочие других заводов. Аналогичную работу члены военной коллегии провели на железнодорожных станциях и вокзалах, где было много так называемых «тыловиков», трудящихся Туркестана, мобилизованных в 1916 г. на тыловые работы. Так был набран батальон. В июне 1918 г. был сформирован второй мусульманский социалистический батальон. Мусульманские части состояли из татар, башкир, туркмен, узбеков, таджиков.

Первый татаро-башкирский батальон 10 июня 1918 г. выехал из Москвы в Казань. Перед отправкой его на фронт на Красной площади состоялся парад. С речью выступил Муллапур Вахитов, вручивший батальону знамя с надписью: «Смерть врагам революции. 1-й татаро-башкирский добровольный батальон». Комиссар батальона дал клятву, что батальон будет свято хранить знамя, что бойцы его до последней капли крови будут сражаться за власть Советов и разгромит врагов революции⁸. Батальон принял активное участие в боях на Сызранском направлении, а затем сражался на улицах Казани против белочехов. Мусульманские части посылались на такие участки фронта, где предстояло бороться против сформированных контрреволюцией националистических воинских соединений.

В связи с создавшимся тяжелым положением в Поволжье и наступлением белочехов на Казань Главная коллегия Центрального Мусульманского Комиссариата перевела военный отдел в Казань. 21 августа 1918 г. Комиссариат принял решение командировать большинство членов Мусульманского Комиссариата на места — в Ташкент, Нижний Новгород, Астрахань, Казань для организации воинских частей и проведения агитационной работы⁹.

Большую деятельность развил отдел международной пропаганды, руководителем

⁵ «Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета», № 34, 26 февраля 1918 г.

⁶ ЦГА ТАССР, ф. 585с, ед. хр. 15, оп. 1, л. 5.

⁷ ЦГАОР, ф. 1918, оп. 1, ед. хр. 28, л. 55. См. также «Из воспоминаний М. Курбаева на вечере воспоминаний участников борьбы за освобождение Казани от белогвардейцев в 1918 г., состоявшемся 8 апреля 1940 г.». Стенограмма, стр. 8, Центральный музей Татарской республики (ЦМТР), папка № 154а, инв. № 12148.

⁸ Из воспоминаний комиссара батальона М. Б. Курбаева. ЦМТР, папка № 154 а.

⁹ ЦГАОР, ф. 1333, оп. 1, ед. хр. 2, л. 107.

которого после гибели в бою М. Вахитова стал Мустафа Субхи. Главная задача отдела состояла в пропаганде коммунистических идей среди народов мусульманского Востока. Отдел издавал газеты, брошюры и книги на турецком, арабском и персидском языках. В 1918 г. на турецкий язык были переведены некоторые работы В. И. Ленина и готовился к печати перевод первой Советской конституции¹⁹.

Пропаганду социалистических идей осуществляла издававшаяся на турецком языке газета «Ени-Дунья» («Новый мир»). Она правдиво освещала события в России, разоблачала империалистов и националистов, с большой любовью рассказывала трудящимся Востока о В. И. Ленине. В первом номере «Ени-Дунья» было опубликовано обращение Совнаркома «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» и «Положение о Татаро-Башкирской Советской Республике»²¹.

Отдел международной пропаганды проводил большую работу среди военнопленных турецких солдат и офицеров. В июле 1918 г. в Москве была созвана конференция левых турецких социалистов, от имени участников которой М. Субхи писал в Совет Народных Комиссаров: «Конференция делегатов социалистических организаций военнопленных и рабочих турок, открывшаяся 22 июля в помещении Центрального Мусульманского Комиссариата, шлет свой восторженный привет неутомимым борцам международной революции и в глубоком убеждении в конечной победе революции ставит себе задачей организацию молодых сил мусульманского пролетариата для жестокой и непримиримой классовой борьбы до конца, с оружием в руках, с международной буржуазией, во имя жизни и торжества социалистического интернационала»²².

В тесной связи с работой отдела международной пропаганды проходила деятельность отдела по делам мусульманского пролетариата Кавказа, Крыма, Туркестана, Казахстана и отдела печати. Все эти организации ставили своей задачей пропаганду социалистической культуры и борьбу против буржуазии, «которая под лицемерной маской национализма тайно организует отряды международной контрреволюции»²³.

Комиссариат направил свою делегацию в Туркестан и вошел в Совнарком со специальным докладом о предоставлении автономии Туркестану²⁴.

В Астрахани отдел по делам мусульманского пролетариата в 1918 г. совместно с азербайджанской социал-демократической (левой) организацией «Гуммет» подготовил к изданию на азербайджанском языке биографии К. Маркса и В. И. Ленина²⁵. Закавказский отдел вел агитационно-пропагандистскую работу среди местного населения, подготовил и сдал в отдел печати сборник стихотворений выдающегося азербайджанского поэта-сатирика Сабира²⁶.

Широко была поставлена издательская деятельность Центрального Мусульманского Комиссариата. Кроме двух официальных органов Комиссариата — газеты «Чулпан» («Утренняя звезда») и «Кызыл Армия» («Красная Армия») — издавались «Кызыл Байрак» («Красное знамя») — орган Центрального Мусульманского Социалистического Комитета, и газеты местных комиссариатов (отделов): «Эш» («Труд») — орган Казанского Мусульманского Комиссариата, «Кэрэш» («Борьба») — орган Уфимского Мусульманского Комиссариата, «Тартыш» («Борьба») — орган Астраханского Мусульманского Комиссариата; «Иштирокиюн» («Коммунист») на узбекском языке. Газеты выпускались также уездными мусульманскими отделами при Совдепах. Издания Комиссариатом литература часто распространялась бесплатно — по всей стране,

¹⁹ ЦГАОР, ф. 1333, оп. 1, ед. хр. 7а, ч. II, л. 342.

²¹ «Ени-Дунья», 27 апреля 1918 г.; А. М. Шамсутдинов неточно называет дату выхода газеты «февраль 1918 г.» в статье «Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Турции (1919—1922)» (сб. «Великий Октябрь и народы Востока». М., Изд-во восточной лит-ры, 1957, стр. 385).

²² ЦГАОР, ф. 1333, оп. 1, ед. хр. 13, л. 2.

²³ ЦГАОР, ф. 1333, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1.

²⁴ Там же, ед. хр. 2, л. 96.

²⁵ Там же, ед. хр. 7-а, ч. II, л. 254.

²⁶ Там же, л. 63.

особенно в прифронтовых районах и на фронте¹⁷. Спрос на нее был огромный. Об этом свидетельствуют такие факты: «Коммунистический Манифест» разошелся в количестве 50 тыс. экземпляров¹⁸. В ноябре 1918 г. Военный отдел издательства ЦИК обратился с просьбой в редакцию газеты «Чулпан» увеличить с 12 ноября с. г. ежедневный отпуск газеты в его распоряжение для нужд Действующей Армии с 5 тыс. до 10 тыс. экземпляров¹⁹. Культурно-просветительная комиссия Центральной Коллегии о пленных и беженцах (Центропленбеж) просила пять тысяч экземпляров «Манифеста коммунистической партии», брошюру о Татаро-Башкирской Советской Республике (5 тыс. экземпляров) и другую литературу²⁰.

Вопросу издания литературы на восточных языках уделял большое внимание В. И. Ленин. По его указанию, в связи с выступлением белочехов и других контрреволюционеров, было опубликовано на татарском и башкирском языках Обращение к трудящимся мусульманам²¹. Всего было издано 229 500 экземпляров различных воззваний — на татарском, турецком, персидском и других языках. Были подготовлены к печати Конституция РСФСР, переводы произведений К. Маркса и В. И. Ленина²².

Комиссариат был тесно связан с трудящимися и пользовался среди них большим авторитетом. Так, во время контрреволюционного мятежа в Тамбовской губернии 1918 г. в Тамбов был послан представитель Центрального Мусульманского Комиссариата для организации борьбы против бандитов. На общем собрании мусульман, проживавших в г. Тамбове, 7 ноября 1918 г. была принята следующая телеграмма:

«Москва Совнарком Ленину.

Дорогой товарищ Ленин, общее собрание мусульман гор. Тамбова горячо приветствует Вас, как всемирного вождя пролетариата и первого во всем мире, высказавшегося за освобождение угнетенного мусульманского мира от гнета международного капитала, и заявляет свою готовность всегда идти за Вами и защищать Советскую власть»²³.

Можно привести немало подобных документов. Они приходили отовсюду — из Архангельска и Астрахани, Вятки, Ташкента, Пензы, Симбирска, Тобольска и других мест. «Пусть же, пусть от стен старого Стамбула до берегов священного Ганга бушуют мятежные волны великих восстаний. Долгожданная весна народов приближается», было записано в резолюции одного из митингов в 1918 г.²⁴

В. И. Ленин придавал большое значение деятельности Комиссариата. Декретом за его подписью было предписано восстановить мусульманские революционные организации там, где они вынуждены были прекратить свое существование в связи с наступлением контрреволюции. 11 сентября 1918 г. на чрезвычайном заседании членов Коллегии Центрального Мусульманского Комиссариата был заслушан доклад председателя Чрезвычайной Комиссии по восстановлению мусульманских революционных организаций М. Субхи о дальнейшей работе Комиссариата. Коллегия приняла решение командировать почти всех работников Комиссариата в Поволжье, Приуралье, Сибирь²⁵.

12 ноября 1918 г. прибывший из Казани М. Субхи сделал в Москве доклад о деятельности научной коллегии Мусульманского Комиссариата. В постановлении Комиссариата подчеркивалось значение работы этой коллегии «в области развития мусульманской пролетарской культуры» и «в деле революционизирования Востока»²⁶. М. Суб-

¹⁷ ЦГАОР, ф. 1333, оп. 1, ед. хр. 41, лл. 49, 52.

¹⁸ Там же, л. 24.

¹⁹ Там же, д. 41, л. 68.

²⁰ Там же, л. 73.

²¹ Там же, л. 82.

²² Там же, л. 24.

²³ Там же, ед. хр. 41, л. 107.

²⁴ Там же, ед. хр. 11, л. 35.

²⁵ Там же, ед. хр. 2, л. 111.

²⁶ Там же, л. 142.

ки выступил также с докладом о работе Чрезвычайной Комиссии по восстановлению мусульманских революционных организаций и борьбе с контрреволюцией среди мусульман Поволжья, Приуралья и Сибири. По этому вопросу было принято решение ходатайствовать перед Наркомнацем об отпуске 100 тыс. рублей на расширение деятельности Комиссии.

Центральный Мусульманский Комиссариат был твердым и решительным проводником линии большевистской партии. Он провел большую работу по сплочению трудящихся различных национальностей вокруг Советской власти, по укреплению дружбы между народами нашей страны, по пропаганде среди трудящихся Востока марксистско-ленинских идей, идей пролетарского интернационализма. Комиссариат многое сделал для развития классового самосознания народов Поволжья, Средней Азии и Закавказья.

SUMMARY

The author of the article tells us of the successful work carried on by the Commissariat for the Affairs of Moslems in Russia founded in January 1918 on the initiative of V. I. Lenin. It has done much to rally the working people of different nationalities around the Soviet Government, to strengthen the friendship bonds between the peoples of Soviet Russia and to popularize Marxist-Leninist ideas among the working people of the East. This Commissariat did much to stimulate the development of class consciousness among the peoples of the Volga area, Central Asia and Transcaucasia.

ИРАНСКИЕ ОТХОДНИКИ В ТУРКЕСТАНЕ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1918—1921 гг.)

А. М. МАТВЕЕВ

В конце XIX — начале XX в. большие размеры приобрело отходничество иранских крестьян и ремесленников в Закавказье и Среднюю Азию.

В 1897 г. в Туркестане (без Бухарского и Хивинского ханств) проживало около 13 тыс. иранцев-отходников. В 1911 г. в Закаспийской области было 30 648 иранцев (русских — 48 654). В 1920 г. в Туркестанской республике по официальным сведениям проживало 35 296 иранских подданных. В городах иранцы составляли 2,4% населения¹. Численность иранцев в Средней Азии достигала 60—100 тыс. человек².

Иранские отходники работали грузчиками, обозниками, батраками, чернорабочими на заводах, нефтепромыслах, среднеазиатской железной дороге. Они оставались в Туркестане в течение многих лет подряд, вызвали родственников из Ирана, обзаводились семьями. Многие овладели русским языком³.

Первая русская революция, иранская революция 1905—1911 гг., революционные события в Туркестане оказали большое влияние на все слои иранских от-

¹ «Статистический ежегодник центрального статистического управления Туркестанской республики 1917—1923 гг.», т. 1. Ташкент, 1924, табл. 4, стр. 40—44; табл. 5, стр. 48; табл. 12, стр. 65.

² «Известия». Ашхабад, 25 мая 1922 г.; «Известия». Ташкент, 22 октября 1920 г., 9 февраля 1922 г.

³ Центральный Государственный Архив Октябрьской революции (ЦГАОР) УзССР, ф. 36, оп. 1, д. 93, л. 3; ф. 39, оп. 1, д. 92, лл. 27—28, 62—63, 89—91 об., 115—116, 162—163 об., 186—188, 247, 248.

ходников. Накануне первой мировой войны иранские отходники начинают принимать активное участие в стачках и забастовках вместе с русскими рабочими и рабочими местных национальностей⁴. В период первой мировой войны иранцы испытывают влияние общероссийского революционного движения и движения коренного населения Туркестана. В конце октября 1917 г. в боях за установление Советской власти в Ташкенте рядом с русскими и узбекскими рабочими и солдатами под руководством большевиков уже сражался отряд грузчиков-иранцев⁵.

С начала 1919 г. трудящиеся иранцы начинают создавать свои общественные организации: союзы по оказанию помощи персидским гражданам (в Ташкенте, Самарканде и других городах), союзы дехкан-иранцев (Самаркандская область), ремесленный совет (в Ашхабаде) и т. д. Деятельность этих организаций сыграла определенную роль в установлении более тесных связей иранских отходников с органами Советской власти⁶. С начала 1918 г. выходцы из Ирана стали приниматься в советские учреждения: в Наркомнац и Наркомпросе, в отдел народного образования, исполкомах совдепов, в органах милиции Ташкента, Самарканда, Ашхабада, Красноводска, Чарджуя, Андижана и других городов вместе с русскими и представителями коренных национальностей стало работать значительное число иранцев⁷. Наркомпрос и Наркомнац Туркестанской республики проводили большую работу по ликвидации неграмотности и подъему культурного уровня национальных меньшинств. При Наркомпросе был создан Совет по просвещению национальных меньшинств, объединявший восемь бюро, в том числе и ирано-азербайджанское. К концу 1921 г. в Самарканде, Андижана, Ашхабаде, Красноводске и других городах при отделах народного образования были созданы иранские секции, или советы по просвещению национальных меньшинств. Под руководством центрального бюро и местных иранских секций в 1921 г. в Туркестане, по неполным данным, работало 16 школ, три рабочих дома, педагогические курсы, детские ясли, библиотеки. Ликвидация неграмотности и политическое просвещение иранцев осуществлялись также в иранских вечерних школах, клубах, библиотеках, в некоторых из них было организовано изучение русского языка.

Вслед за мужчинами в общественную жизнь втягивались иранские женщины. В конце августа 1920 г. в Ашхабаде был открыт клуб-читальня для женщин местных национальностей, заведовала клубом иранка. Почти одновременно в Ашхабаде был создан профсоюз «Игла». В числе первых в него записались 30 женщин-персиянок. В начале марта 1921 г. в Закаспии проходили выборы на областной съезд женщин. От жителей острова Челекен, например, на этот съезд были избраны четыре делегатки, из них две персиянки. Во второй половине марта 1921 г. в Ташкенте проходила Краевая конференция беспартийных женщин-мусульманок. В числе 186 делегатов от всех областей Туркестана было одиннадцать иранских женщин. В сентябре 1921 г. в Ашхабаде состоялась областная конференция работниц, из 37 делегатов которой две были иранки⁸.

⁴ Ю. С. Кузнецов. Забастовочное движение на острове Челекене в 1913—1915 гг. «Труды Туркменского филиала ИМЭЛС при ЦК КПСС», вып. 1. Ашхабад, 1955, стр. 22—56; А. А. Росляков. Революционное движение и социал-демократические организации в Туркменистане в дооктябрьский период (1900—март 1917). Ашхабад, 1957.

⁵ В. Липин. Девятьсот семнадцатый. «Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Туркестане. Воспоминания участников». Ташкент, 1957, стр. 41, 44—45.

⁶ ЦГАОР УзССР, ф. 39, оп. 1, д. 306, л. 302; ф. 34, оп. 1, д. 372, л. 372.

⁷ ЦГАОР УзССР, ф. 34, оп. 1, д. 135, л. 7; ф. 39, оп. 1, д. 92, л. 309—310; д. 306, л. 239—239 об., 353, 436—436 об.; д. 407, л. 50; ф. 36, оп. 1, д. 419, л. 111—111 об., 472, д. 93, л. 3.

⁸ «Известия». Ташкент, 26 августа 1920 г., 18, 31 марта, 13 октября 1921 г.; «Закаспийские известия». Ашхабад, 11 сентября 1921 г.

Создание Коммунистического союза молодежи Туркестана способствовало привлечению в активную общественно-политическую жизнь девушек и юношей иранцев. В июле 1920 г. при Ашхабадской организации КСМ создается ирано-азербайджанская секция. В дальнейшем иранские и ирано-азербайджанские секции при местных организациях комсомола возникают и в других городах Туркестана. В первых числах ноября 1921 г. в Ашхабаде состоялась первая конференция ирано-азербайджанских организаций комсомола Закаспийской области⁹. Ирано-азербайджанские секции КСМ Туркестана проводили значительную политико-просветительскую работу среди молодежи местных национальностей.

Победа Великого Октября ускорила процесс пробуждения классового самосознания трудящихся иранских отходников. Среди иранского населения Туркестана обостряются социальные противоречия, учащаются классовые столкновения.

Советское правительство принимало меры к ограждению имущественных интересов иранских купцов как иностранных подданных¹⁰. Однако часть иранских компрадорских элементов, проживавших в городах Туркестана, относилась к Советской власти недоброжелательно¹¹. Иранские труженники помогали советским органам разоблачать антисоветскую деятельность своих богатых соотечественников. Например, в январе 1920 г. на мусульманском митинге в Мерве иранские буржуа потребовали для себя свободы торговли и рабочего пайка. В ответ на это ораторы иранские рабочие заявили: «Вы старые буржуа, вы и здесь хотите присосаться, вы и Советскую власть хотите эксплуатировать, как эксплуатировали нас». Участники митинга дали отпор этой вылазке¹².

Политика национального равноправия, дружбы и бескорыстной помощи, проводимая партийными и советскими учреждениями Туркестана, вызывала, естественно, у труженников-иранцев чувство благодарности. В различных формах выражали иранцы-отходники свое доверие Советской власти, старались помочь ей в борьбе с многочисленными трудностями. Так, в разгар гражданской войны в 1919 г. некоторые иранцы, проживавшие в Термезе, Новой Бухаре (Кагане), Андижане, Намангане, Скобелеве и других городах, переходят в подданство Советской России¹³. Многие бывшие иранские отходники нашли себе вторую родину в Советском Туркестане.

Иранцы активно участвовали в общественно-политической жизни Туркестана. Во второй половине 1920 г. иранцы Красноводска, Ашхабада, Самарканда и других городов принимали участие в субботниках, собирали деньги, одежду и продовольствие для Красной Армии¹⁴.

В 1920—1921 гг. иранцы принимали участие в организации помощи населению пораженных засухой районов России. В начале апреля 1920 г. группа молодых иранцев собрала в иранской части Ашхабада «в пользу голодающих детей Питера и Москвы» около 100 тыс. рублей; в Мерве в апреле и мае 1920 г. иранцы собрали в помощь русским детям много чая, сахара, кишмиша и других сладостей. В августе 1921 г. собрание рабочих нефтепромыслов острова Челекен (среди которых было много иранцев) постановило ежемесячно отчислять из пайка каждого рабочего по пять фунтов хлеба. В сентябре челекенские рабочие передали в Красноводское отделение помощи голодающим свыше 200 пудов зерна. В августе 1921 г. иранские земледельцы станции Каахка (Гинсбург) собрали с этой целью 300 пудов пшеницы и 20 пудов гороха. Иранцы Ашхабада

⁹ «Известия». Ашхабад, 7 декабря 1921 г.

¹⁰ ЦГАОР УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 1212, л. 321, 588, д. 1211, л. 91, 105—105 об.; ф. 39, оп. 1, д. 306, л. 780.

¹¹ ЦГАОР УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 1211, л. 5, д. 1212, л. 19; ф. 39, оп. 1, д. 92, лл. 299—300 об., д. 77, л. 15, д. 306, л. 140.

¹² «Известия». Ташкент, 29 января 1920 г.

¹³ ЦГАОР УзССР, ф. 39, оп. 1, д. 93, л. 23—24, 31—36, 68—69, 72, 76, 86, 105, 113, 200, 209—212.

¹⁴ «Известия». Ташкент, 12 мая, 27 июня, 6 июля, 30 сентября 1920 г.; «Известия». Самарканд, 29 апреля, 14 ноября, 15 декабря 1920 г.

приняли решение разместить в своих домах сто детей из голодающих районов России и содержать их столько времени, сколько потребуется. В сентябре 1921 г. в областную комиссию помощи голодающим в Ашхабаде было внесено 500 тыс. рублей, собранных в персидской мечети; ирано-азербайджанский рабочий клуб в Ташкенте внес в фонд помощи голодающим выручку от лотерей и спектаклей в сумме 242 344 рублей; в персидской мечети Ташкента было собрано 380 250 рублей. К началу второй половины 1921 г. иранцы, проживавшие в Ташкенте, сдали в фонд помощи голодающим свыше четырех млн. рублей¹⁵.

Многие иранские отходники, вопреки запрещению правительства Ирана¹⁶, добровольно вступали в Красную Армию. В Кушкинском гарнизоне, в гражданской роте города Керки, в Самаркандском кавалерийском дивизионе, в мусульманских батальонах III Интернационала, которые формировались в 1919 г. в Ташкенте и Самарканде, в Ново-Бухарской роте, в полках и отрядах Закаспийского фронта, в частях Ферганской группы войск с 1918 по 1920 г. служило значительное число добровольцев-иранцев. Почти во всех подразделениях Красной Армии Туркестана того времени имелись добровольцы-иранцы¹⁷. Вместе с русскими, узбеками, казахами, киргизами, туркменами, таджиками и иностранными интернационалистами (из бывших военнопленных) иранские отходники боролись за упрочение Советской власти в Туркестане. Немало добровольцев-иранцев принимало участие в разгроме басмачества в Ферганской долине, в ликвидации контрреволюционных авантюр Бухарского эмирата и т. д.¹⁸. Однако наибольшее число иранцев-добровольцев находилось в частях Красной Армии, сражавшихся со второй половины 1918 г. на Закаспийском фронте. Иранцы-красноармейцы имели здесь возможность бороться против вероломного врага своей Родины — империалистической Англии. Английские империалисты, фактически оккупировавшие Иран, сделали попытку приступить к захвату Советского Туркестана под предлогом оказания помощи контрреволюционному Закаспийскому «правительству».

В ходе успешных боев против английских интервентов и белогвардейцев после освобождения Ашхабада были сформированы так называемые персидские интернациональные отряды, в которых служили также добровольцы других национальностей¹⁹. Иранские интернациональные подразделения помогали регулярным частям Красной Армии в изгнании английских империалистов и белогвардейцев из Закаспия.

Таковы некоторые факты, свидетельствующие, что иранские отходники выполняли свой интернациональный долг в отношении первого в мире социалистического государства.

S U M M A R Y

On the basis of documentary materials from the state archives of Uzbekistan, the author analyses the position of the workers who migrated to Russian Turkestan from Iran at the end of the 19th—beginning of the 20th centuries. Special stress is laid on the radical changes which have taken place in the life of the Iranian immigrants as the result of the Great October Socialist Revolution of 1917, and their active participation in the struggle for the consolidation of Soviet power in Central Asia.

¹⁵ См. «Известия». Ташкент, 18 апреля, 12 мая, 19 сентября 1920 г., 17, 21 августа, 6 сентября 1921 г.; «Известия». Ашхабад, 30 сентября 1921 г.

¹⁶ «Голос Средней Азии». Ашхабад, 25 сентября 1918 г.

¹⁷ ЦГАОР УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 1218, лл. 26, 29; ф. 1393, оп. 1, д. 6—8; ф. 34, оп. 1, д. 135, л. 9; ф. 1219, оп. 1, д. 2, л. 77; Самаркандский областной архив, ф. 842, оп. 1, д. 12, л. 12; «Известия». Ташкент, 25 февраля 1920 г.

¹⁸ «Известия». Ташкент, 10 августа 1920 г.; «Известия». Самарканд, 4, 11, 22, 25 сентября 1920 г.

¹⁹ ЦГАОР УзССР, ф. 1393, оп. 1, д. 1, л. 4—26; «Известия». Ташкент, 18 февраля, 20 мая, 23 июня, 3, 6 августа, 9 октября 1920 г.

ГОРЬКИЙ И ВОСТОЧНАЯ КОЛЛЕГИЯ «ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

А. А. ВОДРОВА

С именем А. М. Горького связано много интересных начинаний. Одним из них было создание в Петрограде в 1918 г. издательства «Всемирная литература».

Авторитет Горького, его организаторские способности помогли в кратчайший срок объединить вокруг издательства выдающихся ученых и литераторов, первоклассных переводчиков. Около трехсот пятидесяти специалистов — лучшие силы русской литературы и науки — приняли участие в интересной, широко задуманной творческой работе.

Замечательное содружество ученых и литераторов принесло значительные для того времени успехи — «Всемирная литература» выпустила десятки интереснейших изданий, не утративших своей ценности и в наши дни. Среди книг «Всемирной литературы» особенно выделяются издания Восточной коллегии, бессменными сотрудниками которой являлись виднейшие востоковеды С. Ф. Ольденбург, И. Ю. Крачковский, В. М. Алексеев, Б. Я. Владимирцов, В. Г. Богораз и многие другие. Характеризуя деятельность «Всемирной литературы», акад. С. Ф. Ольденбург писал: «Необходимо отметить, что Востоку в его литературных произведениях в первый раз у нас было уделено такое большое внимание»¹. Издательство намеревалось широко представить русскому читателю лучшие произведения литератур Китая, Индии, Ирана, арабских стран, Японии, народов Кавказа и Средней Азии, литератур древнего Востока. В развернутом предисловии к «Каталогу» по литературам Востока издательство писало: «Как скоро удастся осуществить целиком эту громадную программу, сказать трудно, ибо препятствий к ее осуществлению много, но самая ее постановка и начало осуществления — уже большой шаг вперед... на пути к познанию души Востока, которую так плохо понимает западный человек, увлеченный достижениями своей цивилизации, и, поэтому, слепой к великой и удивительной культуре Востока»².

Деятельность Восточной коллегии с первых дней ее возникновения носила научно-исследовательский характер, ибо в дореволюционной России было очень мало надежных переводов из восточных литератур. Если раньше на русском языке преимущественно появлялись переводы произведений восточных писателей не с оригинала, а с уже имеющихся переводов на западноевропейские языки, то «Всемирная литература» при массовости издания впервые поставила вопрос о том, чтобы к опубликованию принимать только те переводы, которые сделаны с подлинников.

При работе над рукописями восточных авторов коллегия стремилась сохранить дух оригинала, передать всю красоту подлинника. К редакционной работе привлекались только специалисты-востоковеды. Произведения китайских авторов выходили под редакцией и при непосредственном участии акад. В. М. Алексеева, литературные памятники Индии — под редакцией акад. С. Ф. Ольденбурга, арабская литература редактировалась акад. И. Ю. Крачковским, монгольская — проф. Б. Я. Владимирцовым. Введение института научных редакторов значительно улучшило подготовку и качество выпускаемых книг.

Восточная коллегия приняла деятельное участие в работе Студии художественного перевода, созданной при издательстве «Всемирная литература». В Студии занимались работники издательства, начинающие литераторы и переводчики. Занятия проходили под руководством ведущих сотрудников издательства. Несколько лекций в Студии читали А. М. Горький, В. М. Алексеев, К. И. Чуковский и т. д.

¹ С. Ольденбурга. О Горьком и его работе на науку. «Новый мир», 1932, кн. 9, стр. 18.

² «Предисловие». «Каталог издательства «Всемирная литература» при Народном комиссариате по просвещению. Литература Востока». Пб., 1919, стр. 6.

В мае 1919 г. в Азиатском музее было проведено специальное заседание, посвященное вопросу изучения техники научного и художественного перевода литературных памятников Востока³.

Восточная коллегия издательства работала в тесном контакте с сотрудниками западного отдела. Вспоминал о своей работе во «Всемирной литературе», И. Ю. Крачковский писал: «Мы, восточники, почувствовали особенно живо эту неразрывную связь Востока и Запада, и в так называемой «Западной коллегии» Совета издательства мы были заинтересованы не менее, чем в нашей «Восточной», и там создавали себе не гостями, а участниками»⁴. А. М. Горький с одинаковым вниманием следил за деятельностью обеих коллегий, принимал активное участие в обсуждении рукописей, многие из них редактировал, часто писал рецензии на прочитанное. В письмах в Государственный архив А. М. Горького академики В. М. Алексеев⁵ и И. Ю. Крачковский⁶ свидетельствуют, что А. М. Горький регулярно два раза в неделю присутствовал на заседаниях Коллегии, направляя ее работу. 4 июля 1919 г. на заседании Восточной коллегии А. М. Горький сделал ряд замечаний по поводу перевода В. Д. Смирнова «Сахиб Гирей», а 18 июля выступил с резкой критикой по адресу Тихой-Церетели, которая сдала в редакцию негодный перевод⁷.

К замечаниям и указаниям Алексея Максимовича внимательно прислушивались как начинающие писатели, так и большие художники слова, видные ученые. Так, в одном из писем к А. М. Горькому акад. В. М. Алексеев писал: «Я с благодарностью просмотрел Ваши замечания к предисловию к «Лисьим чарам» и, считаясь с ними, постарался, что мог, исправить»⁸. В другом письме В. М. Алексеев просил А. М. Горького прислать замечания на «Антологию китайской лирики»: «Ваше суждение о ней я бы выслушал с полным вниманием. По поводу этой книги высказываются диаметрально противоположные мнения, и то, что скажете Вы, особенно интересно»⁹. Как вспоминает К. И. Чуковский, Горький всегда поражал окружающих своими энциклопедическими знаниями в области литературы. «О ком бы ни заговорили при нем, — пишет К. И. Чуковский, — о Готторпе, Уордсворте, Шамиссо или Тике, он обнаруживал такие подробные и точные сведения обо всех их писаниях, словно изучал их всю жизнь... А когда он говорил с Ольденбургом о древневосточных писателях, он казался мне таким же, как сам Ольденбург»¹⁰. Будучи уже за границей, Горький неоднократно интересовался делами издательства. Когда в 1924 г. встал вопрос о передаче «Всемирной литературы» в Государственное издательство и при этом возник целый ряд осложнений, он писал С. Ф. Ольденбургу: «Дорогой Сергей Федорович... я просил бы написать мне... что предполагает делать коллегия в ее целом. Что советуете Вы мне... Очень прошу ответить на эти вопросы не медля и вообще просил бы осветить мне положение дела»¹¹.

За время работы с 1919 по 1924 г. Восточная коллегия издательства подготовила и выпустила в свет много интересных книг. Некоторые из них до сих пор сохранили свое значение. Среди них следует упомянуть два сборника статей «Литература Востока». В них давалась подробная характеристика литератур отдельных стран Востока, рассказывалось, какие литературные памятники данного народа уже известны русско-

³ Государственный архив А. М. Горького. Фонд А. Н. Тихонова, кн. п. 1218, № 242.

⁴ И. Ю. Крачковский. Избр. соч., т. I, 1955, стр. 102.

⁵ Государственный Архив А. М. Горького. БИО-11-7-54.

⁶ Государственный Архив А. М. Горького. БИО-11-7-56.

⁷ Государственный Архив А. М. Горького. Фонд А. Н. Тихонова, кн. п. 1218, № 252, 254.

⁸ Государственный Архив А. М. Горького КГ-Уч.-1-7-1.

⁹ Государственный Архив А. М. Горького. КГ-Уч.-1-7-2.

¹⁰ К. И. Чуковский. Горький во «Всемирной». «Горький». Сб. статей и воспоминаний о М. Горьком под ред. И. Груздева. М.—Л., 1928, стр. 342.

¹¹ А. М. Горький. Письмо С. Ф. Ольденбургу. Государственный Архив А. М. Горького. Фонд А. Н. Тихонова, кн. п. 1218, № 4.

му читателю и с чем ему надлежит познакомиться. В первом таком сборнике, вышедшем в свет в 1919 г., были опубликованы статьи С. Ф. Ольденбурга «Индийская литература», И. Ю. Крачковского «Арабская литература», А. Н. Самойловича «Литература турецких народов», В. Г. Богораза «Народная литература палеоазиатов», во втором, изданном в 1920 г., — статьи В. М. Алексеева «Китайская литература», С. Г. Елисеева «Японская литература», Б. Я. Владимирцова «Монгольская литература», Вл. Котвича «Манджурская литература» и статьи «Египетская литература», «Коптская литература», «Абиссинская литература», «Финикийская литература» проф. Б. А. Тураева.

Из публикаций памятников отметим «Лисьи чары» и «Монахи волшебники» из «Сборника странных рассказов» Пу Сулиина (1922—1923 гг., перевод и предисловие В. М. Алексеева), «Антологию китайской лирики VII—IX вв. по Р. Хр.» (1923, перевод Ю. К. Шуцкого, предисловие и редакция В. М. Алексеева); «Роман о Хайе, сыне Якзана» Ибн Туфейля (1920, перевод И. Кузьмина, предисловие и редакция И. Ю. Крачковского), «Книгу назидания» Усамы Ибн-Мункыза (1922, перевод М. Салье, предисловие и редакция И. Ю. Крачковского), «Монголо-Ойратский героический эпос» (1923, перевод и редакция Б. Я. Владимирцова) и т. д. Большой научный интерес представляют ашараты этих книг и предисловия к ним.

В 1922 г. Восточная коллегия приступила к выпуску журнала «Восток» и серийного издания «Культура Востока». В работе журнала принимали участие почти все члены Восточной коллегии. Общее руководство было возложено на С. Ф. Ольденбурга, отдел беллетристики возглавил И. Ю. Крачковский, отдел хроники и библиографии — В. М. Алексеев. Редакция журнала ставила себе целью познакомить читателя с новейшими изысканиями в области литератур Востока, а также с наиболее интересными литературными произведениями, изданными в разных странах за последние годы. Объем журнала должен был быть около 8 печатных листов, тираж — 2500—3000 экземпляров.

Появление журнала было встречено с большим интересом. Редакция получила много приветственных писем из-за рубежа. Так, в 1923 г. были получены письма от Британского Музея, Пекинского Университета, от А. Хури, который от имени арабской науки приветствовал выход журнала и желал ему всяческих успехов¹². Один из ведущих журналов того времени «Печать и революция» опубликовал рецензию, в которой были подвергнуты детальному разбору все материалы первого номера «Востока». В заключение автор рецензии выразил уверенность, что читатель будет иметь «весьма полезный журнал, знакомящий русскую публику с искусством и культурой Востока, до сих пор... весьма мало изученными»¹³.

Последними изданиями Восточной коллегии были книги из серии «Культура Востока» — «Крит и Микены», «Хетты и хеттская культура». Как и предыдущие издания, эти книги отличаются интересными и обстоятельными примечаниями, высоконаучными вступительными статьями и содержательным комментарием.

Много книг было подготовлено Восточной коллегией, однако целый ряд из них, интересных по содержанию и по переводу, не был опубликован. Когда «Всемирная литература» вошла в состав Государственного издательства, в ее портфеле были подготовленные к печати произведения Конфуция, Фирдоуси, Тагора, Ли Бо, Низами, Раффи, Ширваназаде и многих других авторов.

Издательство работало в исключительно тяжелый для нашей страны период, когда не хватало рабочих, не было бумаги и красок, большинство полиграфических предприятий было разрушено. Но выпускаемые им книги, в том числе и подготовленные Восточной коллегией, неизменно получали самую высокую оценку. В ведущих литературных и общественно-политических журналах первой половины 20-х годов неоднократно помещались весьма положительные рецензии на переводы памятников

¹² Государственный Архив А. М. Горького. Фонд А. Н. Тихонова, кн. п. 1218, № 430—438.

¹³ «Печать и революция», 1922, кн. 8, стр. 156.

восточных литератур, выпускавшихся основанным А. М. Горьким издательством¹⁴. В наши дни издания «Всемирной литературы» также не утратили своей ценности. Так, например, в своей большой работе «Китайская литература» проф. Н. Т. Федоренко отмечает, что сделанный В. М. Алексеевым перевод новелл Ляо Чжая (Пу Сулиина) «не только совершенно точно передает смысловое богатство новелл, но и лаконичность языковых средств, художественное своеобразие замечательных сказок Ляо Чжая»¹⁵.

Большая дружба и теплые чувства связывали Алексея Максимовича Горького с творческим коллективом «Всемирной». В одном из писем к С. Ф. Ольденбургу он писал: «...я имел высокую честь вращаться около них (ученых, литераторов.— А. Б.) в труднейшие годы 19—20-й. Я наблюдал, с каким скромным героизмом, с каким стоическим мужеством творцы русской науки переживали мучительные дни голода и холода, видел, как они работали»¹⁶. Работа Восточной коллегии «Всемирной литературы» под непосредственным повседневным руководством великого Горького — одна из ярчайших страниц первых лет советского востоковедения.

S U M M A R Y

The article is dedicated to the Eastern Board of the World Literature Publishing House founded by Maxim Gorky. The author points out that the Eastern Board played a great role in acquainting the Russian public with the best literary productions of the East and especially dwells on Maxim Gorky's regular cooperation in its work.

К ВОПРОСУ О ТРАНСКРИБИРОВАНИИ БИРМАНСКИХ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

В. Г. ЭПШТЕЙН

Вопрос об упорядочении транскрипции бирманских собственных имен имеет важное значение в связи с тем, что в нашей картографии и литературе закрепились неправильные формы, и может быть решен только на научной основе.

До последнего времени из-за малоизученности бирманского языка и отсутствия достаточного количества соответствующих материалов приходилось на практике пользоваться главным образом английскими источниками, поэтому транскрипция бирманских наименований устанавливалась с английского написания. Между тем, функционирующая ныне одна из английских систем передачи бирманских топонимов и имен (которая была разработана в 1890 г. по принципу системы Хантера — гласные передаются как итальянские, согласные — как английские) устарела и не отражает во многом современное литературное бирманское произношение. Транслитерируя (а не транскрибируя) английскую форму написания, мы закрепляли искажения английской системы.

В настоящее время, когда мы знакомы с фонологической системой бирманского языка, все искажения в передаче по-русски бирманской топонимии и ономастике могут быть устранены.

¹⁴ См., например, «Печать и революция», 1922, кн. 8; 1923, кн. 6; 1925, кн. 2; «Книгопоса», 1924, № 9; «Вестник литературы», 1920, № 2(14).

¹⁵ Н. Т. Федоренко. Китайская литература. М., 1956, стр. 13—14.

¹⁶ А. М. Горький. Собр. соч., т. 29, стр. 441.

Поскольку в данной статье рассматривается вопрос о транскрибировании бирманских собственных имен, которые должны включаться в орфографический текст на русском языке, ограничимся задачами практической транскрипции.

Практическая транскрипция, как и научная, является по своей природе условной. Условность ее усугубляется применением только тех знаков, которые не выходят за нормы отечественного алфавита. Соответственно в практической транскрипции не отражаются некоторые звуки и явления, отсутствующие в языке, в орфографический текст которого включаются те или другие собственные имена. Например, тональность — явление, отсутствующее в русском языке, — в практической транскрипции для китайского, бирманского и других тональных языков не передается.

Тем не менее при максимальном учете фонологических и графических систем обоих языков возможно приблизить русскую передачу бирманских собственных имен к их произношению. Транскрибирование согласно произносительным нормам языка в данном случае особенно важно, так как бирманскую топонимику и ономастику составляют сложные слова, образующиеся по принципу корнесложения и состоящие из двух и более корневых морфем, каждая из которых имеет самостоятельное смысловое значение. Например, Таунджи означает «большая гора» (Таун — гора, джи — большая); Таунта — «красная гора».

Предлагаемые нами принципы транскрипции, которые нашли отражение в «Правилах передачи бирманских географических названий», составленных автором в 1956 г. для Главного Управления Геодезии и Картографии МВД СССР по принципу от буквы к звуку, сводятся к передаче звуков, имеющих фонематическое значение, т. е. транскрибируются сильные и иногда слабые фонемы². Варианты фонем, как правило, передаются по основным видам фонем (кроме [w] и некоторых других). Поэтому первоочередной задачей было установление фонемного состава бирманского языка.

По этому вопросу в зарубежной литературе нет единого мнения. Анализ произношения носителей языка — бирманцев с учетом результатов исследований зарубежных ученых привел к выводам, что в бирманском языке в позиции максимальной дифференциации (сильные позиции) насчитывается 7 основных видов гласных фонем: [a], [i], [e], [ɛ], [ɔ], [o], [u], 4 дифтонга [ai], [ei], [au], [ou] и 31 согласная фонема: [p], [b], [m]; [t], [d], [n], [l]; [s], [z], [ʃ]; [k], [g]; [h], [ph], [th], [kh], [sh]; [ʈ], [c], [ch], [j]; [ʔ], [ʋ]; [hm], [hn], [hñ], [hɔ], [hl]; [y], [w], [ʔ]. При транскрибировании перечисленных фонем устанавливается тождество физиологических и физических свойств соответствующих фонем бирманского и русского языков. Затем для звука бирманского языка принимается знак русского алфавита, которым обозначается соответствующий русский звуковой эквивалент. При установлении транскрипции с бирманского написания необходимо учитывать и специфику бирманской графики. Перечислим некоторые ее особенности: 1) Один и тот же звук обозначается разными знаками, например звонкие взрывные [g], [d], [z], [b], носовой [n] и боковой [l], сонант [y] и др. имеют по два обозначения. 2) Один и тот же знак употребляется для обозначения разных звуков, так как в графике не отражаются некоторые фонетические явления, например озвончение глухих согласных (простых и аспирированных) [p], [ph]; [t], [th]; [s], [sh]; [c], [ch]; фрикативного [ʃ], а также ассимиляция носовых по месту образования. 3) Для обозначения особых звуков, характерных для бирманского языка, употребляются знаковые соединения. Таким образом обозначаются, например, глухие сонорные [hm], [hn], [hñ], [hɔ], [hl]. 4) Отдельные знаки, которые когда-то обозначали разные фонемы, в настоящее время употребляются для обозначения одной фонемы. Так, имеется 4 знака для обозначения фонемы — гортанного взрыва [ʔ] и 4 знака для носового сонанта [ŋ].

¹ Имеется в виду литературное произношение Нижней Бирмы — наиболее развитого в экономическом и культурном отношении района страны.

² Таким образом принципы практической транскрипции для бирманских собственных имен сближаются с принципами научной слово-фонематической транскрипции.

Передача в транскрипции некоторых звуков бирманского языка не представляет особенных трудностей, так как эти звуки имеют примерно соответствующие русские эквиваленты. Так, гласные звуки [a], [i], [u] целесообразно обозначать в транскрипции русскими буквами а, и, у, [e] и [ɛ] — е, а в начале слова и после гласной — я, [ɔ] и [o] — о, дифтонги [ai], [au], [ou], [ei] — соответственно посредством ай, ау, оу, ей/эй; согласные [p], [b], [m], [t], [d], [n], [l], [s], [z], [ʃ], [k], [g], [y], [h] — посредством русских букв п, б, м, т, д, н, л, с, з ш, к, г, й, х.

Отсутствующие в русском звук [ʈ] и его звонкий вариант [ʈʰ], акустически близкие русским т, д, следует передавать при помощи т, д. Поскольку для [h], [ʈ], [hm], [hn], [hñ]; [hɔ] в русском языке также нет соответствующих эквивалентов, предлагаем условно обозначать их посредством буквенных сочетаний нь, нг, хм, хн, хнь, хнг; конечно-слоговое [ŋ] — условно посредством н.

Особенно затруднительной является передача придыхательных [ph], [th], [kh], [sh], аффрикат [c], [ch], [j], губно-губного [w] и гортанного взрыва [ʔ], для которых нет эквивалентов в русском языке. Именно эти звуки наиболее условно передаются в английской системе. Остановимся подробнее на их характеристике.

1) Среднеязычная аффриката [c] по своему акустическому эффекту, а также по артикуляции близка к мягкой аффрикате [ч] русского языка (хотя произносится гораздо мягче). Поэтому предлагаем передавать этот звук посредством буквы ч.

Аспирированная среднеязычная аффриката [ch] бирманского языка создает акустический эффект более твердого звука, чем русское [ч]. Но так как в русском языке фонема [ч] не имеет соответствующей твердой пары, [ch] бирманского языка предлагаем передавать условно также посредством ч, а соответствующую звонкую аффрикату [j] — посредством традиционно закрепившегося буквенного сочетания дж.

Согласно английской системе аффрикаты — глухая [c] и звонкая [j] передаются посредством сочетаний ку и гу, что является транслитерацией графического обозначения их в бирманском языке. В картографии, библиографии, литературе на русском языке, где встречаются собственные имена Бирмы, сочетания ку, гу до сих пор передаются посредством сочетаний кь и гь. Отсюда неправильные формы написания географических названий, закрепившиеся в нашей картографии: Кьлуксе вместо Чаусхе, Гьяйнг вместо Джайнг; неправильная передача денежной единицы Бирмы — «кьят» — вместо «ча» и целый ряд других искажений. Поэтому при установлении транскрипции с английского написания (при переводах, при транскрибировании с английских карт и т. д.) сочетания ку и гу, как вытекает из вышесказанного, в русской транскрипции следует передавать соответственно посредством ч и дж. Например: Yenanguang — Енанджаун; Taunggyi — Таунджи, Bilugyun — Билуджун; U Kyin — У Чин; Maung Kyu — Маун Чо и т. д.

2) В бирманском языке различается конечнослоговая фонема гортанный взрыв [ʔ]³. По акустическому эффекту эта фонема не вызывает ассоциаций для передачи ее по-русски даже условно-приближенно. Поэтому фонему гортанный взрыв предлагаем в практической транскрипции не передавать («хамза» также не передается в практической транскрипции). Таким образом, слоги с гортанным взрывом в абсолютном исходе в практической транскрипции будут открытыми слогами, что больше соответствует произношению. В английской системе конечнослоговая фонема гортанный взрыв условно передается посредством t и k, очевидно, для того, чтобы отразить на письме краткость предшествующего гласного. При установлении транскрипции с английской графики следует t и k в конце слога не передавать, так как в русском языке долгота и краткость гласных не имеет фонологического различия. Например: Palletwa — правильное передавать Палева, а не Палетва (звука t фактически нет), Myitkyo — Мытчо (t — не передаем; ку — передаем как ч), Kyauklat — Чайла (ку — передаем как ч, к и t — не передаем).

³ Гортанный взрыв [ʔ] тождествен фонеме, называемой в арабском языке «хамза».

При транскрибировании с английского написания нужно иметь в виду, что согласно английской системе конечному *k* всегда предшествуют дифтонги *ai*, *ei*, *au* и *o* (которое передается посредством [ou] в данной позиции), конечному *t* предшествуют монофтонги *a*, *e*, *i*, *u*.

3) Губно-губной [w] в начальнoслоговой и интервокальной позиции предлагаем передавать посредством *e* — условно, так как подобного звука в русском языке нет. В закрытых и полузакрытых слогах, где [w] выступает как неслоговой элемент в восходящих дифтонгах [ua], [ui] и т. д., [w] целесообразнее передавать посредством *y*.

Согласно английской системе, фонема [w] во всех положениях обозначается посредством *w*. При установлении транскрипции с английского написания лучше придерживаться системы, предлагаемой нами, т. е. в начале слова и в интервокале [w] передавать как *e*: Wakema — Вагема; Awa — Ава, U Kyin Way — У Чин Ве и т. д.

В остальных случаях [w] следует передавать посредством *y*: Shwedaung — Шуэдаун, Maung Shwe — Маун Шуэ и т. д.

4) В бирманском языке начальнoслоговые глухие аспирированные согласные [ph], [th], [kh], [sh] (каждая из которых реализуется как один звук без дополнительной артикуляции для звука [h]) противопоставляются соответствующим начальнoслоговым глухим неаспирированным [p], [t], [k], [s].

В английской системе аспирированные и неаспирированные начальнoслоговые глухие фонемы бирманского языка не различаются, что вполне естественно, ибо и в самом английском языке глухие взрывные согласные произносятся с придыханием. Так как придыхание в бирманском языке имеет фонематический характер, в транскрипции должно быть отражено это явление. Не различать противопоставляющиеся по наличию или отсутствию придыхания фонемы — значит нарушить возможность взаимопонимания, для чего, собственно, и служит практическая транскрипция. Поскольку русских фонетических эквивалентов для аспирированных бирманского языка [ph], [th], [kh], [sh] нет, предлагаем передавать их буквенными сочетаниями *px*, *tx*, *kx*, *cx*. Соответственно вместо закрепившейся формы Паан (столица Каринского государства) следует писать Пхаан, вместо Паун — Пханун, вместо У Пе Маун Тин — У Пхе Маун Тин и т. д.

Таковы основные соображения в отношении транскрибирования бирманских собственных имен.

Передача по-новому многих известных географических названий Бирмы, разумеется, повлечет за собой отказ от некоторых традиционно принятых форм. Однако это не должно останавливать нас, ибо только радикальное решение вопроса поможет исправить закрепившееся в русской транскрипции искаженное написание бирманских собственных имен.

SUMMARY

The author of the article works out the principles underlying the practical transcription of Burmese proper names with due account for the phonetic peculiarities of the Burmese language. Phonemes of the Burmese language and some features of the Burmese writing system are given in the article.

К ВЫХОДУ В СВЕТ ДЕВЯТОГО ТОМА СОЧИНЕНИЙ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА*

Девятый том второго издания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса охватывает статьи, написанные с марта по декабрь 1853 г. Почти все они были опубликованы в американской газете «New York Daily Tribune», которая в 40—50-х годах выступала с прогрессивных позиций. Ряд статей тома был опубликован в английской чартистской газете «The People's Paper».

Тематика публицистических произведений Маркса и Энгельса, написанных в 1853 г., тесно связана с политической и экономической обстановкой того времени — периода реакции после поражения революции 1848—1849 гг. — и непосредственно вытекает из их стремления вооружить рабочий класс революционными идеями, сплотить его силы перед лицом наступавшей реакции и подготовить его к новым классовым битвам.

В статьях девятого тома мы находим всесторонний анализ экономического положения Англии и других европейских стран, а также английского рабочего движения.

На основе этого анализа Маркс и Энгельс характеризуют отношения между европейскими странами, рассматривают центральный вопрос международной жизни того времени — восточный вопрос и разоблачают политику европейских держав в восточном вопросе.

Формулируя классовую позицию пролетариата в восточном вопросе, Маркс и Энгельс выступали против сохранения реакционной феодальной Турецкой империи. Они считали ее тормозом всеческого прогресса на Балканах и постоянным очагом международных осложнений. Маркс и Энгельс указывали, что восточная проблема могла быть решена только путем представления национальной независимости народам Европейской Турции. По их мнению, такое решение должно было быть достигнуто в результате европейской революции. Рассматривая в то время русский царизм как главный оплот реакционных сил Европы, Маркс и Энгельс высказывали надежду, что Крымская война перерастет в революционную войну против царизма и во имя демократического переустройства Европы призывали к такой войне.

Остановимся, однако, более подробно на той группе вопросов, которые представляют наибольший интерес для читателей настоящего журнала. В рассматриваемый период Маркс и Энгельс уделяли большое внимание анализу вопросов колониальной политики Англии и национально-освободительной борьбы народов Индии, Китая и других стран Востока. К этим вопросам Маркс подходил прежде всего с точки зрения перспектив революции в Европе. В 1853 г. в «Трибуне» он впервые выступил с подробным изложением своих взглядов на национально-освободительную борьбу народов колоний. Этому выступлению предшествовала большая работа по изучению английских официальных источников, а также ряда исследований по истории и экономике стран Востока. Сохранились выписки

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9. М., Госполитиздат, 1957, 701 стр.

Маркса из работ по истории и экономике Китая и Индии Мак-Куллоха¹, из книг Джорджа Кемпбелла² о системе управления в Индии, из различных источников о состоянии земельной собственности в Европе и Азии, из исследований по Индонезии Раффлса³, книг по Индии — Уилкса⁴, Бернье⁵ и других авторов. Содержание выписок Маркса свидетельствует о том, что Маркс не ограничивался изучением экономики, истории, административного устройства стран Азии. Он глубоко вникал в вопросы быта и обычаев, культуры и религии этих народов, интересовался их искусством и архитектурой, тщательно изучал национальные особенности народов Востока.

Более десяти статей рецензируемого тома посвящены целиком или частично колониальному вопросу. Особое место принадлежит статье К. Маркса «Революция в Китае и Европе». В этой статье Маркс показывает как английская военная и экономическая экспансия в Китае разрушила экономику страны и подорвали основы тогдашнего социального строя Китая. Агрессивная политика Англии послужила толчком для развития политического кризиса и развязала революционные силы в стране. Революционное брожение вылилось в великую крестьянскую революцию (тайпинское восстание), направленную против иностранных колонизаторов и местных феодальных поработителей. Маркс подчеркивал, что «пробуждение Китая должно оказать обратное воздействие на Европу. «Но теперь,— пишет Маркс,— когда Англия вызвала революцию в Китае, встает вопрос, какое влияние окажет со временем эта революция на Англию и — через Англию — на Европу» (стр. 100—101). Маркс предсказывал, что революция в Китае ускорит наступление промышленного кризиса в Европе, окажет мощное воздействие на развитие политических революций на европейском континенте.

В условиях империализма это положение Маркса развил В. И. Ленин. Говоря о наступивших «мировых бурях в Азии», он указывал: «Мы живем теперь как раз в эпоху этих бурь и их „обратного отражения“ на Европе»⁶. Капитализм, разбудив Азию, писал В. И. Ленин, вызвал там национальное движение, которое «обратится против капитализма и империализма» и сыграет величайшую роль в деле развития мировой революции⁷.

Велико значение работ Маркса об Индии. В них разоблачается грабительская система эксплуатации Индии. В статье «Ост-Индская компания, ее история и результаты ее деятельности» и других Маркс показывает роль английской Ост-Индской компании в завоевании Индии. В статье «Русско-турецкие осложнения.— Уловки и увертки британского кабинета.— Последняя нота Нессельроде.— Ост-индский вопрос» Маркс показывает, как английские колонизаторы, используя внутренние противоречия между феодальными правителями, поставили их в полную зависимость от Ост-Индской компании. Английская политика сохранения индийских княжеств служила серьезным препятствием для развития Индии. «Местные князья являются опорой нынешней гнусной системы английского господства и величайшей помехой прогрессу Индии...», — писал Маркс (стр. 206).

Рассматривая различные звенья системы колониальной эксплуатации страны,

¹ J. R. McCulloch. A dictionary, geographical, statistical and historical of the various countries, places and principal natural objects in the world, vol. I. London, 1841, и другие.

² G. Campbell. Modern India. A sketch of the system of civil government. London, 1852.

³ Th. S. Raffles. The history of Java. London, 1817.

⁴ M. Wilkes. Historical sketches of the South of India. London, 1810.

⁵ Fr. Bernier. Voyages: contenant la description des etats du Grand Mogol de l'Indostan, du Royaume de Cachemire, etc. Paris, 1830.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 546.

⁷ См. В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 458, т. 33, стр. 458.

Маркс в статье «Вопрос о турецкой войне.— Газета «New-York Tribune» в палате общин. — Управление Индией» показывает, во имя чьих интересов народы Индии были обречены на нищету и полное бесправие. Самую могущественную и наиболее скрытую от глаз общественности силу в огромном бюрократическом здании управления Индии составляли «две тысячи пожилых люди и хилых джентльменов, владеющих индийскими акциями и интересующихся Индией лишь с точки зрения аккуратного получения дивидендов, за счет индийских доходов...» (стр. 188). В статье «Военный вопрос.— Парламентские дела.— Индия» Маркс дает глубокую оценку аграрных отношений в Индии в период британского господства. Он показывает, что введенные английскими колонизаторами земельно-налоговые системы тормозили развитие производительных сил, так как обуславливали сохранение реакционных форм аграрных отношений и жесточайших методов эксплуатации индийского крестьянина. Навязанная Индии система аграрных отношений соединяла в себе все отрицательные черты докапиталистических и капиталистических форм земельных отношений. Английские колонизаторы принесли Индии огромные бедствия, которые «неизмеримо более глубоки, чем все бедствия, испытанные Индостаном раньше» (стр. 131).

Маркс показывает, что хищническое существование капитализма особенно ярко проявляется в колониях. Уничтожение индийского ткацкого производства в результате ввоза английских фабричных тканей, приведшее к гибели миллионов индийских ткачей и прядильщиков, грабительская налоговая система, упадок земледелия и ирригации, нищета и эпидемии по всей стране,— таковы главные результаты британского управления Индией.

Господство английского капитализма в этой стране, однако, не могло быть вечным. Предсказывая крах английского господства в Индии, Маркс указал на ряд элементов, которые призваны были сыграть решающую роль в освобождении страны от иностранного порабощения. Английский капитализм разрушал все, что стояло у него на пути, неся нищету и гибель сотням тысяч индийских тружеников, но наряду с этим он уничтожил и индийские «индивидуальные сельские общины», которые «... всегда были прочной основой восточного деспотизма», ограничивали человеческий разум, лишая его воли к историческому действию (стр. 135). Английский капитализм разрушал основу докапиталистических отношений и создавал предпосылки для развития капиталистических отношений в Индии. Маркс подчеркивает, что Англия, будучи «бессознательным орудием истории», вынуждена была создавать те элементы нового в индийском обществе, которые в будущем покончат с ее господством в этой стране.

В статьях Маркса мы находим научный анализ позиции разных групп английского капитала в ост-индском вопросе. Для промышленных кругов Англии Индия все более приобретала значение рынка сбыта промышленных товаров и источника сырья. Английская промышленная буржуазия бессознательно, помимо своей воли, способствовала созданию новых производительных сил в Индии. Однако она допускала развитие индийской промышленности лишь в выгодном для себя направлении. Маркс отмечал двойственную роль английского капитализма и капитализма вообще: разрушительную, поскольку капитализм разрушает все, что препятствует капиталистическому обогащению, и созидательную, поскольку, будучи прогрессивным по сравнению с феодализмом, он не мог не разрушить и феодальных отношений, господствовавших в Индии, препятствовавших развитию новых общественных отношений в стране. Вместе с тем Маркс подчеркивал, что «созидательная работа» англичан в Индии едва видна сквозь груды развалин.

Освобождение Индии, по мнению Маркса, могло произойти только революционным путем, путем национально-освободительной борьбы всего индийского народа. Как для овладения достижениями буржуазной цивилизации народным массам необходима великая социальная революция, так и для создания нового индийского общества недостаточно было только наличия элементов этого общества. «Все, что английская буржуазия будет, вероятно, вынуждена осуществить в Ин-

дин,— писал Маркс,— не принесет свободы народным массам и не улучшит существенно их социального положения...» (стр. 228). Для использования этих элементов в интересах всего народа, индийцы должны овладеть политической властью в стране, стать хозяевами производительных сил. Ключ к достижению этой цели Маркс видел либо в победе пролетарской революции в Англии, либо в национально-освободительной борьбе народов Индии. Он глубоко верил в рождение новой, независимой Индии. «Население Индии не сможет пожать плодов созревания тех элементов нового общества, которые посеяла среди него британская буржуазия, пока в самой Великобритании нище правящие классы не будут вытеснены промышленным пролетариатом, или пока сами индийцы не станут достаточно сильными, чтобы навсегда сбросить с себя английское иго. Во всяком случае мы с уверенностью можем ожидать, в более или менее отдаленном будущем, возрождения этой великой и интересной страны...» (стр. 228—229).

Классические произведения Маркса об Индии и Китае, вошедшие в 9-й том второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, являются крупнейшим вкладом в марксистское учение по национально-колониальному вопросу. Содержащиеся в них важные теоретические обобщения придают им особую силу и политическую остроту. Рассматривая национально-колониальную проблему, Маркс в 1853 г. впервые выдвинул ряд теоретических положений, которые В. И. Ленин впоследствии применил в новых условиях империализма. Идея Маркса о заинтересованности пролетариата в ликвидации колониального угнетения, о взаимной зависимости развития революционного движения в Европе и в Азии и другие находят свое дальнейшее развитие в трудах В. И. Ленина. Ленин разработал теоретические положения о национально-освободительном движении в колониях, как резерве пролетарской революции в передовых странах и о пролетариате цивилизованных стран как союзнике миллионов трудящихся Азии⁸. В своих трудах В. И. Ленин отмечал многообразие путей освобождения колоний, показал перспективы развития демократического движения в колониях, определил тактику пролетариата в национально-освободительной борьбе⁹.

Глубоко научные идеи основоположников марксизма-ленинизма встречаются все новые подтверждения в современных событиях. Китайская революция навсегда освободила эту великую страну от ига иностранных и внутренних эксплуататоров. Индия стала самостоятельным государством. Индийская республика вместе со странами социализма выступает за мир и прогресс во всем мире. Происходит распад одной из основ империализма — мировой колониальной системы, что неизбежно приведет к краху всей системы империализма.

Произведения рецензируемого тома Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса — крупный теоретический вклад в дело борьбы рабочего класса. Они вооружают коммунистические партии всех стран для борьбы против капиталистического строя, а также против защитников этого строя — реформистов и ревизионистов, которые мешают успешной борьбе трудящихся за уничтожение эксплуатации человека человеком, за построение коммунистического общества.

Е. И. Удальцов

SUMMARY

The review is devoted mainly to the articles of Marx and Engels which give an analysis of the British colonial policy and the national liberation struggle conducted by the peoples of India and China. These articles are a great contribution to the theory of the working class and the colonial peoples liberation movement; they encourage the proletarian parties in their struggle against colonialism and its champions, the reformists and revisionists.

⁸ См. В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 164—165; т. 19, стр. 77—78; т. 31, стр. 246.

⁹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 160—162; т. 31, стр. 216—217.

ИСТОРИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА ТУРЦИИ В ИСТОЧНИКАХ И ЛИТЕРАТУРЕ

А. Д. НОВИЧЕВ

Начало формирования промышленного пролетариата в Турции относится к 30—40-м годам XIX в. Уже с 60—70-х годов турецкие заводские рабочие вступают на путь борьбы за улучшение условий своего существования, особенно усилившейся после младотурецкой революции. До первой мировой войны численность рабочего класса в связи с промышленной отсталостью Турции оставалась незначительной. В настоящее время, однако, промышленный и сельскохозяйственный пролетариат уже составляет около 20% самостоятельного населения Турции (2 млн. человек).

История турецкого пролетариата в XIX в. может быть исследована только в общих чертах, так как до сих пор еще не опубликованы необходимые архивные материалы. Разрозненные данные можно почерпнуть в содержательной брошюре Лютфу Эришчи¹, в работах М. П. Вронченко², Омера Джеляля Сарджа³, Деметриуса Георгиадеса⁴, В. Обручева⁵, В. Джиффорда Пальгрева⁶, А. Мордтманна⁷, В. Кише⁸, Ружона⁹, Муаммера Вассафа Толга¹⁰ и других. Особую ценность представляют работы Вронченко, Пальгрева, Георгиадеса, Ружона, Кише, написанные на основании личного ознакомления с положением в стране. В сочинениях М. В. Толга мы находим сведения о первых законодательных актах, регламентирующих условия труда, а в работе Л. Эришчи — сведения о первых шагах рабочего движения в Турции.

Источники и некоторые исследования позволяют также осветить, хотя и недостаточно полно, положение турецкого пролетариата, рабочее движение и зарождение социалистического движения в XX в. Данные о фабричной промышленности, численно-

¹ *Lütü Erişçi. Türkiye'de işçi sınıfının tarihi (Tez olarak). İstanbul, 1951.*

² [М. П. Вронченко]. Обзорение Малой Азии в нынешнем ее состоянии. «Записки военно-топографического депо...», ч. III — 1838, ч. V — 1840. СПб.

³ *Omer Celâl Sarc. Tanzimat ve sanayimiz. Tanzimatın yüzüncü yıldönümü münasibetile neşredilen kitaptan alınmış ayrı baskı. İstanbul, 1940.*

⁴ *Demetrius Georgiades (de Smyrne). Smyrne et l'Asie Mineure au point de vue économique et commercial. Paris, 1885.*

⁵ [В. Обручев]. Турецкая Империя (Из военно-статистического сборника за 1868 г.). СПб.

⁶ «Отчеты В. Джиффорда Пальгрева о провинциях Анатолии за 1867—68, 1869 и 1872 годы». «Известия Кавказского отдела РГО», т. VII. Тифлис, 1882—1883. Приложение.

⁷ *A. D. Mordtmann. Anatolien: Skizzen und Reisebriefe aus Kleinasien (1850—1859). Hannover, 1925.*

⁸ *C. Cuinet. La Turquie d'Asie, t. I—IV. Paris, 1890—1894.*

⁹ *F. Rougon. Smyrne. Paris — Nancy, 1892.*

¹⁰ *M. V. Tolga. İş hukuku. İstanbul, 1952.*

сти промышленного пролетариата и заработной плате в 1913 и 1915 гг. (преимущественно в Стамбульском и Измирском промышленных районах) содержатся в промышленной переписи 1917 г.¹¹, в которой имеются, однако, существенные дефекты¹².

Среди источников, содержащих сведения о рабочем движении, развернувшемся в 1906—1913 гг., особенно в 1908 г., следует упомянуть донесения дипломатических агентов, опубликованные в журнале «Красный архив»¹³, воспоминания Найта¹⁴, данные прессы. Из последних особую ценность имеют сопровождаемые фотоснимками корреспонденции из Турции, напечатанные в журнале «L'Illustration»¹⁵. Характеристика имеет содержательная статья Горцева¹⁶, написанная на основе личных наблюдений автора. В статье имеются заслуживающие внимания данные о численности рабочего класса, о рабочем и социалистическом движении, о деятельности социалистов-депутатов в медресе. Интересные сведения о забастовках приводит Хюсейн Ави в статье «Первые выступления против иностранного капитала в Турции в 1908 году»¹⁷.

В настоящее время появились публикации документов и исследования, посвященные истории социалистического движения в Турции. Т. Тунайя издал сборник, содержащий программы и иные документы политических партий и групп Турции (с 1859 по 1952 г.)¹⁸. В сборнике, в частности, впервые опубликованы программы возникшей в 1910 г. «Османской социалистической партии» и ее парижской секции, сведения о руководителях партии, ее органах печати и другие материалы. Следует отметить, что как в подборе документов, так и в объяснении ряда фактов проявилась буржуазная тенденциозность автора.

Освещению истории рабочего класса в период, когда младотурки после неудачных попыток подчинить себе рабочее движение начали суровые репрессии против пролетариата и приняли антирабочие законы, помогают публикации государственных актов этого периода. Тексты последних содержатся в составленном А. Билиотти и А. Седадом сборнике законов, принятых после восстановления конституции¹⁹.

Немало статей современников бурных событий в Турции тех лет было напечатано в русских журналах в 1908—1909 гг. Много ценных сведений о деятельности политических партий в Турции не только в период революции, но и в предшествующие годы содержит статья Тер-Арутюнова²⁰. В ней имеются, в частности, сведения о программе и деятельности «Федерации османских революционеров», которая отстаивала интересы рабочих и крестьян Турции безотносительно к их национальной принадлежности. Живой интерес вызывает статья «Революция Ближнего Востока» Н. Е. Кудрина²¹, отметившего влияние на события в Турции революции 1905 г. в России и революции

¹¹ «۱۳۲۲ — استانبول — استاتستيكي — ۱۳۲۱ و ۱۳۲۹».

¹² Halûk Cillov. Les Recensements industriels en Turquie. «Revue de la Faculté des Sciences Économiques de l'Université d'Istanbul», Octobre 1951—Juillet 1952, № 1—4, p. 162—178.

¹³ «Красный Архив». М.—Л., 1931, т. 6(43).

¹⁴ Э. Ф. Найт. Революционный переворот в Турции. Пер. с англ. СПб., 1914.

¹⁵ «L'Illustration». Paris, 1908, Auguste.

¹⁶ Горцев. Младотурки и рабочий вопрос. «Современник», 1912, апрель.

¹⁷ См. машинописный бюллетень № 1 «Страхи Ближнего Востока». Изд. Московского института востоковедения. М., 1939, стр. 16—58.

¹⁸ T. Z. Tunaya. Türkiyede siyasi partiler. Ankara, 1952; см. А. К. Сверчевская. О книге Т. З. Тунайя. «Политические партии в Турции. 1859—1952». «Краткие сообщения института востоковедения», XXII, 1956, стр. 104—105.

¹⁹ A. Biliotti, A. Sedad. Législation Ottomane depuis le rétablissement de la Constitution, t. 1. Paris, 1912.

²⁰ А. Тер-Арутюнов. Политические партии в современной Турции. «Русская мысль», 1908, сентябрь.

²¹ Н. Е. Кудрин. Революция Ближнего Востока. «Русское богатство», 1908, октябрь.

в Иране. Заслуживает внимания также статья Белоруссова «Эволюция политических идей в современной Турции»²². Автор специально коснулся вопроса о возникновении в Турции социалистического движения.

Если названные выше авторы лишь более или менее подробно описывали рабочее и социалистическое движение в Турции рассматриваемого периода, то первыми его исследователями с марксистских позиций были советские авторы, например З. Наушириванов²³, В. А. Гурко-Кряжин²⁴, А. А. Алимов²⁵. Но они не располагали источниками и литературой, которые доступны исследователям в настоящее время. Это отразилось как на полноте изложения, так и на достоверности сведений, приводимых в названных работах.

При изучении первых шагов социалистического движения в Турции нельзя пройти мимо трудов, освещающих деятельность рабочих и социалистических организаций в Македонии. К такого рода трудам относится книга Д. Г. Кьосева о развитии рабочего и социалистического движения в Македонии и влиянии последнего на политическое развитие турецкого пролетариата²⁶. Д. Г. Кьосев убедительно показал, что социалистическое движение в Македонии развивалось под благотворным влиянием болгарских революционных социалистов — «тесняков», руководимых Благоевым. История рабочего и социалистического движения в Македонии до Балканской войны посвящен также труд Д. Заграфского²⁷. Книга насыщена фактами и значительно расширяет круг наших сведений по этому вопросу. Автор рассказывает о помощи македонских социалистов стамбульскому пролетариату в организации профессиональных союзов. Особенно подробно изложена история возникновения социалистических организаций в Салониках и других городах Македонии; обрисованы их связи с стамбульскими социалистами и международные связи, изложены программные требования социалистических организаций; освещена их деятельность среди пролетариев Македонии всех национальностей, в том числе и турецких. Труд Д. Заграфского имеет, однако, очень существенный порок — автор тенденциозно, с шовинистических позиций, освещает роль Болгарской рабочей социал-демократической партии («тесных» социалистов) в борьбе македонского народа за освобождение от турецкого ига. Между тем, наиболее прогрессивные силы действовали в этой борьбе под руководством Благоева и руководимой им организации, что благотворно сказалось и на политическом развитии турецких рабочих в Македонии и Стамбуле.

Период до первой мировой войны включительно явился значительным этапом в истории молодого турецкого пролетариата. Приобретенный им опыт классовой борьбы, особенно под влиянием революции 1905—1907 гг. в России, дал ему возможность подняться на новую ступень в последующие годы, когда турецкий народ в ожесточенной войне с иностранными интервентами отстаивал свою национальную независимость.

* * *

Чрезвычайно важным периодом в истории рабочего класса Турции были годы национально-буржуазной революции (1919—1923). Для правильного понимания исто-

²² Белоруссов. Эволюция политических идей в современной Турции. «Вестник Европы», 1909, октябрь, т. V, кн. X.

²³ З. Наушириванов. Социалистическое движение в Турции. «Новый Восток», 1922, кн. 2.

²⁴ В. А. Гурко-Кряжин. Рабочее и социалистическое движение в Турции; М. Пазлович и В. Гурко-Кряжин. Турция в борьбе за независимость. М., 1925.

²⁵ А. А. Алимов. Революция 1908 года в Турции. «Пробуждение Азии. 1905 год и революции на Востоке». Л., 1935.

²⁶ Дино Г. Кьосев. Борьба македонского народа за освобождение, 2 изд. Софии, 1952.

²⁷ Данчо Зографски. За работничкото движение во Македонија до балканската војна. Скопје, 1950.

при рабочего движения в эти годы важнейшее значение имеют высказывания В. И. Ленина о влиянии Великой Октябрьской социалистической революции на Востоке²⁸, об установлении дружественных отношений с Турцией²⁹, документы, характеризующие политику Советской России по отношению к Турции, многочисленные документы и выступления руководителей национально-освободительной борьбы в Турции, высказывания деятелей Коммунистической партии Турции.

Влияние Октябрьской революции на трудящиеся массы Турции, особенно на рабочий класс³⁰, сказалось прежде всего в их стихийной тяге к коммунизму, в создании близких к коммунистам левых организаций, а затем и Коммунистической партии Турции.

Мы не располагаем еще достаточным количеством источников, которые позволили бы с необходимой полнотой осветить историю турецкого пролетариата в указанный период. Из опубликованных источников для изучения истории рабочего и коммунистического движения в 1918—1923 гг. большую ценность представляют издания Коммунистической партии Турции, и прежде всего — «Первый съезд Коммунистической партии Турции»³¹. В докладах руководящих деятелей, в сообщениях с мест, в решениях съезда обрисован путь, пройденный в 1917—1920 гг. не только коммунистической партией, но и рабочим классом Турции. Деятельность и политическая линия коммунистической партии освещены в изданных ею публикациях и брошюрах³², в статьях ее руководителей.

Важным источником являются стенографические отчеты конгрессов Коммунистического Интернационала (выступления турецких делегатов) и материалы, опубликованные в журналах «Коммунистический Интернационал» и «Красный Интернационал профсоюзов». Существенные данные о рабочем и коммунистическом движении рассматриваемых лет, об участии рабочих в национально-освободительной борьбе содержатся в воспоминаниях турецкого коммуниста С. Устюнгеля³³. В мемуарах двух коммунистов из западных стран, принимавших участие в работе съезда Коммунистической партии Турции в Анкаре в 1922 г., приводятся ценные сведения не только о деятельности съезда, но и о положении Коммунистической партии Турции; о рабочем движении, о симпатиях турецкого народа к Советской России³⁴. В числе первоисточ-

²⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 124.

²⁹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 460; «Коммунист», 1957, № 15, стр. 15; «Советское востоковедение», 1957, № 5, стр. 13.

³⁰ Вопросу о влиянии Октябрьской социалистической революции в Турции уделено внимание в ряде работ советских историков: См. А. Ф. Миллер. Очерки новейшей истории Турции. М.—Л., 1948, стр. 78—80; «Новейшая история стран зарубежного Востока», вып. I. М., 1954, стр. 281—282; А. Д. Новичев. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на судьбы Турции. «Вестник Ленинградского Университета», 1957, № 20, вып. 4, стр. 95—107; А. М. Шамсутдинов. Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Турции (1919—1922). «Великий Октябрь и народы Востока». М., 1957, стр. 384—407. В последних двух работах приведена обширная библиография.

³¹ ۱۹۲۰ تورکيا قومونست فرستک برينجی قونفرهسی — پاکو —

³² Например, в брошюрах «Долой маски!»; ۲۹ — کانون ثانی ۱۹۲۱ قوه دهکیز قییلر نده پارچالانان مصطفی صبحی و یولداشلرینک ایکنجی ییل دونبو — موسقورا — ۱۹۲۲ («Вторая годовщина со дня убийства на черноморском побережье 28—29 января 1921 г. Мустафы Субхи и его товарищей»). М., 1923.

۱۹۲۲ — کتاب — برنجی یولی — (Путь освобождения трудящихся)

³³ С. Устюнгель. В тюрьме и на «воле». Записки турецкого коммуниста. М., 1952.

³⁴ Leonid und Friederich. Angora. Freiheitskrieg der Türkei. Berlin, 1923.

ников следует назвать также дневник М. В. Фрунзе, который он вел в конце 1921 г. и начале 1922 г. В дневнике приводятся сведения о заработной плате рабочих, о политике правящих кругов в отношении коммунистов и др.³⁵

Немало данных, необходимых для освещения рабочего, социалистического и коммунистического движения, можно извлечь и из буржуазных турецких источников. Так, в сборнике Тунайя приводятся архивные документы, касающиеся образования и деятельности созданной в Стамбуле в 1919 г. «Рабоче-крестьянской социалистической партии». На основании этих документов исследователи получили возможность устранить ряд ошибок, допущенных в освещении деятельности этой партии. В этом же сборнике имеются важные сведения об организациях вроде «Социалистической партии» и других, вносящих раскол в рабочее движение. В мемуарах генерала Али Фуада Джебесоя о национально-освободительной войне впервые опубликованы документы и приведены факты, которые, вопреки желанию самого генерала, полностью разоблачают провокационную попытку правящих кругов создать лежкоммунистическую «партию»³⁶.

Из исследований, содержащих ценный материал о рабочем движении рассматриваемых лет, необходимо прежде всего назвать статьи, принадлежащие крупному деятелю Коммунистической партии Турции Б. Ферди³⁷, а также статьи Альмухамедова³⁸, П. Китайгородского³⁹, Х. Эйдуса⁴⁰, Л. Д-ий⁴¹. Ряд ценных сведений напечатан в журнале «Новый Восток» в статьях Э. Наушириванова, Д. Кузьмина⁴² и др., а также в упомянутых работах В. А. Гурко-Кряжнина и М. Павловича. Заслуженное признание получила работа К. Юста, в которой приведены данные о коммунистической прессе⁴³. Деятельности коммунистической партии в начальный период посвящена кандидатская диссертация А. Хонелия⁴⁴. Исследований на турецком языке о рабочем движении рассматриваемого периода, насколько нам известно, не имеется. Касается этого вопроса лишь Л. Эришич в упоминавшейся выше брошюре.

Освещение истории рабочего класса Турции в период 1923—1939 гг. затрудняется по ряду причин. Главная из них — недостаток, а по некоторым важным вопросам и полное отсутствие источников.

Данные о численности рабочего класса, его профессиональном составе, территориальном распределении, степени концентрации, применении женского и детского

³⁵ М. В. Фрунзе. Поездка в Ангору. Собр. соч., т. I. М.—Л., 1929, стр. 274—351.

³⁶ Ali Fuat Cebesoy. Millî mücadele hâtıraları. İstanbul, 1953.

³⁷ Б. Ферди. Положение рабочего класса и коммунистическое движение в Турции. «Коммунистический Интернационал», 1926, № 9(67); его же. Эволюция кемализма от национальной революции к диктатуре буржуазии. «Спутник коммуниста», 1927, № 10.

³⁸ Альмухамедов. Коммунистическое движение в Турции. «Коммунистический Интернационал», 1923, № 25.

³⁹ П. Китайгородский. Рабочее движение в Турции. «Коммунистический Интернационал», 1925, № 11 (48).

⁴⁰ Х. Эйдус. Рабочее движение в Турции. «Красный Интернационал профсоюзов», 1921, № 8.

⁴¹ Л. Д-ий. Первая конференция представителей фабрик и заводов Киликии. «Красный Интернационал профсоюзов», 1922, № 12 (23).

⁴² Д. Кузьмин. Рабочее движение в Турции. «Новый Восток», 1922, кн. 2.

⁴³ К. Юст. Анатолийская печать. Тифлис, 1922 (стеклограф. изд.).

⁴⁴ А. Хонелия. Начальный период образования коммунистической партии Турции (1919—1921). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Московский институт востоковедения, 1954.

труда и по ряду других показателей содержатся в материалах промышленной переписи, проведенной в декабре 1927 г.⁴⁵, промышленной статистики последующих лет, в документах созданного в 1937 г. Управления труда при Министерстве экономики и в других официальных источниках. Перепись имеет ряд дефектов⁴⁶. Так, принятая в ней классификация предприятий затрудняет выделение фабрично-заводского пролетариата.

С 1934 г. Главное статистическое управление Турции начало публиковать материалы о деятельности промышленных предприятий, пользовавшихся льготами по закону 1927 г. о поощрении промышленности⁴⁷. В эту категорию попадали только некоторые фабрично-заводские предприятия. Поэтому материалы промышленной статистики не содержат данных о всем фабричном пролетариате. Кроме того они и не точны, так как сведения собирались при помощи опросных листов, рассылавшихся владельцам предприятий, и не проверялись. Более того, предприниматели могли вообще оставить листы без ответа⁴⁸.

Некоторые материалы, характеризующие условия жизни пролетариата, можно найти в прессе, в исследованиях турецких авторов, в ежегодниках Главного управления статистики («Istatistik Yılı» или «Annuaire statistique»).

Выяснению политики правящего класса в рабочем вопросе и в вопросах общей экономической политики помогают программы народно-республиканской партии⁴⁹, речи ее лидеров. Экономической политике правящих кругов в рассматриваемый период, а также возникшим социальным проблемам посвящены исследования Ахмеда Хамди⁵⁰, Орхана Джонкера⁵¹ и других турецких авторов. Эти работы, однако, имеют апологетический характер. Подлинную характеристику положения турецкого пролетариата и освещение его борьбы содержат документы Коммунистической партии Турции. Ценным источником этого рода является Декларация анкарской организации Коммунистической партии Турции, опубликованная незадолго до открытия экономической конференции в Измире⁵². В работе конференции приняла участие большая группа рабочих делегатов, руководимых коммунистами. Рабочая группа, отстаивая интересы турецкого пролетариата и других трудящихся Турции, выдвинула ряд

⁴⁵ ۱۹۲۷ — انقره — ۱۹۲۷. Есть французск. изд.

⁴⁶ Haluk Cillov. Les Recensements industriels en Turquie, p. 165.

⁴⁷ «Sanayi istatistikleri. Teşviki sanayi kanunundan istifade eden müesseselerin 1932 ve 1933 seneleri faaliyetleri». Başvekâlet istatistik umum müdürlüğü. Ankara, 1934.

⁴⁸ См. Н. Cillov. Указ. соч., стр. 169—171.

⁴⁹ Для рассматриваемых лет основное значение имеют первая программа, принятая в 1931 г., и вторая, принятая в 1935 г. Первая программа имеется в русском переводе. См. «Материалы по национально-колониальным проблемам». Сборник научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем, № 1. М., 1932, стр. 12—16, а также Мустафа Кемаль. Путь новой Турции, т. IV. М., 1934, стр. 321—331; «Parti Républicain du peuple. Programme (Adopté par le IV Grand Congrès du parti)». Ankara, 1935; Mustafa Kemal. Nutuk. Gazi Mustafa Kemal tarafından Cumhurbaşkanlığı Halk Fırkasının 15—20 Teşrinievvel 1927 tarihleri arasında toplanan İkinci Büyük Kongresinde söylenmiştir. İstanbul, 1934, cilt I—III. Мустафа Кемаль. Путь новой Турции, т. I—IV. М., 1929—1934. Во многих случаях перевод неточен. Deux discours de R. Peker. Secrétaire Général du parti du peuple. Ankara, 1935.

⁵⁰ Ahmet Hamdi. İktisadî devletçilik, с. I, II. Ankara, 1930.

⁵¹ Orhan Conker. Les chemins de fer en Turquie et la politique ferroviaire turque. Paris, 1935; Orhan Conker et Emile Witmeur. Redressement économique et industrialisation de la nouvelle Turquie. Paris, 1937.

⁵² См. приложение к статье Мусалли (М. М. Славуцкий) «Экономическая конференция в Смирне». «Новый Восток», 1923, № 3.

требований, которые были изложены в специальной брошюре⁵³. Ознакомление с положением и борьбой рабочей группы на самой конференции помогают данные Г. Астахова⁵⁴ и статья Мусалли.

Материалы, освещающие положение и борьбу турецкого пролетариата в последующие годы, имеются в стенографических отчетах V и VI конгрессов Коммунистического Интернационала, конгрессов Красного Интернационала профсоюзов, в журналах «Коммунистический Интернационал»⁵⁵, «Международное рабочее движение», «Спутник коммуниста»⁵⁶, в «Материалах по национально-колониальным проблемам» за 1931—1933 гг. и в газетах. В 1934 году была опубликована «Программа действия» Коммунистической партии Турции, выработанная в 1925 г., расширенная и уточненная в последующие годы, которая также является источником при изучении истории рабочего движения Турции в соответствующие годы⁵⁷.

Борьба турецкого пролетариата вынуждала правящие круги идти на уступки. Были изданы законы о еженедельном отдыхе (1924), о рабочей гигиене (раздел в законе «Об общественной гигиене») (1930), о праздничных днях и еженедельном перерыве в работе (1935 г.)⁵⁸.

Наиболее значительным завоеванием выросшего и окрепшего в борьбе турецкого рабочего класса в рассматриваемый период был «Закон о труде», принятый 8 июня 1936 г.⁵⁹. Последующими актами, однако, проведение в жизнь закона о труде в его наиболее существенных для рабочих частях было отсрочено на ряд лет. Эти акты содержатся в «Официальной газете», «Дюстуре», а также в специальных сборниках по трудовому праву.

Исследования, посвященные жизни турецкого пролетариата в 1923—1939 гг., крайне скудны. Некоторые турецкие авторы, особенно после принятия закона о труде, посвятили свои работы «Трудовому праву в Турции»⁶⁰, но до второй мировой войны и таких работ было крайне мало. Прогрессивные турецкие авторы были поставлены в такие условия, при которых почти исключалась возможность легально освещать тяжелое положение и борьбу турецкого пролетариата. Тем не менее в 1935 г. в серии «Марксистская библиотека» была издана брошюра Хикмета Кывылджыма «Социальное бытие рабочего класса Турции»⁶¹. Кывылджым рассматривает такие вопросы, как

⁵³ Azmir İktisadî Qonferansi Turkiya Emekçisi Grubunun Partidandan Teshit İyidini Asasat Emomiyeh — Azmir — ۱۳۳۹ (Основные требования, выдвинутые рабочей группой на Измирском экономическом конгрессе). Измир, 1339/1923. Русский перевод см. В. М. Поцхверия и Ю. Н. Розалиев. Требования рабочей группы на Измирском экономическом конгрессе 1923 г. «Краткие сообщения института востоковедения АН СССР», XXII, 1956.

⁵⁴ Г. Астахов. От султаната к демократической Турции. М. — Л., 1926.

⁵⁵ В. Ферди. Коммунистическое движение в Турции. «Коммунистический Интернационал», 1926, № 6 (64); его же. Положение рабочего класса и коммунистическое движение в Турции, там же, 1926, № 9 (67); его же. Китайская революция не должна идти по пути кемализма, там же, 1927, № 24 (98).

⁵⁶ В. Ферди. Эволюция кемализма от национальной революции к диктатуре буржуазии. «Спутник коммуниста», 1927, № 10; его же. Восточный национализм на коленях перед империализмом. «Коммунистический Интернационал», 1930, № 1 (204); Фахри. Компартия Турции в борьбе за массы. «Коммунистический Интернационал», 1933, № 22; «„Коммунистический заговор“ в Турции». «Коммунистический Интернационал», 1927, № 52 (126).

⁵⁷ «Программные документы коммунистических партий Востока». М., 1934.

⁵⁸ Тексты этих законов см. «Resmî Gazete» или в томах за соответствующие годы свода законов Турции «Düstur», üçüncü tertip. Французск. изд.: «La Législation Turque». Ed. Rizzo. Constantinople.

⁵⁹ «İş kanunu». «T. C. Resmî Gazete» 15 июня 1936 г.

⁶⁰ Umran Nazif Yigiter. Kömür havzasında amele hukuku. Zonguldak, 1934; S. Ağaoğlu, S. Hüdaioğlu. Türkiyede iş hukuku. Ankara, 1939.

⁶¹ Hikmet Kıvılcım. Türkiye işçi sınıfının sosyal varlığı (Birinci kitap). İstanbul, 1935. В этой же серии были опубликованы труды: К. Маркса «Наемный труд и капи-

численность турецкого пролетариата, подвергая при этом критике данные официальной статистики, территориальное распределение пролетариата и его удельный вес в промышленных районах (автор при этом допускает неточность, определяя удельный вес рабочих не в массе самодельного, а всего населения), концентрации пролетариата, использование женского и детского труда. Х. Кывылдыкым разоблачает попытки правящих кругов отрицать наличие классов в Турции и стремление поставить рабочий класс Турции под свое влияние.

Ценные сведения по рабочему движению в период 1923—1939 гг. содержатся также в упомянутой брошюре Л. Эршчи.

Работы советских авторов, посвященные истории рабочего класса Турции в 1923—1939 гг., немногочисленны; наиболее значительными из них являются брошюра А. Шпурова⁶² и статьи Неджибэ-ханум, в которых со знанием дела рассматривается трудовое законодательство в Турции того времени⁶³, и Ю. Цимринга о профдвижении в Турции⁶⁴. В 1956 г. была опубликована статья автора этих строк, освещающая положение и борьбу рабочего класса Турции в 1934—1939 гг. В этой статье значительное место уделено анализу закона о труде 1936 г.⁶⁵

В целом период 1923—1939 гг. в истории рабочего класса Турции так же, как и предыдущие периоды, изучен недостаточно.

Антирабочая политика правящих кругов Турции во время второй мировой войны находит отражение прежде всего в самих законодательных актах, опубликованных в своде законов «Дюстур». Полезным пособием при изучении «Закона о национальной защите» и принятых на его основе решений может служить труд Хюсю Бенги, в котором они приведены⁶⁶. Антинародная сущность «Закона о национальной защите» раскрыта в статье П. П. Моисеева⁶⁷. Данные для характеристики положения турецкого пролетариата в годы войны можно извлечь из официальных «Статистических ежегодников» и бюллетеней государственного Центрального банка, из трудов Женисселя и Дж. Таласа. Некоторые сведения по этому вопросу содержатся в статье А. Валуевского⁶⁸.

Очень большое значение приобретает исследование послевоенного экономического и политического положения рабочего класса и его борьбы. Условия для этого несколько улучшились. Больше стало официальной документации. Некоторые данные о положении рабочего класса содержатся в турецких официальных статистических сборниках, в решениях Высшей арбитражной комиссии, в международных изданиях по труду, в прессе оппозиционных буржуазных партий, материалах съездов и конференций профсоюзов, в ряде исследований турецких авторов.

Для определения численности турецкого пролетариата путем самостоятельных

тал» и В. И. Ленина «Карл Маркс» (под названием: «Жизнь, философия и социология К. Маркса»).

⁶² А. Шпуров. Турецкий пролетариат. М.—Л., 1929.

⁶³ Неджибэ-ханум (Е. Л. Гальперина). Рабочее законодательство современной Турции. «Новый Восток». М., 1927, кн. 19.

⁶⁴ Ю. Цимринг. Профдвижение в современной Турции. «Красный Интернационал профсоюзов», 1928, № 7.

⁶⁵ А. Д. Починов. Положение и борьба промышленного пролетариата Турции в 1934—1939 гг. «Ученые записки ЛГУ», серия востоковедческих наук, вып. 6, 1956, № 195.

⁶⁶ Hüsnü Bengi. Millî koruma kanunu ve kararları. Ankara, 1945.

⁶⁷ П. П. Моисеев. «Закон о национальной защите» 1940 г. в Турции. «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. XIV. М., 1956, стр. 222—246.

⁶⁸ А. Валуевский. Обнищание трудящихся в Турции. «Вопросы экономики», 1950, № 3.

вычислений могут быть использованы данные переписи населения 1945 и 1950 гг.⁶⁹, а также данные Главной дирекции социального страхования, публикуемые в «Статистическом ежегоднике Турецкой Республики». Материалы, характеризующие экономическое положение рабочего класса, рассеяны в разных источниках. Так, о размерах заработной платы можно узнать из решений Высшей арбитражной комиссии, принятых по трудовым конфликтам, возникшим из-за низкой заработной платы, и в ежегодниках Международного бюро труда⁷⁰. Официальные цифры о заработной плате следует воспринимать критически. Часто они представляют собой среднюю заработную плату рабочих и служащих, между тем как заработная плата последних выше. Индексы стоимости жизни публикуются в «Статистическом ежегоднике», в бюллетенях Центрального банка, торгово-промышленной палаты Стамбула, статистических изданиях Организации Объединенных Наций и других. Данные о безработице не публикуются. Частично они представлены в сведениях, сообщаемых турецкими биржами труда и публикуемых в «Статистическом ежегоднике».

В 1949 г. специальная миссия Международной Организации Труда обследовала положение рабочего класса в Турции и опубликовала подробный отчет⁷¹. Фактически данные, приведенные в отчете, рисуют тяжелое экономическое положение рабочих в Турции, грубое нарушение трудового законодательства.

Законодательство в области трудового права, социального страхования, профсоюзного движения представлено в правительственном вестнике «Ресми газет» и в своде законов «Дюстур». Особое значение для исследователей имеют инструкции и постановления органов исполнительной власти, на основе которых осуществляются принятые законы. Сборники законов по труду изданы в Турции М. Гёркеем⁷², Ф. Х. Сайменом⁷³ и другими. Сборник, подготовленный д-ром Ф. Х. Сайменом, включающий в себя тексты документов, по полноте и тщательности выполнения имеет несомненные преимущества перед сборником М. Гёркея.

Возросшее значение турецкого пролетариата, боязнь революционизирующего влияния стран социалистического лагеря побудили турецкую буржуазию усилить репрессии против участников рабочего движения, особенно против коммунистов. Это нашло отражение в поправках к уголовному кодексу (принятых в 1951 и 1953 гг.), которые предусматривают даже смертную казнь для активистов коммунистического движения⁷⁴. Наряду с этим буржуазия усилила борьбу за влияние на рабочий класс. Нет ни одной буржуазной партии, которая не давала бы в своей программе каких-либо обещаний рабочим; некоторые из них даже называют себя рабочими и социалистическими партиями. Программы этих партий и сведения об их деятельности содержатся в упомянутом выше сборнике Тупайя «Политические партии в Турции». Здесь же приводятся, хотя и неполные, но полезные сведения о деятельности и программных установках созданной в 1946 г. и вскоре закрытой «Социалистической рабоче-крестьянской партии Турции».

Борьбе за влияние на рабочий класс подчинена пресса, выступления в меджлисе и особенно предвыборные кампании. Интересный пример в этом отношении представляет журнал «Аксис» («Эхо»), являющийся рупором самой крупной оппозиционной

⁶⁹ «Genel nüfus sayımı. Recensement Générale de la population du 21 octobre 1945». Ankara, 1950; «The Labour Yearbook», 1953.

⁷⁰ «Year book of labour statistics. 1955. International labour office». Fifteenth issue. Geneva, 1955.

⁷¹ «Labour problems in Turkey. Report of a Mission of the International labour office (March — May 1949)». International labour office. Geneva, 1950.

⁷² M. Gorkey. Son değişikliklere göre iş kanunununla ilgili mevzuat. İstanbul, 1951, 2-е изд.

⁷³ Ferit H. Saymen. Sistemâik türk iş hukuku mevzuatı. Yenilenmiş 2. baskı. İstanbul, 1953.

⁷⁴ Naci Şensoy, Osman Tolun. Das Türkische Strafgesetzbuch vom. 1. 3. 1926. Berlin, 1951; «Resmî gazete», 15 июля 1953.

партии — народно-республиканской⁷⁵. Этот еженедельник содержит специальный раздел «Труд», в котором приводятся материалы, характеризующие политику правительства в отношении рабочих.

* * *

После второй мировой войны в Турции появилось много исследований по рабочему вопросу. Подавляющее большинство из них имеет явно апологетический характер, восхваляет турецкое законодательство о труде и социальном страховании. Авторы этих трудов, обеспокоенные ростом классовых противоречий и коммунистического влияния в рабочей среде, подвергают критике политику правящих кругов в рабочем вопросе. К работам такого рода относятся брошюры и статьи Садри Аксой. В 1947 г. в брошюре⁷⁶, предназначенной для рабочих, он стремился показать, насколько сильно изменилось к лучшему положение рабочих по сравнению с тем, каким оно было до прихода к власти турецкой буржуазии. Являясь заместителем генерального директора Управления рабочего страхования, Садри Аксой в ряде статей восхваляет принятые в Турции законы социального страхования⁷⁷.

Автор объемистого труда «Промышленный рабочий в Турции» (1958) А. Жениссель тоже поставил своей целью показать, как много дала буржуазная революция турецкому рабочему классу. Но другие, даже буржуазные турецкие авторы далеки от этой точки зрения (см., например, работу Дж. Таласа).

Ряд статей по рабочему вопросу напечатан в журнале факультета экономических наук стамбульского университета⁷⁸. Автор статьи об изменении в уровне заработной платы рабочих и служащих государственных предприятий Ведат Эльдем стремится доказать, что заработная плата рабочих повышалась быстрее, чем заработная плата служащих⁷⁹. Некоторые работы, например, статья Орхана Туна об организации Турецкой конфедерации профсоюзов, имеют беспристрастно-описательный характер⁸⁰, хотя и содержат ценные фактические данные. Статьи по вопросам страхования и некоторым другим напечатаны в сборниках «Siyasi ilimler mecmuasi» («Журнал политических наук»). Среди сочинений по трудовому праву упомянем большую работу проф. Муаммера Толга «Трудовое право»⁸¹. Автор рассматривает трудовое право в ряде буржуазных стран и параллельно, в апологетическом духе — трудовое законодательство Турции.

Особого внимания заслуживают труды более объективных исследователей, таких, как доцент Анкарского университета Джахит Талас: «Законодательство о промышленном труде в Турции»⁸² и «Общественная безопасность и турецкое рабочее страхование»⁸³. В обеих работах автор приводит много фактов, показывающих тяжелое положение турецких рабочих, в частности женщин и детей, на многочисленных примерах он показывает неудовлетворительность турецких трудовых законов, а также и то, что они часто вообще не проводятся в жизнь. Автор не проходит и мимо такого зла, как безработица⁸⁴, критикует политику правящих кругов в вопросе о профсоюзах, требует

⁷⁵ «Akis». Haftalık aktüalite mecmuası. Ankara.

⁷⁶ Sadri Aksoy. Dünkü ve bugünkü işçi (İşçinin haklarını arama rehberi). Izmir, 1947.

⁷⁷ İktisadî Yürüyüş. İktisadî, ticarî, sanayî, zirayî, malî, hukukî ve içtimayî mevzulardan bahseder aylık dergi». Istanbul, № 325, 339, 346.

⁷⁸ «Revue de la Faculté de sciences économiques de l'Université d'Istanbul».

⁷⁹ Vedat Eldem. Changements survenus depuis la guerre dans le niveau des fonctionnaires et des salariés de l'Etat. «Revue...» octobre 1951—juillet 1952, № 1—4, p. 152—161.

⁸⁰ O. Tuna. The organisation of the Turkish Confederation of Trade Unions. «Revue...», avril 1951—juillet 1951, № 3—4, p. 109—119.

⁸¹ Muammer Vassaî Tolga. İş hukuku. Istanbul, 1952.

⁸² Cahit Talas. La législation du travail industriel en Turquie. Genève, 1948.

⁸³ Cahit Talas. Sosyal güvenlik ve Türk işçi sigortalari. Ankara, 1953.

⁸⁴ Cahit Talas. Türkiyede işsizlik. «Türk ekonomisi», 1953, № 95.

предоставить рабочим право забастовок, утверждая при этом, что сопротивление правящих кругов этому требованию рабочих свидетельствует о непонимании ими законов развития современного общества. Однако исходным пунктом критики Таласом политики правящих кругов в рабочем вопросе является боязнь обострения классовой борьбы. Автор и не подумал связать тяжесть экономического положения турецких рабочих с их политическим беспорядком.

Из работ, принадлежащих западноевропейским авторам, отметим выдержанную в реформистском духе большую статью Хэлсуорта о положении профсоюзов в странах Ближнего и Среднего Востока⁸⁵. Однако многие собранные в ней факты должны быть учтены при характеристике положения рабочего класса Турции.

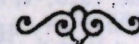
Прогрессивные турецкие деятели не имеют возможности в современной Турции писать труды по рабочему вопросу. Поэтому выход даже небольшой работы, написанной с объективных позиций, имеет большое значение. Такого рода работой является уже упоминавшаяся нами брошюра Лютфю Эршичи, в которой дан краткий очерк истории рабочего класса Турции⁸⁶. Ценность этой брошюры состоит в том, что она главным образом посвящена рабочему движению в Турции. Факты, освещающие жизнь детей рабочих, содержит брошюра турецкого прогрессивного писателя Фахри Эрдинча⁸⁷.

Советских произведений, посвященных жизни и борьбе рабочего класса Турции после войны, к сожалению, очень мало. В 1954 г. автор этих строк посвятил этому вопросу статью⁸⁸, а в 1956 г. вышла в свет монография Ю. Н. Розалиева, посвященная экономическому положению промышленного пролетариата⁸⁹.

Значительный рост численности рабочего класса Турции и все увеличивающаяся политическая роль его ставят перед советскими востоковедами неотложную задачу — восполнить существующий пробел в освещении положения и борьбы рабочего класса Турции.

S U M M A R Y

The article reviews the literature and sources on the history of the Turkish working class. There are but few sources and works pertaining to the formation and class struggle of the Turkish proletariat in the modern period. Of special interest are the publications issued after the Young Turk revolution. The bulk of the materials and research works on the history of the Turkish proletariat are of recent origin. Most valuable information is supplied by Turkish sources and books belonging to Turkish authors.

⁸⁵ J. A. Hallsworth. La liberté syndicale et les relations professionnelles dans les pays du Proche et du Moyen-Orient. «Revue internationale du travail», vol. LXX, № 5, p. 391—415, № 6, p. 570—587. Вышла в том же издании на английском языке.

⁸⁶ Lütüf Erişçi. Tütkiyede işçi sınıfının tarihi (Tez olarak). Istanbul, 1951. См. рецензию на эту брошюру Р. П. Корниенко в журнале «Советское востоковедение», 1957, № 3, стр. 198—203.

⁸⁷ Fahri Erdiñç. Kapitalist Türkiyede çocuklar. Sofya, 1951.

⁸⁸ А. Д. Новичев. Положение и борьба рабочего класса Турции после второй мировой войны. «Ученые записки ЛГУ», серия востоковедческих наук, вып. 4, 1954, № 179, стр. 85—119.

⁸⁹ Ю. Н. Розалиев. Очерки положения промышленного пролетариата Турции после второй мировой войны. М., Изд-во АН СССР, 1956. См. рец. Б. М. Подхверия. «Советское востоковедение», 1958, № 1, стр. 125—129.

РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ ТАДЖИКИСТАНА СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Х. Н. ДРИККЕР

Изучение исторического развития таджикского народа в советскую эпоху началось по существу уже с первых лет Великой Октябрьской социалистической революции. До провозглашения Таджикской АССР (15 марта 1925 г.) материалы по Таджикистану помещались обычно в изданиях, посвященных Средней Азии в целом, причем сведения по Таджикистану приводились в них либо в общем тексте, либо в особых разделах, относившихся к Восточной Бухаре и районам Северного Таджикистана (в частности к Ходжентскому). Наибольшее значение имеют отчеты и решения партийных и советских органов, обобщающие опыт первых лет революции¹. Значительную ценность представляют также статистические сборники и материалы экономических совещаний². Некоторые интересные статьи обзорного характера публиковались в периодической печати того времени, особенно в журнале Среднеазиатского экономического бюро «Народное хозяйство Средней Азии», выходившем в Ташкенте в 1923—1930 гг.³ В первых исторических трудах С. Айни, содержащих его воспоминания о Бухарской революции 1920 г., также имеются ценные данные и о Таджикистане в годы гражданской войны⁴.

¹ «Отчет ЦК КПТ за период с VII по VIII съезд (1923—1924 гг.)». Ташкент, 1924; «Стенографический отчет 8-го съезда Коммунистической партии Туркестана 4—9 мая 1924 г.». Ташкент, 1924; «Первый съезд КП (б) Узбекистана, Стенографический отчет (6—12 февраля 1925 г.)». Ташкент, 1925; «Доклад ЦК КП (б) Узбекистана по 2-му Всеузбекскому съезду КП (б) Уз. (ноябрь 1925 г.)». Самарканд, 1925; «Отчет Оргбюро ЦК КП (б) Уз. по Таджикской АССР за 1925—1927 гг. к 1-й Всетаджикской партконференции». Дюшамбе, 1928; «Резолюции 1-й Таджикской Областной конференции КП (б) Уз. (21—27 октября 1927 г.)». Дюшамбе, 1928; «Резолюции 2-й Таджикской партконференции». Дюшамбе, 1929; «Материалы к отчету правительства Узбекской ССР ЦИК'у СССР», 1926; «ТАССР. Отчет правительства за период с декабря 1926 г. по март 1929 г.». Дюшамбе, 1929.

² В частности, «Статистический ежегодник 1917—1923», т. 1—2, под ред. Д. П. Красновского. Ташкент, 1924; «Народное хозяйство Средней Азии в цифрах», Ташкент, 1929; «Отчет 1-го съезда экономических совещаний Туркестанской республики». Ташкент, 1922; «Постановления 1-й экономической конференции Среднеазиатских республик Туркестана, Бухары и Хорезма». Ташкент, 1923; «Материалы по районированию Туркестана», вып. II. Ташкент, 1924.

³ См. «Народное хозяйство Средней Азии»: Доклад экспедиции по обследованию Таджикистана (1925, № 10—11); В. Каверин. Итоги десятилетия Октября в Таджикистане (1927, № 10—12) и др.; «Коммунистическая мысль» (Ташкент): Джора-Закиров. Ходжент в революцию (1927, № 5).

⁴ См. С. Айни. История мангытских эмиров Бухары. Ташкент, 1923 (на тадж. яз., араб. алф.); С. Айни. Материалы по истории Бухарской революции. М., 1926 (на узб.

языке). Вскоре после образования Таджикской АССР стали появляться работы, касавшиеся непосредственно Таджикистана, его политического и экономического строительства. Таковы сборники статей: «Таджикистан» (под редакцией Н. Л. Корженевского, Ташкент, 1925)⁵, «Народное хозяйство Таджикистана» (издание Госплана ТАССР, 1926), «Материалы к вопросу о земельных отношениях в Таджикистане» (под редакцией Б. Б. Карп, Ташкент—Сталинабад, 1930) и др.⁶

Все названные работы, составлявшие одновременно с описывавшимися или лишь частично обобщавшимися в них событиями, имеют преимущественно источниковедческое значение. Работы же, имеющие в той или иной степени характер исторического исследования, стали публиковаться уже значительно позже, после создания Таджикской ССР (в 1929 г.)— по существу начиная с первого юбилей (десятилетия) этой даты, с 1939—1940 гг.⁷

В 1939 г. вышли брошюры Д. З. Протопопова «Таджикская ССР за 10 лет» и Г. Н. Бажулина «Советский Таджикистан»; в 1940 г. были изданы сборник архивных документов «К истории советского строительства в Таджикистане (1920—1929 гг.)», ч. 1, составленный Д. Фаньяном, и материалы «Цифры и факты великих побед», содержащие разнообразные данные по отраслям экономического и культурного развития республики за десятилетие 1929—1939 гг. Тогда же, в двадцатилетие советской революции 1920 г. в Бухаре, вышла первая историческая монография по Таджикистану советской эпохи Б. Гафурова и П. Прохорова «Падение Бухарского эмирата» (Сталинабад, 1940).

В годы Великой Отечественной войны издавались брошюры о героизме таджикского народа на фронте и в тылу⁸.

Особо следует отметить работы Д. Фаньяна и М. Зелинской «Красная Армия — освободительница таджикского народа» (Сталинабад, 1943) и Б. Гафурова и Н. Прохорова «Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей родины» (Сталинабад, 1944). В первой на основе архивных материалов освещен период гражданской войны в Таджикистане; во второй, наряду с изложением многовковой борьбы таджик-

яз., араб. алф.). Из ранних работ по истории гражданской войны в Таджикистане см.: «За советский Туркестан». Изд. Военно-редакц. совета Туркфронта. Ташкент, 1923; Л. Соловейчик. Басмачество в Бухаре М., 1923; Е. Колосовский. Красная Армия в Средней Азии. Ташкент, 1928; ряд документов опубликован в кн.: М. В. Фрунзе. На фронтах гражданской войны. Сборник документов. М., 1941.

⁵ См., в частности, статьи: Ю. И. Пославский. Экономический очерк Таджикистана (стр. 179—243) и Ди-Мур. Гражданская война в Таджикистане (стр. 283—290).

⁶ См. также: О. Гловацкий. Как рабочие Союза помогают строить хозяйство Таджикистана. Самарканд—Дюшамбе, 1927 (на тадж. яз.); П. Г. Малицкий. Учебное пособие по географии Таджикистана. Ташкент—Самарканд, 1929, см. особенно часть 3 в этой кн.: Д. Русинев. Народное хозяйство Таджикистана (стр. 152—182).

⁷ Кроме основного источника — материалов и решений партийных съездов КП (б) Таджикистана (I в 1930 г., II в 1934 г., III в 1937 г., IV в 1938 г.), опубликованных в местной печати (газета «Коммунист Таджикистана» и «Таджикистони сурх»), — см. следующие материалы и работы, изданные в 1930—1938 гг.: О. Гловацкий. Революция побеждает. Экономические и политические предпосылки Бухарской революции 1920 г. Ташкент, 1930; В. М. Бардир. Таджикистан. Сталинабад—Ленинград, 1939; «Средняя Азия в цифрах». Ташкент, 1931; «Таджикская ССР. Отчет правительства IV съезду Советов Таджикской ССР (1929—1930 гг.)». Сталинабад, 1931; «Материалы первой конференции по изучению производительных сил Таджикской ССР», вып. 1. Л., 1933; «Проблемы Таджикистана. Труды первой конференции по изучению производительных сил Таджикской ССР», т. II. Л., 1934.

⁸ См. Л. Леснев. Мухамед Ибрагимов. Сталинабад, 1942; П. Лукицкий. Ленинградец Тэшабой Адиллов. Сталинабад, 1944; В. П. Стоцкий. Колхоз имени Ленина в дни Отечественной войны. Сталинабад, 1943; В. Нежинский. Сыны Таджикистана. Сталинабад, 1946.

ского народа за свою независимость, делается первая попытка кратко охарактеризовать историю Таджикистана в советское время⁹.

Наибольшее число изданий, освещающих историю таджикского народа в советский период, приурочивалось обычно к юбилейным датам: двадцатилетию (1949 г.), двадцатипятилетию (1954 г.) республики и особенно 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции (1957 г.). Так, в 1949—1950 гг. в Сталинабаде вышли работы: «Таджикская ССР за 20 лет», «20 лет Таджикской Советской Социалистической Республики»; брошюры: А. В. Мазаев «Развитие социалистической промышленности Таджикской ССР за 20 лет», Х. Негматуллаев «Народное образование в Таджикской ССР за 20 лет», С. А. Халикова «Женщины советского Таджикистана» и др.; в 1950—1951 гг. Таджикский филиал Академии наук СССР опубликовал в Сталинабаде два сборника: «Советский Таджикистан (очерки по экономической географии)» и «Развитие науки в Таджикистане», содержащие ценный исторический материал.

В связи с двадцатипятилетием республики, кроме нескольких интересных брошюр¹⁰, Институтом истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР был издан сборник статей «Материалы к истории таджикского народа в советский период» (под редакцией Б. Гафурова, Сталинабад, 1954). Несколько позже вышла подготовленная Институтом истории партии при ЦК КП Таджикистана коллективная работа «Таджикская ССР за 25 лет» (под редакцией В. А. Козачковского и П. Хамракулова, Сталинабад, 1955), в которой изложены основные события послеоктябрьского периода и сделана попытка дать периодизацию истории советского Таджикистана¹¹. Эта небольшая тщательно составленная книга во многом послужила исходным пунктом для последующих работ по истории таджикского народа в советскую эпоху.

К 25-й годовщине было приурочено издание двух томов «Трудов АН Таджикской ССР»: т. XIX, 1954, в который вошли статьи Б. Искандарова «Бухара в 1918—1920 гг.» и К. Богомоловой «Из истории коллективизации Ленинабадской области Таджикской ССР»; т. XXXIX, 1955, в котором опубликована работа Я. Шарипова «Борьба трудящихся масс Таджикистана за укрепление Советской власти в период деятельности Революционного комитета Таджикской АССР (1924—1926 гг.)». Были изданы также Таджикским государственным университетом «Ученые записки» (т. V, вып. I и II, Сталинабад, 1955), содержащие «Труды юбилейной научной конференции, посвященной 25-летию Таджикской ССР», и специальный выпуск «Ученых записок» Сталинабадского государственного педагогического института (серия общественных наук, т. I, Сталинабад, 1954), содержащий семь больших статей по советскому периоду истории Таджикистана (Х. Салбиева, Н. Миронова, А. Маджлисова, К. Кулагина, М. Хансуваровой, Ю. Николаева и А. Шовкопляса).

Выход большого числа книг к 40-й годовщине Великой Октябрьской революции был подготовлен разносторонним изучением советской эпохи истории таджикского народа, развернувшимся в десятилетие, предшествовавшее славному юбилею и нашед-

⁹ Ср. опубликованный позже составленный Т. Жданко раздел о Таджикистане в советскую эпоху в статье «Таджикская ССР» в «Большой Советской Энциклопедии», т. 53 (М., 1946), стр. 425—436.

¹⁰ См. Н. Додхудоев. Торжество национальной политики коммунистической партии. Сталинабад, 1954; А. В. Мазаев. Развитие социалистической промышленности Таджикской ССР за 25 лет. Сталинабад, 1954; М. Разматов. Наука и культура на службе народа. Сталинабад, 1954.

¹¹ Принятая периодизация отражена в названиях пяти глав этой книги: I. Великая Октябрьская социалистическая революция и борьба за установление и упрочение Советской власти в Таджикистане (1917—1926 гг.); II. Таджикистан в годы индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства (1926—1934 гг.); III. Таджикистан в годы завершения строительства социалистического общества (1935—1941 гг.); IV. Таджикский народ в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.); V. Трудящиеся Таджикистана в борьбе за коммунизм (1946—1954 гг.).

шим свое выражение в публикации статей в периодических изданиях, в работах по смежным научным дисциплинам — этнографии, экономике, литературоведению, в диссертациях.

Подлинный размах это изучение получило с организацией в республике Таджикского государственного университета (в 1948 г.) и, особенно, Академии наук (в 1951 г.) и Института истории, этнографии и археологии в ее составе. Статьи по истории таджикского народа стали систематически публиковаться в «Известиях Отделения общественных наук», в «Докладах АН Таджикской ССР», в «Ученых записках» Таджикского государственного университета, государственных педагогических институтов — Сталинабадского, Ленинабадского, Кулябского, в «Сообщениях республиканского историко-краеведческого музея», в журналах «Коммунист Таджикистана», «Шарки сурх», «Сельское хозяйство Таджикистана», «Литературный Таджикистан». В печати была проведена дискуссия по вопросу о периодизации советской эпохи истории Таджикистана.

Из работ по смежным дисциплинам следует упомянуть: экономико-географические описания П. А. Васильева «Таджикистан» (Сталинабад, 1947) и Х. Б. Салбиева «Развитие столицы Таджикской ССР — Сталинабада» (Сталинабад, 1952); «Очерк истории таджикской советской литературы», ч. 1 (Сталинабад, 1955); этнографическое исследование Н. Н. Ершова, Н. А. Кислякова, Е. М. Пещеровой и С. П. Руслякиной «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства» (М. — Л., 1954).

Исключительное значение для изучения истории Советского Таджикистана имеют знаменитые произведения Садриддина Айни «Дохунда» и «Рабы», а также художественные произведения таджикских советских писателей — Р. Джалила, С. Улуг-зода, Дж. Икромии, Ф. Ниязи¹².

Отдельные этапы борьбы за построение социализма в Таджикистане исследуются в диссертациях: период гражданской войны и первые шаги советского строительства¹³, коллективизация сельского хозяйства¹⁴ и в меньшей степени — развитие промышленности и культурной революции¹⁵.

В связи с 40-летием Великой Октябрьской социалистической революции были опубликованы в Сталинабаде, наряду с популярными брошюрами¹⁶, специальные сбор-

¹² Об историческом значении романов С. Айни см. З. Ш. Раджабов. Садриддин Айни — историк таджикского народа. Сталинабад, 1951. Критическому разбору исторических моментов в романе Р. Джалила посвящена статья Т. Каримова «О некоторых исторических фактах в романе „Бессмертные люди“». «Шарки сурх», 1950, № 9.

¹³ См. диссертации: Т. Каримова — о победе Октября в Северном Таджикистане, Я. Шарипова — о БНСР (1920—1924), Я. Шарипова и Ю. Николаева — о периоде 1924—1929 гг., М. Иркаева — о разгроме Ибрагим-бека, П. Хамракулова — о формировании таджикской социалистической нации и др.

¹⁴ См. диссертации: Х. Бабасовой — о начале массовой коллективизации, К. А. Богомоловой — о коллективизации в северных районах республики, М. Яхьяева — о коллективизации в 1930—1935 гг., К. Марсакова — о коллективизации во 2-й пятилетке, Х. Мухамедова — о политотделах МТС и др.

¹⁵ См. диссертации: У. Исмаилова — о создании и развитии социалистической промышленности в годы 1-й и 2-й пятилеток, М. Шукурова — о культурной революции в годы 2-й пятилетки, Р. Хамидова — по истории культурной революции в республике в 1933—1937 гг., а также диссертации П. Овчинникова и М. Садыкова — о социалистических преобразованиях в годы 1-й и 2-й пятилеток, Х. Ходжаева и Н. Миронова — о борьбе за подъем хлопководства, М. Мирмуллаева — о принятии конституции, А. Рустамова, Д. Усманова и А. Турсунова — о Великой Отечественной войне и др.

¹⁶ См. З. Ш. Раджабов. Таджикский народ в братской семье народов СССР. Сталинабад, 1957; Н. Зарипова. Женщины солнечного Таджикистана. Сталинабад, 1957; А. Хасанов. Город, рожденный Великим Октябрем. Сталинабад, 1957, и др.

ники статей, статистический справочник¹⁷, а главное, ряд монографий и коллективная работа по истории Таджикистана за весь сорокалетний период после Октября¹⁸.

В предисловии к «Очерку истории Советского Таджикистана» авторы предупреждают: «Крайняя недостаточность публикаций документов и монографических исследований по истории Таджикской ССР, естественно, не могла не обусловить известную неполноту освещения в «Очерке» ряда проблемных вопросов». «Очерк», однако, бесспорно представляет серьезный вклад в изучение советского периода истории таджикского народа. В нем с партийных позиций достаточно полно освещены основные события, проанализированы главные вехи социалистического строительства в республике, продумана и обоснована конкретным материалом периодизация истории советского общества в Таджикистане. Принятая в «Очерке» периодизация по существу является дальнейшим развитием периодизации, приведенной в упоминавшейся работе «Таджикская ССР за 25 лет». В рамках общих для всего СССР этапов исторического развития советского общества учитывается своеобразие республики, прошедшей путь от феодализма к социализму, минуя капитализм.

Каждая глава (соответствующая определенному периоду) большей частью начинается с характеристики общей обстановки в СССР за данный отрезок времени, затем излагаются события в Таджикистане, отдельно в северных и в южных районах. Такой порядок изложения дает возможность показать органическую связь истории Таджикистана с историей народов СССР, развитие его в конечном счете по общим для всего Советского Союза историческим закономерностям, и вместе с тем выявить конкретное своеобразие этого развития, а также различие, существовавшее длительное время между более развитыми северными районами (связанными до революции непосредственно с Россией) и Центральным и Южным Таджикистаном, бывшим частью Бухарского ханства. В большинстве случаев дается обобщенная характеристика специфики развития республики в конкретный исторический период. Так, например, подчеркивается, что разрешению в ходе социалистической революции незавершенных задач буржуазно-демократической революции затянuloсь в Таджикистане на больший срок, чем в СССР (см. стр. 24 и особенно 65). Иногда, однако, такие обобщенные характеристики своеобразия исторического развития Таджикистана опускаются или даются недостаточно четко. Так, например, на стр. 213 говорится, что в 1933 г. «в республике началась работа по постепенному переводу ТОЗов на Устав сельскохозяйственной артели». Между тем ниже (на стр. 239) излагается постановление ЦК ВКП(б) (декабрь 1933), в котором осуждается форсирование перевода ТОЗов на устав сельскохозяйственной артели. Следовательно, при изложении событий 1933 г. нельзя было ограничиться лишь беспристрастным сообщением о переводе ТОЗов на устав артели, не указав, что в условиях Таджикистана это часто было перегибом, т. е. нужно было в данном случае отметить особенности колхозного строительства в республике.

Говоря о борьбе таджикского народа за ликвидацию фактического экономического и культурного неравенства республики, ее отсталости, авторы «Очерка» не показывают конкретно, как именно в годы третьей пятилетки завершалась ликвидация этого отставания, как Таджикистан достиг в основном общесоюзного уровня развития. Между тем без развернутой характеристики такого переломного этапа в истории народа обобщается историческое обобщение замечательного опыта некапиталистического пути развития — от феодализма к социализму.

Большим достоинством «Очерка» является то, что его авторы рассказывают о многих активных борцах за победу социализма в Таджикистане; во всех главах называются имена героев гражданской и Отечественной войн, ударников, стахановцев, новаторов производства, деятелей науки, литературы, искусства. Заслуга авторов не только в том, что во многих случаях они восстановили историческую справедливость,

¹⁷ «Народное хозяйство Таджикской ССР. Статистический сборник». Сталинабад, 1957.

¹⁸ М. Иркаев, Ю. Николаев, Я. Шаранов. Очерк истории Советского Таджикистана (1917—1957 гг.) (ответственный редактор В. А. Козачковский). Сталинабад, 1957.

но и в том, что благодаря этому они сумели конкретно выдвинуть роль масс в истории, показать решающее значение партийного руководства и придать большую живость самому изложению событий. К сожалению, не обошлось здесь и без некоторых пропусков. Например, говорится об активном участии писателей в борьбе за победу над фашизмом в годы Великой Отечественной войны (стр. 370), но не приводятся имена писателей, погибших на фронте в борьбе за родину: Хабиба Юсуфи, Хакима Карима, Лутфулло Бузург-зода и др. Вовсе не упоминаются партийные работники, в том числе герои социалистического труда. Совершенно анонимной, к тому же и недостаточно развернутой и острой, оказалась в «Очерке» критика буржуазного национализма, который, как известно, имел вполне «конкретных посетителей», в том числе Максума и Ходжибева, деятельность которых была осуждена постановлением ЦК ВКП(б) в декабре 1933 г. и II съездом КП(б) Таджикистана в 1934 г.

В целом довольно живое, воспроизводящее картину важнейших событий изложение, в котором много внимания уделяется вопросам культуры, в некоторых главах, однако, особенно в V, VI, VIII и IX, порой сбивается на статистико-экономическое описание. Встречаются также пропуски, чрезмерная сжатость изложения. Так, при характеристике нарастания революционных настроений в Бухарском ханстве вряд ли можно опустить так называемые «мартовские события 1918 г.», когда была сделана попытка свергнуть эмира; слишком скупо описывается эпопея Вахшстроя, о размахе которой так красочно рассказывается, например, в повести Б. Ясонского «Человек меняет кожу»; не говорится о серьезных недостатках и провале хозяйственного плана республики в 1934 г.; мало выразительно рассказывается о борьбе за сев хлопков сужеными междуридьями, — прогрессивном методе, имевшем вкладом республики в развитие хлопководства Советского Союза.

Встречаются также отдельные неточности в формулировках: например, на стр. 196—197 говорится о создании бедняцко-батрацких групп в колхозах, между тем они создавались только в ТОЗах, а не при артелях.

Не удалось избежать опечаток и досадной непоследовательности в написании таджикских имен и названий (стр. 15: «Шури исламия» — либо нужно в обоих словах, следуя таджикскому и узбекскому произношению, сохранить «о», либо в обоих «а»; на стр. 75 — «Мазаре Мавляно» — по-таджикски должно быть «Мазори Мавлоно»; упоминаются названия «Союз кошек» и «Союз джунгларов», но не говорится, что это одно и то же — первое по-узбекски, второе по-таджикски; таджикские слова приводятся то таджикским алфавитом с диакритикой (Ч), то русским (дж) и т. д.). Все эти недостатки должны быть устранены при последующем издании.

«Очерк» снабжен краткой библиографией и довольно хорошо подобранными, но, к сожалению, полиграфически плохо исполненными иллюстрациями.

Из литературы, вышедшей в Сталинабаде в 1957 г. к 40-летию годовщины Октября, особого внимания заслуживают отдельные монографии.

Наиболее капитальным исследованием является работа академика АН Таджикской ССР, доктора юридических наук С. Ражабова «Таджикская ССР — суверенное советское государство». Создание и развитие Таджикской ССР рассматривается в ней последовательно исторически: первые четыре главы посвящены победе Октября и свержению бухарского эмирата, созданию Таджикской АССР и ее преобразованию в союзную ССР. По содержанию в этих главах материалу и выводам они представляют наибольший интерес для историков. Центральными главами книги являются пятая — «Государственный строй Таджикской Советской Социалистической Республики» и заключительная, шестая — «Советский Таджикистан — маяк социализма на Востоке». В них дается развернутый, аргументированный анализ социальной природы Таджикской ССР, ее правовых основ как равноправного, суверенного советского государства в составе Союза ССР и подчеркивается международное значение создания и роста таджикской советской государственности.

Монографии Т. Каримова «Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Северном Таджикистане (апрель 1917.—1918 гг.)» и А. Макашова «Утверждение Советской власти в Центральном и Южном Таджикистане» посвящены первым

этапам истории советского Таджикистана. Обе работы содержат богатый документальный материал и предпосылают изложению хода борьбы за Советскую власть характеристику социально-экономических отношений до Октября.

В работе Т. Каримова систематически излагаются и анализируются революционные события, четко сформулированы обобщающие выводы, показана руководящая роль партии и заслуги отдельных революционеров-большевиков, в частности из среды коренного населения. Чрезвычайно ценным является показ первых шагов Советской власти в социально-экономическом преобразовании Северного Таджикистана, полемически направленный против неверных концепций тех историков, «которые отрицают факт национализации земли в 1917—1918 гг. в Туркестане и берут под сомнение социалистический характер аграрной политики большевистской партии здесь в первые годы Советской власти» (стр. 198)¹⁹.

В книге М. Иркаева и Ю. Николаева «В боях за Советский Таджикистан» собран интересный материал (в том числе полученный путем опроса) о гражданской войне в Таджикистане. Первоначально, в 1956 г. книга вышла по-таджикски. В русском издании она исправлена и дополнена. Авторы, как они пишут в предисловии, не претендуют на исчерпывающее исследование. Однако они проделали очень полезную работу, воскресив прежде всего имена активных участников борьбы за советизацию Таджикистана, в частности бывшей Восточной Бухары, и показав, как в огне этой борьбы закалялась подлинная дружба народов, одно из решающих условий победы.

К гораздо более позднему периоду переносит нас небольшое по объему исследование В. А. Козачковского «К истории проведения конституции СССР 1936 г. в Таджикистане» («Труды АН Таджикской ССР», т. LXXIV). В книге, написанной на основе архивных материалов и периодической печати, даны яркая характеристика важного этапа в развитии советского общества в Таджикистане и анализ изменений, происшедших в республике за 12 лет, с 1924 по 1936 г. Большой интерес представляют данные о поправках, внесенных трудящимися Таджикистана в проект Конституции (стр. 21), а также описание всенародного подъема во время первых выборов Верховного Совета Таджикской ССР в 1938 г.

В монографии М. Р. Шукурова «Культурная революция в Таджикистане. Очерки», вышедшей на таджикском языке, на основе большого фактического материала дается разносторонняя характеристика культурного роста республики.

Представление о работе таджикского комсомола на всех этапах борьбы за социализм можно получить из вышедшей на таджикском языке книги трех авторов, в прошлом руководивших работниками комсомола — А. Турсунова, К. Лагунова, Ю. Исламова «Материалы к истории комсомола Таджикистана» (гл. 1. Период борьбы за утверждение Советской власти в Таджикистане; гл. 2. Период довоенных пятилеток; гл. 3. Годы Великой Отечественной войны и гл. 4. Послевоенный период, 1945—1956).

Недостатком многих вышедших книг является отсутствие в них библиографии; ни в одной из них нет предметных и именных указателей. Хорошо бы в следующих изданиях снабжать исторические монографии библиографией, хронологическими таблицами и указателями.

В сборнике «Очерки по истории Таджикистана» (т. 1), изданном Сталинабадским государственным педагогическим институтом, опубликовано шесть статей по истории советского периода, представляющих главы из диссертаций, как бы дополняющих указанный выше том «Ученых записок» Государственного педагогического института (выпущенный к 25-летию республики). В составе «Трудов АН Таджикской ССР» (т. LXXX) вышел специальный «Сборник статей, посвященных 40-летию Великого Октяб-

¹⁹ См. статью того же автора: «Октябрьская революция и аграрный вопрос в Северных районах Таджикистана» («Ученые записки Таджикского государственного университета», т. V, вып. II, 1955); ср. «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Ходжентском уезде (1917—1920)». Сборник документов. Составители Г. Х. Хайдаров и др. Ленинабад, 1957.

ря», включающий статьи сотрудников Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР (А. Набиева, И. Обидова, С. А. Стеценко, Б. А. Антоненко).

Большую роль в деле изучения истории таджикского народа сыграли проведенное в Алма-Ата совещание по истории советского периода в Средней Азии и Казахстане²⁰, а также публикация некоторых документов и работ по истории Октябрьской революции в Узбекистане, с историей которого тесно связано развитие Таджикской ССР, особенно в советское время. Прежде всего следует назвать книги: «В. И. Ленин о Средней Азии и Узбекистане» (Ташкент, 1957) и сборник документов «Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане» (Ташкент, 1947).

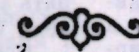
В заключение можно констатировать, что в республике сложился довольно большой и деятельный коллектив, занимающийся изучением истории советского общества в Таджикистане.

Хотя публикация архивных материалов и документов, разработка статистических данных оставляют желать много большего, чем сделано до настоящего времени, однако нужно признать, что в основном уже осуществлены систематизация фактического материала, разработка периодизации, установление единой трактовки некоторых важнейших исторических вех и событий. Кроме задачи глубокого, монографического исследования отдельных этапов советского общества в Таджикистане, со всей остротой встает и другая задача — теоретически осмыслить и обобщить замечательный опыт некапиталистического пути развития к социализму, ибо в этом смысле история Таджикистана бесспорно является классическим образцом.

Формулируя свое положение о возможности некапиталистического пути развития, В. И. Ленин ссылался тогда лишь на трехлетний опыт коммунистов Туркестана²¹. Накопившийся сейчас многолетний опыт блестящего претворения в жизнь ленинского предвидения накладывает на историков Средней Азии, в частности Таджикистана, обязанность выявить те своеобразные переходные формы, а также методы руководства, которые выработала коммунистическая партия в борьбе за социализм в стране, где преобладали докапиталистические отношения и пережитки. Задача историков — показать трудности и недостатки, проанализировать формы сопротивления враждебных социализму элементов, оппортунистов, ревизионистов, буржуазных националистов, преодолевая которые коммунистическая партия сумела привести народные массы к победе, — с тем чтобы сделать этот опыт, его положительные результаты достоянием борьбы народов за победу социализма во всем мире.

SUMMARY

The article contains a survey of the literature on the history of the Tajik people in the Soviet period published during the forty years that followed the Revolution of 1917; it includes also original sources and materials published in the years immediately after the Revolution. Annotating monographs written in connection with its 40th anniversary the author emphasizes that there is a fairly large and active group of scientists in Tajikistan studying the history of Soviet Tajikistan, and that they are confronted with the task of summing up the remarkable experience of the non-capitalist course of development of the Tajik people to socialism.

²⁰ См. «Материалы для обсуждения на научной сессии по истории народов Средней Азии и Казахстана в эпоху социализма». Алма-Ата, 1957; из «Материалов» вышла отдельным изданием брошюра А. М. Богоутдинова «К вопросу о консолидации таджикской нации». Сталинабад, 1957.

²¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 217—219.

«Всемирная история» в десяти томах, т. III. М., Госполитиздат, 1957, 896 стр.

III том излагает события огромной исторической эпохи с III по XV в. В настоящей рецензии рассматриваются главы, посвященные периоду феодализма на Востоке. Эти главы подводят итог многолетней работы советских востоковедов, включают много нового, ценного материала и правильно отражают достижения, и одновременно состояние советской историографии. Авторы рецензируемых глав показали развитие человечества как единый процесс и вскрыли характерные черты в развитии каждого народа Востока. Из колоссального по своим размерам материала они отобрали главное, характерное и типичное. Почти по всем странам Востока сжато и вместе с тем достаточно полно изложены важнейшие исторические события и отмечены специфические особенности развития этих стран. Некоторые авторы отмечают неразработанность или дискуссионность отдельных проблем и объективно излагают противоположные их взгляды точки зрения (например, о времени зарождения феодальных отношений у арабов, социальной основе первоначального общества, времени окончательного утверждения феодальных отношений в Китае и др.).

Принятая авторами периодизация соответствует общим законам исторического развития человечества и учитывает специфику в развитии тех или иных народов Востока. Историю феодального общества авторы подразделяют на три основных периода: раннего, развитого и позднего феодализма, каждый из которых характеризуется своими социально-экономическими, политическими, идеологическими и культурными чертами. В III томе «Всемирной истории» рассматриваются два первых периода: ранний феодализм и развитый феодализм. Период между III и VII вв. характеризуется как начало феодальной эпохи во всемирно-историческом масштабе, отмечается, что переход к феодализму в различных странах Азии и Европы совершался не одновременно. Раньше, чем

в других странах, феодальные отношения возникли и стали развиваться в Китае. Именно поэтому изложение начинается с истории Китая.

В I части дается описание всех важнейших событий и характерных черт раннего китайского феодализма, истории Тибетского царства, Лишань (Чампа), Вьетнама, королевства Кхмер и других государств полуострова Индокитай, почти не освещавшаяся в нашей литературе, и Индии. Во II части рассматриваются история Ирака, арабские завоевания и арабский халифат, история Средней Азии, стран Закавказья в период перехода от рабовладельческого строя к феодализму (V — середина IX в.). История стран Востока в период развитого феодализма (VIII—XIII вв.) освещена в III части. В ней авторы показали то новое в области социально-экономических отношений, политики, культуры, идеологии, что отличает развитое феодальное общество от раннефеодального в истории каждого из народов Востока. В IV части изложена история образования монгольской державы и борьбы народов против ее владычества, а также история возникновения централизованных феодальных государств в Азии (XIII—XV вв.). На большом конкретном материале показана огромная роль народных масс в борьбе с монгольскими завоевателями. В V части Востоку отведены две небольшие главы, посвященные истории феодального общества в Турции и арабских странах.

Такова периодизация III тома «Всемирной истории». В целом ее следует признать удачной и приемлемой для подавляющего большинства стран Востока.

Основу феодального способа производства представляет собственность феодалов на землю. Поэтому в каждой из рецензируемых глав рассказывается о формах феодальной земельной собственности и феодальной ренте, характерных для отдельных стран Востока в определенный период. Вместе с тем подчеркивается, что в процессе своего развития феодальная земель-

ная собственность и на Востоке и на Западе проходила одни и те же этапы. Так, бенефиций, а затем феодал (лон) на Западе аналогичны икте и сююргалу на Ближнем Востоке; аллоду в Западной Европе соответствуют мулык в странах арабского халифата, чжуан-тинь в Китае, сээн — в Японии и т. д.

В большинстве глав, посвященных Востоку, дается характеристика производительных сил общества, развития техники, состояния сельского хозяйства, его ведущих культур. Ярко обрисован феодальный город, торговля, ремесло, цеховые организации ремесленников. Народы показаны как подлинны творцы истории и создатели всех материальных и духовных ценностей. В большей части глав хорошо показана классовая борьба народных масс против своих угнетателей, принимавшая форму народных вооруженных восстаний или еретических движений. Значительное внимание уделено идеологии движений, социальным программам, внутренним противоречиям среди восставших. Однако не все народные движения освещены одинаково полно, о некоторых из них говорится слишком бегло, истории других вовсе опущена. Каждая из рассматриваемых глав заканчивается разделом, посвященным истории материальной и духовной культуры, — это большое достижение авторского коллектива. Более или менее подробно охарактеризовано состояние архитектуры и искусства, философии, науки, литературы, поэзии. Авторам удалось показать, какой вклад сделали народы Востока в развитие мировой культуры.

В целом главы, посвященные Востоку, бесспорно заслуживают высокой оценки. Рассмотрим достоинства и недостатки отдельных глав.

Истории Китая посвящены главы I, XVII, частично XXXV (разделы, в которых рассказывается о монгольских завоеваниях в Китае) и XXXVI (первый раздел). Главное достоинство этих глав в том, что ведущее место в них занимает социально-экономическая проблематика и прежде всего анализ эволюции различных форм феодального землевладения и феодальной эксплуатации крестьян в Китае. Одним из наиболее удачных является раздел о монгольских завоеваниях в Китае. Особенно подробно описана борьба китайского народа против завоевателей.

В XVII главе изложение отдельных аспектов сложной и богатой событиями истории Китая VIII—XVII вв. несколько схематично и конспективно. Так, например, развитию ремесла и торговли в позднепетанский период отведено только 11 строк (стр. 280). Недостаточно полно описан процесс роста крупнопоместного землевладения — главная черта аграрного строя Сунской империи. Политическая история Китая X—XII вв. и истории народных дви-

жений этих столетий изложена слишком кратко, а иногда — бегло. Не названы даже важнейшие крестьянские выступления — восстания под руководством Ван Сюэбо и Ли Шуя (993—995), Фан Ла (1120—1122), Сун Цзяна (1120—1122), Чжуи Сяна и Ян Яо (1130—1135), Фань Жун-вэя и Фань Чжуня (1130—1133). Неполно, односторонне объясняются причины, вызвавшие появление известных реформ Ван Ань-ши (стр. 286). Следовало подчеркнуть, что главной из них было обострение классовой борьбы крестьянства и противоречий внутри господствующего класса, а не опасность, которая грозила экономической и военной мощи государства со стороны киданей и тангутов. Самые мероприятия, предложенные и частично осуществленные Ван Ань-ши, описаны недостаточно полно. Автору не удалось показать картину широкой освободительной борьбы китайского народа против чжурчжэньского инашествия. Не упомянуты знаменитые крестьянские армии «Восьми слов» (Ба цзы цзюнь), «Красных повязок» (Хун цзюнь цзюнь), решительно борознившиеся с захватчиками.

Излагая концепцию некоторых исследователей истории Китая о зарождении в Сунском Китае условий, открывших возможность развития в дальнейшем элементов капитализма (стр. 285), автор не выражает своего отношения к этой точке зрения. Не проанализированы факты разделения труда на крупных предприятиях, о чем сообщается в некоторых источниках¹. Не ясно, какой характер и формы имели отношения найма в этих мастерских. По нашему мнению, автору следовало отметить, что разделение труда на крупных предприятиях и применение найма рабочей силы имело место только в тех районах Китая, где происходило особенно интенсивное развитие товарно-денежных отношений. Наконец, автор не проследил развития этих явлений на юге страны в южносунский период (прогресс хозяйства в этот период вообще не рассматривается) и не показал, какое влияние на них оказали вначале чжурчжэньское, а затем монгольское инашествия.

Не совсем верно трактуется вопрос о «хозяйских дворах» и «гостевых дворах» в Сунском государстве (стр. 285). Следует иметь в виду, что принятое официальной традицией деление на две категории хозяйств было чисто формальным и не отражало подлинной феодальной сущности землевладения. «Хозяйские дворы» (чжу ху или шуй ху) включали как владения

¹ См., например, *Мэн Юань-лао*. Воспоминания о Восточной столице; *У Цзы-му*. Мемуары; *Чжоу Ми*. События минувших лет в Улине. — В книге *Мэн Юань-лао* и др. «Воспоминания о Восточной столице» и четыре других произведений. Шанхай. Шанхай гудинь ваньсюе чубаньшэ, 1956.

помещиков (шан ху — «высшие дворы» и чжун ху — «средние дворы»), различившиеся (подчас весьма значительно) по количеству земли, так и владения крестьян (ся ху — «низшие дворы») — собственников карликовых участков полей, а также безземельных. Эту несправедливость социального состава, скрытую в категории так называемых «крестьянских дворов», автор не показал.

Одним из достоинств рецензируемых глав является обстоятельный обзор состояния союзов племен кочевников: гуинов, тюрков, тибето-тангутов, сяньбийцев и жуэней (стр. 27—30, 35—37). Однако процесс разложения общинно-родового строя, образования классов и возникновения государства у киданей и чжурчженей не проследжен. О социальной эволюции киданей сказано вскользь, буквально на одной строчке (стр. 284), о чжурчжэнях в этом отношении вовсе ничего не сказано. Между тем кидани и чжурчжэни сыграли заметную роль в истории Китая, да и не только Китая. Как кидани, так и чжурчжэни под влиянием более развитого в социально-экономическом отношении Китая совершили переход к феодализму непосредственно от первобытно-общинного строя, минуя рабовладельческую формацию, и характеристика этого перехода представляет определенный интерес.

Развитие идеологии и культуры китайского народа автор рассматривает в связи с изменениями социально-экономических условий жизни страны. Однако в освещающих эти вопросы кратких разделах главы имеются отдельные недостатки. Так, характеристику творчества Ду Фу (стр. 42), на наш взгляд, следовало скорее отнести в XVII главу. Мотивы его поэзии, о которых идет речь в I главе, — раздумья о судьбах своей родины, раздираемой междоусобицей (мятежом Ань Лу-шаня и Ши Сы-мина, 755—763 гг.), связаны, по существу, с содержанием XVII главы. Эти мотивы сближают Ду Фу больше с Бо Цзюй-и, чем с Ван Вэем и Ли Бо.

Имеются в рассматриваемых главах и погрешности фактического характера. Так, начало восстания Хуан Чао обычно принято датировать не 875 г. (стр. 282—283), а 874 г. — временем первого выступления Ван Сянь-чжи; начало ксилографии было положено в Китае не в VII в., как утверждается на стр. 39 и 288, а в конце VI в. Несколько небрежно составлен список основной литературы и источников (стр. 833—834). Так, романы «Троецарствие» (повествующий об историческом периоде III в. н. э.) и «Речные заводи» (рассказывающий о крестьянском восстании 1120—1122 гг.) включены в перечень источников к главе XXXVI, раздел I — «Борьба китайского народа за освобождение от гнета монгольских ханов».

В целом, несмотря на указанные недостатки, автору удалось дать подлинно научное

освещение всех важнейших событий, а также характерных для раннего и развитого китайского феодализма черт. Главы III тома, посвященные Китаю, представляют собой большой вклад в нашу научную литературу об историческом прошлом великого китайского народа.

Разделы II, XVIII и XXXV глав, освещающие историю Тибета, дают представление об основных событиях на его территории в эпоху средневековья. Однако история Тибетского царства и социально-экономические вопросы изложены в этих разделах очень кратко. По нашему мнению, — это результат того, что не использованы в достаточной мере имеющиеся у нас возможности более широкого ознакомления с источниками (прежде всего китайскими) и литературой (например, книги Хун Ди-чэня «Общий очерк истории и географии Тибета», Хуан Фэн-шэна «Тибет» и др.). Необходимо было также отметить, что среди историков существуют различные взгляды на вопрос о периодизации истории Тибета.

Совершенно недостаточно освещены история и социально-экономическое развитие стран полуострова Индокитай. Сведения об их общественном строе, содержащиеся в источниках и литературе, которыми пользовался автор, крайне скудны. Поэтому следовало привлечь более широкий круг письменных памятников и исследований современных ученых. Так, для характеристики развития феодализма в Индокитае необходимо использовать прежде всего работы современных вьетнамских историков Минь Чаия и Дао Зюй Аня. В разделах об Индокитае встречаются некоторые ошибки. Государство Линь (Чампа) образовалось не в 192 г. (стр. 45), а, как считают вьетнамские историки, в 137 г., когда чамы во главе с Кху Льемом подняли восстание против местных китайских властей, разбили ханские войска и провозгласили свою независимость. Вьетнамцы завоевали политическую самостоятельность не в 950 (стр. 295), а в 939 г. в результате восстания, которым руководил Нго Куиен. Нго Куиен (умер в 949 г.) и был основателем первой национальной династии Нго.

Несколько односторонне трактуются причины наступления Вьетнама на Чампу (стр. 552). Мы считаем, что оно представляло одну из попыток господствующего класса разрешить земельный кризис.

Раздел, посвященный истории Японии, написан очень обстоятельно, на основании изучения первоисточников и новейшей японской исторической литературы. Достоинством раздела является то, что в нем освещены борьба крестьянства и городской бедноты, особенно в XV в., а также культура Японии. Однако некоторые вопросы требуют, на наш взгляд, дополнительного изучения и уточнения. Едва ли можно согласиться с трактовкой периода

III—VIII вв. как периода возникновения и развития феодализма в Японии (стр. 52), а также с положениями автора, что «формирование раннефеодального государства в Японии следует отнести ко второй половине IV в.» (стр. 52), что «феодальные отношения стали господствующими (?) в Японии во второй половине VII в.» (стр. 54), что «переворот Тайка» привел к утверждению феодального способа производства как господствующего (стр. 54).

По нашему мнению, III—VII вв. являются периодом разложения первобытно-общинных отношений, и лишь с середины VII в. начинается период раннего средневековья. Концом эпохи раннего средневековья мы считаем XII в., когда развивается частновладельческое поместье («сээн»). Процесс превращения феодальных отношений в господствующие был, следовательно, сравнительно длительным и не закончился во второй половине VII в.

Автор правильно отмечает, что «Япония не стала рабовладельческим государством; ее развитие пошло по пути феодализма» (стр. 54). Впервые в советской исторической литературе раскрыты внутренние и внешние причины, препятствовавшие превращению Японии в рабовладельческое государство. Следовало, однако, больше подчеркнуть, что в процессе разложения первобытно-общинных отношений возник рабовладельческий уклад, который не развивался в рабовладельческую формацию. Автор утверждает, что труд рабов больше всего применялся на строительстве (стр. 55). Необоснованность такого утверждения, по нашему мнению, вытекает хотя бы из сопоставления объема строительных работ и малочисленности рабов. Фактически на строительстве дворцов и храмов работали крестьяне, привлекавшиеся государством в порядке трудовой повинности, рабы же выполняли главным образом роль домашних слуг. Следовало бы говорить не только о пережитках рабовладельческих отношений после «переворота Тайка» (стр. 55), но и отношений первобытно-общинных.

Думается, что главу XIX (стр. 302) более правильно было бы назвать не «Развитие феодализма в Японии (VIII—XII вв.)», а «Япония в период раннего средневековья (VII—XII вв.)», который охватывает время от реформ Тайка 645—646 гг. до образования первого сёгуната феодального дома Минамото (1192 г.). Выдвинутое в настоящей главе положение, что «к середине X в. новая форма феодальной собственности (имеется в виду частновладельческое поместье „сээн“ — Д. Г.) в Японии полностью утвердилось» (стр. 304), противоречит тому, что написано в III главе о господствующем характере феодального способа производства уже во второй половине VII в.

Недостаточно, на наш взгляд, освещена первая крупная феодальная междоусобица домов Тайра и Минамото (стр. 305). Не-

обходимо было выяснить существо периода XIII—XV вв. Время второго сёгуната Асинага (XIII—XVI вв.) следовало бы определить как второй период японского средневековья, одной из характерных черт которого, как справедливо указывается на стр. 544 и 545, является феодальная раздробленность. Вряд ли в разделе, озаглавленном «Возникновение централизованных феодальных государств в Азии» (ч. IV, стр. 511), можно говорить о Японии. Как известно, такое государство было создано в Японии в начале XVII в. в результате победы феодального дома Токугава, сумевшего прекратить феодальные междоусобицы и создать централизованное государство третьего сёгуната.

В разделах «Культура Японии» (III—VIII вв. и VIII—XII вв.) слишком мало места отведено характеристике японского искусства.

Новый вклад в науку представляют главы III тома, посвященные истории Индии с IV до XV в., являющиеся результатом длительного плодотворного труда автора.

Важнейшим достоинством IV главы «Падение рабовладельческого строя и возникновение феодальных отношений в Индии» (IV—VI вв.) является то, что в ней уделено серьезное внимание социально-экономическому развитию Индии этого периода, показаны развитие феодальных форм собственности и эксплуатации, изменения внутри индийской сельской общины, рост имущественного и социального неравенства в последней. В главах XX и XXXVI автор прослеживает дальнейшую эволюцию феодальных отношений и форм землевладения.

Становление феодальных отношений показано как закономерный процесс, исторически прогрессивная ступень в развитии индийского общества.

Необходимо отметить конкретно-исторический подход автора к анализу и оценке такого сложного социально-экономического института, как каста. Отмечая, что в своем дальнейшем развитии каста превратилась в оплот рутины в области производства, автор одновременно подчеркивает, что вначале в рассматриваемый период она играла положительную роль в развитии экономики (стр. 312).

Слабо освещены народные движения. Это объясняется главным образом отсутствием источников и монографических исследований по этому вопросу. Тем не менее даже на основе имеющихся скудных данных можно было дать более полное представление о народных движениях. Так, например, известно, что в период правления Гийас-ад-дина Балбана (1265—1287) происходили крупные восстания в районе Дели, в Рохилтаханде и Дообе. В конце 70-х годов XIII в. восстание в Бенгалии приняло такие размеры, что Балбан собрал двухсоттысячную армию и лично возглавил поход против восставших. Крупные восстания происходили в различных

частях страны также в XIV в. По свидетельству одной из хроник времени Мухаммеда Туглака (1325—1351), «народ восставал повсюду». Очень мало сказано о развитии еретических движений в XIV—XV вв. К сожалению, автор не раскрыл содержания некоторых учений, в частности сикхизма, и не показал их значения в общественной жизни Индии.

В главах об Индии уделено должное внимание вопросам науки, культуры и искусства средневековой Индии. Однако мало приведено данных о торговых и культурных связях народов Индии и нашей родины. Между тем письменные источники и памятники материальной культуры, мемуарная литература свидетельствуют о наличии этих связей уже в то время.

В хронологии по истории Индии излишнее внимание уделено вторжениям иноземных завоевателей.

Новая ступень, достигнутая автором в изучении индийского средневековья, должна явиться отправным моментом для дальнейшей работы индологов. Важнейшей задачей состоит в том, чтобы привлечь для исследования как можно больше индийских источников, полнее осветить историю всех народов страны, уделять больше внимания истории народных движений.

Впервые в марксистской историографии сделана попытка изложить средневековую историю Бирмы (гл. XVIII, § 2, стр. 296—297, гл. XXXVI, § 4, стр. 552). К сожалению, ей отведено менее двух страниц. Это, конечно, объясняется отсутствием монографий и даже статей на эту тему, а также недостаточностью источников, в том числе богатейших бирманских хроник «Маха яза-вин». Все же нынешний уровень разработки истории Бирмы, особенно начиная с XI в. н. э., дает возможность осветить этот период более подробно.

Палагая историю арабских стран при характеристике социально-экономических отношений в Аравии до ислама, авторы не учли факты, свидетельствующие о зарождении раннефеодальных отношений. Как свидетельствует доисламский эпос «Айям аль-араб», отдельные знатные влиятельные люди племен (например, Кулейб) захватывали земли, называя их своим «хима» (займище) и если кто-либо пытался на них посягнуть, пускали в ход оружие. Термин «хима» появился задолго до ислама, а не при Омейядах, как утверждается на стр. 113—114. Известно также, что в Йемене в VI в. происходило подчинение свободных общинников знатным землевладельцам-кайлям.

Следует мусульманской традиции, авторы говорят только об одном походе эфиопов на север Аравии, потерпевших там полную неудачу. На основе вновь открытых южноарабских надписей установлено, что йеменские правители эфиопского происхождения предпринимали несколько

походов на север Аравии и добивались, как в 547 г., частичных успехов.

Великого оснований лишено утверждение, что только с VII в. у арабов начал формироваться единый арабский язык (стр. 108). Блестящий расцвет древнебедуинской поэзии в доисламский период свидетельствует о том, что база для возникновения единого языка северных арабов (т. е. литературного арабского языка) существовала уже в VI в., что признают и сами авторы (стр. 123).

Феодальная рента в Иерусалимском королевстве далеко не везде достигала $\frac{1}{2}$ урожая, как сказано на стр. 333. Известны ставки в $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{3}$ урожая. Более того, как писал в своей книге «Рихла» Ибн-Джубайр, в Иерусалимском королевстве положение крестьян-мусульман, даже отдававших половину урожая, все же было лучше, чем положение их братьев в соседних мусульманских странах².

Ничего не сказали авторы о восстаниях в Египте в 1302 и 1412 гг. Особенный интерес представляет восстание 1412 г., так как оно сопровождалось поштатной ликвидацией политической власти мамлюков, заменив ее властью абасидского халифа. Ничего не узнает читатель и об истории Магриба в XIII—XV вв., в частности о периоде расцвета Хафсидского султаната в Тунисе в XIV в. Учение Ибн-Халдуна изложено слишком кратко и неверно. Повторяется распространное неправильное мнение, что Ибн-Халдун придавал решающее значение географической среде. На самом деле, главную роль в истории Ибн-Халдун отводил развитию орудий производства.

В главах по истории арабских стран есть много неточностей и ошибок. Последним эйюбидским султаном был не Салх, а Туран-шах. Саладин назван «сирийским курдом» (стр. 508), но он родился в г. Текрите и, следовательно, был иракским курдом. Восстание берберских племен в Магрибе, начавшееся в Северной Африке и перекинувшееся в Испанию, вспыхнуло не в 743 г. (стр. 205), а в 734 г., в 742 г. оно было подавлено. Установление власти Омейядов в Испании датируется на стр. 205 756 г., на стр. 506—755 г. Правильно же, как известно, первое, решающая битва, поставившая Абдарахмана у власти, произошла 14 мая 756 г. Авторы пишут, что к Египту «были присоединены Ливия и Барка» (стр. 728). Во-первых, термин «Ливия» в XIII в. не употреблялся. Во-вторых, Ливия включает в себя и Барку и Триполитанию, а под властью мамлюков находилась (да и то формально) только Барка, восточная часть Ливии. На стр. 120 утверждается, что, по сообщению ат-Табари, «только в одном округе Нижней Месопотамии на казенных землях работало до 15 тыс. рабов». На самом

² *Ibn Jubayr. Kitab ar-Rihlah*, GGM, V, Leyden, 1907, p. 237—302.

же деле ат-Табари сообщает, что близ города Серуджа на соляных рудниках работало до 50 тыс. рабов³.

За последнее десятилетие истории Ирана, Средней Азии и стран Закавказья в период феодализма было посвящено много ценных исследований советских ученых. Это дало возможность авторам VI, VII, XXXIII, XXXIV, XXXVII глав скатать, но вместе с тем всесторонне охарактеризовать экономическое состояние, политическую историю и культуру этих народов в V—XV вв.

Много внимания уделено социально-экономическим вопросам, показано развитие феодальной земельной собственности, состояние производительных сил, положение народных масс. Тщательно оговорены и проанализированы важнейшие факты политической истории. Значительное место отведено изложению народных восстаний. Необходимо особо отметить как положительный факт включение в § 2 XXXVII главы подробного изложения восстания сербларов, происшедшего в Иране во второй половине XIV в. К сожалению, далеко не все народные движения изложены столь подробно.

Рецензируемые главы, однако, не лишены недостатков. В § 1 гл. XXXIV раздел «Государство Буидов» изложен так, что создается представление о существовании в то время единого государства; на самом деле в этом столетии Ирак и Западный Иран были раздроблены на мелкие независимые владения, принадлежавшие враждовавшим между собой представителям династии Буидов. В разделе совершенно не объяснена религиозная политика Буидов.

В § 2 гл. XXXIV следовало рассказать о знаменитом везире Великих Сельджуков — Низам-аль-Мульке, значительная роль которого в политической и культурной жизни Ирана и Средней Азии второй половины XI в. давно исследована и оценена. В разделе, посвященном культуре, даже не упомянут труд Низам-аль-Мульки — «Сиясет-наме», являющийся первоисточником для этой эпохи. В § 2 гл. XXXVII не указано, что одним из самых тяжелых последствий монгольского завоевания в Иране было восстановление рабовладения как уклада и в сельском хозяйстве и в ремесле. Хорошо известны огромные земельные владения знаменитого историка Рашид-ад-дина, которые обрабатывали не только крестьяне-издольщики, но и рабы-пленники. Существование карханэ (рабочие дома), в которых были сосредоточены ремесленники-пленники, изготовлявшие вооружение, характерно для всей второй половины XIII в.

Следует поставить в упрек авторам и то, что, например, совершенно не разработанный вопрос о характере социальной борьбы

бы в городах Ирана в XI — начале XIII в. изложен с излишней категоричностью (§ 2 гл. XXXIV).

Малой Азии посвящены § 3 гл. XXXIV и гл. XLVII. В них много внимания уделено политической истории и народным движениям и слишком мало положению народных масс и характеристике экономики, что свидетельствует о недостаточной разработанности советской исторической наукой вопросов социально-экономической истории Малой Азии XI—XV вв. В § 3 XXXIV главы не освещено положение родовых кочевников-сельджуков, без чего остается непонятным их участие в восстании, руководимом Баба Пешаком. Не отмечено, что в этом движении, кроме требования тираноубийства, звучали призывы к установлению социальной справедливости и слышались отголоски учения Маздака.

Не совсем удачно изложено начало образования Османской державы. Создается впечатление, что завоевание Балканского полуострова и образование могущественной Османской державы осуществлялись силами только одного, небольшого по своим размерам, османского эмирата. Отсутствует характеристика городов, их развития и состояния ремесла в самой Малой Азии на протяжении XIV—XV вв.

Не всегда точно транскрипция личных имен и географических названий. В главе по Вьетнаму надо писать Чан, а не Трап, Хай-Зьен, а не Хай-Дуонг. На карте «Европа, Азия, Северо-Восточная Африка в середине V в.» вместо «Моха» указана «Мокка», на карте «Европа, Азия, Северо-Восточная Азия в конце XV в.» «Фенцан» вместо «Феззан», «Дхофар» (в Южной Аравии) вместо «Зофар». В этом явно сказалось некритическое следование западноевропейской транскрипции, отражающей английское и французское, а не действительное произношение.

Помещенная в конце тома рекомендательная библиография чрезвычайно скудна, а в отдельных случаях составлена небрежно. Не указаны большой коллективный труд «Краткая история Китая» (под ред. Фань Вэнь-лани), работы русских дореволюционных авторов П. П. Захарова и А. П. Иванова, из советских исследований не упомянута статья В. М. Штейна «Китай в X—XI вв.». В списке источников нет династийных хроник киданьского государства Ляо и чжурчженского государства Цзинь. «Старая история пяти династий» и «Новая история пяти династий», бедно представленная библиография по истории Тибета и Индокитая, по Бирме она вовсе отсутствует. «Всемирная история» найдется весьма широкий круг читателей в СССР и за рубежом. Более обширная библиография помогла бы читателю в разрешении возникших вопросов. Поэтому желательное десятилетнее издание «Всемирной истории» дополнить библиографическим приложе-

³ *At-Tabari. Annales quos scripsit...*, Serie III, t. III. Leyden, 1890, p. 1742—1751.

нием, содержащим максимально подробную библиографию ко всем десяти томам и по всем странам.

Редакция и издательство с большим вниманием отнеслись к оформлению III тома. В книге много хороших иллюстраций, среди которых некоторые публикуются впервые. Особый интерес представляют те из них, которые присланы из КНР специально для «Всемирной истории». Однако расположение их не всегда удачно. Некоторые иллюстрации (как цветные вклейки, так и внутритекстовые) находятся не на месте («Сад литературы», «Сельскохозяйственные работы» и др.). Крайне мало иллюстраций, отображающих быт и хо-

зяйство китайцев. Во избежание этого недочета следовало бы использовать, например, материалы из «Книги о земледелии» («Нун шу») Ван Чжэна (вторая половина XIII — начало XIV в.).

Разделы, посвященные Востоку в III томе «Всемирной истории», являются большим достижением советского востоковедения. Они послужат стимулом для дальнейшей разработки и исследований проблем феодализма на Востоке.

А. М. Голдобин, Д. И. Гольдберг,
Е. Я. Люстерник, Г. Я. Смолин,
Л. В. Строева

SUMMARY

The review deals with those chapters of the World History, volume III (published by the Academy of Sciences), which give an account of the development of feudalism in the East. After having made some critical remarks, the reviewers note that these chapters contain a great deal of valuable new material and that they give a correct idea of the achievements and present level of Soviet Medieval studies. The authors of the volume treat the development of mankind as an integral process and bring out the characteristic features in the development of each of the Eastern peoples.

«Народное восстание в Индии 1857—1859 гг.». Сборник статей к столетию восстания. М., Изд-во восточной лит-ры, 1957, 326 стр.

Институт востоковедения Академии наук СССР опубликовал сборник статей к столетней годовщине восстания 1857—1859 гг., потрясшего самые основы британской власти в Индии. В сборнике помещены также статьи историков других стран. Народное восстание 1857—1859 гг. получило в книге разностороннее освещение.

Сборник открывается статьей крупного советского индолога И. М. Рейснера «Маркс и Энгельс о предпосылках и характере восстания 1857—1859 гг.», содержащей глубокий анализ взглядов Маркса и Энгельса не только на восстание 1857—1859 гг., но и на многие основные проблемы истории Индии. И. М. Рейснер отметил, что «зарождение новых элементов общества», то есть отношений капиталистических или переходных к капитализму, Маркс рассматривает исключительно как следствие колониального завоевания Индии» (стр. 21), и изложил взгляды советских индологов по вопросу о времени возникновения в Индии капиталистических отношений. И. М. Рейснер предполагал, что зачатки капиталистических отношений появились в Ин-

дии задолго до английского завоевания, но он признавал этот вопрос еще недостаточно изученным и потому какие-либо категорические выводы преждевременными (стр. 21—22). Решение этой проблемы имеет непосредственное отношение к оценке восстания 1857—1859 гг. Как в XIX в., так и в настоящее время среди большинства английских и даже части индийских историков господствует представление, что целью восстания было восстановление феодальных порядков в Индии. На этом основании они считают восстание реакционным. Такому утверждению, по существу оправдывающему действия колонизаторов, И. М. Рейснер противопоставляет правильный тезис об объективно прогрессивном характере восстания (стр. 22).

Статья Э. Н. Комарова «Английская колониальная политика в Индии и ее социально-экономические последствия (конец XVIII — первая половина XIX в.)» посвящена предьстории восстания. Э. Н. Комаров считает, что зачатки мануфактурного производства возникли в Индии еще до английского завоевания. Конечно,

каждый автор вправе высказывать свою точку зрения, но желательно, чтобы в тех случаях, когда эта точка зрения противоречит высказываниям К. Маркса, автор аргументировал бы свои взгляды. Однако данное положение Э. Н. Комарова осталось недоказанным. По нашему мнению, оно является ошибочным.

Слишком упрощенно трактует Э. Н. Комаров и английскую политику в Индии в рассматриваемый им период, не показывая диалектически противоречивого развития страны. Историю Индии в конце XVIII — первой половине XIX в. Э. Н. Комаров делит на два периода, рубежом которых считает 30-е годы XIX в. В экономике Индии до 30-х годов он подчеркивает исключительно феодальные черты. По мнению Комарова, рост ренты в результате введения заминдари и раййтвари означал укрепление феодальной собственности на землю (стр. 36), что «препятствовало дальнейшему развитию товарного производства в индийской деревне» (стр. 41). Создается впечатление, что введение земельно-налоговых систем было объективно не прогрессивным явлением, как полагал Маркс, а шагом назад, к укреплению феодальных производственных отношений. Э. Н. Комаров пишет о существовавшем якобы до восстания 1857—1859 гг. союзе колониальной власти с феодальными верхами индийского общества (стр. 43—45), причем «вся система английской колониальной власти в Индии... поддерживала как экономически, так и политически (1 — К. А.) господство феодальных отношений в стране» (стр. 46). На этом основании Э. Н. Комаров делает вывод, что «социально-экономический строй Индии того времени следует рассматривать как колониально-феодальный» (там же). Автор, видимо, понимает этот строй как какую-то особую формацию, так как говорит о «зарождении капиталистических отношений в недрах колониально-феодального строя» (стр. 63).

Э. Н. Комаров подчеркивает, что разложение феодальных и зарождение капиталистических отношений началось после 30-х годов XIX в., ничем не объясняя этого якобы резкого перелома. Автор при этом сильно преувеличивает степень развития капиталистических отношений и разложения общины. Он пишет, что в Бенгалии «община окончательно разрушена еще на рубеже XVIII и XIX вв.» (стр. 82); о «разрушении общины» (стр. 78), разложении крестьянства (стр. 77) говорится также при описании положения в Северо-Западных провинциях. Получается, что в этих провинциях дело обстоит почти так же, как в Бенгалии. Между тем, в статье А. М. Осипова подчеркивается, что к середине XIX в. «в Хиндустано, как и в остальной Индии, крестьяне продолжали сохранять свой общинный уклад жизни» (стр. 98). Думается, что прав А. М. Осипов. Правильным является также по-

ложение Г. Г. Котовского, что английские колонизаторы «приспосабливали формы землевладения и землепользования, унаследованные от эпохи феодализма, к нуждам колониального порабощения и эксплуатации Индии» (стр. 280). Таким образом, представление Э. Н. Комарова о развитии Индии в рассматриваемый период отличается от представления других авторов статей, помещенных в сборнике.

А. М. Осипов в статье «Крестьянство Северо-Западных провинций накануне восстания 1857—1859 гг.» исследовал положение крестьян-раджпутов в Северо-Западных провинциях, бывших главным районом восстания. Описав раджпутскую общину, автор показал, что до англичан в ней уже было значительное имущественное неравенство. Однако в условиях натурального хозяйства, при наличии крепких еще родовых связей, по мнению А. М. Осипова, — это неравенство не приводило еще к социальным различиям. В результате английского завоевания, отмечает автор, начался процесс превращения общинников в простых товаропроизводителей (стр. 113). «Колониальные власти различными способами содействовали распаду прежних уз, связывавших общинников» (стр. 114). Однако все эти процессы еще далеко не закончились к середине XIX в., и потому еще не распавшись до конца связи внутри территориально-родовых союзов стали одной из важных причин того размаха, который приняло восстание в Хиндустане (стр. 120). Задавленные налогами или лишившиеся земель общинники, естественно, мечтали, пишет автор, «то доанглийском времени». А. М. Осипов пишет, что лозунгом общинников стало восстановление старых порядков. Фактически же все эти в прошлом наследственные владельцы земли стремились к превращению ее в свою полную собственность... «Если не считать Ауда, на всей остальной территории восстания общинники нигде не восстанавливали власти прежних феодалов» (стр. 119). Так А. М. Осипов подкрепляет высказанную в статье И. М. Рейснера мысль, что восстание имело объективно прогрессивный характер.

Статьей К. М. Ашрафа (Индия) «Представители мусульманского Возрождения и события 1857 г.» заканчивается исследование предпосылок восстания. Автор охарактеризовал идейных предшественников восстания — Валиуллу-шаха и правителя Майсора Типу Султана, описал крестьянское движение фаризитов в Бенгалии в начале XIX в. и деятельность ваххабитов в Бихаре и в Дели до восстания и во время него. К. М. Ашраф использовал ряд материалов, не доступных советским историкам. Прослеживая истоки как крестьянской, так и феодальной струи восстания, К. М. Ашраф написал очень интересную статью.

В статье Ю. В. Петченко «Основные очаги народного восстания в Индии (Дели,

Канпур, Ауд)» подробно описан ход восстания. Автор собрал большой материал и привел малоизвестные данные о разногласиях, имевших место в ходе восстания между феодальным руководством и народными массами. Однако Ю. В. Петченко преувеличивает глубину этих разногласий и степень организационной зрелости крестьянства и городских низов.

С. Н. Сен (Индия) написал статью о руководителе восстания — рани Джанси. В противовес существующей сейчас в Индии тенденции чрезмерно преувеличивать героизм и роль рани Джанси, С. Н. Сен показывает, что она долго хранила верность английским колонизаторам и примкнула к восставшим только в 1858 г., когда английская армия подступила к границам Джанси и рани вынуждена была сопротивляться. К сожалению, автор статьи не учел, что русскому читателю не известны воинские подвиги рани Джанси, когда она уже приняла решение связать свою судьбу с народным восстанием. Поэтому изложению ее роли в восстании он отводит только два небольших параграфа (стр. 213), между тем эта храбрая женщина-воин, несомненно, заслуживает более подробного описания ее воинских подвигов.

Р. С. Мазумдар (Индия) в небольшой статье напоминает о зверствах англичан после подавления ими восстания в Дели. Английские колонизаторы во всех книгах и, в частности, учебниках писали об убийствах англичан восставшими сипаями, но умалчивали о расправах, чинившихся английскими карателями, поэтому статья Р. С. Мазумдара весьма уместна.

Очень интересна статья Д. Брайна (Англия) «Эрнест Джонс о народном восстании в Индии в 1857—1859 гг.». Автор показал, что в защиту угнетенного индийского народа поднял свой голос выдающийся идеолог чартистов Эрнест Джонс. Он призывал английских трудящихся сочувствовать своим индийским братьям. «Их дело — ваше дело, — писал Джонс, — их успех — косвенно также и ваш успех» (стр. 224). Э. Джонс призывал «обуздать англичан, которые прибывают в Индию, чтобы нажиться за счет индийского народа» (стр. 228).

В статье Л. И. Юревич «Индийское народное восстание в оценке русских современников» дается общая оценка отношения к индийскому восстанию разных групп русского общества, излагается известная статья об Индии Добролюбова и приводятся отдельные высказывания Герцена.

Интересна статья китайских историков Юй Шэи-у и Чжан Чжэнь-куня «Взаимосвязь национально-освободительных движений в Китае и Индии в середине XIX века». Авторы правильно утверждают, что несмотря на отсутствие в то время прямой связи между индийским и китайским народами «эти народы все же объективно

помогали друг другу в происходивших почти одновременно войнах против общего врага» (стр. 243). Авторы приводят обнаруженные ими сведения о переходе индийских солдат, посланных в Китай, на сторону тайпинов (стр. 250—253). Дальнейшие исследования в этом удачно выбранном нашими китайскими друзьями направлении работы несомненно расширят наши представления о взаимосвязи освободительного движения в Индии и Китае.

Б. Бхаттачария (Индия) в статье «Восстание индиго* в Бенгалии в 1860—1861 гг.» доказал, что с подавлением восстания 1857—1859 гг. борьба индийского народа против английских колонизаторов не прекратилась, а приняла форму локальных крестьянских «бунтов». Автор подчеркивает, что между народным восстанием 1857—1859 гг. и «индиговым восстанием» в бенгальском президентстве в 1860—1861 гг. имеется прямая преемственная связь.

Социально-политическим последствием восстания 1857—1859 гг. посвящена статья Г. Г. Котовского «Аграрная политика английских колонизаторов в Индии в 60-е годы XIX века». Автор отмечает, что после восстания 1857—1859 гг. индийские князья и помещики получили от английских колонизаторов крупные податки. На первых порах колонизаторы несколько снизили также налогообложение крестьян в районах райятвари и отчасти улучшили положение небольшой группы последственных арендаторов в районах заминдари. Вместе с тем, пишет Г. Г. Котовский, колонизаторы сохраняли военно-политический контроль над князьями и помещиками и стремились ввести разнообразные формы помещичьего и крестьянского землевладения, чтобы затруднить возможность возникновения союза внутри различных социальных слоев населения Индии.

Автор статьи подробно описал особенности аграрной политики англичан в Бенгалии, Мадрасе, Бомбее, Северо-Западных провинциях и в Пенджабе и проанализировал сущность арендного законодательства, проведенного в первые десятилетия после восстания. Г. Г. Котовский правильно отмечает противоречивость английской аграрной политики в Индии (стр. 307). С одной стороны, развитие товарного земледелия способствовало усилению имущественной дифференциации среди крестьян и ускорило создание внутренних рыночных связей между отдельными районами страны, а также мобилизацию земельной собственности (стр. 287—306). Все это вело к тому, что «создавались предпосылки для разложения крестьянства и развития капиталистических производственных отношений» (стр. 308). С другой стороны, «выкачка сельскохозяйственного сырья из Индии суживала сырьевую базу для начавшей развиваться индийской промышленности»

(стр. 303) и тем самым задерживала развитие капитализма в Индии. Такое же действие оказывала и пауперизация крестьянства.

Г. Г. Котовский в основном правильно описывает колониальное развитие Индии. Однако в статье есть отдельные неточные формулировки. Ошибочным, по нашему мнению, является противопоставление феодальной собственности на землю — крестьянской. На самом деле речь должна идти о помещичьей и крестьянской собственности, так как хотя в заминдарской деревне господствовали феодальные и полуфеодальные отношения, собственность не была феодальной, поскольку не было такого признака феодальной земельной собственности, как множественность владельческих прав на землю.

Совершенно неразработанный в советской литературе вопрос поднял А. А. Горбовский в своей статье «Реформа 1861 года в индийской армии». Автор показывает, что после восстания 1857—1859 гг., в котором столь решающую роль играли сипайские войска, англичане приняли ряд мер для того, чтобы предотвратить возможность стовора и согласованности среди сипаев, пойдя даже на серьезное ухудшение боевых качеств сипайской армии. В основном эти меры заключались в противопоставлении национальностей и каст, вербуемых в армию, всему остальному населению Индии и противопоставлении различных национальностей и социально-религиозных групп

друг другу внутри самой армии» (стр. 323). Однако, несмотря на принимавшиеся английскими колонизаторами меры, индийская армия не стала послушным орудием в руках колонизаторов и внесла свой вклад в достижение Индией независимости в 1947 г.

Издана книга хорошо. Досадно лишь обилие опечаток. Так, при переводе статьи Б. Бхаттачарии «фактории» превратились в «фабрики» (стр. 265 и 269), а в статье Р. С. Мазумдара напечатано «вождь лохаров» (стр. 219), тогда как речь, видимо, идет о главе касты кузнецов. По воле типографии Равджит Синг правил сто лет (до 1899 г. вместо 1839 г.). Абдул Фазл превратился в Абдул Фазла (стр. 101). Вместо Хайр напечатано Кхейр (стр. 150), вместо Лиденхолл — Линдхолл (стр. 223), вместо Газиपुर — Гхазипур; Элджин вместо Элгин (стр. 244—246) и Типу-султан вместо Типу Султан, тогда как Султан—его имя, а не титул, он был падишахом (стр. 124—125 и 136—137). Странно, что в книге нет списка опечаток и исправлений.

Сборник знакомит читателей не только с народным восстанием 1857—1859 гг.; но и с более чем полувековым отрезком истории Индии. Институт востоковедения и Издательство восточной литературы выпустили в свет полезную книгу, серьезный научный труд по истории борьбы за свободу дружественного нам индийского народа.

К. А. Антонова

SUMMARY

The collection of articles in question is appraised very favourably by the reviewer who emphasizes that it acquaints the reader not only with the people's uprising of 1857—1859 but also with half a century of India's history. At the same time, K. A. Antonova makes some critical remarks, disputing certain statements occurring in several articles included in the collection.

М. С. ИВАНОВ. *Иранская революция 1905—1911 годов*. М., Изд-во ИМО, 1957, 559 стр.

Некоторые общие и частные вопросы иранской революции 1905—1911 гг. исследованы Г. Ильинским, Г. М. Петровым, Е. Бор-Раменским и Г. С. Арутюняном¹

¹ Г. Ильинский. *Иранская революция 1905—1911 гг.* Диссертация, 1940; Г. М. Петров. *Иранская революция 1906—1911 годов*. «Пробуждение Азии. 1905 год и революции на Востоке». Сб. статей, 1935, стр. 94—130; Е. Бор-Раменский.

и освещены в общих чертах в различных учебниках и сборниках.

Ряд ценных работ о революции 1905—1911 гг. в Иране опубликовал М. С. Ива-

К вопросу о роли большевиков Закавказья в иранской революции 1905—1911 годов. «Историк-марксист», 1940, № 11, стр. 89—99; Г. С. Арутюнян. *Иранская революция 1905—1911 гг. и большевики Закавказья*. Ереван, 1956.

нов². Однако монографии, посвященные иранской революции, до сих пор еще не было. Рецензируемая работа М. С. Иванова является первой советской монографией, посвященной событиям 1905—1911 г. в Иране, написанной в основном по материалам русских архивов и иранским источникам.

Автор привел новый и ценный фактический материал о крестьянском и рабочем движениях, дал ясную и четкую характеристику пяти периодов революции, определил расстановку классовых сил внутри каждого периода, характер революции, ее значение, движущие силы, причины поражения революционного движения, а также реакционную роль империалистических держав.

Одним из наиболее удачных разделов работы является десятая глава, в которой показана деятельность либералов после захвата ими власти. Большую ценность представляет впервые приведенный в книге новый материал по крестьянскому и рабочему движению. Интересна глава, посвященная Тебризскому восстанию 1908—1909 гг. В работе М. С. Иванова впервые дается обстоятельная характеристика программы правительства Сепехдара, второго моджлиса и демократической партии. Все эти вопросы до выхода рецензируемой книги были почти не исследованы.

Через все исследование М. С. Иванова красной нитью проходит разоблачение контрреволюционной роли английского империализма в период революции 1905—1911 гг. в Иране, что является большим достоинством работы. Крупная заслуга М. С. Иванова в том, что он с марксистско-ленинских позиций исследовал расстановку классовых сил на протяжении всего периода революционного движения и показал расстановку движущих сил революции.

В целом очень содержательное и интересное исследование М. С. Иванова имеет, однако, ряд ошибок, упущений и неточностей. Возражения вызывает прежде всего отношение автора к источникам и литературе вопроса. В историографической главе (гл. XV), дав хороший критический обзор английской, американской и персидской буржуазной литературы, убедительно разоблачив писания Броуна, Фрезера, Сайкса и Шустера, фальсифицирующих историю революционного движения в Иране, и указав на основные ошибки советских историков, автор не делает ни одного замечания в отношении материалов царских архивов, а также русской буржуазной прессы. В результате такого некритического подхода к материалам га-

зеты «Русские ведомости» М. Иванов пишет, что Саттар якобы долгое время жил и работал в Закавказье и пять лет трудился на бакинских промыслах (см. стр. 289—290). Между тем издававшаяся в самом Баку газета «Вестник Баку» категорически отрицала пребывание Саттара в этом городе. Автор почему-то оставляет без внимания это заявление местной газеты. Очевидцы таврических событий А. Кесрави и Виджуи в своих работах не упоминают на пребывание Саттара в Закавказье. В данном случае эти свидетельства очевидцев, как нам кажется, являются более авторитетным источником, чем «Русские ведомости».

М. С. Иванов пишет, что русская пресса «довольно внимательно следила за таврическим восстанием и подробно освещала события в Тавризе» (стр. 329). Однако он не дает классовой оценки этой прессе. В этой связи мы хотим напомнить высказывание В. И. Ленина в работе «События на Балканах и в Персии», где он подчеркивал, что «все усилия наших правительств, вся проповедь «больших» европейских газет сводится к тому..., чтобы сбить с толку общественное мнение, чтобы прикрыть лицемерными речами и дипломатическими фокус-покусом контрреволюционную коалицию так называемых цивилизованных наций Европы против наименее цивилизованных и наиболее рвущихся к демократизму наций Азии»³.

В этой работе В. И. Ленин, в частности, разоблачал газету «Новое время», которая извращала суть революционных событий в Тебризе⁴.

Автор широко использовал иранские работы по истории революции 1905—1911 гг., особенно трехтомное исследование А. Кесрави «История иранской конституции», а также работы Назим-эль-Ислам Кермани и Мохаммед Багир Виджуи. Между тем им почти не использована иранская пресса, которая очень богата фактическим материалом по истории революции 1905—1911 гг., — лишь дважды ссылается автор на иранские газеты (стр. 187 и 404) и в одном случае (стр. 538) отмечает значение газеты «Иране ну» для характеристики демократической партии. Справедливо указывал на необходимость критического подхода к использованию материалов иранской прессы, автор в то же время совершенно необоснованно квалифицирует почти всю иранскую прессу как рупор английской пропаганды. М. С. Иванов пишет, что «газета „Хабль-эль-Матин“ (и калькутское и тегеранское издания) была рупором английской пропаганды» (стр. 538). В отношении калькутского издания в период революции 1905—1911 гг. это утверждение неверно. Газета в этом

² См. М. С. Иванов. Очерк истории Ирана. М., 1952; его же. События первого иранского моджлиса и борьба за установление основного закона. Ученые записки Института востоковедения, т. VIII. М., 1953.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 199.

⁴ См. там же, стр. 203.

издании приводила много материалов, разоблачавших политику английского империализма в годы иранской революции 1905—1911 гг.

Небольшой раздел работы, посвященный прессе (стр. 155—157), написан на основании книги Броуна и Тарбията.

Этот обзор газетной прессы сделан менее основательно, чем у иранского историка Кесрави⁵.

Разоблачая контрреволюционную роль английского империализма в Иране, М. С. Иванов не сделал этого в отношении царской России. Правда, он отмечает, что царизм преследовал в Иране захватнические цели. Однако мы не встретим в работе высказываний, соответствующих высказываниям В. И. Ленина о контрреволюционной миссии царизма в Иране. Ленин указывал, что за карательными экспедициями, грабежами и избиениями революционеров в России «следуют подвиги тех же казаков по подавлению революции в Персии, и что в Персии едва ли не решающую роль сыграла и продолжает играть русская контрреволюция»⁶. Автор, видимо под влиянием газеты «Русское слово», пишет, что «население Тавриза, особенно кварталов, населенных беднотой, приветствовало русских солдат (вторгшихся в город для подавления восстания народных масс.— З. А.) как спасителей...» (стр. 370). Между тем Ленин указывал, что христоролюбивые дарские воины сыграли роль междоусобицы палачей⁷.

М. С. Иванов привел интересный фактический материал о связях Англии с местной правящей верхушкой, особенно в южных областях Ирана. Но он не сделал этого в отношении связей с царской Россией иранских феодалов, купцов и чиновников, являвшихся орудием колонизаторской политики царизма. Автор не отмечает и того факта, что Сепехдар был тесно связан с царским правительством. Умалчивается о том, что Шапшал был направлен царским правительством к Мохаммед-Али еще тогда, когда он был наследником престола и хозяйничал в Тебризе. Шапшал в качестве ближайшего советника и личного друга Мохаммед-Али завоевал ненависть и отвращение широких народных масс Ирана. Именно таких реакционных представителей царизма имела в виду газета «Суре-исрафил», когда писала, что «несколько горьких пьяниц и презренных лиц, приехавших из России, за которых краснеет сам человеколюбивый русский народ, плотным кольцом окружили шахский двор Ирана...»⁸. Уже

в то время демократические силы Ирана отделили Ляхова и Шапшала от русских революционеров и понимали, что народные массы России, стойко борющиеся против помещиков и капиталистов, являются их подлинными друзьями и союзниками. К сожалению, эта мысль не проводится в работе М. С. Иванова.

М. С. Иванов в общих чертах показал значение русской революции 1905—1907 гг. для пробуждения народов Ирана. Впервые в советской историографии М. С. Иванов отметил влияние антиимпериалистического восстания «хэтула» на Иран. Однако влияние революционной России на Иран освещено недостаточно. Не поставлен глубоко вопрос о роли деятельности русских революционеров в Иране в развитии классового самосознания иранских трудящихся, и не приведены новые материалы об этой деятельности.

Недостаточно освещена деятельность муджахидской организации, в частности тебризских муджахидов и «Комитете гейби». Читатель не найдет в книге сведений и о дальнейшей судьбе героев тебризского восстания Саттара и Багира после июльских событий 1910 г. Неразкрытой остается причина беспрекословного выполнения Саттаром и Багиром требований Сепехдара относительно выезда в Тегеран в марте 1910 г. Автор также не объяснил, почему после падения Тебриза в апреле 1909 г. Саттар и Багир не смогли принять участие в походе на Тегеран. В книге не разрешен вопрос о социал-демократической партии Ирана (см. стр. 82, 142, 143). Не уточнено и такое важное обстоятельство, как местонахождение руководящего центра общества муджахидов (стр. 139).

Экономический строй и социальная структура Ирана накануне революции описаны слишком бегло. Говоря о предоставлении иностранцам различных концессий и льгот, М. С. Иванов утверждает, будто правящие круги Ирана были принуждены к этому насильственно (стр. 7, 9, 10, 12), хотя это противоречит реальному положению, высказанному автором в другом месте, что к началу XX в. на базе совместной эксплуатации и ограбления народов Ирана сложился союз империализма с иранской правящей реакционной феодальной верхушкой.

При анализе причин поражения революции не отмечен такой существенный фактор, как слабость самой иранской буржуазии, которая в то время не была еще достаточно зрелой и организованной для того, чтобы добиться решительных успехов в борьбе против феодализма и империализма.

В работе встречаются неточности и противоречия в датировке некоторых событий. Например, на стр. 111 говорится, что отряды федаев стали создаваться в начале 1907 г., а на стр. 142 указаны конец 1906-

⁵ Кесрави. «Короу тарихи مشروطه ايران». История иранской конституции, т. 2. Тегеран, 1320, 1941, стр. 387—390.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 159, 198.

⁷ См. там же, стр. 159.

⁸ «Суре-исрафил», 1906, № 32.

начало 1907 г. На стр. 443 пишется, что Шустер из Нью-Йорка выехал 9 апреля, на стр. 454 приводится другая дата. На стр. 536 бездоказательно Гарбият объявлен лицом, связанным с англичанами. Много ошибок и неточностей в написании иранских имен собственных: вместо «Мокафат» — «Макафат» (стр. 333), вместо «Заргар» — «Заркар» (стр. 92 и 97), должность «мотвалли баши» ошибочно пишется «мотвалли баши» (стр. 158 и 173). Весьма часто одно и то же имя автор дает в разных написаниях: «Мосават» (146, 274, 280, 328); «Рашид» (252, 261); «Хейдар Амуоглы» (263, 332); «Эджтемайюне-ами-

ю» (311, 315); «Хосейн» (354, 360, 397); «Навваб», (362; 389, 397). Передки случаи, когда приводимые автором ссылки на источник не соответствуют действительности, например, на стр. 266 третья сноска не соответствует оригиналу. Имеет место искажение цитат (цитата в конце 260 — начале 261 стр., цитата в последнем абзаце 315 стр.).

Несмотря на указанные выше недостатки, исследование М. С. Иванова является полезной монографией, обогащающей советскую иранистику.

З.З. Абдуллаев

SUMMARY

Analysing in detail the merits and demerits of M. S. Ivanov's book, the reviewer notes the value of the new material it contains about the peasant and labour movements; the fact that it shows the significance, character and driving forces of the revolution and brings out the reasons for its defeat and the reactionary role of the imperialist powers. The reviewer notes some of the shortcomings of the book and, in particular, directs attention to the author's mistakes in the study of documents and literature on the problem, for instance his non-critical approach to the materials from the tsarist archives and the Russian bourgeois press. Too little has been done by M. S. Ivanov, in the reviewer's opinion, to expose the reactionary role of the tsarist policy in Iran. The author does not show the ties which existed between the Iranian feudals, merchants and officials and the representatives of the tsarist government. Nevertheless, the reviewer considers that M. S. Ivanov has written a valuable book.

Современный Иран. Справочник. Отв. редактор д-р ист. наук Б. Н. Заходер. М., Изд-во АН СССР, 1957, 718 стр.

Институт востоковедения АН СССР приступил к изданию справочников по странам зарубежного Востока. Первые книги из этой серии — «Современный Иран» и «Современная Сирия» — вышли в свет в 1957—1958 гг. «Современный Иран» является коллективным трудом. В его написании участвовало 25 специалистов-иранистов.

Книга содержит пять разделов: «Страна и население», «Экономия», «История и общественно-политическая жизнь», «Культура» и «Приложения».

В экономическом разделе правильно указывается, что Иран наших дней, несмотря на наличие огромных естественных богатств (нефть, каменный уголь, железная руда, редкие и цветные металлы), благоприятные климатические условия, продолжает оставаться экономически слаборазвитой, аграрной страной.

Основой иранской экономики является сельское хозяйство, дающее более 80% национального дохода. В нем занято три четверти населения. Однако феодальные пережитки тормозят развитие земледелия и животноводства. Около 85% всех обрабатываемых земель в Иране принадлежат помещикам, церкви и государству, в то время как 60% крестьян вовсе не имеют земли.

Важным для понимания роли отдельных областей в общегосударственной хозяйственной жизни является сжатое описание экономических районов Ирана (автор А. З. Арабаджян).

Авторы очерка об аграрных отношениях (Ш. М. Бади, Г. Н. Ильинский, Г. М. Петров) подробно останавливаются на положении иранского крестьянства, показывают его классовое расслоение, рассматривают виды земельной ренты.

В главе о промышленности, написанной Г. Н. Ильинским, на большом цифровом материале дается представление как о развитии отдельных отраслей национальной промышленности, так и о разработке иранской нефти иностранным капиталом. «Главной причиной промышленной отсталости Ирана, — отмечает автор, — было и остается засилье англо-американского империализма» (стр. 117).

За последние годы в связи с осуществлением семилетних планов в Иране начинают получать некоторое развитие такие новые для страны отрасли индустрии, как металлургия и электропромышленность.

Наиболее развита в Иране нефтяная промышленность, но она продолжает оставаться в руках иностранных капиталистических концернов.

Рассматривая договор Ирана с международным нефтяным консорциумом о передаче ему права на добычу и переработку нефти до 1994 г., автор делает верное заключение о том, что «нефтяные богатства южного Ирана по этому соглашению вновь попадают во власть международных нефтяных монополий» (стр. 183).

Большое место в экономическом разделе сборника уделено вопросам внешней торговли, которая для Ирана играет важную роль. Приводимые данные показывают, что в послевоенные годы сильно обострилась империалистическая борьба за иранский рынок между Англией, США, Западной Германией и Японией.

Авторы (Г. Н. Ильинский и П. П. Моисеев) подчеркивают, что для торговых отношений империалистических держав с Ираном характерно стремление как можно больше сбывать товаров по завышенным ценам и скупать иранское сырье по заниженным ценам, что приводит к хроническому пассивному внешнеторговому балансу. Участие Ирана в Багдадском пакте еще более усиливает зависимость его экономики от американских и английских монополий.

На принципиально других основах — на основе равенства сторон и взаимной выгоды строятся экономические взаимоотношения Ирана с Советским Союзом и странами народной демократии. К сожалению, история советско-иранских хозяйственных связей освещена очень скудно и обрывается на 1935 г. (стр. 122). В таблицах, показывающих удельный вес отдельных стран в торговле с Ираном, доля Советского Союза за почему-то вовсе не указывается, хотя там фигурируют, например, такие страны, как Бельгия, Италия и др. Данные о советско-иранской торговле общедоступны, они публикуются ежегодно. Поэтому непонятно, почему составители сборника ими не воспользовались. Лишь в самом конце обзора упоминается советско-иранское торговое соглашение 1953 г., но ничего не говорится о целом ряде соглашений, за-

ключенных в последнее время, — о товарообороте от 16 апреля 1957 г., по транзитным вопросам от 25 апреля 1957 г., об использовании пограничных рек Аракс и Атрек для орошения и строительства электростанций от 11 августа 1957 г. и ряде других (хотя книга подписана к печати 10 октября 1957 г.).

Благодаря умелому подбору материала составители справочника хорошо показали состояние государственных финансов Ирана (авторы раздела — В. С. Глуходед и Г. Н. Ильинский).

Хорошо написан М. С. Ивановым, М. Н. Ивановой и Г. Н. Ильинским исторический очерк Ирана, охватывающий пятидесятилетний период — от иранской революции 1905—1911 гг. до 1956 г. включительно.

В историческом очерке прослеживается империалистическая, колонизаторская политика Англии и Соединенных Штатов Америки в отношении Ирана.

Авторы пишут о неизменно дружественной к Ирану политике Советского Союза, направленной на поддержку суверенитета и независимости страны и на развитие ее экономики.

Проблемы, рассматриваемые в историческом разделе, изложены на основе последних данных советской исторической науки. Однако не все части раздела, на наш взгляд, разработаны с одинаковой полнотой.

Со знанием вопроса освещена иранская революция 1905—1911 гг., показаны ее антифеодальный и антиимпериалистический характер и ее движущие силы. Сравнительно подробно дан обзор событий в период второй мировой войны и в послевоенные годы. Однако некоторым другим, столь же важным темам уделено гораздо меньше внимания. Так, слишком кратко освещен период 1918—1920 гг. Мало отведено места периоду 1925—1941 гг. Многочисленные реформы, проведенные в государстве за эти годы, часто упоминаются без необходимого анализа и оценки основных результатов. А реформы эти во многом имели объективно прогрессивное значение. Слабо показана также борьба в этот период трудящихся Ирана против засилья империалистических держав.

В краткой и содержательной статье о рабочем и профсоюзном движении в Иране (автор А. В. Башкиров) обрисовано тяжелое положение иранского пролетариата, подвергающегося эксплуатации иностранными и местными капиталистами, кратко изложены основные этапы борьбы иранских трудящихся за свои экономические и политические права. Большое внимание уделено широкому забастовочному движению иранских нефтяников лакапуне и в период национализации иранской нефти в 1951 г. Однако в тексте не упомянуто ни одного руководителя рабочего и профсоюзного движения на всем

протяжении его истории, хотя нередко приводятся имена реакционных деятелей.

Очень ценно, что в сборник «Современный Иран» включен специальный раздел о культурной жизни страны. С интересом читается очень эмоционально написанная Н. А. Шойтовым статья «Персидская литература».

Обладывая несомненными достоинствами книга «Современный Иран» не лишена и недостатков, на которых стоит остановиться, учитывая тот факт, что это первое издание из серии новых справочников по странам Востока.

Прежде всего обращает на себя внимание диспропорция в структуре отдельных частей сборника. В разделе «Страна и население», например, общим данным о населении страны отведено всего 8 страниц, а языкам этого населения — 61 страница. В разделе «История и общественно-политическая жизнь» исторический очерк занимает 128 страниц, а статья о политических партиях и организациях — лишь 8 страниц. Такая диспропорция идет в ущерб содержанию сборника. Так, вопрос о населении освещен слишком уж кратко и поэтому не совсем ясно. К тому же здесь четко не определяется численность населения Ирана. Вместо этого приводятся противоречивые данные из различных источников — 16,5 млн., 18,9 млн. и 20 662 тыс. человек. Каково же мнение составителей справочника? Ответа на этот вопрос мы не находим. Однако, если сложить цифры, которыми автор оперирует при описании отдельных народностей Ирана по лингвистическому признаку, то получится еще один, четвертый, показатель — 20 280 тыс. человек. Видимо, не случайно все расчеты в экономическом разделе справочника проведены без упоминания численности населения Ирана, хотя и приводятся примеры относительно потребления различных товаров «в среднем на душу населения». А сколько же этих душ — 16 или 20 млн.?

Само описание живущих в Иране народностей настолько кратко, что на одной лишь странице 28-й вместились все «тюркоязычные народы» Ирана и часть «ираноязычных племен и народностей», числом более десяти; «арабские народы» заняли 12 строк. Ряд народов Ирана лишь назван поименно (ассирийцы, талыши, афганцы, таджики и др.) без указания места их поселения и образа жизни. Почти совершенно отсутствуют какие-либо сведения этнографического характера.

Очерки о языках написаны с правильных позиций и верно отражают грамматический строй каждого из них. К сожалению, в справочнике не дана лингвистическая карта страны.

Не всегда точно и зачастую разноречиво приводятся в «Современном Иране» цифровые данные. О разном в определении численности населения Ирана мы уже говорили. Численность рабочего класса Ира-

на в различных частях книги также определена по-разному: 234 тыс. (стр. 180—181), 300 тыс. (стр. 181) и до 400 тыс. (стр. 417). Количество предприятий фабрично-заводской промышленности тоже указывается различно: 240 (стр. 180), 831 (стр. 181), 2902 (стр. 126, прим. 16). Неясна и окончательная цифра американской «помощи» Ирану (см. стр. 119 и 236). Сумма возмещения «убытков» Ираном бывшей Англо-иранской нефтяной компании в экономическом разделе (стр. 185) определяется в 146 млн. ф. ст., а в историческом (стр. 349) — в 25 млн. ф. ст. Следовало ориентировать читателей на какие-то определенные показатели, а расхождение в данных из различных источников оговорить в примечаниях.

К большому сожалению, справочник не снабжен цветными картами, столь необходимыми при пользовании данной книгой. Нужны были бы физическая, лингвистическая карта, карта административного деления. Две одноцветные карты, показывающие размещение ископаемых и сеть железных и шоссейных дорог в Иране, ни в коей мере не могут удовлетворить читателя. Они не только малы по масштабу, но и неточны, не всегда соответствуют материалу, имеющемуся в тексте. Так, например, в книге говорится (стр. 133—134), что железная дорога Тегеран—Мешхед завершена строительством и по ней в январе 1957 г. открыто движение. Однако на обеих картах действующая железная дорога доведена только до Шахруда, а участок в 513 км от Шахруда до Мешхеда показан как строящийся. В другом случае в тексте (стр. 250) говорится, что железная дорога от Тегерана на северо-запад доходит только до Миано, а на обеих картах эта дорога показана как действующая до Табриза, т. е. искусственно продлена более чем на 200 км. Ряд шоссейных дорог, указанных в книге, совершенно не обозначен на карте (Керман—Бендер-Аббас—457 км, Ираншахр—Чахбахар—396 км и др.). К тому же многие города, где заканчиваются дороги (Бендер-Аббас, Чалус, Ираншахр и др.), не отмечены на карте.

В экономическом и историческом разделе справочника следовало глубже проанализировать политику империалистических держав в отношении иранской промышленности и сельского хозяйства. В различных местах книги указывается, что ввоз иностранных товаров понизил спрос на товары местной промышленности, что ряд иранских предприятий в связи с этим был вынужден закрыться, а тысячи рабочих остались без средств к существованию; в стране бездействует 30 000 ручных станков. Все это представлено лишь как результат иностранной конкуренции. Однако дело здесь не просто в конкуренции, а в той политике, которую проводят империалистические державы в отношении экономически слабо развитого Ирана. Они,

с одной стороны, отказывают Ирану в продаже машинного оборудования для развития тяжелой и горнорудной промышленности, а с другой — усиленно стремятся удушить существующую иранскую промышленность. Известно, что еще во время второй мировой войны американские советники весьма настойчиво рекомендовали правительству Ирана распродать предприятия государственной промышленности в частные руки. Как сообщает иранская пресса и о чем вскользь упоминается в справочнике (стр. 181), в 1954 г. было принято решение о продаже частным лицам или обществам государственных фабрик и заводов, кроме текстильных, сахарных, цементных и хлопкоочистительных.

По нашему мнению, было бы целесообразно четко показать также позиции империалистических держав в Иране; их влияние на общественную и хозяйственную жизнь.

Частично это нашло отражение в экономическом и историческом разделах. Но вопрос настолько важен, что заслуживает быть освещенным в специальном очерке. Это дало бы возможность не только определить позиции, но и раскрыть противоречия и борьбу империалистических держав за экономическое и политическое преобладание, позволило бы глубже разработать их колониаторскую политику. В книге не раз указывается на то, что американские империалисты в послевоенные годы сильно потеснили английских, и это видно из цифрового материала по внешней торговле, однако авторам книги, на наш взгляд, не удалось должным образом отобразить англо-американское противоречие.

Слабой частью общественно-политического раздела книги следует считать краткую историческую справку о политических партиях и организациях Ирана. В ней поставлена непосильная задача — на 8 страницах изложить основные сведения о наиболее крупных партиях страны за 50-летний период. В основу изложения положен принцип хронологической последовательности возникновения партий. Такой метод изложения без соответствующих разъяснений лишает читателя возможности ясно представить себе направление деятельности этих партий.

Только в двух случаях указываются программные установки партий, но почти нигде не говорится о том, какую роль играла та или иная партия в политической жизни страны. Прочитав справку, нельзя составить впечатления о той борьбе, которую проводили демократические партии Ирана против сил внутренней и внешней реакции. Зато другую сторону — запрещение прогрессивных организаций — можно проследить сравнительно подробно.

Указанные недостатки не снижают общей положительной оценки справочника «Современный Иран». Творческий замысел авторского коллектива, заключающийся в том, чтобы дать возможно полное представление о южном соседе нашего государства, в основном успешно выполнен. Читатель, интересующийся Ираном, найдет в книге почти все необходимые сведения, хронологически доведенные до 1956 г. включительно.

Следует пожелать скорейшего издания столь нужных читателю справочников по другим странам зарубежного Востока.

М. В. Попова

SUMMARY

The reviewer analyses in detail the merits and demerits of «Modern Iran», the first of a new series of handbooks containing information about the countries of the East outside the USSR. While favourably appraising this collective endeavour of a group of Iranists, the author directs attention to some shortcomings, such as the disproportion between different chapters and articles; discrepancy between some of the figures given in the handbook; the absence of coloured maps, etc.

Л. Н. КОТЛОВ. Национально-освободительное восстание 1920 года в Иране. М., Изд-во АН СССР, 1958, 214 стр.

История Ирака — одна из наименее изученных отраслей нашей арабистики. Рецензируемая книга Л. Н. Котлова является первым на монографическом

исследованном по истории Ирака, и поэтому сам факт ее появления весьма отраден.

В монографии Л. Н. Котлова всесторон-

не исследуется выдающееся событие в истории Ирака — национально-освободительное восстание иракского народа против английского империализма. Если учесть, что иракское восстание 1920 г. было одним из крупнейших проявлений послеоктябрьского революционного подъема на Арабском Востоке и дало мощный толчок для развития антиимпериалистического движения в Ираке в новейшее время, то станет очевидным, что книга Л. Н. Котлова посвящена очень важной проблеме. Актуальность изучения национально-освободительного движения в Ираке особенно повышается в наши дни, когда революционные силы свергли реакционную монархию и проимпериалистическую клику Нури Саида, правивших страной в течение 40 лет, провозгласили Иракскую республику и круто повернули Ирак на путь независимости и свободного развития.

Автор критически использовал многочисленные источники как на арабском, так и на западноевропейских и русском языках, разнообразную документацию, обширную мемуарную литературу, а также английскую, русскую дореволюционную и советскую периодику. Особо следует отметить широкое использование автором арабской литературы. К сожалению, автор пренебрег богатыми материалами русских дореволюционных архивов, в первую очередь Военно-исторического архива, который содержит много ценных данных об Ираке периода турецкого владычества и первой мировой войны. Не использованы также английские парламентские отчеты, некоторые труды, написанные крупными деятелями британской колониальной политики на Ближнем Востоке (например Лоуренсом), в которых можно почерпнуть ценный материал и по Ираку. Наконец, автору следовало бы дать более глубокую критику английских официальных материалов и произведений таких видных колонизаторов, как М. Сайкс, Г. Белл, Дж. Фильби и др. Одного только упоминания о тенденциозности этих источников явно недостаточно (стр. 5—6).

В первой главе книги рассматривается социально-экономический строй Ирака в начале XX в. Этот раздел монографии, правда, не связанный непосредственно с основной темой исследования, имеет, однако, самостоятельное научное значение. Особый интерес представляют страницы, посвященные аграрному строю и аграрным отношениям в различных районах Ирака. Автору удалось показать своеобразное переплетение различных укладов в иракской деревне от патриархально-родового до феодального в стадии разложения и отразить процессы, происходившие в иракском городе, где зарождалось капиталистическое производство.

Не все положения первой главы бесспорны. Л. Н. Котлов, сосредоточивая основное внимание на скрупулезном анализе

взаимоотношений непосредственных производителей с местными феодалами, недооценивает пагубную для социально-экономического развития Ирака роль турецкого господства, грабительскую, шовинистическую политику турецких властей. В частности, автор склонен преувеличивать степень автономии кочевников и полукочевников Ирака, забывая о различных формах внешнеэкономического принуждения.

С другой стороны, Л. Н. Котлов преуменьшает противоречия между феодальным классом Ирака и турецкими правящими кругами, делая необоснованный вывод, что в районах Басры, Багдада и Мосула «подавляющее большинство феодалов являлось наиболее прочной опорой турецкого правительства» (стр. 44). В таком случае становится непонятным, почему во время первой мировой войны большинство иракских феодалов (в том числе и в указанных районах) перешло на сторону Англии и довольно активно помогало ее военным усилиям. В действительности же между турецким правительством и весьма влиятельными кругами в иракской верхушке, особенно в шиитском духовенстве, наблюдался сильный антагонизм, вызванный разногласиями по вопросу о доле участия в эксплуатации иракского народа и в политической жизни.

В первой главе имеются и некоторые частные недочеты. Так, о проникновении иностранного капитала в иракскую деревню автор говорит схематично, не упоминая о деятельности «Управления оттоманского государственного долга» и подобных организаций. В порайонный обзор аграрного строя Ирака Л. Н. Котлов почему-то включил населенный ассирийцами район Хаккяри, большая часть которого всегда входила в состав Турции (стр. 34). Автору, во избежание недоразумений, следовало бы более четко разграничить такие понятия, как промышленное производство и ремесленное производство (стр. 49), наемные рабочие и обезземеленные крестьяне, живущие случайными заработками (стр. 55).

Отмеченные недостатки, впрочем, не умаляют значения выполненной автором большой и полезной работы по исследованию социально-экономического строя Ирака.

Во второй главе книги обрисовано положение в Ираке во время первой мировой войны в связи с аннексионистскими планами Англии в отношении этой страны. Автору удалось хорошо осветить колониаторскую сущность политики британских империалистов, разоблачить миф об «освободительной» миссии английских войск в Ираке. В главе раскрываются основные методы колониальной политики Англии в Ираке, заключающейся главным образом в разжигании национальной, религиозной и межплеменной розни; большой интерес вызывают страницы, посвященные социальным мероприятиям английских оккупационных властей, направленным на

«приручение» феодально-клерикальной и племенной верхушки Ирака.

Недостатком является безоговорочное отождествление в ряде мест (например, на стр. 67 и 80) политики Турции в Ираке с политикой Англии. Здесь были качественные и количественные различия. Четырехсотлетнее турецкое господство явилось величайшим бедствием для народов Ирака и других арабских стран. Крушение турецкого господства в арабских странах имело большое прогрессивное значение для арабов. Были отличия и в методах. Если турецкие ассимиляторы всегда проводили в Ираке оголтелую шовинистическую политику с массовой резней, погромами и т. п., то англичане в целях привлечения на свою сторону иракского населения иногда действовали более «тонко», стараясь не озлоблять его. В отличие от турок особую осторожность они проявляли по отношению к имущим классам. Эту разницу автор должен был четко показать, тем более, что она объясняет многие последующие события.

В следующей главе освещается национально-освободительное движение в Ираке накануне восстания 1920 г. Наибольший интерес представляют материалы, характеризующие организацию национального движения в Ираке, структуру, программы и практическую деятельность иракских политических партий, их отношение к английскому империализму и, с другой стороны, к антиколониальному движению народных масс. Автор не только ясно показал размежевание иракских националистов на патриотическое и соглашательское течения, но и вскрыл социальные и политические корни этого размежевания.

Далее автор рисует картину быстрого нарастания национально-освободительной борьбы в 1918—1920 гг. Однако бросается в глаза то, что основное внимание автор уделяет Арабскому Ираку; события же в верхнем Ираке и в Курдистане, где в 1919 г. вспыхнуло мощное антианглийское восстание курдов, отходят в книге на второй план. Такую позицию нельзя признать обоснованной, ибо все национальные меньшинства Ирака, и особенно курды, внесли значительный вклад в борьбу с английским империализмом.

Непосредственно самому восстанию 1920 г. посвящена последняя и самая большая по объему глава. На страницах книги нашли отражение все стадии восстания, от отдельных стихийных выступлений до превращения его в конце июля — начале августа 1920 г. во всенародное, показан кризис политики английского правительства в Ираке. Ход восстания, его эпизоды, характеризующие мужество и героизм иракского народа, подвизшегося на борьбу за свою свободу и независимость, описаны автором с большим подъемом, причем популярность в изложении хорошо соче-

тается с глубокой научной обоснованностью.

В разделе, посвященном внутреннему положению в освобожденных районах и вопросам организации повстанческих вооруженных сил, автор суммирует основные неблагоприятные факторы, военные и политические, которые ослабляли иракских повстанцев. В последующих разделах главы рассказывается о наступившем в конце августа 1920 г. переломе в ходе восстания в пользу англичан, дается картина арьергардных боев народных масс и подавления восстания английскими карателями в конце 1920 г.

Не ограничиваясь описанием военных действий, автор осветил политический створ английских колонизаторов с верхушкой иракских феодалов и духовенства. Л. Н. Котлов вскрывает основные причины поражения иракского восстания 1920 г.: экономическое, техническое и военное неравенство сторон, изолированность иракского восстания от освободительного движения в других странах, слабость национальной консолидации и наличие сильной религиозной и племенной розни и, наконец, соглашательская политика феодального руководства восстанием.

Оценивая итоги и значение восстания, автор справедливо отмечает, что кровь иракских патриотов пролилась не даром, что восстание нанесло серьезный удар по господству английских колониалистов в стране (стр. 190—191), и они вынуждены были пойти на ощутимые уступки, облегчившие дальнейшую борьбу иракского народа за свои права. Автор подчеркивает, что события 1918—1920 гг. в Ираке, содействуя привлечению большинства народа к организованной антиимпериалистической борьбе, в то же время «способствовали росту классового самосознания народных масс Ирака, значительно ускорили процесс консолидации сил массового демократического движения» (стр. 194).

В последней главе книги, как и в предыдущих главах, автор оставил фактически вне поля зрения курдское движение. Встречаются противоречия и недоманность в некоторых оценках и выводах. Так, например, автор называет газету «аль-Фурат» «наиболее видным» периодическим органом повстанцев, «органом руководства восстанием» (стр. 151), а несколькими строками ниже признает, что она вышла всего в пяти номерах (стр. 151—152). В другом месте убедительно обосновывается неприемлемость для англичан кандидатуры Талиб-паши в качестве главы «временного правительства», но не объясняется, почему же он был назначен на пост министра внутренних дел, т. е., по словам автора, на «самый важный пост в правительстве» (стр. 176). В обоснование уступки Англией санджака Дайр аз-Зур Франции автор приводит весьма сомнительный аргумент, сводящийся к тому, что англичане

якобы стремились просто «забавиться от беспокойного района» (стр. 107).

Встречаются в книге также повторения и мелкие неточности. Досадным упущением является отсутствие карт и схем. Книга перегружена не всегда необходимыми и часто незначительными сносками.

Большинство отмеченных недостатков не носит принципиального характера и не причинит ущерба содержанию работы.

Книга Л. Н. Котлова написана ясным

SUMMARY

The reviewer highly estimates L. N. Kotlov's book «The national liberation movement in Iraq in 1920» though he finds some minor shortcomings in it. The reviewer hopes that Soviet orientalists would continue the study of the national liberation movement in Iraq.

D. N. AIDIT. *Masyarakat Indonesia dan Revolusi Indonesia*. Djakarta, «Pembinaan», 1957, 72 h.

Д. Н. АЙДИТ. *Индонезийское общество и Индонезийская революция*. Джакарта, 1957, 72 стр.

Более чем трёхвековое господство колонизаторов в Индонезии пагубно сказалось на всей индонезийской культуре и, в частности, на развитии индонезийской исторической науки. Западные буржуазные историки, особенно голландские, отрицавшие за индонезийским народом даже само его право на самостоятельное историческое развитие, всячески фальсифицировали героическую историю индонезийского народа. В этой связи журнал «Индонезиан спектейтор» справедливо отмечал, что «голландские историки не писали правду об Индонезии. Они писали индонезийскую историю в полном соответствии с голландскими колониальными интересами в Индонезии».

Не случайно поэтому до сих пор в Индонезии все еще бытует довольно распространенное мнение, что некоторые индонезийцы лучше знакомы с историей других народов, чем с историей своего собственного народа. Вот почему издание трудов, правдиво освещающих историю Индонезии, является первоочередной задачей индонезийских историков.

В конце 1957 г. в Джакарте вышла книга генерального секретаря Коммунистической партии Индонезии Д. Н. Айдита «Индонезийское общество и Индонезийская революция». Эта работа, как указы-

«The Indonesian spectator», January 1, 1958, vol. II, № 4, p. 7.

языком и читается с большим интересом. Рецензируемую монографию в целом следует признать несомненной удачей автора и ценным вкладом в советскую арабистику. Дальнейшее изучение истории национально-освободительного движения в Ираке, которое в настоящее время достигло своего апогея и одержало крупнейшую победу, является насущной задачей советских востоковедов.

М. С. Лазарев

вается в предисловии к ней предисловии отдела агитации и пропаганды ЦК Компартии Индонезии, предназначена в качестве учебного пособия для партийных школ и одобрена V пленумом ЦК КПИ, состоявшимся в июле 1957 г. В этой небольшой по объему книге с марксистских позиций освещаются все важнейшие события индонезийской истории с древнейших времен до настоящего времени.

В первой части книги — «Индонезия и индонезийское общество» — Д. Н. Айдит кратко рассказывает о географическом положении Индонезии, ее богатейших минеральных ресурсах, останавливается на вопросе о происхождении индонезийского народа, на процессе формирования индонезийской нации и индонезийского языка. Автор убедительно показывает, что все населяющие Индонезию многочисленные народности связывает единство происхождения, что все они в далеком прошлом имели общий язык и общую культуру. В процессе многовековой борьбы за свою национальную независимость все они объединились в единую семью народов и считают Индонезию своей родиной, чувствуют себя принадлежащими к индонезийской нации, признают индонезийский язык как язык единства и, наряду с наличием отдельных культур народностей и племен, признают существование единой индонезийской культуры» (стр. 10).

Опровергая распространяемое буржуаз-

ными историками мнение о якобы решающей роли, которую сыграли иностранцы для судеб экономики и культуры Индонезии, Д. Н. Айдит на убедительных примерах доказывает, что сельское хозяйство и различные ремесла в Индонезии получили свое развитие задолго до прихода в страну первых иностранцев. Еще до начала нашей эры в Индонезии изготавливались различные орудия производства и оружие из камня и железа, осуществлялась искусственная ирригация, был известен календарь. В те далекие времена на Индонезийских островах сложилась уже своя самобытная культура, которая успешно развивалась и имела своих собственных философов, ученых, деятелей искусств, крупных государственных деятелей и полководцев.

Автор излагает историю Индонезии как историю народных масс, подчеркивая, что «надрыв истории Индонезии есть история крестьянских восстаний, история героев, история революций, история трудящегося народа» (стр. 19). Он показывает, как проходил процесс смены рабовладельческой формации феодальной, разбирает условия развития феодализма в Индонезии, рассказывает о многочисленных антифеодальных крестьянских выступлениях. И хотя восстания эти, направленные против власти помещиков-феодалов, терпели поражения в результате того, что крестьяне не в состоянии были выдвинуть революционную аграрную программу, они, как подчеркивается в книге, сыграли решающую роль в ослаблении и, в конечном счете, в свержении феодализма (стр. 23).

Большое внимание уделяется в работе периоду захвата Индонезии европейскими колонизаторами и их хищнической деятельностью в стране. В частности, автор показывает, насколько активное участие в грабеже и эксплуатации индонезийского народа принимала Ост-Индская компания, осуществлявшая потрясающие по своей жестокости морские карательные экспедиции в Восточную Индонезию. Эксплуатацию крестьянства Ост-Индская компания осуществляла посредством уже сложившихся в то время в Индонезии феодальных институтов. Автор указывает, что в XVII и XVIII веках восстания и выступления крестьян, которые тяжело страдали от двойного гнета — феодалов и Ост-Индской компании, — происходили повсеместно (стр. 28).

Д. Н. Айдит вскрывает специфические черты грабительской системы «принудительных культур», просуществовавшей в Индонезии целых четыре десятилетия — с 1830 г. по 1870 г., которая соединила в себе наиболее отвратительные и мерзкие методы «колонизальной» системы Ост-Индской компании и колониальной политики Данделса и Раффлса» (стр. 30). При помощи системы «принудительных культур» голландским колонизаторам лишь за 40 лет удалось выкачать из Индонезии около

800 миллионов гульденов, т. е. примерно такую же сумму, какую Ост-Индская компания получила в Индонезии за время своего двухвекового господства.

Для того чтобы полностью подчинить себе весь Индонезийский архипелаг, колонизаторы в конце XIX — начале XX в. в широких масштабах вели опустошительные колониальные войны. В силу своей военной слабости голландские империалисты, как отмечает автор, не в состоянии были сами в дальнейшем удерживать в своих руках Индонезию и поэтому встали в 1905 г. на путь своего рода политики «открытых дверей»: они предоставили широкую возможность капиталистам других стран, в первую очередь Англии и США, принять участие в колониальной эксплуатации и грабеже Индонезии. В эпоху империализма Индонезия превратилась в источник дешевого сырья, в рынок сбыта промышленной продукции империалистических стран, в район вложения иностранного капитала.

С полным основанием говорит автор о том, что возможности развития национального капитализма были до того ограниченными, что последний не мог играть важной роли в политической и экономической жизни страны.

Современное индонезийское общество характеризуется в книге как общество полуколониальное и полуфеодальное. Полуколониальное — потому, что «политика, осуществляемая ныне империалистами в Индонезии в области экономики, в принципе не претерпела никаких изменений со времен, когда Индонезия была еще полностью колонией» (стр. 42). Полуфеодальное — поскольку все еще дают себя знать такие тяжелые пережитки феодализма, как право крупных помещиков на монопольное владение землей, обрабатываемой крестьянами, абсолютное большинство которых является безземельными; выплата крестьянами арендной платы помещикам за землю в виде отработок на помещичьей земле, что ставит крестьян в положение рабов; и, наконец, сохранение и накопление всевозможных долгов, которые тяжелым бременем ложатся на плечи большей части крестьян (стр. 42—43).

На основании анализа существующего положения Д. Н. Айдит делает вывод о том, что в современном индонезийском обществе основными противоречиями являются противоречия между империализмом и индонезийской нацией и между феодализмом и широкими народными массами, особенно крестьянством.

Во второй части работы — «Индонезийская революция» — характеризуется развитие революционного движения народов Индонезии в XX в. и рассматриваются основные проблемы индонезийской революции. Останавливаясь на зарождении первых прогрессивных организаций в стране, автор подчеркивает большое влияние, которое оказала русская революция 1905 г. на

рост новых форм национально-освободительного движения индонезийского народа, Великая Октябрьская революция всколыхнула весь индонезийский пролетариат, всех трудящихся Индонезии.

«В результате обострения основного противоречия в индонезийском обществе на современном этапе — противоречия между империализмом и индонезийской нацией, — говорится в книге, — в августе 1945 г. в Индонезии вспыхнула национальная революция» (стр. 39). День провозглашения национальной независимости — 17 августа 1945 г. — ознаменовал начало нового этапа в истории индонезийского народа.

Излагая основные события последующего периода — периода английской и голландской военной интервенции, поддерживавшей американскими колонизаторами, автор обращает внимание на непрерывающиеся политические и дипломатические происки империалистов против молодой республики, всевозможные интриги и провокации, направленные на то, чтобы расколоть силы революции изнутри.

Д. Н. Айдит обстоятельно анализирует основные проблемы Индонезийской революции, намечает ее нынешние задачи, оценивает ее перспективы. Индонезийской революции, указывает он, противостоят все еще сильные и опасные противники: союз иностранных империалистов, местной компрадорской буржуазии и помещиков-феодалов (стр. 52). Именно поэтому важнейшей задачей индонезийского народа являются осуществление национальной революции с целью избавиться от господства империализма и осуществление демократической революции с целью ликвидации помещиков и феодалов внутри страны.

Движущими силами Индонезийской революции, как отмечается в программе Коммунистической партии Индонезии, являются рабочий класс, крестьянство, мелкая буржуазия и другие демократические элементы, угнетаемые буржуазией. Д. Н. Айдит указывает, что крестьянство составляет от 60 до 70% населения Индонезии. Анализируя классовый состав индонезийского крестьянства, автор пишет, что кулаки по своей природе являются полуфеодалами, но они могут занимать нейтральную позицию в революционной борьбе против помещиков и в силу этого обстоятельства их нельзя рассматривать как помещиков. Середняки же, подвергаясь эксплуатации со стороны империалистов, помещиков и буржуазии, могут принимать активное участие в антиимпериалистической и аграрной революциях. Именно поэтому середняки являются важной движущей силой революции и союзником пролетариата (стр. 62).

Бедняки совместно с батраками до успешного осуществления аграрной революции составляют большинство в индонезийской деревне. Автор указывает, что «бедняки являются... верным союзником про-

летариата и главной частью сил Индонезийской революции» (стр. 62).

В книге приводятся интересные цифровые данные относительно численности наиболее сознательного класса индонезийского общества — пролетариата. В стране насчитывается примерно 500 тыс. современных индустриальных рабочих. Кроме того, в мелкой промышленности занято более 2 миллионов рабочих и городских ремесленников. Весь же индонезийский пролетариат составляет более 6 млн. человек, а вместе со своими семьями — примерно 20 миллионов человек, или 25% населения. Д. Н. Айдит подчеркивает, что поскольку индонезийский пролетариат в своем большинстве состоит из разорившихся крестьян, он имеет естественные связи с широкими крестьянскими массами, что облегчает ему союз с ними (стр. 64). Именно пролетариат, как указывает автор, является решающей движущей силой Индонезийской революции, на него возложена великая историческая миссия по созданию единого национального фронта, который должен объединить рабочий класс, крестьянство, мелкую и национальную буржуазию.

Рассматривая характер Индонезийской революции на современном этапе, Д. Н. Айдит приходит к выводу, что она представляет собой специфический тип буржуазно-демократической революции — народно-демократическую революцию, которая решительно выступает против империализма, компрадоров, феодалов. Автор пишет: «В наше время невозможно более осуществление буржуазно-демократической революции, которая не причинила бы ущерба международному капитализму и не принесла бы пользы мировой пролетарской революции, начало которой положила Великая Октябрьская социалистическая революция в России в 1917 г. В политическом плане народно-демократическая революция означает совместную диктатуру революционных классов над империалистами, компрадорами, помещиками и другими реакционерами... В экономическом плане народно-демократическая революция означает национализацию всех капиталов и предприятий, принадлежащих империалистам, компрадорам и другим реакционерам, безвозмездное распределение помещичьей земли среди крестьян и одновременно с этим — защиту в целом предприятий, принадлежащих национальному капиталу, и нейтралитет по отношению к кулакам» (стр. 67).

Д. Н. Айдит подчеркивает, что Августовская революция не выполнила своих задач: не справилась со своим внешним врагом — властью империализма — и не ликвидировала господство помещиков-феодалов внутри страны, потому что верхушка буржуазии предала революцию, а у индонезийского пролетариата в то время не было достаточного революционного опыта. Автор также указывает, что опыт Августовской революции и опыт борьбы

индонезийского народа против колониализма и за демократию в последние годы свидетельствует о том, что любой класс потерпит поражение в определении судьбы Индонезии, если он не будет считаться с пролетариатом и отойдет от него, отойдет от крестьянства и других слоев мелкой буржуазии.

Всесторонне осветив цели, задачи, движущие силы и характер Индонезийской революции на современном этапе, Д. Н. Айдит в заключение останавливается на ее перспективах. «Так как Индонезийская революция на современном этапе происхо-

дит в условиях строительства социализма в мировом масштабе в крушении мирового капитализма, — пишет он, — то не приходится сомневаться в том, что будущее Индонезийской революции — это, конечно, не капитализм, а социализм и коммунизм. Можно этого желать или не желать, можно с этим соглашаться или не соглашаться, можно, наконец, этому сопротивляться или не сопротивляться, но именно социализм и коммунизм — вот перспектива Индонезийской революции».

Г. Кессельбреннер

SUMMARY

The reviewer appraises very favourably D. N. Aidit's «Indonesian Society and the Indonesian Revolution». The book contains a Marxist analysis of the most important events in the history of Indonesia from the most ancient to modern times. The reviewer brings out the main questions treated in the book: the origin of the Indonesian people and the formation of the Indonesian nation; colonial plunder and oppression in Indonesia during the reign of foreign colonialists; the characteristic features and contradictions of the Indonesian society to-day; the nature of the Indonesian revolution, its main problems and tasks.

OTAKAR KLÍMA. ² *Mazdak. Geschichte einer sozialen Bewegung im Sassanidischen Persien.* Praha, Nakladatelství Československé Akademie Věd, 1957, 317 p.

После статьи о маздакитском движении Т. Нёльдеке, приложенной им к немецкому переводу ат-Табари¹, и небольшой, но очень интересной монографии А. Христенсена, изданной в 1925 г.², в 1957 г. появилась работа Клима, посвященная Маздаку. За 32 года, отделяющие две последние работы одну от другой, к вопросу о маздакитском движении обращались многие ученые, в частности сам А. Христенсен, который веруя к высказанным им положениям, чтобы повторить их с привлечением нового материала, еще с большей отчетливостью³. Не прошли мимо этого исторического вопроса и исследователи поздней античности на Востоке Ф. Альтгейм и Р. Штиль, стремившиеся выснить филологическую основу маздакизма. Авторы советских работ о маздакитском

движении расценивают его главным образом как социальное движение. Советские историки характеризовали это движение как крестьянское, связанное с процессами феодализации Ирана, и оказавшее длительное и глубокое влияние на идеологию масс Ближнего Востока. Нашим ученым принадлежит также вывод, что реформы VI в. в сасанидском Иране были следствием движения Маздака и находились с ним в непосредственной связи.

Высказывания и выводы О. Клима совпадают с мнениями, которые были высказаны нашими учеными.

В главе об источниках Клима стремится выявить современные движению источники. Большое внимание он уделяет обнаружению различных версий ат-Табари, следуя в этом случае за анализом, данным Нёльдеке. После работ Христенсена О. Клима вносит, однако, мало нового в рассмотрение источников.

Общему положению Ирана в эпоху Сасанидов, характеристике классов и социальных посвящена первая глава. Социальным и экономическим вопросам уделено место во второй главе, где автор стремится исследовать происхождение и устройство семьи, рода, племени, установить связь

¹ Th. Nöldeke. *Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden.* Aus der arabischen Chronik des Tabari. Leyden, 1879, p. 455—467.

² A. Christensen. *Le règne du roi Kawādh I et le communisme mazdakite.* København, 1925.

³ A. Christensen. *L'Iran sous les Sasanides*, 2-me édition. Copenhagen, 1944.

древних традиций с положением знатных родов. Экономической опорой последних автор справедливо считает крупную земельную собственность, которая, по его мнению, сложилась еще в древности. В третьей главе автор, рассматривая семейные отношения в Иране, приходит к выводу, что фактически и юридически имела место полигамия (стр. 101), которая, по его мнению, была тяжела для народных масс, так как большое число женщин было сосредоточено в гаремах шаха и знати (стр. 105).

После общей характеристики состояния Ирана автор переходит к историческим событиям конца V и начала VI в. В главах «о конце Пероза» (гл. 4) и «о царствовании Вологеша» (гл. 5) использованы главным образом легендарные сказания поздних источников. Свидетельства современников событий Иешу Стилига и Прокопия Кесарийского мало приняты во внимание, тогда как именно их сведения наиболее ценны, соответствуют действительным фактам и не затемнены позднейшими наслоениями сказаний и романтических добавлений. В шестой главе «Выступление Маздака» и седьмой главе «Маздак» О. Клима стремится выяснить особенности, при которых выступил и проповедовал Маздак. Поведение Кавада, по справедливому мнению автора, зависело от его политического положения.

Автор считает, что Кавад сознательно примкнул к маздакитскому движению: шах был враждебен аристократии и делал попытки завоевать симпатии народа (стр. 136—139).

Ф. Альтгейм в своих работах высказал предположение о восточноиранском происхождении Маздака, с чем, однако, О. Клима не согласился (стр. 161). Этот вопрос остался открытым (стр. 296). О. Клима производит имя Маздака от семитического корня *sdq, zdq* — «быть праведным» и считает это имя причастием пятой сирийской породы (у Клима ошибочно она названа четвертой, хотя приведено ее совершенно правильное наименование *af 'el*; стр. 165). Филологически такого рода истолкование вполне оправдано, поддержать эту гипотезу, однако, трудно ввиду того, что успех у персов-зороастрийцев мог иметь лишь перс и, видимо, Маздак был все же таковым. Об этом свидетельствуют и ближайше по времени источники, и его знание зороастрийской религии, к которой он принадлежал. Известно, что в некоторых исторических памятниках Маздак называется мобедем, что едва ли было бы возможным, если бы он не был по происхождению персом. Ненависть иудейского населения к Маздаку, о которой говорит О. Клима (стр. 170), может быть объяснена иначе. В письменных талмудических памятниках нашло отражение отношение имущих иудеев, которые могли оказаться в числе пострадавших от маздакитского движения. Ценным и верным является положение О. Клима о том, что маздакизм как социальное

движение распространился не только среди персов, но и других народов, живших в Иране⁴.

В вопросе об учении маздакитов (гл. 8) О. Клима следует за своими предшественниками, отмечает синкретизм доктрины маздакитов и связи с манихейством (стр. 185). Правильно его взгляд и в том отношении, что едва ли Маздак думал о реформе зороастрийской религии (стр. 195), как в свое время полагал и А. Христенсен. Попытка связать теоретические положения маздакитов на основании текстов Шахрестани с учением гностической секты карпократаи, кратко упоминаемых Малаалой, нельзя признать убедительной (стр. 209, 211), да и сам автор отказался от этих параллелей (стр. 214). Доказать такого рода заимствования в данном случае невозможно. Даже очень интересная попытка Ф. Альтгейма связать учение Маздака с философской школой Порфирия⁵ недостаточно убедительна.

В главе «Маздак и маздаизм» (гл. 9-я) О. Клима касается вопроса о проповедях Маздака, в которых он приводил и толковал места из «Авесты» и таким путем завоевывал доверие народа (стр. 236).

Автор указывает на народный характер движения, которое разоряло знать, нарушило замкнутость знатной семьи, в частности права гарема. Группы населения, тяготевшие к Маздаку, по преимуществу были крестьянами (*Kleinbauern*), но к нему присоединились и «городские низы» (стр. 243, прим. 5). Эти положения находят в полном согласии со взглядами советских ученых. В этом разделе нет сведений о восстании в Хузистане при Хосрове I и о восстании ткачей и ковровделов в Паллугте в середине VI в.

Анализируя источники, повествующие о подавлении движения Маздака, автор не отрицает возможности, что Маздак погиб еще при жизни Кавада (стр. 249). Несомненно, О. Клима прав, считая, что движение подавлено насильственно и что в подавлении движения значительная роль принадлежала Хосрову (стр. 254—256). О. Клима рассматривает главным образом верени, потерявшие свой первоначальный характер, это литературные и легендарные сказания. Большое значение автор придает составленной на среднеперсидском языке «Маздак-наме» (стр. 267). Анализ этих литературных памятников и был сделан предшествующими исследователями. В примечаниях дана богатая литература вопроса. Наиболее ценно указание на дополнения к тексту аль-Бируни, отно-

⁴ См. например: Н. В. Пигулевская. Восстание в Хузистане при Хосрове I. «Краткие сообщения Института востоковедения», 1952, IV, стр. 3—10.

⁵ F. Altheim und R. Stiehl. *Mazdak und Porphyrios*. «La nouvelle Clivio», 1953, t. V, № 7—10, p. 356—376.

сящиеся к биографии Маздака, которые были недавно опубликованы⁶.

В двенадцатой главе автор останавливается на связи манихейства и маздакизма, их смешении в источниках и гонении на них. Народные движения в халифате автор связывает с маздакитами. Однако Клима не отметил, что всем этим движениям присуща идея общего потребления, связанная с общиной и ее традициями. Все последующие движения, как и маздакитское, оставались верными идее общности потребления, которая была опорой и идеалом древней общины.

Реформы Хосрова I, как и его предшественника, О. Клима считает следствием маздакитского движения. Военная реформа была направлена на усиление обороны Ирана; назначение четырех спехбедов было вызвано стремлением разделить власть, так как шах боялся установления единоначалия одного спехбеда. Вместо с тем это разделение было вызвано известным воздействием феодальных порядков.

О. Клима отметил, что особенно большое значение имела податная система, установленная при Хосрове I (стр. 282), тем более, что она оказала воздействие на все податные системы государств Ближнего Востока и притом на длительное время (стр. 285). Но автор ограничился лишь анализом текста ат-Табари и не привлек византийского материала, привлеченного нами еще в 1937 г., а позднее Ф. Альтгеймом, который, как и мы, усмотрел сходство между податной системой, предложенной при Хосрове I, и системой, по которой взимались подати в восточных провинциях

⁶ См. J. Fück. *Sechs Ergänzungen zu Sachaus Ausgabe von al-Biruni's «Chronologie orientalischer Völker»*. «Documenta islamica inedita». Berlin, 1952, S. 71.

Византии в V—VI вв. Реформы, проведенные Хосровом, отмечает Клима, несколько оживили обветшавший строй, но арабское завоевание решило вопрос о следующем этапе истории Ирана.

В тринадцатой главе дана хронологическая канва событий царствования Кавада и маздакитского движения. Автор относит ликвидацию маздакитов к 524 г. Нам кажется, что эта дата требует проверки.

Резюме всей работы дано в четырнадцатой главе, где автор несколько смягчает некоторые из своих оценок. Так, считая основные идеи маздакизма гностико-манихейскими (стр. 296), он отказывается дать им более точное определение, не соглашаясь и с Альтгеймом, сблизившим Маздака с Порфирием. Автор считает непосредственными причинами маздакитского движения угнетение, голод в течение нескольких лет и поражение персов, нанесенное им эфталитами (стр. 297), но он не отметил процессы феодализации, закрепощение крестьянских общин, пережитки рабовладельческих отношений при росте новых феодальных отношений. О. Клима не считает маздакизм религиозным течением, оно было таковым, по его мнению, только в глазах современников, которые не разобрались в происходящем. Нам представляется, что в этом социальном движении были и религиозные элементы, что вообще характерно для средневековых движений. Идея маздакизма автор считает в основном социальными (стр. 300).

Книга О. Клима является удачным исследованием материала источников и работ по истории маздакитского движения.

Н. В. Пигулевская

⁷ См. Н. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956.

SUMMARY

Considering D. Klima's book to be a successful analysis of the sources and books on the history of the Mazdaki movement, the reviewer points out that on the given problem the author arrives at the same conclusions as the Soviet scientists.

V. M. DANDEKAR, G. J. KHUDANPUR. *Working of Bombay Tenancy Act, 1948. Report of Investigation*. Gokhale institute of politics and economics. Poona, 1957, 194 p.

Выход в свет книги В. М. Дандекара и Г. Дж. Кхуданпура «Осуществление Бомбейского закона 1948 г. об аренде. Отчет об обследовании» вызвал большой интерес в научных и политических кругах Индии. В нескольких журналах были помещены рецензии на нее. Авторы большинства статей и крупных выступлений, посвященных

земельным преобразованиям, ссылаются на фактический материал и выводы, содержащиеся в книге Дандекара и Кхуданпура.

Чем же объясняется этот интерес? Во-первых, тем, что книга посвящена одной из самых острых и злободневных проблем сегодняшней Индии — вопросу о земель-

ной реформе, судьба которой в значительной мере определяет экономическое развитие этой страны. Во-вторых, книга вышла тогда, когда вступил в действие второй пятилетний план, в течение которого предполагается завершить в основном проведение земельной реформы. В-третьих, книга Дандекара и Кхуаданпура является первой серьезной попыткой оценить успехи, достигнутые в ходе проведения земельной реформы на примере штата, в котором в одном из первых в Индии был принят закон об аренде, ставший потом, по заявлениям официальных кругов, «моделью» для подобного законодательства в других штатах. И наконец, успеху книги в немалой степени способствовало то, что авторы объективно и на большом фактическом материале анализируют процессы, происходящие в такой жизненно важной отрасли экономики Индии, как сельское хозяйство, отсталость которого является одним из главных тормозов на пути дальнейшего развития производительных сил страны.

Рецензируемая книга представляет собой обобщение результатов обследования итогов практического осуществления Бомбейского закона об аренде в течение первых пяти лет с момента его принятия в декабре 1948 г. Исследование это было предпринято Институтом Гокхале по заказу исследовательского комитета Плашовоу комиссии индийского правительства. Авторы книги совместно с шестью работниками Института обследовали в 105 деревнях 16-ти округов штата Бомбей около 12 тыс. земельных участков общей площадью свыше 30 тыс. акров. Кроме того, они беседовали почти с 2,5 тыс. крестьян и помещиков.

Дандекар и Кхуаданпур поставили перед собой задачу оценить реальные результаты проведения в жизнь положений Закона об аренде в период с 1948/49 г. по 1952/53 г. Эти основные положения, как указывается в книге, сводились к следующему:

- 1) защита арендаторов от сгона с земли;
- 2) ограничение свободного отчуждения земли и поощрение перехода ее в руки арендаторов;
- 3) установление максимальных ставок арендной платы.

Предполагалось, что общим результатом осуществления Закона будет «полное и эффективное использование сельскохозяйственных земель», поскольку арендаторы, получив защиту от произвола помещиков, будут «больше заботиться о земле» (стр. 129).

Подробно и основательно исследовав действие Закона по всем этим линиям, авторы книги приходят к выводу, что попытки проведения его в жизнь закончились неудачей.

Меры по защите арендаторов от сгона с земли уже в самом Законе выглядели недостаточными. Хотя, на первый взгляд, все арендаторы по Закону получают право постоянной аренды и могут быть лишены его только в случае нарушения ими кон-

тракта об аренде, на деле права арендатора полностью зависят от желания помещика вернуть себе землю для целей личной обработки или каких-либо иных целей. Формально право помещика «возвратить» землю должно действовать только в том случае, если его личное хозяйство не превышает 50 акров. Однако в Законе имеется оговорка, что если арендатор добровольно отказывается от земли, то ограничение отпадает. «Одна только эта лазейка [в Законе] делала на практике все положения о защите [арендаторов] безрезультатными», — замечают авторы книги (стр. 5). В другом месте они указывают, что «поскольку большинство помещиков обладало значительной социальной и экономической властью над своими арендаторами, для них не представляло большого труда заставить арендаторов добровольно отказаться от земли с тем, чтобы забрать ее себе или сменить арендатора по своей воле» (стр. 109).

В результате число так называемых «защищенных» арендаторов¹ сократилось с 1947/48 г. по 1952/53 г. более чем на 40%, а их удельный вес в общей массе арендаторов упал за этот же период с 60—65% до 41,2%. Наряду с сокращением доли земли под «защищенной» арендой за эти годы произошло также и некоторое уменьшение доли всей земли, сдаваемой в аренду. С 1948/49 г. по 1952/53 г., по приведенным в книге данным, эта доля сократилась с 30,7% до 26,8%². Это уменьшение не является результатом какого-либо одного процесса, ибо за обследованный период имели место и сгон с земли арендаторов помещиками, стремившимися расширить собственное хозяйство, и приобретение земли в собственность арендаторами.

«Вообще говоря, — делаем вывод Дандекар и Кхуаданпур, — первоначальные арендаторы продолжали обрабатывать 60% всей арендованной земли. За пятилетний период со времени принятия Закона примерно 25% обрабатываемой арендаторами земли было отобрано у них собственниками, а на 15% первоначальные арендаторы были заменены новыми³. Таким образом, очевидно, что закон не достиг своей главной

¹ Согласно Бомбейскому закону об аренде 1948 г. все арендаторы делятся на «защищенных» и «обычных». Первые владеют землей на правах наследственной аренды и обладают рядом других преимуществ. «Обычные» арендаторы владеют землей на правах временной аренды.

² Необходимо отметить, что эти цифры не отражают фактической доли земли, сдававшейся в аренду в Бомбее в этот период; они показывают только тенденцию. Это объясняется особенностями отбора участков для обследования, приведшими к преувеличению доли земли, обрабатываемой собственниками.

³ Это — округленные цифры. Более точно — соответственно — 58,1%, 23 и 15,7% (стр. 109).

цели — защиты арендатора» (стр. 109). Не лучшей судьба постигла и вторую цель Закона — ограничение свободного перехода земли из рук в руки и поощрение арендаторов к приобретению земли в собственность. Ограничение свободы отчуждения земли по Закону состоит в том, что любая форма перехода земли в руки неземледельцев объявляется незаконной; цена продаваемой земли должна определяться земельным трибуналом. Поощрение перехода земли в собственность арендаторов обеспечивается в Законе правом первой руки, предоставляющимся арендатору, если обрабатываемая им земля поступает в продажу, а также правом «защищенных» арендаторов выкупать свою землю даже против воли помещика. Последнее положение не действует в тех случаях, если при переходе земли к арендатору владение помещика становится меньше 50 акров или участок арендатора увеличивается до размеров, превышающих 50 акров.

Ожидалось, что в результате осуществления всех этих постановлений цена на землю значительно снизится, арендаторы в широких масштабах будут приобретать землю в собственность. Однако на практике этого не случилось. Исследование показало, что число продаж земли оставалось в течение пяти лет на одинаковом уровне. Не произошло и снижения цены на землю. Более того, она сначала даже несколько поднялась; но в 1952/53 г. снова упала до уровня 1948/49 г. (стр. 54). Цена земли резко колебалась в зависимости от размера продаваемого участка: средняя цена участка до 1 акра составляла 1242 рупии за акр, а участка свыше 10 акров — 184 рупии за акр. Так что мелкому крестьянину арендатору приобрести землю было несравненно труднее, чем крупному арендатору или помещику. Исследование показало, что по самым дешевым ценам приобретали землю неземледельцы (стр. 66).

Из всех случаев покупки земли, изменивших место за рассматриваемый период, на долю арендаторов, фактически обрабатывавших данную землю, приходилось 22%, на долю прочих земледельцев 73% и на долю людей, не занимавшихся сельским хозяйством, 5% (стр. 65). Сравнение члена покупок земли арендаторами (22%) с долей всей продаваемой им земли (29%) показывает, что приобретали землю, главным образом, средние и крупные арендаторы. Только 3% земли, сдаваемой в аренду, было выкуплено арендаторами (стр. 109).

Все эти факты приводит авторы книги к заключению, что «рынок на землю может все еще рассматриваться как свободный рынок во всех практических отношениях» (стр. 63). И далее: «...Закон об аренде оставил земельный рынок, во всяком случае до 1952/53 г., в огромной степени незатронутым как в отношении объема сделок, так и в отношении его характера как свободного рынка» (стр. 69).

Что касается регулирования арендной платы, то Закон установил ее максимальные пределы на уровне 1/4 урожая на орошаемых землях и 1/3 урожая на остальных. Помещикам запрещается требовать арендную плату отработками или другими услугами, а также взимать всякого рода поборы дополнительно к арендной плате. Недостатком постановлений Закона о регулировании арендной платы является то, что определение максимума базируется на издольщине и поэтому не может оказать непосредственного влияния на уровень денежной арендной платы. Это тем более важно подчеркнуть, что Законом предусмотрен постепенный переход издольщины в денежную аренду.

Обследование показало, что за исключением двух округов Тхана и Колаба, где произошло значительное снижение арендных ставок, а также были отмечены факты перехода от издольщины к денежной аренде, во всех остальных округах постановления Закона об арендной плате не имели практически никакого эффекта. Согласно данным обследования, в течение 1948/49—1952/53 гг. на 63,5% площади под арендой господствовала издольщина, на 30% — денежная аренда и на остальной площади — аренда с фиксированной в натуре и смешанной арендной платой. Отсутствие в целом какой-либо тенденции движения от издольщины к денежной аренде ярко проявилось в том факте, что в первые годы действия закона на 63% всей вновь сданной в аренду земли применялась издольщина и только на 25% — денежная аренда (стр. 80).

В тех случаях, когда происходил переход от одной формы арендной платы к другой, количество изменений в направлении от издольщины к денежной арендной плате более чем компенсировалось количеством изменений в обратном направлении (стр. 121).

В этот период не произошло существенных изменений и в уровне арендной платы. На 80% площади под издольщиной арендной ставки арендной платы продолжали оставаться на уровне 1/2 урожая и более (стр. 112). Средняя ставка денежной арендной платы по штату Бомбей составляла 17,5 рупий с акра и более чем в 12 раз превышала земельный налог. Примерно на 17% площади под денежной арендой ставка арендной платы превышала ставку земельного налога более чем в 25 раз (стр. 116, 120). Если учесть, что при издольщине система ставки арендной платы, как правило, выше, чем при денежной, то действительное соотношение между арендной платой, которую помещик взимал с арендатора, и земельным налогом, который он сам уплачивал государству, окажется еще более разительным. В этом, между прочим, кроется одна из причин живучести феодальных пережитков и трудностей их преодоления в современной Индии. В этом — экономическая основа яростного сопротивления помещиков

проведению действительно радикальной земельной реформы.

Однако, как показывают авторы книги, бомбейским помещикам не приходилось даже сопротивляться, так как их ни к чему не принуждали. «Вызывает удивление тот факт, что даже помещики сообщали нам правильные данные об арендной плате, которую они получают, и что помещики не видели причин скрывать факты», — пишут Дандекар и Кхуданпур (стр. 187). Авторы подчоркивают, что помещики «не видели необходимости даже маневрировать, чтобы обойти Закон» (стр. 128). И далее: «...Общее впечатление заключается в том, что либо положения Закона не дошли до тех, для кого они предназначались, либо с ними не нашли нужным считаться» (стр. 128).

Отсутствие общего понижения уровня арендной платы, за немногими исключениями, отмеченными выше, выглядит на этом фоне как закономерный и неизбежный результат. Более того, авторы обнаружили немало случаев повышения ставок арендной платы. Для этого старые арендаторы сгонялись с земли и заменились новыми. «Более чем в 10% случаев смены арендаторов, которые были обследованы, арендные ставки были повышены и только в 5% случаев они были снижены» (стр. 125).

Общий вывод, к которому приходят Дандекар и Кхуданпур в результате обследования, заключается в том, что «отношения между помещиками и арендаторами остались в большой степени точно такими же, как и прежде» (стр. 128).

Неудивительно поэтому, что при таком положении авторам не удалось обнаружить каких-либо ощутимых признаков улучшений в крестьянском хозяйстве, которые могли бы быть отнесены за счет влияния Закона. Правда, вложения в хозяйство арендаторов в расчете на акр площади с 1948/49 г. по 1952/53 г. увеличилось более чем вдвое. Однако это увеличение происходило параллельно с ростом вложений на землях, обрабатываемых собственниками. Соотношение вложений в собственную и арендованную землю на начало и конец периода обследования осталось неизменным. Оно было соответственно 3,4 рупии и 0,7 рупии в 1948/49 г. и 7,9 рупии и 1,6 рупии в 1952/53 г., т. е. составляло пять к одному (стр. 144). На основе этих и других данных Дандекар и Кхуданпур отмечают, что «имеется мало свидетельств, которые бы говорили в пользу того, что в результате Закона об аренде земля арендаторов обрабатывается ныне более интенсивно, чем прежде... Закон, таким образом, не изменил сколько-нибудь заметно положения» (стр. 145).

На основании тщательного анализа результатов действия всех положений Закона авторы приходят к следующему выводу: «...За исключением немногих округов, Закон в отношении всех своих практических целей остался бесплодным» (стр. 153). В другом месте Дандекар и Кхудан-

пур формулируют этот вывод еще более резко: «С точки зрения всех практических результатов Закон не существовал» (стр. 187).

В чем же причины неудачи осуществления Бомбейского закона 1948 г. об аренде?

Ставя перед собой этот вопрос, авторы книги приходят к правильному, на наш взгляд, заключению, что наряду с такими непосредственными причинами, как недостаточность самих положений Закона и нерешительное проведение его в жизнь, существует одна коренная причина, которая сделала фактически недействительным все законодательство, направленное в целом на защиту прав и улучшение положения крестьян-арендаторов. Этим причина — сохранение силы и власти на местах в руках помещиков, сохранение помещиков как класса. «В основе неудачи в осуществлении Закона в его первоначальном виде, — подчеркивают Дандекар и Кхуданпур, — лежит тот главный факт, что большинство помещиков обладает значительной социальной и политической властью над своими арендаторами... Успешное проведение в жизнь любой широкой земельной реформы будет зависеть от ясного понимания этого факта... Для успешного осуществления передачи сельскохозяйственных земель в руки земледельцев помещик должен быть устранен со сцены как можно быстрее» (стр. 192).

Хотя рецензируемая книга описывает земельную реформу только в Бомбее, значение этой работы выходит далеко за рамки проблем одного индийского штата. Дело не только в том, что в ней, как уже отмечалось, анализируется «образцовый» закон об аренде, с которого брали пример законодатели во всей остальной Индии. Значение книги гораздо шире, так как она вышла в свет в момент, когда страна столкнулась с огромными экономическими трудностями, наглядно показавшими тесную взаимосвязь между решением аграрного вопроса и всем экономическим развитием Индии. Это обстоятельство было правильно подмечено в одной из рецензий на книгу Дандекара и Кхуданпура, помещенной в журнале «Экономик уикли». «Если аграрная реформа в штате Бомбей провалилась столь бесславно, как показывают Дандекар и Кхуданпур, — пишет автор рецензии, — то это вполне может навести на мысль, а каково же положение в остальной стране. Аграрная реформа была задумана как необходимая предпосылка для национального планирования и экономического развития на широкой основе. Появление этого тщательного и документированного исследования должно помочь направить внимание на взаимоотношение между неудачей в проведении земельных реформ и экономическими затруднениями, которые испытывает сегодня Индия»¹.

¹ «The Economic Weekly». Annual Number, January 1958.

Работа Дандекара и Кхуданпура очень содержательна. В ней имеется богатый фактический материал, относящийся не только к собственно проблеме земельной реформы, но и к аграрным отношениям в целом. Землевладение и землепользование, формы аренды, проблема ренты и

цены земли, соотношение между арендной платой и земельным налогом — вот далеко не полный перечень вопросов, в исследовании которых может помочь эта книга советским индологам.

А. А. Масленников

SUMMARY

The reviewer stresses the importance of the analysis of the land reform in the state of Bombay given in their book by V. M. Dandekar and G. J. Khudanpur. The results of this land reform indicate that the Bombay Tenancy Act of 1948 has failed.

The reviewer notes that the book contains rich documentary material on agrarian relations.

С. М. АХТАР. Экономика Пакистана. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1957, 415 стр.

Монография профессора Лахорского университета С. М. Ахтара «Экономика Пакистана» представляет собой исследование экономического развития Пакистана с начала его существования.

Значительное место в книге занимает характеристика проблем, стоящих перед сельским хозяйством страны. Рассматривая систему землевладения в Пакистане, автор отмечает, что «порочная система землевладения... может стать серьезнейшим препятствием на пути экономического развития страны... может создать неустойчивое положение в государстве» (стр. 103).

Аграрное законодательство (1950-1952 гг.) правительства Мусульманской лиги Пакистана, касающееся западной части страны, рассматривается Ахтаром лишь как упорядочение условий аренды. Он справедливо указывает, что аграрную проблему нельзя решить таким путем. Наиболее прогрессивные стороны аграрного законодательства последних лет (запрещение принудительного труда, снижение арендной платы с 50% до 40% валового урожая и т. д.) в результате ожесточенного сопротивления помещиков фактически не проводится в жизнь. Восточнобенгальский закон 1950 г., рассчитанный на известное ограничение помещичьего землевладения, не вызывает в принципе возражений у Ахтара. Он лишь отмечает чрезвычайно медленные темпы его осуществления: «Если работа будет продолжаться на этом уровне, — пишет автор, — то для завершения ее потребуется 16—17 лет» (стр. 131).

Ахтар согласен также с предложениями Комитета Мусульманской лиги по вопросам аграрной реформы об установлении предельных размеров земельной собственности — 150 акров для орошаемых и 450 — для богарных земель. Размер участка

для личной обработки собственника, как считает автор, должен быть ограничен 25 и 75 акрами для орошаемых и богарных земель соответственно.

Изъятие у помещиков земли должно, по мнению Ахтара, перейти не в собственность государства, а к тем, кто будет их обрабатывать. Эти последние и должны покрывать выкупные платежи.

Выдвигаемые Ахтаром предложения в области аграрного законодательства выгодно отличаются от планов Аграрного комитета Мусульманской лиги¹ (вопрос о проведении в жизнь которых даже и не ставился). Однако он высказывается за сохранение помещичьего землевладения и большую компенсацию, что, несомненно, будет препятствовать улучшению техники ведения хозяйства, освоению целинных земель и ограничит эффективность реформ. В целом реформы предполагают развитие помещичьего капитализма в сельском хозяйстве, т. е. наиболее невыгодный для крестьянства путь разрешения аграрного вопроса.

В книге затрагивается и проблема индустриализации Пакистана. В связи с необходимостью промышленного развития страны наиболее остро в настоящее время стоит вопрос об источниках финансирования промышленного развития. Финансирование промышленности в Пакистане осуществляется либо из государственного бюджета, либо из частных источников. Третью группу источников финансирования составляют иностранная помощь, внешние займы и частные иностранные капиталовложения. По подсчетам Ахтара, сумма

¹ Так, например, общая сумма компенсаций по предложениям Ахтара намного меньше суммы, исчисленной на основе рекомендаций Аграрного комитета.

государственных капиталовложений на развитие экономики в целом², составила в период 1951—1954 гг. в среднем около 700 млн. рупий в год. Частные капиталовложения в тот же период колебались от 100 до 200 млн. рупий в год. Размеры капиталовложений за счет иностранных частных инвестиций, внешних займов и «помощи», по расчетам автора, составляли ежегодно около 180 млн. рупий (стр. 374—376).

Какой из этих источников Ахтар считает главным? Он указывает, что «в конечном итоге все средства для капиталовложений должны поступать за счет сбережений населения страны. Даже внешние займы погашаются за счет этих сбережений» (стр. 372). Другими словами, страна, по мнению Ахтара, должна рассчитывать главным образом на свои собственные ресурсы, а не на иностранные источники.

Сторонник поощрения и развития «частной инициативы», С. М. Ахтар возлагает все надежды на государственное финансирование, играющее важную роль в послевоенном развитии ряда слаборазвитых стран Юго-Восточной Азии. «С помощью государственного финансирования, — пишет он, — имеющиеся ресурсы можно использовать с наибольшей выгодой для экономического развития страны» (стр. 308).

Отмечая тяжелый налоговый гнет в Пакистане, Ахтар рассматривает этот вопрос главным образом с точки зрения интересов промышленных и торговых кругов. «Тяжелое налоговое бремя, — пишет он, — в целом является препятствием к накоплению частных сбережений... политика выкачивания средств из имущих слоев может привести к прямо противоположному результату, подавляя деловую активность в сфере производства и сокращая основные источники бюджетных доходов государства» (стр. 385—386). Иначе говоря, вся тяжесть расходов на экономическое развитие страны в конечном итоге должна лечь на плечи массового рядового налогоплательщика.

Ахтар указывает, что бюджет текущих расходов в Пакистане является очень напряженным. Около 60% поступлений в текущий бюджет идет на военные цели.

Автор отмечает, что «частные предприниматели... не проявляют должного интереса к развитию промышленности, хотя за последнее время частные капиталовложения в промышленность в целом увеличились» (стр. 371).

Одной из причин слабого притока частного капитала в промышленность, ускользнувшей от внимания Ахтара, является засилье иностранного капитала, особенно в сфере обращения. Ахтар сообщает, что «иностранцы контролируют довольно большую часть всей хозяйственной

деятельности страны. На их долю приходится 45% общей суммы средств банков, около 55% всей суммы кредитов и свыше 40% капиталовложений» (стр. 274). Иностранский капитал господствует в страховом деле в Пакистане. Значительная часть частных пакистанских капиталов мобилизуется иностранными банками и страховыми компаниями, которые используют их не для нужд развития экономики Пакистана.

Не отвергая в принципе возможности использования иностранного капитала для экономического развития страны, автор вместе с тем справедливо указывает на сравнительно малую эффективность полученных Пакистаном иностранных средств, а также на ряд невыгодных политических и экономических условий, связанных с их предоставлением.

Ахтар отмечает, что частный иностранный капитал до сих пор «не инвестируется в Пакистане в сколько-нибудь значительном размере» (стр. 375). «Кроме того, — пишет он далее, — иностранные компании обычно не проявляют интереса к тем отраслям экономики, в развитии которых нуждаются страны, привлекающие иностранных капиталовложений... Возможно, что именно с этой точки зрения слаборазвитые страны не должны проявлять слишком большого стремления к привлечению иностранного частного капитала...» (стр. 376). Здесь точка зрения Ахтара расходится с мнением официальных кругов Пакистана, которые возлагают чрезмерные надежды на приток частного иностранного капитала.

Касаясь вопроса о возможностях расширения внутренних источников финансирования, автор книги указывает на настоятельную необходимость «проведения реформы — если не полной реорганизации — существующей аграрной системы» (стр. 404).

Признавая необходимость более радикальных аграрных реформ, Ахтар тем не менее проявляет в этом вопросе половинчатость, а в вопросе ликвидации иностранного засилья он подводит еще более нерешительно. Он выдвигает такие предложения, которые призваны в лучшем случае лишь несколько нейтрализовать отрицательные последствия иностранного влияния на экономику Пакистана.

Отмечая чрезвычайно высокие расходы на военные цели в Пакистане, что связано с его участием в агрессивных военно-политических блоках, Ахтар не ставит вопроса о возможности сокращения этих расходов.

Труд Ахтара интересен тем, что в нем детально освещена экономическая история Пакистана, объяснен ряд мероприятий правительства в области экономики, изложен фактический материал, имеющий научную и познавательную ценность для советского читателя.

С. А. Кузьмин, В. Н. Москаленко

SUMMARY

S. M. Akhtar's «Economy of Pakistan» describes the economic developments in Pakistan since its acquisition of independence. The author gives a detailed analysis of Pakistani agriculture, industry and finances. Based on rich documentary materials, this monograph is of great scientific and educational value. It affords a good idea of the policy pursued by certain sections of Pakistani society which have their spokesman in the author of this book.

M. KENNEDY. *A history of communism in East Asia*. New York, Frederick A. Praeger, 1957, 556 p.

В двух отношениях примечательна книга Кеннеди. Во-первых, автор попытался как-то обобщить и систематизировать огромный фактический материал о развитии национально-освободительного движения в Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке за последние 80—90 лет. Попытка — сама по себе заслуживающая одобрения. Во-вторых, с прилежностью, достойной лучшего применения, Кеннеди собрал в своей книге воедино все небылицы о «присках Кремля» в Азии, которые когда-либо изобретались империалистической пропагандой.

Из этих побасенок он составил на редкость нелепую теоретическую концепцию, в свете которой в его книге истолковываются все события новейшей истории азиатских стран.

Сам того не подозревая, Кеннеди представил читателю блестящую возможность сделать выбор между логикой неопровержимых фактов и «логикой» антикоммунистической пропаганды.

Выступая в роли человека, признающего факты, автор указывает на то, что к началу XX в. азиатские народы, доведенные до отчаяния колониальным гнетом, стали все решительнее выступать за освобождение своих стран. Октябрьская революция, пример росийского пролетариата и возглавившей его большевистской партии оказали огромное революционизирующее влияние на народы Азии. Возникшие в самих азиатских странах коммунистические партии последовательно вели борьбу за национальную независимость своих народов. В годы второй мировой войны коммунисты были наиболее стойкими борцами против японской оккупации. И, наконец, во все периоды национально-освободительной борьбы ее участники марксисты давали самый правильный и точный анализ политической обстановки в азиатских странах.

Никто не возражает против этих положений, содержащихся в книге Кеннеди, никто, кроме... самого Кеннеди, облачающегося в мантию теоретика. По «теоретической» схеме Кеннеди, никакие внутренние социальные и экономические процессы в азиатских странах не могли бы сами по себе породить борьбу их народов за освобождение от колониального ига. Доказательство:

Маркс в своих трудах уделял относительно мало внимания Азии, и поэтому (!?) при его жизни ни в одной азиатской стране колониальный режим не был свергнут. Стало быть, рассуждает Кеннеди, коммунистам необходимо было «приспособить» европейский марксизм к азиатским условиям. Это, дескать, сделали российские большевики во главе с Лениным. Ленин создал теорию империализма, глубоко разработал национально-колониальный и крестьянский вопрос. Этим и была заложена основа для развития антиколониального движения в Азии. И так, следовательно, по Кеннеди, всякая новая марксистская идея порождает новые социально-экономические условия на огромных пространствах самого большого материка.

Слов нет, велика преобразующая сила идей марксизма-ленинизма. Но Кеннеди изображает дело таким образом, будто марксизм — это не теория, вооружающая трудящиеся массы научным пониманием объективных законов развития общества, а наоборот — некая произвольная игра мысли, в результате которой рушатся социальные перегородки и перекраиваются государственные границы, изменяются вековые системы землевладения и исчезают национальные обычаи.

Перед Кеннеди встает задача — объяснить, каким образом идеи марксизма, по его мнению, совершенно чуждые «азиатскому мировоззрению», привели в движение почти сплошь неграмотные, в основном крестьянские массы населения Азии. Ибо, с точки зрения Кеннеди, национально-освободительная борьба — это не результат угнетения угнетенных народов, восстающих против ига колониализма в колониях, и укрепления его классового самосознания, и движение крестьянских масс, выступающих против помещиков и ростовщиков и опирающихся на них иностранных поработителей, не итог обострения противоречий между национальной буржуазией и монополистическим капиталом держав-колонизаторов. Нет, Кеннеди считает, что во всем виноваты одни марксисты, «рука Москвы», «горстка коммунистических заговорщиков». Именно они и явились нарушителями тишины и спокойствия в Азии.

Кто же эти «коммунистические заговорщики»? Кеннеди не проявил бы никакой оригинальности, не внес бы ничего своего, если бы назвал только руководителей коммунистических партий азиатских стран. Но в его изображении «агентами Москвы» оказываются и... Сунь Ят-сен и Сукарно, Ганди и Неру, ибо, по утверждению автора, «поддерживать азиатский национализм» значит «способствовать делу коммунистов» (стр. 504).

Нет нужды пускаться вслед за автором в бурный поток исторических событий в Азии. Капитан английской разведки и впоследствии советник Форин Оффиса Малькольм Кеннеди — ненадежный гид по дорогам истории.

Небезинтересно, однако, посмотреть, какие выводы делает Кеннеди из своих историко-теоретических изысканий и какие практические рекомендации дает он лицам, направляющим политику империалистических государств.

Вывод первый сводится к тому, что независимость стран Азии, их самостоятельная политика и экономический прогресс — все это идет вразрез с планами и чаяниями Запада. «Соединенным Штатам необходима сильная Англия, сильная Франция и сильная Голландия», но независимость Индии, Бирмы, Индокитая, Индонезии «лишает эти страны ряда источников их силы» (стр. 504).

Если национально-освободительное движение вообще является плодом «коммунистических интриг», как это получается по Кеннеди, то вполне логично, с точки зрения автора, прийти к заключению, что азиатские страны, добившиеся независимости, проводят сейчас «прокоммунистическую» политику. «Своим стремлением оставаться нейтральными...», — заявляет он, — они играют на руку Москве» (стр. 505). Индию Кеннеди изображает «пособником коммунизма», поскольку она «организовала оппозицию азиатских стран голландской интервенции в Индонезии» и «возглавила движение против западного колониализма как в Азии, так и в Африке» (стр. 500). Кеннеди здесь вплотную подходит к признанию того факта, что мнимые «меры предосторожности против коммунистической угрозы» в Азии, создание СЕАТО, Багдадского пакта — всё это оружие в руках колонизаторов, пытающихся восстановить утраченное господство в Азии.

Второй вывод Кеннеди состоит в признании огромного авторитета Советского Союза и Китайской Народной Республики в глазах азиатских народов. Советская политика, провозглашающая принципы расового и национального равноправия, объявляющая своей целью достижение прочного мира, выступающая за запрещение атомного и водородного оружия, привлекает симпатии молодых независимых государств Азии. Цитируя японский официальный источник, Кеннеди пишет: «Советская помощь... предоставляется (странам Азии) в форме,

наиболее благоприятной для удовлетворения их потребностей...», тогда как США в своей помощи (Кеннеди не может утаить шила в мешке) «исходят скорее из соображений реализации излишних для них запасов, чем из учета нужд тех стран, которым они помогают» (стр. 506). Но, следуя своей манере, Кеннеди незамедлительно объявляет все это «тактическими уловками коммунистов», разоблачению которых должны посвятить себя западная дипломатия и пропаганда.

Вывод третий — это констатация того «трагического факта», что «коммунистическим режимам в Китае, Северной Корее и Северном Вьетнаме» Запад не может реально противопоставить «ничего, кроме дискредитированных китайских националистов, неуравновешенного Ли Сын-мао и несогласных между собой деятелей Южного Вьетнама» (стр. 503).

Итак, Кеннеди видит, что политика Запада зашла в Азии в глухой тупик. Это — признание очевидного факта. Но, как мы видели, Кеннеди не может долго оставаться на почве фактов. В поисках ответа на вопрос «Где же выход?» он снова возвращается в лоно своей «теоретической» схемы. Раз вина за все поражения колониализма в Азии ложится на идеи марксизма, значит Западу необходимо направить все усилия на то, чтобы сначала вбить идеологический клин между... Советским Союзом и народным Китаем, а затем любыми средствами разрушить союз и дружбу народов этих двух великих держав. Так Кеннеди находит для западных дипломатов абсолютно бесперспективное занятие.

Империалисты понимают силу воздействия марксистско-ленинских идей на трудящиеся массы Азии, выходящие на арену активной политической жизни. Десятилетиями идеологи империализма утешали себя тем, что марксизм якобы «не приспособлен» к условиям этого континента. Теперь, как показывает книга Кеннеди, они расстаются с этим приятным для себя мифом. Кеннеди ведет «борьбу» с коммунистическими идеями в Азии по двум направлениям. Во-первых, он отрицает, что марксизм выражает коренные интересы трудящихся Востока, и представляет марксистские идеи лишь как орудие в руках «кучки заговорщиков». Во-вторых, он призывает своих коллег добиваться идейного раскола между коммунистическими партиями азиатских стран. Тем самым Кеннеди лишней раз напоминает, что империалистическая буржуазия только и ждет того, чтобы марксистско-ленинская идеология была расшатана всевозможными ревизионистскими вывертами.

Читая объемистый труд Кеннеди, в котором сделана попытка поставить историю на службу политике современного империализма, вспоминаешь популярное в Англии изречение, которое предписывает видеть в истории «карту и компас для усилий, предпринимаемых страной». Следует признать,

что историческая «концепция», изложенная Кеннеди, стала в последние годы «картой и компасом» английской и американской политики в Азии. Прикрываясь завесой антикоммунизма, колонизаторы стремятся вернуть себе потерянные позиции в освобо-

дившихся от их власти странах. Эти старания столь же бесперспективны, сколь бесплодны попытки Кеннеди и ему подобных извратить сущность и историю национально-освободительной борьбы народов Азии. Л. Степанос

SUMMARY

The review shows the obvious failure of M. Kennedy's attempt to connect the development of the national liberation movement in Southeast Asia and the Far East with the falsehoods and canards about so-called «Communist intrigues» in Asia.

Historical Atlas of the Muslim peoples. Djambatan. Amsterdam, 1957.

Атлас составлен д-ром Р. Рулвинк в сотрудничестве с д-ром Салехом эль-Али, профессором истории в Колледже гуманитарных, точных и естественных наук в Багдаде, д-ром Хусейном Моне, профессором исламской истории в Каирском университете, и д-ром Мухаммедом Салимом, сотрудником факультета исламской истории в университете в Карачи.

В кратком предисловии к Атласу известный арабист Гамильтон Гибб пишет, что попытки составить и издать подобный атлас неоднократно предпринимались в течение последних пятидесяти лет. Однако они не имели успеха вследствие скудости и неопределенности исторических сведений о некоторых периодах многовекового прошлого ряда районов огромного мусульманского мира. Теперь совместными усилиями западных и мусульманских ученых удалось издать весьма нужный Атлас. Издатели и составители данного Атласа, понимая неизбежность недостатков в издании такого рода, заранее благодарят в своем предисловии специалистов, которые выступят с критическими замечаниями, исправлениями и дополнениями. Необходимость издания Атласа они объясняют все возрастающей политической и культурной активностью и ролью мусульманских народов, которые, стремясь к единству, ощущают все большую потребность в познании своей истории и «корней мусульманской цивилизации». Атлас, конечно, предназначен не для одних только мусульман, а для всех, кто интересуется историей мусульманских стран.

Вполне основательным является замечание составителей, что карты средневековых арабских картографов в настоящее время уже потеряли практическое значение. Из трудов европейских и американских ориенталистов они сочли возможным использовать только наиболее известные

сочинения общего, обзорного характера (Брокельман, Хитт, Э. Браун), а также по одной работе по истории Индии и Индонезии. Из трудов по истории географии мусульманского Востока составители привлекли три довольно устаревшие книги Ли Страндига, вышедшие в свет в конце XIX и в самом начале XX в. и получившие невысокую оценку европейских востоковедов. Специальная монографическая и журнальная литература по исторической географии составителей Атласа, видимо, не заинтересовала. Так, они не учли ценных трудов В. В. Бартольда и других русских и советских востоковедов, очень много сделавших в той специальной области, которая в первую очередь должна была заинтересовать составителей при разработке исторических карт Средней Азии, Ирана и Кавказа.

Несмотря на то, что при составлении Атласа было использовано только ограниченное количество источников, и далеко не лучших, издание Атласа является несомненным успехом составителей. Атлас очень хорошо оформлен полиграфически. На сорока страницах помещено 59 многокрасочных, четко выполненных исторических карт. Несомненным преимуществом их является сочетание данных историко-политической географии с элементами физической географии.

Атлас охватывает всю историю стран распространения ислама, в качестве введения на первых двух страницах помещены три карты Западной Азии в древности. Он дает возможность последовательно проследить распространение ислама на той обширной территории, которую ныне населяют неповедующие его народы, и районы, в которых ислам был господствующей идеологией в середине века, а позднее был вытеснен католицизмом (например, Пиренейский полуостров, Сицилия). На от-

дельных картах показано, как, начиная с первых арабо-мусульманских завоеваний в Передней Азии и Египте, господство арабов и пропаганда ислама распространились до Кавказского хребта, Сыр-Дарьи и Инда на севере и востоке и до Атлантического океана и Пиренеев на западе. Затем ряд карт показывает процесс расчленения огромного арабского халифата и образования на его территории отдельных мусульманских государств. Подробно представлены (на 5 картах, стр. 11, 12, 26) арабское господство в Юго-Западной Европе и борьба мусульман с силами католической реконкисты. Далее дается представление о географическом положении и территориальных размерах государства Фатимидов, Бувейхидов, Газневидов, а также о странах Передней Азии и Египте накануне и в период крестовых походов. Сравнительно много внимания уделено Индостану (современным Индии и Пакистану) и его государственным образованиям (11 карт, стр. 15, 20, 28, 29, 32, 33). Три карты (стр. 24, 25) посвящены позднесредневековой Индонезии, такое же количество — Османской империи (стр. 30, 34, 35). Полное отражение получили сельджуцкие завоевания и государства (стр. 19, 20). Монгольские завоевания на Среднем и Ближнем Востоке и государство иранских монголов ильханов показаны на двух картах (стр. 23, 26). По одной карте уделено государствам мамлюков, Тимуридов и Сефевидов (стр. 21, 31). Наряду с картами отдельных государств в Атласе имеются общие карты; дающие представление о международном положении этих государств: «Мусульманский Запад в начале XIII в.» и «Мусульманский Восток во второй половине XIV в.» (стр. 22, 27).

Особенный интерес представляют две экономические карты: «Мир ислама в середине века (X—XIV вв.)» и «Индийский океан с IX в. до XIV в.» (стр. 16, 17, 18); они дают общее представление о естественных богатствах и о продуктах ремесленного производства, служивших предметами торгового обмена как между отдельными восточными странами, так и между этими странами и итальянскими торговыми городами. Показаны основные направления торговых сухопутных и водных (морских и речных) путей.

На последних страницах Атласа помещены карты, отражающие политические события в странах Северной Африки, Среднего и Ближнего Востока в XIX и XX вв., когда завершался раздел и происходил передел мира между колониальными державами.

Наконец, самую последнюю страницу Атласа занимает карта с явно неправильным названием: «Средний Восток в XX веке. Ислам в СССР». Помимо стран Ближнего и Среднего Востока на эту карту нанесены советские республики Средней Азии, Казахстан и Азербайджан, охарактеризованные как «советские республики с

преобладающим мусульманским населением». Не только на данной карте, но и во всем Атласе совершенно отсутствуют данные о распространении ислама в областях Восточной Европы, в Западной Сибири, в нагорном и Северном Кавказе. Между тем многие народы на упомянутых территориях исповедовали ислам в течение нескольких столетий, а некоторые около тысячелетия. Постоянные, порой очень оживленные экономические и культурные связи обитателей Восточной Европы и Кавказа с арабскими, иранскими и тюркскими народами являются весьма существенным фактом истории мусульманского Востока. Поэтому совершенно неоправданно отсутствуют упоминания о восточноевропейских и кавказских мусульманах. Это не только сужает, но в какой-то мере и искажает содержание Атласа.

Атлас может служить хорошим учебным пособием для всех занимающихся историей зарубежных стран и распространения ислама. Наглядность его значительно повышается благодаря имеющимся на каждой карте легендам, а также хронологическим датам, нанесенным на многие карты и включенным в легенды.

В ряде случаев составители Атласа выдают свои субъективные представления за вполне установленные исторические факты. Так, аравийская область Йемена, границы и местоположение которой точно неизвестны, представлена как определенный район, расположенный почти на берегах Персидского залива и вдающийся на юге в бесплодные пески Руб ал-Хали (стр. 2, 3, 4). Во владение карматов составители отдали большую часть Аравийского полуострова (стр. 8, 10, 13, 14, 15), что не соответствует исторической истине. Только на стр. 9 правильно указаны их владения в Аравии и направления их набегов. Для восстановления хронологического соответствия необходимо обозначение походов Амра и Абдаллаха ибн-Слада перенести со стр. 4 на стр. 3. Не вполне отражена завоевательная деятельность Ал-Мансура: не показан его знаменитый поход на Пампелону (стр. 11). Завоевания Мухаммада Газневи в Пенджабе, Синде, Доабэ и на Гуджератском полуострове неудачно названы «прелюдией мусульманского завоевания Индии» (стр. 15), хотя бы потому, что территория нынешнего Пакистана тогда охватывалась понятием «Индия». Неправильное представление может создать произвольное проведенная восточная граница Византии в конце XI в.; следовало бы отметить только зависимость Армении от этой империи (стр. 20). Равным образом нет достаточных оснований безоговорочно отдавать Нубию под власть мамлюков (стр. 21). Недоумение может вызвать и карта «Мусульманский Восток в первой половине XIII в.» (стр. 23), на которой все нашествия монголов (как войск Чингис-хана, так и войск Хулагу) указаны одними и теми же стрелками, без упоминания дат и имен.

Вызывает сожаление то немаловажное обстоятельство, что составители Атласа не показали в нем ни антифеодальных восстаний, ни национально-освободительной борьбы против колониализма. Пользующийся Атласом не найдет в нем сведений о таких общеизвестных фактах, как восстание рабов зинджей в Ираке в 869—883 гг. или крестьянская война в Османской империи в начале XV в. Нечего и говорить, что бесполезно искать в нем движение сенуситов в Ливии, «восточные кризисы» в Сирии и Ливане и хотя бы наиболее важные и известные очаги антиимпериалистической борьбы в Египте, Индии и Индонезии.

Можно указать на ряд пропусков; допущенных составителями. Например, не упомянуты Лахмиды, в то время как имеются не более известные Гассаниды (стр. 3); при наличии Басры нет Куфы; следовало бы показать знаменитый поход Халида через Сирийскую пустыню (стр. 3); не получили отражения на карте (стр. 4) морские экспедиции арабов к Константинополю (и сопровождавшие их сухопутные походы), неоднократно осада ими этого города; не отмечена длительная борьба Ибн-Хафсуна против кордовских Омейядов (стр. 11), нет Мансуры в египетской Дельте, где потерпели неудачу крестоносцы Людовика IX (стр. 23); не указан год завоевания Сирии турками (стр. 34), никак не отмечены два крупных похода турок на Вену; допущена досадная опечатка в дате сражения французов с мамлюками при Гизе (стр. 36): 1789 вместо 1798.

При общем хорошем качестве раскраски карт отдельные полутона так близки один к другому, что почти неразличимы. Так, совершенно невозможно отличить территорию Триполитанского графства от собственно Иерусалимского королевства (стр. 19). Не сразу можно разобраться в легенде, данной одновременно к двум картам (стр. 13). Тщетно приходится искать на карте упомянутое в легенде «Бухарское ханство» (стр. 33).

Все указанные пробелы могут быть без особого труда выполнены в следующем издании Атласа.

В целом же рассматриваемый Атлас можно признать хорошо выполненным, полезным пособием. Весьма желательно издание его в русском переводе, в который, конечно, следует внести некоторые исправления и дополнения; в частности нанести маршруты наиболее известных путешественников по странам Востока и в первую очередь хождение Афанасия Пикитина в Индию.

Русское издание «Исторического атласа мусульманских народов» (название которого, возможно, удастся уточнить) удовлетворило бы насущную потребность в нем советских научных работников, студентов, преподавателей, старших школьников и всех интересующихся историей стран Востока, извлекло бы их от поисков нужных карт в различных атласах, книгах и журналах.

Е. А. Белая

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

П. М. АЛАМПИЕВ. *Ликвидация экономического неравенства народов Советского Востока и социалистическое размещение промышленности* (Исторический опыт Казахской ССР). М., Изд-во АН СССР, 1958, 451 стр.

После победы Великой Октябрьской революции ранее угнетенные, отсталые народы Востока, входившие в состав царской России, совершили невиданный в истории скачок: шагнули на социализм, минуя капиталистическую стадию развития.

Изучение опыта социалистического строительства в советских республиках Востока имеет большое научное и политическое значение. Исследованиям на эту тему, базирующимся в основном на материалах Казахстана, и является работа П. М. Алампиева. Рассмотрению конкретного примера Казахстана автор предпосылает общий очерк истории ликвидации экономического неравенства народов Советского Востока, в котором подчеркивается, что этот процесс является закономерностью развития социалистической системы хозяйства.

Решающую роль в деле преодоления экономической отсталости народов Средней Азии и других районов сыграла социалистическая индустриализация и создание нового, свойственного социализму размещения производства. Детальное исследование этого вопроса на примере Казахской ССР в основном ограничено в книге периодом до Великой Отечественной войны, поскольку решающие успехи в деле ликвидации экономической отсталости Казахстана были достигнуты уже в годы довоенных пятилеток.

Анализируя состояние экономики Казахстана до Октябрьской революции, П. М. Алампиев указывает на крайне слабое развитие промышленности и отмечает, что там имелись лишь те отрасли производства, которые характерны для колониальных и полуколониальных стран. Затем автор наглядно, по периодам, рассматривает процесс восстановления экономики республики после окончания иностранной военной интервенции и гражданской войны, показывает, как и в каких условиях происходило создание первенцев социалистической промышленности Казахстана. Центральное место в книге отведено непосредственно социалистической индустриализации Казахстана и ликвидации его бывшей экономической отсталости.

Иллюстрируя это положение, автор рассказывает о создании Карагандинского угольного бассейна, об электрификации республики, развитии цветной металлургии, машиностроения и других отраслей промышленности, об исследовании природных ресурсов Казахстана, о развитии транспорта республики. При этом автор останавливается и на тех трудностях, которые пришлось преодолеть при индустриализации Казахской ССР.

В главе VI книги освещается проблема создания национальных кадров в промышленности Казахстана, рассматриваются источники их комплектования и пути профессионального обучения, подчеркивается роль социалистического соревнования и ударничества в поднятии производительности труда. В работе отмечается, что создание собственных кадров рабочего класса в Казахстане имело большое политическое значение, ибо оно вело к изменению социальной структуры населения и способствовало дальнейшему упрочению Советской власти.

Отдельная глава работы посвящена размещению промышленности Казахской ССР накануне Великой Отечественной войны. В ней дается характеристика основных промышленных районов республики.

В заключительной главе книги рассматривается развитие промышленной базы Казахской ССР в годы войны и в послевоенный период. Автор отмечает, что в настоящее время Казахская ССР не только получает помощь от других союзных республик, как это было прежде, но и сама имеет возможность помогать им, а также странам социалистического лагеря в деле промышленного развития. В книге говорится о том, что трудящиеся Казахстана помогли восстановлению Донбасса, что машиностроительные заводы республики снабжают оборудованием многие области Советского Союза, страны народной демократии Европы и Азии. На казахских предприятиях осваивают передовые методы производства трудящиеся многих социалистических стран.

Показывая крупнейшие достижения Казахской ССР, а также других советских

республик Востока в деле ликвидации экономического неравенства, автор характеризует всемирно-историческое значение этих успехов, знаменующих собой торжество марксистско-ленинской теории и политики КПСС. Успехи эти являются источником опыта для других стран социалистического лагеря, наглядным разоблачением расистских бредней идеологов империализ-

ма о народах Востока, вселяют надежду на лучшее будущее у народов, еще томящихся под гнетом империалистов.

В работе П. М. Алампиева широко использованы архивные материалы Центрального Государственного архива Казахской ССР и областных архивов республик.

В. Мендельсон

Г. И. МИХАЙЛОВ. *Культурное строительство в МНР. Исторический очерк.* М., Изд-во АН СССР, 1957, 222 стр.

В историческом очерке Г. И. Михайлова прослеживается весь ход культурного строительства в Монгольской Народной Республике от ее возникновения до наших дней. Автор поставил своей целью дать обзор борьбы монгольского народа, возглавляемого МНРП, за новую культуру, показать успехи, которых добились трудящиеся МНР в этой борьбе.

Народ Монголии долгое время жил в условиях средневековья, экономической и культурной отсталости. Достаточно сказать, что даже в XX в., накануне народной революции, народ Монголии в абсолютном своем большинстве не знал грамоты. Автор сообщает, что количество грамотных в стране не превышало 0,7% всего населения.

Коренной перелом в культурной жизни, как и во всем развитии монгольского народа, произошел в 1921 г., когда победила народная революция. Уже в 1921 г. стала создаваться начальная школа, а в 1923 г. было положено начало среднему образованию.

В книге убедительно показано, что большая помощь Советской страны монгольскому народу в строительстве новой жизни наглядно проявилась и в области культуры. Монгол-рабфак в Улан-Удэ, монгольский сектор при Восточном институте в Ленинграде и сектор в Коммунистическом университете трудящихся Востока в Москве явились первыми кузницами национальных кадров для МНР.

Автор прослеживает год за годом, как создавались и росли в Монголии многочисленные учреждения и органы культуры, науки, искусства, здравоохранения, физкультуры и спорта.

Рождение и становление новой культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию, происходили в жестокой борьбе с феодально-лакейской и буржуазно-националистической идеологией. Автор на конкретных примерах показывает, что к концу 30-х годов борьба эта завершилась полной победой социалистической идеологии.

С 1940 г.— года принятия Конституции

МНР, провозгласившей социализм целью развития республики,— монгольский народ всего лишь за полтора десятка лет сделал гигантский шаг вперед в деле развития своей культуры. В книге указывается, что в 1956 г. каждый сомон МНР уже располагал начальной школой, а на несколько сомонов приходилась одна средняя школа. В стране впервые появились свои высшие учебные заведения. В 1940 г. был открыт пединститут, в 1942 г.— Монгольский Государственный университет им. Х. Чойболсана. Создан ряд научных и научно-просветительских учреждений, таких, как Институт истории МНРП, Ассоциация историков МНР, музеи Сухэ-Батора и Чойболсана и другие. В стране в настоящее время имеются киностудия, государственный ансамбль народной песни и танца.

Автор подчеркивает, что за короткий исторический период в три с половиной десятка лет МНР совершила гигантский скачок из одной эпохи — эпохи отсталости — в другую, социалистическую эпоху, эпоху подъема благосостояния и расцвета культуры народа. Не случайно поэтому первый секретарь ЦК МНРП Д. Дамба с законной гордостью смог недавно заявить, что благодаря строю народной демократии и братской помощи СССР монгольский народ стал на 90% грамотным и успешно строит социализм.

Оценивая в целом положительно книгу Г. И. Михайлова, следует указать на такие, на наш взгляд, ее недостатки, как слабый показ роли социалистической культуры в развитии народного хозяйства МНР, отсутствие характеристики международных культурных связей МНР, которые крепнут с каждым годом, не очень конкретный показ прочной дружбы и плодотворного сотрудничества монгольского народа с народами СССР и других стран социалистического лагеря. Хотелось бы увидеть в книге больше иллюстраций, репродукций картин монгольских художников, а также наглядных таблиц и диаграмм.

Г. К. Меклер

И. Я. БЕДНЯК. Японская агрессия в Китае и позиция США (1937—1939). М., Изд-во АН СССР, 1957, 175 стр.

Работа И. Я. Бедняк ставит своей целью «вскрыть агрессивную сущность» дальневосточной политики США и «разоблачить фальсификацию этого вопроса американской буржуазной историографией» (стр. 7). Фактически автор не только проанализировал дальневосточную политику правящих кругов США в период 1937—1939 гг., но и вскрыл экономические и политические причины агрессии японского империализма против Китая.

Говоря о причинах, приведших к развязыванию японскими империалистами агрессии против Китая, автор правильно называет четыре основных фактора: внутриполитическое положение в самой Японии; империалистическое соперничество Японии с США и Англией; усиление японскими империалистами подготовки к выступлению против СССР и, наконец, их намерение задуть национально-освободительное движение китайского народа, оказывавшее огромное влияние на подъем освободительной борьбы в колониях и полуколониях Востока.

В книге подчеркивается, что стремление использовать Японию как ударный кулак в борьбе против СССР и растущего национально-освободительного движения китайского народа определяло дальневосточную политику США, так называемую политику «невмешательства», а на деле политику поощрения и помощи агрессору. Этот реакционный курс американской дипломатии автор убедительно показал на конкретных действиях правящих кругов США в эти годы и на анализе документов.

Политика поощрения и поддержки агрессора, проводившаяся официальными кругами США, подкреплялась материальным обеспечением со стороны американских монополий. В 1938 г. военное сырье и материалы, импортированные Японией из США, составили 92% всех материалов, которые Япония использовала для ведения войны против китайского народа. Американские монополии, продолжая предоставлять Японии новейшее промышленное оборудование и техническую консультацию, помогали ей создать современную военную промышленность.

Вместе с тем автор подчеркивает, что по мере расширения масштабов японской агрессии все более обострялись японо-американские империалистические противоречия. Выражением этого явилась денонсация правительством США в июле 1939 г. японо-американского торгового договора.

Автор делает правильный вывод о том, что отношения США и Японии в 30-х годах развивались, с одной стороны, как сотрудничество во имя подавления народной революции в Китае и подготовки войны против СССР, а с другой — как острое

соперничество за господство в Китае и на Тихом океане.

Одно из основных достоинств работы И. Я. Бедняк состоит в убедительном показе советской внешней политики, политики, направленной на защиту мира и безопасности на Дальнем Востоке, политики поддержки китайского народа, героически боровшегося с японским агрессором. Столь же положительной оценки заслуживает стремление автора показать роль народных масс как в Японии, так и особенно в Китае. Именно патриотический подъем широких масс китайского народа, руководимого китайской коммунистической партией, включение в борьбу против японского агрессора миллионов простых людей Китая сорвало как расчеты японских милитаристов на молниеносную войну, так и возможность капитуляции китайской реакционной верхушки во главе с Чан Кай-ши.

При общей положительной оценке работы И. Я. Бедняк нельзя не отметить и некоторых имеющихся в ней недостатков. К таким недостаткам относятся отдельные ошибки фактического порядка, не всегда правильная, на наш взгляд, трактовка отдельных исторических фактов и, наконец, некоторые неточные формулировки.

Так, автор ошибочно называет приводимый им на стр. 151 текст заявления английского премьера Чемберлена в палате общин 24 июля 1939 г. текстом «соглашения Арита—Крайги», якобы опубликованным в этот день в Лондоне и Токио. В действительности сам текст этого соглашения опубликован никогда не был, было обнаружено лишь его содержание в форме упомянутого выше заявления английского премьер-министра. Неточно указывает автор и дату заключения этого соглашения. По автору, «соглашение Арита—Крайги» было подписано 24 июля 1939 г. (стр. 152), в действительности же его подписали 2 июля, но держали в секрете до 24 июля, т. е. до начала работы японо-английской конференции «круглого стола».

Правильно оценивая денонсацию правительством США торгового договора с Японией как выражение все более обострявшихся японо-американских империалистических противоречий, автор неверно, как нам кажется, объясняет, почему правительство США объявило о денонсации договора именно 26 июля. Автор полагает, что выбор момента для объявления о денонсации определялся стремлением США «выгодно выделиться в роли защитника» интересов китайского народа в отличие от Англии, скомпрометированной «соглашением Арита—Крайги» (стр. 160). По нашему мнению, главное заключалось не в этом. Решающим мотивом в выборе даты

объявления о денонсации договора было стремление правящих кругов США оказать влияние на ход начавшейся 24 июля 1939 г. японо-английской конференции «круглого стола» и предотвратить установление сотрудничества между Англией и Японией, которое, несомненно, усилило бы позиции последней на Дальнем Востоке в ущерб позициям США. Как известно, эта акция правительства США достигла цели — работа конференции вскоре зашла в тупик и 20 августа «по взаимному желанию» была прекращена.

Мы не можем согласиться также с интерпретацией автором весьма сдержанной реакции японских правящих кругов на денонсацию торгового договора правительством США. Автор объясняет эту сдержанность боязнью правящих кругов Японии «обнаружить зависимость японской военной машины от американских поставок и тем самым продемонстрировать авантюризм своей политики войны» (стр. 167). По нашему мнению, здесь были более серьезные и глубокие причины: японские правящие круги не могли не учитывать сло-

жившейся к тому времени внешнеполитической обстановки, и поэтому они стремились избежать чрезмерного напряжения своих отношений с США и тем самым усиления своей международной изоляции.

Вряд ли можно согласиться с утверждением автора, что после начала войны в Европе «Япония почти целиком зависела от американских поставок» (стр. 163), особенно если вспомнить, что спустя два года «целиком зависевшая от американских поставок» Япония начала войну против США.

Характеризуя работу И. Я. Бедняк в целом, можно сказать, что несмотря на отдельные, указанные выше недостатки, советский читатель получил полезную книгу, в которой на основе изучения большого фактического материала освещается дальневосточная политика правящих кругов США, политика глубоко реакционная и направленная на обеспечение интересов американских монополистов на Дальнем Востоке.

С. Л. Будкевич

明棋・印争一定度尼西亚人民收復西伊里安的鬥勝利
МИН ЦИ. Борьба индонезийского народа за освобождение Западного Ириана увенчается победой. Пекин, Изд-во Шичзе-Чжиши, 1958, 104 стр.

Книга Мин Ци о борьбе индонезийского народа за возвращение Западного Ириана — захваченной Голландией законной территории Республики Индонезии — содержит интересный фактический материал.

Апологеты голландского колониализма, стремясь создать «основания» для дальнейшего господства Голландии над Западным Ирианом, утверждают, будто Западный Ириан ни в каком отношении не связан с Индонезией. В первой главе книги Мин Ци с этнографической, исторической, и юридической сторон доказывает, что Западный Ириан является неотъемлемой частью Индонезии. Он показывает, что население Западного Ириана вместе с другими народами Индонезии имеет общее этническое происхождение. При этом опирается на таких известных этнографов и лингвистов мира, как В. Гумбольдт, Мюллер, Керн и др. Даже сами голландцы не могут отрицать этого. В представленном в 1949 г. Организации Объединенных Наций докладе голландской делегации говорилось: «Индонезия охватывает группу островов в районе экватора. Ее коренные жители состоят из малайцев, проживающих на западе, и папуасов, обитающих на востоке. Так как эти национальности весьма смешаны, трудно отделить одну из них от другой географической границей. Индийцы еще в древние времена определяли географическое единство Западного

Ириана с другими районами Индонезии. Индийцы называли Молуккские острова и Западный Ириан одним словом — «Самудранта». Китайский путешественник VII в. э. Чжао Юй-ква писал, что население в восточной части Индонезии ничем не отличалось от населения Молуккских островов. Во времена государства Маджапахит (XIV в.) Западный Ириан входил в его состав. В XVI—XVII вв. Западный Ириан был подвластен индонезийскому султанату Тидор. В 1848 г. колониальное правительство Нидерландской Индии официально объявило аннексию Западного Ириана, и с тех пор он стал одним из административных районов Нидерландской Индии.

В годы голландского колониального господства ирианцы вместе с населением других островов Индонезии боролись за независимость. Автор приводит слова лидера Свободной индонезийской партии Ириана и депутата парламента Силас Паларе: «Народ Западного Ириана издавна составлял единую семью, единое государство с населением других островов Индонезии. Мы являемся частью Индонезии и хотим жить вместе со всем народом Республики Индонезии» (стр. 15).

Единство Западного Ириана с Республикой Индонезией имеет и полное юридическое основание. До второй мировой войны Западный Ириан был одним из административных районов Нидерландской Индии

и входил в состав Молуккской провинции. Таким образом, Голландия признавала Западный Ириан частью Индонезии. Во всех дипломатических документах — в Лингаджатском соглашении 1947 г., в Ренвилльском соглашении 1948 г. — Голландия признавала суверенитет Республики Индонезии над всей без исключения территорией бывшей Нидерландской Индии. Голландия не отрицала этого и в своем докладе ООН в 1949 г., где прямо говорилось: «Индонезия состоит главным образом из Больших Зондских островов, Малых Зондских островов, Молуккских островов и части Новой Гвинеи до 141° восточной долготы».

Однако Голландия претендует ныне на вечную оккупацию Западного Ириана. Она хочет сделать его аванпостом для ведения подрывной деятельности против Республики Индонезии. Для голландских империалистов Западный Ириан — также важная сфера приложения капиталов. Экономическая экспансия Голландии непрерывно усиливается.

Голландия учитывает большое военно-стратегическое значение Западного Ириана. На острове создан целый ряд аэродромов и военно-воздушных баз.

Из Западного Ириана голландцы высылают диверсантов в Индонезию, снабжают оружием, боеприпасами, продовольствием банды Дар-уль-Ислам. Недавно один индонезийский журнал писал: «Западный Ириан, захваченный Голландией, представляет собой книжал, нацеленный прямо в грудь Индонезии».

Анализируя позиции США, Англии и Австралии по вопросу о Западном Ириане, Мин Ци подчеркивает, что США последовательно поддерживают колониаторскую политику Голландии в отношении этой территории. И это не случайно. Во время второй мировой войны США создали в Западном Ириане свои военно-морские и военно-воздушные базы. После войны эти базы остались у США. За поддержку США во всех переговорах по вопросу о Западном Ириане Голландия согласилась предоставить США, а также блоку СЕАТО право построить новые военные базы на острове. Большую заинтересованность проявляют американские монополисты в отношении экономических богатств Западного Ириана.

В заключительных главах работы Мин Ци характеризует новые маневры империалистов, направленные против справедливого разрешения вопроса о Западном Ириане, и дает обстоятельный обзор борьбы индонезийского народа за освобождение Западного Ириана от колонизаторов. Эта борьба является частью общей борьбы индонезийцев за полную национальную независимость страны.

Автор рассказывает также о современном положении в Западном Ириане, характеризующемся усилением вооруженной партизанской борьбы ирианского народа за воссоединение с Республикой Индонезией.

Чжан Цзя-лин

سید امان الله جهانیان مرزهای ایران و شوروی

АМАНОЛЛАХ ДЖАХАНБАНИ *Границы Ирана и СССР*. Тегеран, 1957, 161 стр.

Генерал Аманоллах Джаханбани — видный политический и общественный деятель Ирана. Он — сенатор, председатель Ирано-советского общества культурной связи. В 1956—1957 гг. он возглавлял иранскую комиссию по урегулированию спорных ирано-советских пограничных вопросов. Книгу «Границы Ирана и СССР» А. Джаханбани написал на основе как своих личных наблюдений, так и документов архива Министерства иностранных дел Ирана.

Как указывает автор, его цель состояла в том, чтобы собрать все имеющиеся документы, касающиеся русско-иранских отношений по пограничным вопросам, и рассказать о деятельности смешанной советско-иранской комиссии 1956—1957 гг. «Всю работу в целом можно разделить на две основные части. Первая часть охватывает период с XVII в. до Великой Октябрьской революции, а вторая — пе-

риод с октября 1917 г. до 11 апреля 1957 г., когда в Тегеране был подписан окончательный протокол, определивший пограничную линию между Ираном и СССР.

В первой части книги автор останавливается главным образом на тех событиях и фактах истории, которые связаны с русско-иранскими пограничными отношениями, начиная с конца XVII в., пытается определить причины тех или иных пограничных споров и показать, какие принимались меры к их урегулированию.

Во второй главе, которая называется «Ирано-русские отношения после Великой революции», автор пишет: «После Великой революции в России, образовании Советского государства и заключении договора 1921 г. исчезла напряженность в отношениях между двумя государствами, вызванная агрессивной политикой царской России, и в основу отношений между двумя странами легло взаимное

уважение суверенитета и независимости друг друга». В качестве примера обоюдного стремления к добрососедским отношениям автор приводит ст. 3 и 11 договора от 1921 г., касающиеся урегулирования пограничных вопросов. В книге сообщается далее о деятельности в период между 1921—1954 гг. смешанных пограничных комиссий, создававшихся на основе договора 1921 г.

Последняя из этих комиссий — «комиссия Сайях — Лаврентьев» — успешно завершила свою работу подписанием соглашения от 2 декабря 1954 г., первые три статьи которого предусматривали окончательное разрешение пограничных споров. Для проведения этого соглашения в жизнь и была создана смешанная советско-иранская комиссия по урегулированию пограничных вопросов, которую с иранской стороны возглавил генерал А. Джаханбани.

Практической деятельности комиссии, поездкам членов комиссии вдоль границы, а также в пограничные районы Ирана и СССР посвящены заключительные главы книги. Автор отмечает, что «организация и метод работы этой комиссии полностью отличались от организации и метода ра-

боты ранее создававшихся комиссий». При этом он ссылается, в частности, на работу ирано-османской пограничной комиссии 1914 г. и указывает на попытку империалистических кругов вмешаться в ее деятельность.

Делясь впечатлениями о посещении советских пограничных пунктов, в частности Ашхабада, автор отмечает огромный прогресс, достигнутый за годы Советской власти в развитии этих когда-то отсталых мест.

Подытоживая результаты работы комиссии, А. Джаханбани подчеркивает, что успешному разрешению спорных вопросов в значительной степени способствовало миролюбивое, доброжелательное отношение Советского Союза ко всем странам, а особенно к своим близким соседям.

В конце книги дается приложение, содержащее отчет о работе смешанной комиссии, речи представителей обеих сторон и другие официальные документы.

В книге имеется также 25 фотографий и 49 карт ирано-советской границы.

Ш. М. Бади

РУДАКИЙ. *Ўз. ССР* давлат бадийи адабиёт нашри"ти. Ташкент, 1957, 127 с.

Имя Рудаки хорошо известно узбекскому читателю. И не только потому, что этот поэт является основоположником литературы соседа и брата узбеков — таджикского народа. Бесспорно поэтическое творчество Рудаки на творчество узбекских классиков, особенно поэтов XV в. Поэтому издание на узбекском языке стихотворений поэта следует всячески приветствовать.

В небольшую, со вкусом оформленную книгу, выпущенную Государственным издательством художественной литературы Узбекской ССР, включены такие известные произведения поэта, как «Ода о старости», «Ода вину», элегии на смерть поэтов Муроди Бухорои, Шахида Балхи, газели, кыт'а, четверостишия, отдельные бейты. В сборнике имеются также вступительная статья, комментарии и словарь.

Вступительная статья Ш. Шомухамедова «Жизнь и творчество Рудаки» (стр. 7—28) свидетельствует о том, что автор в полной мере использовал все доступные ему материалы. Очерк дает широким кругам читателей в общем довольно полное представление о жизни, творчестве и эпохе Рудаки. Нельзя не отметить, однако, что автор иногда, под явным влиянием своих источников, начинает обращать преимущественное внимание на детали, вряд ли обязательные для столь сжатой всту-

пительной статьи (например, переключая с Рудаки ряда последующих поэтов). Вместо этого, быть может, имело бы смысл остановиться на некоторых сторонах творчества Рудаки, недостаточно полно раскрытых в очерке в его настоящем виде. Спорными представляются и некоторые рассуждения автора об общих культурно-исторических проблемах эпохи Рудаки. Недоумение вызывает формулировка автора, что поэт «в области понимания вопросов развития общества был социал-утопистом» (?!, стр. 20).

Серьезные возражения вызывает качество ряда переводов, выполненных М. Мунизаде, почти единственным переводчиком, представленным в настоящем сборнике (кроме него, в сборнике еще выступили А. Рустамов с переводом двух небольших стихотворений и Г. Гулям с интересным, хотя и не бесспорным переводом «Оды о старости»). Прежде всего, они выполнены не адекватными размерами, которые в наибольшей степени соответствовали бы форме подлинника. Кроме того, в них имеется ряд сокращений, а также то, что принято называть отсебятиной. Наглядным примером произвола может явиться то, что помещено в сборнике под видом перевода элегии на смерть Муроди: из 24 строк элегии

мы найдем здесь лишь четыре, а к ним в качестве продолжения прибавлен перевод 4 строк газели Рудаки, несколько сходной с данной элегией по своему содержанию.

Нельзя, наконец, не отметить спорности принципов, которых придерживался составитель при отнесении некоторых стихотворений к тому или иному разделу. Так, в раздел «Касиды» наряду с бесспорными касидами включены и стихи

(стр. 37—40), очевидно, к этому жанру не относящиеся.

Указанные недостатки, разумеется, не могут не огорчить всех, кто приветствует ценную и интересную инициативу Узбекского издательства художественной литературы накануне 1100-летия со дня рождения Рудаки.

Э. Рустамов

Азербайжан ССР Эмляр Академиясы Низами адына эдэбийят вэ дил институтунун эсрлэри. IX Филд. Баку, 1956, Азербайжан ССР ЭА Нэшрийаты, 194 с.

Большинство статей рецензируемого тома «Трудов института языка и литературы им. Низами АН Азерб. ССР» посвящено различным серьезным вопросам азербайджанской советской и дореволюционной литературы. М. Джафар в статье «Азербайджанская советская драматургия в 1930—1937 гг.» (стр. 5—20) дает краткий, но стройный очерк развития жанра драмы в азербайджанской литературе 30-х годов, особо останавливаясь на пьесах ведущих драматургов Джафара Джабарлы и М. Ибрагимова.

Интересные наблюдения и факты содержатся в статье Я. Исмаилова «Азербайджанская советская поэзия в борьбе за мир и демократию» (стр. 21—39).

Несколько декларативно, на наш взгляд, звучат отдельные положения статьи А. Алисолтана «Тема социалистического труда в азербайджанской советской поэзии» (стр. 41—53).

В статье, посвященной Н. Вазирову (стр. 55—69), М. Ибрагимов путем тонкого литературоведческого анализа выявляет идеи гуманизма и свободолюбия в творчестве этого выдающегося писателя предреволюционного периода.

В статье А. Мир-Ахмедова «К вопросу о развитии сатиры в азербайджанской литературе» (стр. 71—102) прослеживается становление указанного жанра в творчестве прогрессивных писателей XIX в. Особенно удачно освещен в ней вопрос о социальном содержании сатиры в литературе того времени.

В статье К. Мамедова «Стихотворные рассказы и басни Закира» (стр. 103—116) правильно определяются обличительный характер сатиры и воспитательный характер басен поэта.

Интересный и неизученный вопрос затрагивает статья С. Гусейнова «Вопросы литературы в газете «Экинчи» (стр. 139—160). На основе большого фактического материала автор показывает роль газеты «Экинчи», издававшейся Гасан-беком Зардаби, в распространении прогрессивных

взглядов среди передовой азербайджанской интеллигенции.

Особо следует отметить статью М. Сейидова «Низами и армянская филология» (стр. 117—138). В ней впервые в азербайджанском литературоведении подробно рассматриваются взаимосвязи Низами и армянской литературы. К сожалению, статья написана без должного учета уже имеющихся в этой области исследований, в частности, работ Н. Я. Марра, И. А. Орбели и Е. Э. Бертельса.

Приведя некоторые параллели между повеллями Низами и баснями Мхитара Гоша и Вардана Айгекци, М. Сейидов без достаточного основания делает вывод, что последние писали под влиянием поэм Низами. Кстати, один из этих баснописцев умер в 1213 г. (т. е. вскоре после смерти азербайджанского поэта).

На самом деле, как это уже неоднократно было показано, близость ряда басен Вардана и Мхитара к повеллям Низами говорит лишь об общности их источников (см., например, анализ источников басен Вардана Н. Я. Марром в его диссертации «Сборники притч Вардана. Материалы для истории средневековой армянской литературы», ч. 1—3, СПб., 1894—1899).

Совершенно правильно критикует М. Сейидов Г. Антоняна, который в своей работе «Низами и армянская литература» ставит знак равенства между историей Себеоса и поэмой «Хосров и Ширин» Низами. Однако М. Сейидов склонен вообще отрицать какое бы то ни было влияние армянских источников на Низами.

Доказательство своему мнению автор статьи видит в том, что Ширин изображена у Низами племянницей Мехин-Багу (Шахиры). Однако именно в этом яре, чем где-либо, сказывается влияние на Низами армянского фольклора, что хорошо видно при сравнении соответствующих частей поэмы Низами и истории Мовсе-са Хоренаци.

Есть в статье и ряд других, более частных недостатков, как-то: спорное утверждение, что Низами владел греческим языком, повторение — вслед за Г. Антоняном — отвергнутого еще Е. Э. Бертельсом мнения о том, что в «Искандернаме» Низами следовал псевдо-Каллисфену, превращение Насира Хосрова и Амира Хосрова Дехлеви в Насира Хосрова Дехлеви (1).

Все же, несмотря на указанные недостатки, статья М. Сейидова, несомненно, обогащает научную литературу о Низами.

Чрезвычайно интересный вопрос поднимает статья А. А. Ибрагимова и Г. Мамедзаде «О подлинном авторе пьес, приписываемых Мирзе Мальком-хану» (стр. 161—169). На основе извлеченных из архива М.-Ф. Ахундова данных А. А. Ибрагимов и Г. Мамедзаде отрицают принадлежность Мальком-хану традиционно приписываемых ему пьес: «Приключение Ашраф-хана», «Способы управления Замаи-хана в Буруджерде», «Приключения Шах-кули-мирзы» и «Любовные похождения Ага Хашима Халхали». Как показано в статье, в приложенном к рукописям пьес письме, адресованном Ахундову, автор назвал себя Мирза-агой и указал, что он около семи лет работает письмоводителем персидской переписки при французском посольстве в Тегеране.

Письмо датировано 1871 г. Мальком-хан в это время, как явствует из его писем к Ахундову, жил в Стамбуле. Однако в письме Мирза-аги, обнаруженном авторами статьи в архиве Ахундова, говорится: «Я вас не видел, но от многих приходилось слышать о Вас». Следовательно, в 1871 г. автор пьес не был лично знаком с Ахундовым, в то время как с Мальком-ханом М. Ф. Ахундов встречался в 1863 г. в Стамбуле.

В известном письме Ахундова, посвященном критике данных пьес, весьма подробно объясняется устройство сцены. Вряд ли в этом была бы необходимость, если бы письмо адресовалось не Мирза-аге, а европейски образованному и прекрасно знавшему театр Мальком-хану.

Исходя из всего этого, авторы статьи приходят к выводу, что упомянутые четыре пьесы принадлежат не Мальком-хану, к которому до сих пор их относили, а уроженцу Тавриза Мирза-аге. Аргументы авторов не вызывают серьезных возражений, хотя для окончательного решения вопроса требуются еще дальнейшие тщательные изыскания.

В конце сборника помещены азербайджанские народные песни, записанные в 20-х годах XVIII в. в Тавризе армянским купцом Эльсом Астивасатурианом.

Г. Ю. Амиев

«Contemporary Indian Literature». New-Delhi, 1957, 299 p.

В 1954 г. индийское правительство основало в Дели Литературную академию, президентом которой является Джавахарлал Неру, а вице-президентом — д-р С. Радхакришнан.

Литературная академия стала новым объединяющим всендийским литературным центром. В нее входят представители литературы на тринадцати крупнейших языках Индии. Основная задача Литературной академии — стимулировать дальнейшее развитие современных индийских языков и их литератур. Не менее важную и большую работу ведет академия и в другом направлении. Она стремится ликвидировать ту разобщенность между индийскими литературами, которой она страдает от английского господства. С этой целью академией проводится большая исследовательско-библиографическая и переводческая работа. Постоянно отбираются художественные произведения для перевода с одного индийского языка на другой.

С октября 1957 г. Литературная академия издает специальный журнал «Indian Literature», выходящий 2 раза в год.

В начале 1957 г. в издании Литературной академии вышла книга «Contemporary Indian Literature», представляющая собой сборник очерков о развитии современной литературы на крупнейших языках Индии — бенгали, хинди, урду, маратхи, пенджаби, гуджарати, ангами, ория, кашмири, тамили, телугу, малаялам и каннада.

В каждом очерке дается очень краткая историко-географическая справка о языке, месте его распространения и начале развития на этом языке литературной традиции.

Основной материал очерков охватывает приблизительно последние сто лет — период становления и развития современных индийских литератур.

Конечно, в кратких очерках невозможно полно осветить сложный и противоречивый процесс литературного движения в Индии конца XIX — первой половины XX вв. Собственно, этой цели и не ставили перед собой авторы. Очерки отличаются несколько односторонним изложением — не чувствуется органической связи между историей и литературой, много общих рассуждений (например, в

разделах о тампльской и пенджабской литературах), мало сказано о развитии прогрессивного движения 30—40-х годов в индийских литературах и крупных представителях этого движения, слабо показана борьба различных литературных направлений и течений, не всегда указываются даты написания того или иного художественного произведения, иногда отсутствуют даты жизни и творчества отдельных писателей. Все это мешает читателю правильно уловить ход развития литературного движения в целом. В этом отношении справедливы критические замечания об отдельных разделах данной

книги, опубликованные в некоторых индийских периодических изданиях.

Однако, несмотря на имеющиеся проблемы и недостатки в изложении, книга освещает, часто впервые, многие значительные факты еще очень мало изученного периода истории развития индийских литератур и в этом отношении представляет большой интерес. По существу, она является одной из первых попыток дать краткую историю развития современной многонациональной индийской литературы.

Н. Д. Гаврюшина

Г. КЛАСОВ и С. НИКОЛОВ. *Българо-турски учебен речник*. София, Държавно издателство «Народна просвета», 1957, 592 стр.

Победа народной демократии в Болгарии в сентябре 1944 г. открыла перед национальными меньшинствами страны широкие перспективы творческого труда, развития культуры, искусства, просвещения. За короткий срок существования народной власти в Болгарии были созданы сотни турецких национальных школ, гимназий, педагогических училищ. При Софийском государственном университете начали свою деятельность турецкие отделения.

В этой обстановке назрела необходимость создания болгарско-турецкого словаря. В 1957 г. Болгарское государственное издательство «Народна просвета» выпустило в свет составленный Г. Класовым и С. Николовым первый двуязычный болгарско-турецкий словарь. Словарь издан под редакцией известных болгарских туркологов Г. Глыбова и Т. Делиормана.

Словник болгарско-турецкого словаря составлен на базе новейшего академического толкового словаря болгарского языка «Български тълковен речник» (1955 г.). При описании турецкой части словаря для уточнения смысловой характеристики слова и правил его правописания составители использовали «Türkçe sözlük» (1955 г.) и в некоторых случаях обращались к известному словарю Шемседина Самибей «Kamus-u Türkî», а также к «Русско-турецкому словарю» Д. А. Магазаника и М. С. Михайлова (1943 г.) и к «Турецко-русскому словарю» Д. А. Магазаника (1945 г.).

В словаре, включающем около 20 тыс. слов, представлена наиболее употребительная лексика и фразеология современного литературного языка. Кроме бытовой, общественно-политической лексики в нем нашла отражение терминология по различным отраслям знания.

В словаре разработана система специальных помет, объясняющих не только

область употребления слова, но отмечающих и его грамматическую характеристику, как-то: часть речи, переходность, тип слова (сложное, простое) и т. д.

Словарные статьи расположены по алфавиту. Переводы слов в словарной статье даются посредством словоупотребления и эквивалентных по значению турецких слов.

Специфика словаря состоит в том, что турецкие эквиваленты некоторых болгарских слов представлены словами и фразеологическими единицами, характерными для языка болгарских турок. Так, «завод» по-турецки переведен словом славянского происхождения *zavot*, которому в Турции соответствует слово *fabrika* и только в исключительных случаях может быть использовано французское *uzin* (фр. *usine*). Это своеобразно нашло отражение и в правописании некоторых заимствованных слов. Болгарские турки пишут *atölye* «цех» вместо принятого в Турции *atelye*.

В словаре имеются некоторые неточности и ошибочные толкования значений слова. Так, составители словаря при переводе болгарского *предварително* «предварительно» на первом месте в качестве турецкого эквивалента помещают *peşin olarak* и *peşin* и только после них *önceden* и *ilk önce*. В турецком языке слово *peşin* в этом значении почти не употребляется.

Нельзя согласиться также с тем, что слово *пиво* «пиво» соответствует по своему значению турецкому слову *içki*, то есть «хмельные спиртные напитки». Здесь имеет место чрезмерно широкое отождествление слов одной логической категории. При переводе слова *каторга* «каторга» составители на первом месте поместили *pranga cezasi*, хотя оно менее характерно для современного турецкого языка. Так, например, в турецком толковом словаре «Türkçe sözlük» указанное выраже-

ние совсем не отмечено. В словаре имеются случаи неоправданного выделения различных значений одного и того же слова в самостоятельные словарные статьи и превращение их таким образом в синонимы (ср. слово *преговарям*). Приводя географическое название *Абисиния* *Haşistan*, составители почему-то оставили не отмеченным современное наименование этой страны *Этиопия*¹

¹ См. С. В. Бернштейн. Болгарско-русский словарь. М., 1953.

Говоря о технических погрешностях словаря, следует указать на некоторые несоответствия между принятыми сокращениями и условными обозначениями внутри словаря.

В целом выпуск данного словаря, на наш взгляд, будет встречен с удовлетворением не только турецким населением Болгарии, но в равной степени и зарубежными лексикографами-туркологами.

Р. Аганин

Tu' - điển Nga - Việt thu'c.-dụng. Anh-Đào, Huy-Vân, Thanh-Nguyễn, Trần-Thống soạn. Thanh-Nguyễn hiệu-dinh. Hà-nội, Bộ-giáo dục xuất-bản, 1957. Русско-вьетнамский практический словарь. 18—20 тысяч слов. Сост. Ань-Дао, Хюй-Ван, Тхань-Нгуйен, Чэн-Тхонг. Под ред. Тхань-Нгуйена. Ханой, Изд-во Министерства просвещения, 1957, 477 стр.

Издание Министерством просвещения ДРВ первого русско-вьетнамского словаря — значительное событие в культурной жизни Республики. В Демократической Республике Вьетнам русский язык начали систематически изучать с октября 1954 г., когда в Ханой были переведены административные и культурные учреждения. В Ханойском государственном университете и Педагогическом институте столицы в настоящее время имеются факультеты русского языка. Значительная часть кадровых работников и молодежи страны овладевает русским языком самостоятельно или учится на специальных курсах. «Русско-вьетнамский словарь» и рассчитан в первую очередь на изучающих русский язык вьетнамцев.

Целью данного словаря, как указывают его составители, являлось не только объяснить каждое слово, но и помочь людям, пользующимся словарем, правильно понять и использовать как иностранный, так и свой родной язык.

При составлении словаря были использованы различные словари русского языка, двуязычные русско-иностраные, а также французско-вьетнамские словари.

В нем довольно полно отражена новая лексика и фразеология, которой пополнился словарный состав вьетнамского языка за период, прошедший после Августовской революции 1945 г.

Так, в современном вьетнамском языке широко бытуют слова *xô viết* «совхоз», *phòng trừ'đ'ng tập thể* «колхоз», *phong trào thi đua* «соревнование», *chiến sĩ thi đua* «передовик соревнования, ударник», *tu'*

phê bình «самокритика», *vệ tinh nhân tạo* «спутник (Земли)», и многие другие.

Составители словаря стремились не только дать адекватный перевод того или иного русского слова, но и объяснить его значение. Более того, они, можно сказать, заложили основу для русско-вьетнамского словаря синонимов. В качестве иллюстрации можно привести несколько словарных статей:

беспокойный: không yên, không yên tâm, lo ngại, lo sợ; *военный*: quân sự, thuộc quân đội, nhà binh, chiến tranh; *господствовать*: 1. thống trị; 2. không chế; 3. có u'u thế.

В словаре хорошо подобраны устойчивые фразеологические сочетания и идиомы вьетнамского языка, эквивалентные соответствующим русским выражениям, например:

железная дисциплина: kỷ luật sắt
на лету: lúc đang bay
промокнуть насковозь: ướt như chuột lột
ни с того, ни с сего: vô cớ, vô lý

Из присутших словарю погрешностей следует отметить прежде всего значительное количество опечаток, допущенных в русских словах.

Наличие в словаре краткого грамматического справочника русского языка явилось бы большим подспорьем для вьетнамского читателя.

Весьма полезным для русско-вьетнамского словаря было бы и включение в него русского алфавита, с которого обычно начинаются аналогичные словари.

Т. Мзитарян

डॉ० सरला शुक्ल. जायसी के परवर्ती हिंदी-सूफ़ी कवि और काव्य.

Д-р САРАЛА ШУКЛА. *Поэты-суфийи и суфийская поэзия на хинди после Джаяси*. Изд. Лакхнауского Университета. Лакхнау, 2013 викр (1956—57); 2, IV, 6, 620 стр.

Суфийское вероучение, проникшее в Индию вслед за исламом, нашло здесь благоприятную почву для своего развития и распространения вследствие близости его пантеистических представлений религиозным верованиям индийцев и, в частности, весьма популярной в средние века идеологии бхакти. Суфийские проповедники играли немалую культурную роль в средневековой Индии. С их деятельностью непосредственно связано появление урду — персианизированной литературной формы языка хиндустани. Старейшие из сохранившихся образцов литературы, язык которых может рассматриваться как ранний урду (XIV—XVI вв.), представляют собою облеченные в аллегорическую форму религиозные трактаты проповедников-суфиев. И в дальнейшем влияние суфизма в литературе урду сказывалось весьма заметно, особенно в жанре дидактических маснави.

Не только литература урду, но и литература хинди подверглась суфийскому влиянию, которое содействовало расцвету здесь жанра лирических поэм, пришедших на смену поэмам героическим. Центральное место среди представляющих это направление авторов занимает Малик Мухаммад Джаяси (XV—XVI вв.), стоящий в ряду крупнейших народных поэтов Северной Индии. Однако, если его творчество неоднократно подвергалось доскональному изучению, то другие суфийские поэты, творившие на хинди после него, почти не привлекали внимания ис-

следователей, а в общих курсах истории литературы характеризовались бегло и неполно.

Этому забытому участку литературы хинди посвятила свой капитальный труд д-р Сарала Шукла. Ее книгу по содержанию можно разделить на две основные части. Первые четырнадцать глав (стр. 1—331) знакомят читателя с основными принципами суфийского вероучения и особенностями литературного творчества поэтов — суфиев. Здесь излагаются общие сведения о происхождении суфизма, о суфийской философии и религиозной практике, дается характеристика суфийской литературы с точки зрения ее социальных и культурных источников, рассматриваются вопросы ее формы и стиля, освещаются ее основные направления, показывается многообразие отражавшихся ею явлений. В заключение автор говорит о том вкладе, который внесли суфийские поэты в литературу хинди.

Вторая часть, представленная последней, пятнадцатой, главой (стр. 332—597), посвящена детальному анализу двадцати девяти исследованных автором суфийских поэм на хинди, созданных в XVI—XX вв. Приводимые здесь произведения ранее не были столь подробно описаны, а некоторые из них вообще впервые вводятся в научную литературу. Все это дает основание считать труд д-ра Сарала Шукла значительным вкладом в изучение истории литературы хинди.

नामवर सिंह पृथ्वीराज रासो की भाषा.

НАМВАР СИНГХ. *Язык Притхвираджд Расо*. Бенарес, Сарасвати прес, 1956, 4 + 291 стр.

В своей новой работе индийский лингвист Намвар Сингх обратился к «Притхвираджд Расо» Чанда Бардаи, интереснейшему памятнику ранней литературы хинди. Созданный на рубеже XII—XIII вв., он является наиболее древним из сохранившихся до наших дней образцов эпической поэзии на диалектах хинди. Произведение, посвященное безуспешной борьбе последнего делийского раджи Притхвираджда с Шихабуддином Гори, содержит ценный материал и для историка, и для литературоведа, и для лингвиста. Неудивительно поэтому, что оно привлекло внимание исследователей еще в 30 гг. прошлого века, на заре становления новоиндийской филологии. Интересно отметить, что вслед за английскими исследователями Тодом, Уилсоном и Колфилдом к изу-

чению «Притхвираджд Расо» обратился молодой адъюнкт Российской Академии наук Р. Х. Ленц, первый из наших индианистов, занявшийся новоиндийскими языками и литературой на них. Безвременная кончина, постигшая двадцативосьмилетнего ученого в 1836 г., прервала его многообещающие начинания. От них остались подготовительные материалы, хранящиеся в Отделе рукописей Института востоковедения АН СССР в Ленинграде.

В конце XIX в. и в XX в. неоднократно предпринимались издания «Притхвираджд Расо» и его частей. Этот памятник привлек внимание не только специалистов по языку и литературе хинди, но и исследователей языка урду. В частности, «Общество развития урду» издало его в арабской графике. Однако вплоть до настоящего

времени вопрос аутентичности памятника остается открытым. Известны четыре существенно различающиеся по объему редакции произведения, причем сохранившиеся рукописи не уходят далее начала XVII в. Бесспорно, что количество интерполяций в подробных редакциях весьма велико, и можно предполагать, что они в несколько раз превосходят по объему первоначальный авторский текст. Это, конечно, крайне осложняет использование памятника и требует от исследователя критического отношения к привлекаемым им материалам.

Профессор Намвар Сингх, в отличие от прежних интерпретаторов, оперирует не отдельными разрозненными фактами, извлеченными из огромного по объему памятника, а подвергает всестороннему анализу лишь один сравнительно небольшой эпизод «Канаваджджа-самай» (346 стихов), составляющий композиционное ядро поэмы и по всем данным относящийся к древнейшей ее части. В основу исследования положена наиболее старая из известных рукописей краткой редакции, датированная 1667 г. викр/1610 г. н. э. Параллельно с нею использованы соответствующие стихи из принадлежащей Нагарипрачарини Сабха рукописи в полной редакции. Текст первой с разнотечиями по второй опубликован автором в виде приложения к исследованию (стр. 151—218). Текст сопровождается полным документированным глоссарием (стр. 219—283).

Исследование начинается обширным вступительным очерком, где освещена история

изучения памятника, сопоставлены существующие его редакции, охарактеризованы использовавшиеся рукописи и дана общая оценка особенностей памятника и его языка. В первой главе (стр. 55—81) автор, опираясь на орфографию рукописей, анализирует фонетические особенности языка произведения в плане общего развития фонетики индоарийских языков при переходе от среднеиндийской ступени к новоиндийской. Модификации гласных, обусловленные метрическим строением произведения, оговариваются особо. Вторая глава (стр. 90—142) содержит детализированный морфологический очерк. По существу, она может служить хорошей грамматикой старого западного диалекта хинди. В третьей главе (стр. 143—147) кратко характеризуются особенности синтаксиса, в четвертой (стр. 148—150) — словарный состав. К книге приложена подробная библиография (стр. 285—291).

Работа проф. Намвара Сингха, помимо своей самостоятельной значимости, важна еще тем, что она дает богатый и документированный материал для дальнейших исследований в области истории языка хинди.

Несколько снижают ценность этого чрезвычайно интересного исследования допущенные опечатки. Так, текст первых двух стихов, приводимый во введении (стр. 21—22), обнаруживает целый ряд отклонений, особенно во второй редакции, от того же самого текста на стр. 153. Встречаются опечатки и в описании грамматических форм.

डॉ० कपिलदेव सिंह ब्रजभाषा बनाम खड़ीबोली

КАПИЛДЕВ СИНГХ. *Брадж-бхаша против кхари боли*. Агра, Винопустак мандир, 1956, XVII + 340 стр.

Одна из своеобразнейших черт современного литературного хинди заключается в том, что он развился из диалекта, значительно отличавшегося от тех, на которых складывалась традиционная поэзия хинди XV—XVIII вв. — браджа и авадхи. Нынешний литературный язык опирается на диалект кхари боли, который использовался в поэтическом творчестве до XIX в. в ограниченных рамках. Однако в XIX столетии, в связи с возникновением прозы хинди, положение изменилось — этот диалект начал играть все более и более важную роль на литературной сцене. Если первоначально областью употребления кхари боли была исключительная проза — так, в «Прем сагаре» Лаллу джи Лала (1801 г.) прозаический текст на кхари боли перемежается со стихами на брадже, — то уже с середины прошлого столетия между обоими диалектами начинается борьба и в области поэзии. Излюбленный диалект кришнаитской

лирики, брадж, еще долгое время пользовался предпочтением многих поэтов хинди, но позиции кхари боли, имевшего широкое хождение в крупнейших городах двуречья Ганга и Джамны и черпавшего поддержку во все развивавшейся прозаической литературе, крепки и здесь. К началу второй четверти нашего века, в эпоху распространения популярного поэтического направления «чхавад», перевес определенно оказался на стороне кхари боли, и поныне он продолжает оставаться ведущим диалектом в поэзии хинди. Перипетии столетнего соперничества браджа и кхари боли на поприще поэзии хинди всесторонне осветил в своей диссертации д-р Капилдев Сингх. В его книге, построенной на изучении материалов старой периодики с привлечением весьма широкого круга трудов индийских литературоведов, рассматриваются три основных периода этой борьбы: эпоха Бхаратенду (конец XIX в.); эпоха Диведи

(начало XX в.) и эпоха «чхалвада». Для каждого периода автор дает характеристику обстановки, приводя высказывания современников и иллюстрируя свои заключения стихотворными образцами. Этот анализ занимает три центральных главы книги (III—V, стр. 71—224). В первых двух главах автор вскрывает историческую основу соперничества кхари боли и браджа. Здесь он кратко излагает историю развития этих диалектов и литературы на них, причем значительное внимание уделяет кхари боли, его первым проявлениям в поэзии и оценке сил, способствовавших его распространению в XIX в. Заключительные главы (VI—IX) посвящены сопоставлению браджа и кхари боли с точки зрения их соответствия

требованиям стихотворной речи. В этих же главах сравниваются успехи, достигнутые обоими диалектами на разных этапах развития поэзии, и анализируются причины победы кхари боли. Там же дан краткий обзор современного народного творчества на брадже.

Использованная автором литература перечислена в библиографическом списке (стр. 325—340).

В книге д-ра Капилдева Сингха собрано много малодоступного в настоящее время материала, который представляет интерес как для литературоведа, так и для исследователя истории становления национального языка хиндустани.

Г. Зограф

ИЗ НОВЫХ ПОСТУПЛЕНИЙ В ФУНДАМЕНТАЛЬНУЮ БИБЛИОТЕКУ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

彭明·中蘇友史 ПЫН МИН. История китайско-советской дружбы. Пекин, Жэньминь чубаньшэ, 1957, 296 стр.

Книга Пын Мина представляет собой значительно переработанное и дополненное издание его книги «Краткая история дружбы между народами Советского Союза и Китая». Новая книга Пын Мина имеет следующие главы: 1. «Далекая древность — 1917 г.»; 2. «1917—1927 гг.»; 3. «1927—1937 гг.»; 4. «1939—1949 гг.»; 5. «1949 г. — безграничное будущее». Русско-китайские связи до Великой Октябрьской социалистической революции прослеживаются автором с момента возникновения отношений между Китаем и народами, жившими на территории южной Сибири, с XIV—XV вв. Автор подходит к рассматриваемой проблеме с позиций пролетарского интернационализма. Характеризуя политику царизма в Китае со второй половины XIX в., как колониаторскую, он подчеркивает, что нельзя смешивать политику царского правительства и отношение к Китаю русского народа и приводит материалы, свидетельствующие о сочувствии передовых представителей России освободительной борьбе китайского народа.

В основе II—IV глав книги лежат соответствующие разделы предыдущей книги Пын Мина. Вместе с тем здесь приведен новый интересный фактический материал и, главное, дан всесторонний анализ важнейших этапов из истории советско-китайской дружбы. Во II главе заново написаны разделы о советско-китайской дружбе в 1918—1921 гг., о взаимоотношениях между советским правительством и Сунь Ят-сенем, более последовательно изложен процесс распространения идей марксизма-ленинизма в Китае.

В последней главе Пын Мин показывает, что после образования Китайской Народной Республики открылась эпоха тесного союза между великими социалистическими странами во всех областях — политической, экономической, культурной. Советско-китайская дружба является огромной силой в развитии обеих стран, в борьбе за мир во всем мире.

Новая монография Пын Мина является важным вкладом в изучение истории отношений между нашими странами.

The freedom struggle in Hyderabad (a connected account). Publ. by the Hyderabad state committee appointed for the compilation of a history of the freedom movement in Hyderabad, vol. 1—2. Hyderabad, 1956, vol. 1 (1800—1857), 17, 223 p.; vol. 2 (1857—1885), 17, 332 p.

В 1952 г. правительство Республики Индии создало Всеиндийский комитет по составлению истории освободительного движения. Впоследствии такие комитеты были организованы во всех штатах, в ча-

стности в Хайдарабаде (1953 г.). Хайдарабадский комитет провел серьезные исследования во многих архивах и книгохранилищах Индии и опубликовал некоторые материалы, относящиеся к первому

периоду борьбы против колонизаторов (согласно принятой в Индии схеме, история освободительного движения подразделяется на три периода: первый с 1800 по 1885 г., второй — с 1885 по 1919 г., третий — с 1919 по 1947 г.).

В двухтомник в хронологическом порядке включены материалы Хайдарабадского архива, ряда местных архивов, многие документы из фондов центральных архивов в Дели, а также некоторые выдержки из старых печатных работ и индийских газет, ставших ныне библиографической редкостью.

Опубликованные материалы совершенно по-новому освещают историю Хайдарабада, который рассматривался как бастион английского владычества в Индии. Это верно в отношении большей части правящей верхушки. Однако новые материалы убедительно доказывают, что и в этом «заповеднике» реакции еще в XIX в. существовало широкое антианглийское движение. Сопротивление колонизаторам имело место с самого начала английского владычества. В источниках отмечается, что в первой половине XIX в. лишь в одном районе Аурангабада было девять антианглийских восстаний и восемь вооруженных восстаний в сипайских частях.

К числу наиболее ценных публикаций Хайдарабадского комитета, бесспорно, принадлежат документы, связанные с массовым движением в период национального восстания 1857—1859 гг. Эти материалы опровергают представление о «спокойствии» в этой части Индии во время восстания в Хиндустане. Вся страна кипела ненавистью к англичанам. Волнения в Хайдарабаде не переросли во всеобщее восстание только из-за неорганизован-

ности, предательства крупных феодалов и суровых репрессий англичан. В телеграммах английского резидента Дэвидсона уже с конца мая 1857 г. сообщалось о периодическом появлении прокламаций с призывом к восстанию (текст их приводится в двухтомнике), об активной деятельности агитаторов. Дэвидсон не скрывал того, что он надеялся лишь на поддержку низама и его ближайшего окружения. Чрезвычайно интересны донесения английских офицеров, извлеченные из архивов, а также материалы провинциальных газет того времени, дающие представление о массовом движении в сельских районах Хайдарабада. Так, в северных областях владений низама в связи с приближением отрядов Тантия Топи с середины 1858 г. началась настоящая партизанская война. Ее возглавляли рохилы, многие из которых служили в сипайских войсках. Однако основную массу восставших составляли крестьяне, принадлежавшие, как сообщали корреспонденты местных газет, в большинстве своем к низшим кастам. Партизанская борьба на севере Хайдарабада продолжалась около двух лет (до 1860 г.). Восстания против англичан имели место и в юго-западных районах княжества. Отголоски всеобщего национального восстания можно проследить также в антианглийских заговорах 1862 и 1867 гг. (Заговорщики связывали свою деятельность с именами Нана Саиба и Тантия Топи.)

В заключительных разделах двухтомника составители публикуют материалы об аресте Пхадке, об участии хайдарабадских крестьян в восстании Рампа, о зарождении буржуазно-либерального общественного мнения в Хайдарабаде.

Southeast Asia (Vietnam, Thailand, Cambodia, Laos, Burma and Indonesia). Report on United States foreign assistance programs... Washington, 1957, 36 p. (Survey No. 7).
South Asia (Afghanistan, Pakistan, India and Ceylon). Report on United States foreign assistance programs... Washington, 1957, 34 p. (Survey No. 8)

В 1956 г. сенат США создал специальный комитет для изучения различных аспектов оказания американской «помощи» иностранным государствам. Этот комитет выпустил в 1957 г. две серии изданий: одна из них освещает отдельные области проблемы «помощи» (цели, персонал и т. п.), другая — представляет обзор практики предоставления «помощи» по странам и географическим районам. В частности, обзоры № 7 и 8 посвящены странам Южной и Юго-Восточной Азии. Каждый обзор состоит из двух частей. В первой содержится анализ задач, которые преследует оказание «помощи», и

достигнутых результатов, а также общие рекомендации на будущее.

В обзорах немало официально-торжественных слов о благородном стремлении США помочь укреплению независимости стран Востока, но есть и недвусмысленные признания относительно истинных мотивов предоставления «помощи». Проблема состоит в том, чтобы заполнить вакуум, вызванный внезапным окончанием европейского контроля; «помощь Южной Азии объясняется стратегическим значением района...» — эти и подобные им печальные признания выдаются с головой американских колонизаторов, пытающихся

ся рядиться в тогу благодетелей Азии.

Неудивительно, что авторам обзоров приходится сетовать на повсеместное убеждение народов стран Азии в том, что «во всех программах помощи» США преследуют прежде всего военные цели. Однако простое сопоставление приводимых цифр весьма красноречиво свидетельствует о том, что народы Азии не ошибаются: Пакистан, член Багдадского пакта и СЕАТО, получил за 1952—1956 гг. на «экономические цели» 110 млн. долл. кроме огромных сумм на чисто военные мероприятия, а Афганистан, проводящий политику позитивного нейтралитета, — менее 5 млн. долл. Столь же сетуют авторы на «дух национализма», свойственный народам Востока, и на убеждение «слишком многих, что капитализм и колониализм — синонимы и оба означают эксплуатацию».

Из многочисленных рекомендаций по частным вопросам следует отметить предложения о большем развитии технической помощи, как наиболее дешевой, о предпочтительности займов, «менее оскорбляющих национальное самолюбие народов», чем крикливо рекламируемые «дары» США. Характерны попытки использовать «помощь» для оказания давления на экономическую политику правительств азиатских стран. Об этом свидетельствуют, в частности, рекомендации о необходимости усиления «помощи» частному сектору в ущерб государственному.

Авторов обзоров весьма беспокоит влияние увеличивающейся помощи Советского Союза и других стран социалистического лагеря народам Азии, и они предлагают «простой рецепт» борьбы с этим влиянием: на каждое торговое соглашение или соглашение о кредитах с СССР отвечать соответствующим сокращением помощи США.

Вторая часть обзоров посвящена осуществлению программ «помощи» в отдельных странах. В Афганистане мероприятия по технической помощи крайне незначительны (одновременно говорится о внушительном советском займе, об эле-

ваторе и хлебозаводе, построенных СССР). Столь же мало получают от США Цейлон и Индонезия. Бирма в 1953 г. вовсе отказалась от американской помощи.

Из пяти стран, не связанных с США военной помощью, только Индия получила более значительную сумму (326 млн. долл. в течение 1952—1956 гг.), предназначенную на осуществление 63 различных проектов в области сельского хозяйства, промышленности и транспорта. Это объясняется, по словам автора обзора по Южной Азии Л. Джонса, рядом причин, в том числе и тем, что США понимают значение «вызова, брошенного быстрым экономическим развитием коммунистического Китая, и знают о влиянии Индии на другие страны Азии».

Как уже отмечалось выше, крупные суммы ассигнуются Пакистану, ибо он имеет особое стратегическое значение и, как сказано в обзоре, пакистанцы благодаря вековым военным традициям могут быть «великолепными потенциальными союзниками». Правительство Пакистана удостоено также похвалы за то, что оно более других поощряет вложения в частный сектор.

В обзоре по странам Юго-Восточной Азии не приводятся точные цифры «помощи» Таиланду, Лаосу, Камбодже. Тем более интересны данные по Южному Вьетнаму, который объявляется «ключом к интересам США в Юго-Восточной Азии». В 1953 г. США предоставили 785 млн. долл. Франции на ведение войны во Вьетнаме. После Женевских соглашений в течение двух лет в Южный Вьетнам было вложено более полумиллиарда долларов, причем в основном они были потрачены на армию.

Более полумиллиарда долларов на марш-непочтучную армию в Южном Вьетнаме — стране с 12-миллионным населением, и 21,5 млн. долл. на борьбу с малярией в Индии — стране с 385-миллионным населением...

Таково распределение американской «помощи».

SINHA N. K. The economic history of Bengal. From Plassey to the Permanent settlement, vol. 1. Calcutta, 1956, 260 p.

Одна из последних крупных работ маститого индийского ученого Н. К. Синха «Экономическая история Бенгалии» представляет собой очерки по истории народного хозяйства Восточной Индии во второй половине XVIII в. Первый том ее посвящен характеристике состояния торговли и ремесла в Бенгалии в период английского завоевания (второй том будет касаться истории аграрных отношений и сельского хозяйства XVIII в.).

Важнейшим достоинством новой книги Синха является чрезвычайно широкое использование автором архивных материалов. Достаточно указать, что его работа основана на изучении фондов Индийского национального архива и архива бенгальского секретариата (письма Совета директоров Ост-Индской компании, протоколы заседаний Бенгальского торгового совета, совета генерал-губернатора и т. п.), архива Верховного суда в Калькутте,

архивов: отдельных дистриктов Бенгалии, голландского королевского архива и др. Многие документы используются в книге впервые. Первоклассные источники позволили автору дать правдивую характеристику колониального грабежа Индии в первые десятилетия английского господства, когда эксплуатация страны осуществлялась с той бесстыдной откровенностью, которая свойственна «заре» капитализма. В первых разделах книги Синха описывает формы эксплуатации Бенгалии методами первоначального накопления. Основное внимание он уделяет деятельности Ост-Индской компании, предпринятию ее служащих и «вольных» английских купцов. Автор показывает, как после захвата политической власти в Бенгалии англичане в сущности прекратили торговый обмен, заменив его прямым изъятием богатств страны. Если раньше Ост-Индская компания должна была взамен ввозить золото или товары, то теперь она использовала налоговый пресс, чтобы выжать из страны средства на оплату вывозимых в Англию товаров. При этом «оплата» производилась по ценам, устанавливаемым англичанами. Весьма интересны материалы, показывающие тенденцию к подрыву монополии Ост-Индской компании, активизацию деятельности так называемых «вольных» купцов, складывание первых частных торговых домов, из которых впоследствии выросли столь характерные для колониальной Индии управляющие агентства. Так, например, анализ архива Дакки конца 80-х — начала 90-х годов показывает, что в то время торговый оборот «вольных» купцов здесь уже не уступал операциям агентов компании.

MUKHERJEE R. The dynamics of a rural society. A study of the economic structure in Bengal villages. Berlin, Akademie-Verlag, 1957, X, 134 p.

Новая книга индийского экономиста Рамакришны Мукерджи представляет собой характеристику аграрных отношений в бенгальской деревне в период английского владычества. В основу книги положены не только исторические источники и статистические публикации, но также и материалы проведенных в 1937 и 1940—41 гг. самим автором обследований ряда бенгальских деревень.

Мукерджи стремится исследовать зависимость общественных институтов бенгальской деревни от ее экономической структуры. Полемизируя с большинством буржуазных ученых, автор подчеркивает, что деревня даже в отсталой колониальной стране отнюдь не представляет собой единого целого. Опираясь на данные своих обследований и выборочного обследо-

Охарактеризовав формы колониального ограбления Бенгалии, автор в последующих разделах рисует последствия этого ограбления для страны: возникновение искусственного разрыва исторически сложившихся экономических связей, вытеснение крупных индийских купцов и банкиров, дезорганизацию денежного обращения и т. д. Наибольший интерес представляют главы, посвященные положению ремесленников. Синха подробно показывает как после установления английского господства бенгальские ткачи попали в кабальную зависимость от компании и «вольных» купцов. Цены на ткани были такими низкими, что не окупали даже расходов ткачей на пряжу. Бенгальские ткачи жили в то время не столько за счет своего ремесла, сколько с доходов от имевшихся у них небольших земельных участков. Между тем, до английского завоевания ремесло в Бенгалии находилось на очень высоком уровне развития. Приводимые автором документы рассказывают, в частности, о ткачах, которые имели несколько станков и нанимали рабочих, о ткачах, работавших в чужих домах и т. д. Большую ценность представляют сообщения о попытках сопротивления ремесленников агентам компании. К сожалению, Синха сравнительно мало внимания уделяет материалам, рисующим жестокость колонизаторов и страдания бенгальских ткачей. Это связано с его подчеркнутым стремлением к «объективному» изложению. Подобный объективизм, естественно, отнюдь не способствует всестороннему выяснению исторической истины. Впрочем, яркость цитируемых документов, в значительной мере возмещает этот недостаток.

проведенного Индийским статистическим институтом в 1946 г., он показывает глубокое расслоение бенгальского крестьянства, выделение из его среды небольшой имущей верхушки, сливающейся с помещиками (около 4% хозяйств), и огромного слоя бедноты: батраков, сельскохозяйственных рабочих, кабальных арендаторов и т. п. (до 54% хозяйств, по расчетам Мукерджи). Однако необходимо отметить при этом, что, проводя разграничение социальных групп сельского населения, автор исходит не из типа хозяйства, а из величины дохода и общественного положения. При таких критериях помещики феодального типа неизбежно сливаются с капиталистическими элементами, мелкие торговцы объединяются с середняками и т. д. Тем не менее можно

считать, что выводы Мукерджи дают известное представление о классовой структуре бенгальской деревни в период английского господства.

Весьма интересен анализ тенденций развития аграрного строя в колониальных условиях. Мукерджи отмечает, что развитие товарных отношений при сохранении чужеземного господства, при одностороннем, уродливом характере всей экономики страны не могло привести к широкому росту капитализма в сельском хозяйстве. Товарно-денежные отношения и расслоение крестьянства в этих условиях влекли за собой пауперизацию и превращение самостоятельных хозяев в безземельных издольщиков, находящихся в кабальной зависимости от помещиков. Производственные отношения при этом, по мнению автора, по-прежнему сохраняли полуфеодалный характер. Консервация феодальных пережитков обуславливала их господство и в общественной жизни деревни.

Особое внимание автор уделяет в этой связи характеристике системы каст и кастовой идеологии. Он сравнительно подробно описывает возникновение кастовых

институтов и их историческую роль в феодальной Индии, подчеркивая при этом, что антикастовая направленность движения бхакти и ряда других общественных движений открывала перспективу ликвидации каст в случае независимого развития страны. Однако сохранение полуфеодалных аграрных отношений в колониальных условиях, а также сознательная политика английских колонизаторов обеспечили господство религиозно-кастовых пережитков и в новое время. Господствующие классы по-прежнему использовали касту как средство внеэкономического принуждения, как одно из условий полуфеодалной эксплуатации. Приводимые автором цифры показывают, в частности, что среди помещиков и кулаков обследованных деревень большинство составляли представители высших каст индусов. В то же время среди батраков и издольщиков преобладали выходцы из низших каст и неприкасаемых. Искусственное сохранение религиозно-кастовых пережитков в обстановке колониального режима явилось одной из основных причин обострения религиозной розни в Бенгалии после второй мировой войны.

HERZOG R. Die Nubier. Untersuchungen und Beobachtungen zur Gruppengliederung, Gesellschaftsform und Wirtschaftsweise. Berlin, Akademie-Verlag, 1957, 218 S.

Особый интерес монографии Р. Герцога о нубийской народности, населяющей долину Нила в Северном Судане и в пограничных районах Египта, придает то обстоятельство, что в основу ее положены материалы работ, проведенных автором в послевоенные годы непосредственно в Судане. Труд Р. Герцога представляет собой ценный источник для изучения современного положения нубийцев. Весьма интересны, в частности, сообщаемые им сведения по экономике нубийской деревни, в особенности материалы о проникновении товарно-денежных отношений. Еще в конце XIX в. крестьянское хозяйство этих районов носило почти исключительно натуральный характер. Теперь же оно сравнительно прочно связано с рынком; в деревне развилось массовое отходничество, появились торговцы, развозящие в старых грузовиках предметы домашнего обихода, и т. п. Характерно, что развитие товарного хозяйства в Судане совершалось в типичных для колоний односторонних формах. Оно не сопровождалось широким развитием промышленности и ремесла. Однако существенные пережитки натуральной замкнутости крестьянского хозяйства продолжают сохраняться. Автор указывает, например, что одежда и домашняя утварь в основном по-прежнему произво-

дятся силами семьи. Но если раньше крестьяне использовали для этого исключительно дмотканые материи, то теперь они нередко покупают английские или индийские ткани.

В книге имеются данные, свидетельствующие о зарождении капиталистических элементов в нубийской деревне. Так, автор описывает крупное поместье, владелец которого на лучших землях ведет собственное хозяйство с применением машин и наемной рабочей силы. Однако в большинстве случаев товарно-денежные отношения в колониальном Судане не вели к широкому развитию капитализма в сельском хозяйстве. Наряду с незначительным и медленным развитием капитализма они приводили к массовой пауперизации и широкому отходу в город. В некоторых районах, где побывал автор, аграрное перенаселение приняло такие размеры, что подавляющая часть взрослого мужского населения была вынуждена уходить на заработки в крупные города Египта и Судана.

В нубийской деревне сохраняются еще пережитки дофеодалных и патриархальных отношений. Герцог, в частности, подробно прослеживает историю рабства в Нубии, где, по его словам, еще в XIX в. рабы составляли около 5% населения.

Автор приводит также данные о зависимом положении бывших рабов и их потомков в наши дни.

Если фактический материал, сообщаемый Герцогом, представляет несомненную научно-познавательную ценность, то теоретический анализ этих сведений в книге в общем и целом неудачен. В особенности это относится к социально-экономическим разделам, которые автор излагает с идеа-

листических позиций. (Он, например, рассматривает семью, племя и государство в одном плане, как последовательные ступени организации общества, возникающие друг из друга.)

Книга Р. Герцога снабжена обширным библиографическим списком, насчитывающим около 800 названий работ по истории, экономике и этнографии народов Северного Судана.

LAWRANCE J. C. D. The Iteso. Fifty years of change in a Nilo-Hamitic tribe of Uganda. London, Oxford University press, 1957, XX, 280 p.

Книга Дж. Лоуренса посвящена всестороннему описанию живущих в Уганде племен итесо, характеристике их социально-экономического строя, общественно-политических институтов, хозяйства, культуры и быта. (Итесо — значительная группа племен, насчитывающая свыше полумиллиона человек и уступающая в Уганде лишь народу баганда. До сих пор итесо не были подробно описаны в литературе.) Правда, работа Лоуренса не является научным исследованием, она скорее, как отмечает сам автор, представляет собой свод материалов и сведений, необходимых для подобного исследования. При этом следует учесть, что Лоуренс в течение пяти лет (до 1955 г.) руководил английской колониальной администрацией в районах поселения итесо, и его служебное положение открывало ему доступ к самой широкой информации (районные архивы, материалы племенных судов, консультации вождей и т. п.).

В книге Лоуренса содержатся материалы о различных сторонах жизни итесо. Наиболее интересны данные, рисующие широкую картину разложения общинно-родового строя у итесо на протяжении последних десятилетий. Еще до завоевания англичанами у итесо начала выделяться племенная верхушка и появились первые элементы патриархального рабства, но в целом господствовали общинно-родовые институты. Итесо жили родовыми общинами или большими семьями с общим хозяйством. Подобные общины объединялись в кланы, а кланы в племена, имевшие общие охотничьи угодья, общие культы и т. п. Основой хозяйства являлось примитивное подсечное земледелие и скотоводство. Важнейшую роль в общественной жизни племена играли своеобразные возрастные союзы мужчин, на которых строилась военная и общественно-политическая организация итесо. В настоящее время весь этот уклад претерпевает существенные изменения. Под налоговым и прямым административным нажимом колонизаторов итесо начали широко возделывать товарные культуры, в особенности хлопок. (Налоги, как явствует из материалов Лоу-

ренса, отнимают до половины сумм, получаемых итесо за проданный хлопок.) Проникновение товарных отношений ускорило распад общинного хозяйства. Правда, итесо и в настоящее время живут большими семейными общинами, где все сверстники называют друг друга братьями и сестрами, а всех старших родственников отцами и матерями. Однако хозяйство ведется уже в основном индивидуальными семьями. При этом интересно, что производство технических культур целиком носит частный характер, в то время как в зерновом хозяйстве еще очень сильны общинные пережитки. Одновременно происходит преобразование родо-племенной собственности в частную. Формально земля и поныне принадлежит большой семье и не может продаваться и закладываться. Но дома, ранее составлявшие часть единого родового поселения, продаются уже сравнительно широко; наблюдаются случаи продажи садов, мелких ирригационных сооружений и т. п. Далеко зашел также процесс формирования эксплуататорской верхушки. Некоторые вожди ведут крупное товарное хозяйство (иногда даже с применением тракторов), в котором используется труд зависимых соплеменников или пришлых батраков. Естественно, что автор — чиновник английской службы — стремится обойти вопрос о страданиях местного населения, вызванных разложением родового строя в условиях иностранного колониального владычества. Однако цитируемые им донесения с мест о голоде и приводимые данные о массовых венерических заболеваниях (несколько десятков тысяч случаев при общей численности итесо 500 тыс. человек) проливают свет на «цивилизаторскую» миссию колонизаторов.

Помимо социально-экономического материала, книга Лоуренса содержит главы о культуре и быте итесо, снабженные многочисленными фотографиями и рисунками.

Несомненный интерес представляет также заключительный раздел работы, в котором автор излагает свой опыт сведений в единое целое основных норм обычного права итесо.

MADGE C. *Survey before development in Thai villages. United Nations series on community organisation and development. New York, 1957, 4, 90 p.*

Книга английского экономиста и социолога профессора Чарльза Маджа написана на основе материалов, собранных автором во время его пребывания в Таиланде, где он в 1953—1954 гг. работал в качестве советника ЮНЕСКО в провинции Убон, находящейся на северо-востоке страны. Материалы эти первоначально (1955 г.) были представлены в виде закрытого отчета для ЮНЕСКО, которая совместно с тайскими властями участвовала в осуществлении так называемого «проекта общинного развития» в провинции Убон (отсюда и специфическое название работы).

В своей работе Мадж пытается дать всестороннюю характеристику современного положения тайской деревни. Он описывает внешний облик деревни, типичное крестьянское жилище, жизненный уклад, быт, структуру деревенской общины и сельской администрации. Но наиболее интересны в книге разделы, посвященные социально-экономическим проблемам. Автор сообщает, что вплоть до самых последних лет в деревнях отдаленных районов Таиланда господствовало натуральное хозяйство. Еще и поныне большинство крестьянских семей имеет не только посевы риса, но и участки под хлопком, сахарным тростником, земляным орехом, производимыми для собственного потребления. Каждый крестьянин владеет ремесленными навыками: мужчины столярничают, плотничают, женщины прядут и ткнут, почти в любом хозяйстве изготавливается своя посуда.

Однако безраздельное господство натурального хозяйства уходит в прошлое. Меткие наблюдения автора позволяют увидеть первые признаки складывания общественного разделения труда. Так, в деревне, где во всех хозяйствах наряду с обработкой земли изготавливается собст-

венная металлическая посуда, один из крестьян превратил это занятие в основное, сбывая излишки в соседние районы.

Интересны материалы Маджа о расслоении крестьянства, которые показывают, что это расслоение заметно уже даже в отдаленных районах. Автор, в частности, приводит данные по нескольким десяткам обследованных им хозяйств, свидетельствующие о выделении зажиточной верхушки, которая сосредоточила в своих руках значительную часть земель (в особенности орошаемых) и большую часть скота. В то же время многие хозяйства обеднели настолько, что собираемый ими урожай не может обеспечить существования семьи. Мадж считает, что число зажиточных хозяйств, имеющих избытки продукции, в обследованной им группе составляет 10%, бедняцкие — 20%, остальные 70% хозяйств удовлетворяют свои потребности, но излишков не имеют. В окрестностях провинциального центра имущественное расслоение зашло значительно дальше. В одной из пригородных деревень всю землю сосредоточили в своих руках 5 кулаков, основная же масса крестьян превратилась в безземельных батраков и поденщиков. Естественным следствием расслоения и обезземеливания крестьянства является отходничество в поисках найма. В районах, обследованных Маджем, особенно широкий размах принял отход в Бангкок, где крестьяне работают рикшами. Есть случаи, когда заработки рикши становятся главным источником существования его семьи в деревне. Следует заметить, что автор отнюдь не стремится преувеличить степень социальных противоречий в современной тайской деревне. Он скорее пытается показать удовлетворенность крестьян «традиционными» формами жизни, их преданность землевладельцам и т. д.

GROSLIER. B. Ph. *Angkor et le Cambodge au XVI siècle d'après les sources portugaises et espagnoles. Avec la collaboration de C. R. Boxer. Paris, 1958, 194 p.*

Гролье знакомит читателя с испанскими и португальскими источниками, относящимися главным образом ко второй половине XVI в. В основу работы положена неизвестная глава написанной в конце XVI в. книги официального хрониста португальской Индии Диего ду Коту. Глава была разыскана профессором Лондонского университета Боксером, сообщившим о ней на XXIII Международном конгрессе востоковедов в Кембридже. Гролье присоединил к этой рукописи ряд

отрывков, посвященных той же теме, из сочинений испанских и португальских авторов, опубликованных на протяжении XVII в., и ввел, таким образом, в научный оборот ряд сведений из неизвестных и малоизученных источников по истории Камбоджи XVI в.

В начале книги дается краткий исторический очерк Камбоджи в XV—XVI вв. Затем приводится полный текст вышеупомянутой главы Диего ду Коту, рассказывающей об Ангкоре, и отрывки из напи-

санных в конце XVI в., частично в XVII в. книга Дос Сантоса, Д'Аргенсолы, Рибденейра и других авторов. Гролье проводит сравнительный анализ источников, причем сопоставление неопубликованных и опубликованных источников показывает значительное сходство в описании внешнего вида Ангкор-тома и Ангкор-вата и изложении исторических событий. Приводятся сведения из работ, в которых Ангкор упоминается лишь мимоходом, или которые относятся к более позднему периоду, а также сведения о картах Камбоджи того времени.

Сопоставляя даты из разных источников, автор приходит к выводу, что приблизительно в 1570 г. Ангкор-том, разграбленный и опустевший в 1431 г. во время войны с Сиамом, был вновь «открыт»; в его окрестностях поселился король, сюда опять была перенесена столица и произведены некоторые реставрационные работы. В конце XVI в. город вновь покинули, столицу перенесли в Пном Пен, и Ангкор вскоре окончательно обезлюдел. Краткий период возрождения жизни в Ангкоре совпал с появлением в Камбодже европейцев, поэтому есть основания полагать, что они были в городе и на их рассказах основаны сведения о нем в европейских хрониках.

Автор пытается извлечь из источников сведения об экономической жизни Камбоджи. Перечисляя богатства Камбоджи, отмечает автор, хронисты называют золото, серебро, белых слонов, но основным ее богатством все единодушно считают рис. Житницей страны была долина Ангкора. Камбоджийцы, пишет Гролье, создали сложную ирригационную систему, состоящую из сети каналов, искусственных озер (некоторые из них достигали огромных размеров — 8 × 2 км) и резервуаров. Одновременно эта система использовалась для транспортировки грузов. Благополучие страны целиком зависело от ирригации, поэтому столь разрушительные последствия имели неудачные войны с Сиамом. Потребностями ирригации объясняет Гролье и высокую степень централизации кхмерского государства.

Из приводимых автором источников видно, что в XVI в. Камбоджа вывозила рис, рыбу, слоновую кость, лак и т. п., ввозила — медь, свинец, фарфор, причем огромную роль в торговле играли китайские и японские купцы.

Составлено сотрудниками Сектора Востоковедения ФБОН АН СССР Л. А. Гордоном, С. И. Кузнецовой, Р. А. Миронцкой.

В СССР

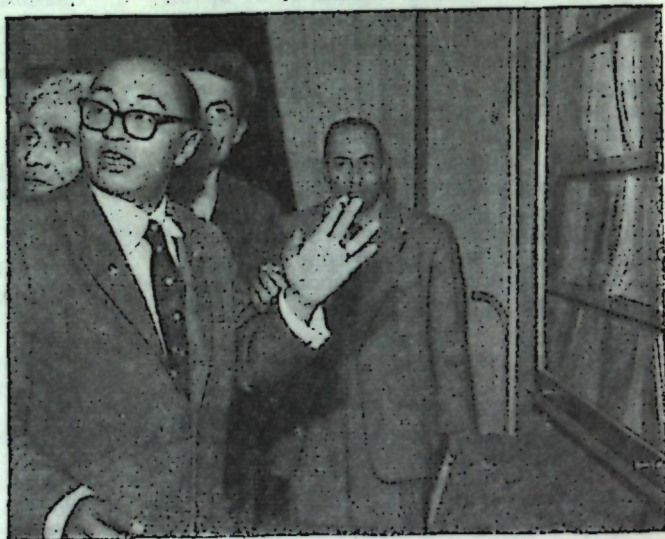
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР

В июне 1958 г. состоялось очередное заседание Организационного Комитета по созыву 25 Международного конгресса востоковедов. На заседании был обсужден план изданий к конгрессу.

Намечена обширная программа издания научной и научно-популярной литературы по различным отраслям востоковедных знаний.

В июне 1958 г. Институт посетил принц Таиланда Прем Пурачатра, видный ученый — литературовед, профессор Чулалонгкорнского университета в Бангкоке. Перед научными сотрудниками и аспирантами Института он выступил с лекцией о таиландской литературе. Прем Пурачатра подробно охарактеризовал классическую литературу Таиланда, осветил творчество виднейших национальных писателей и поэтов. По просьбе присутствовавших Прем Пурачатра рассказал о состоянии современной литературы своей страны.

Во время пребывания в Ленинграде принц Прем Пурачатра посетил Ленинградское отделение Института востоковедения, ознакомился с научной работой его сотрудников и осмотрел хранилище восточных рукописей. Принц Прем Пурачатра ознакомился также с деятельностью Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР.

Принц Таиланда Прем Пурачатра осматривает выставку книг о Таиланде в Институте востоковедения АН СССР

В первом полугодии 1958 г. на заседаниях исторической, экономической и филологической секций Ученого совета Института состоялись защиты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук. Среди защитивших диссертации на филологические темы: В. Ю. Алнев — «Поэма «Хосров и Ширин» Низами Ганджеви и одноименная поэма Амира Хосрова Дехлеви», С. Амнинова — «Женские образы в творчестве С. Айни», Н. Д. Мамедов — «М. Ф. Ахундов — родоначальник азербайджанской реалистической литературы»

М. Н. Софронов — «Сложные глаголы в языке романа «Шуйхучжуань».

Ученая степень кандидата исторических наук присуждена В. Тудэву — «Рабочий класс МНР в борьбе за выполнение первого пятилетнего плана развития народного хозяйства и культуры (1948—1952 гг.)»; Л. С. Васильеву — «Аграрные отношения и община в Китае в начале первого тысячелетия до н. э.»; И. И. Юсупову — «Участие трудящихся дунган в борьбе за установление Советской власти и в гражданской войне в Семпречье (1917—1922 гг.)»; Р. Г. Лауда — «Национально-освободитель-

ное движение в Алжире после второй мировой войны (1945—1954 гг.)»; Д. Юмжаву — «Десятый съезд МНРП и его историческое значение»; А. А. Карцеву — «Борьба американских и германо-итальянских империалистов за господство над Северной Африкой в период второй мировой войны»; А. А. Искендерову — «Феодалный город Японии XVI столетия».

Успешно защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук Р. А. Ульяновский — «Основные проблемы экономического развития независимой Индии в 1947—1957 гг. (госкапитализм)» и М. А. Размавар — «Налоговая система и налоговая политика в современном Иране».

В июне 1958 г. на заседании сектора древнего Востока с докладом «Некоторые проблемы древнеиндийской археологии» выступил видный ученый Германской Демократической Республики профессор Университета в Галле Гейнц Моде. Проф. Моде подробно рассказал о новых археологических раскопках в Индии и Пакистане, имеющих весьма важное значение для выяснения основных проблем истории и культуры древней Индии.

5 августа 1958 года Институт востоковедения посетила делегация сторонников мира Индонезии в составе генерального секретаря Индонезийского комитета защиты мира Суросо, депутатов парламента Джоди Гондокусумо и Манзура, г-жи Сартини и Ахадьята. Гости ознакомились с работой советских востоковедов и ответили на многочисленные вопросы научных сотрудников Института. Гостям были преподнесены труды советских ученых по Индонезии, опубликованные в последнее время.

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИВ АН СССР

19 мая 1958 г. состоялось научное заседание, посвященное сорокалетию со дня смерти крупнейшего русского востоковеда — тюрколога В. В. Радлова. С докладом о жизни и научной деятельности ученого выступил проф. А. Н. Кононов. Сообщение на тему «Радловский кружок АН СССР» сделал А. М. Серов.

ИНСТИТУТ КИТАЕВЕДЕНИЯ АН СССР

В июне 1958 г. состоялось расширенное заседание Ученого совета Института, посвященное 700-летию с начала творческой деятельности великого китайского драматурга Гуань Ханьцина. С докладом о творчестве Гуань Ханьцина выступил д-р филол. наук Н. Т. Федоренко.

Торжественное заседание общественности столицы, посвященное этой знаменательной дате, состоялось также в Колонном зале Дома союзов.

БИБЛИОТЕКИ

В Ленинграде в Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина состоялась книжно-иллюстративная выставка, посвященная Объединенной Арабской Республике. Наряду с работами советских исследователей на выставке были широко представлены книги, поступившие из Египетского и Сирийского районов Объединенной Арабской Республики, а также из Йемена.

За последнее время связи Публичной библиотеки с ОАР значительно расширились.

Только за последний год библиотека получила из дружественной республики около 500 книг.

Отдел рукописей Публичной библиотеки располагает интереснейшим собранием арабских рукописей.

МУЗЕИ

В середине текущего года в Москве в помещении Государственного музея восточных культур впервые в Советском Союзе бы-

В апреле 1958 г. в Москве состоялась передача посольству Китайской Народной Республики в СССР ценных памятников китайской культуры — рукописей новеллы «Лю Чинь ту шю», выдающегося писателя конца XVII — начала XVIII в. Пу Сун-лина

и отрывка «Лю Чинь-юань чунгундяо», представляющего собой образец ранней китайской драматургии. На снимке: посол КНР в СССР Лю Сю (справа) выступает с речью во время церемонии передачи рукописей.

ла устроена выставка современной непальской живописи. Большинство работ, представленных на выставке, были привезены хранителем Непальского государственного музея художником Ч. М. Маскеем, сопровождавшим короля Непала во время его визита в Советский Союз.

На выставке были экспонированы преимущественно работы самого Маскея, а также художников Джуала Самп, Бал Кришна Сама, Чатуратна и других.

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ССР

Востоковеды республики ведут большую подготовительную работу в связи с предстоящим в декабре 1958 г. 400-летием со дня смерти великого азербайджанского поэта Мухаммеда Физули. Вышел из печати первый том произведений Физули, подготовленный Институтом языка и литературы им. Низами

АН Азерб. ССР. Произведения выдающегося поэта будут изданы в пяти томах.

Азербайджанское Государственное издательство выпустило на азербайджанском языке книгу д-ра филол. наук проф. А. К. Закуева — «Философские воззрения Бахманяра».

УЗБЕКСКАЯ ССР

Общественность Узбекистана широко отметила 470-летие со дня рождения классика узбекской литературы Захираддина Бабура (1483—1530). Знаменитые записки «Бабур-Намэ» не только представляют исключительную ценность как исторический памятник, но и обладают высокими художественными достоинствами. Широкой известностью пользуется также «Диван» Бабура. Написанные им трактаты по воен-

ному делу, поэтике и музыке до нас не дошли.

В Анджане была проведена юбилейная научная сессия Отделения общественных наук Академии наук Узб. ССР. Участники сессии заслушали доклады, посвященные деятельности Бабура как литератора, поэта, теоретика военного искусства и государственного деятеля.

К юбилею издано исследование канд. ист. наук С. Азимджановой «К истории Ферганы второй половины XV века».

КАРАКАЛПАКСКАЯ АССР

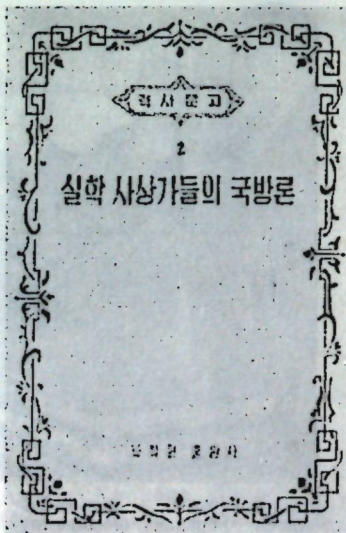
К предстоящей декаде узбекской литературы и искусства в Москве Каракалпакское государственное издательство выпустило в свет роман Жолмурзы Аймураева «На берегу Аму», посвященный жизни и труду хлопкоробов. Это — первый роман в каракалпакской литературе.

ЗА РУБЕЖОМ

КИТАЙ

В Китае в настоящее время существует 12 издательских организаций, выпускающих литературу на языках национальных меньшинств. Выходят в свет книги и периодические издания на 13 языках: монгольском, тибетском, уйгурском, казахском, корейском, чжуан, II, таян, танна, сибо, киргизском, цзинпо и лису. На этих языках издаются 22 газеты и 33 журнала.

По неполным данным, за период с 1952 г. по июнь 1957 г. в стране было в общей сложности издано 5800 названий книг на языках национальных меньшинств тиражом свыше 54 млн. экземпляров.

Обложка книги «Идеологи войны «Сирхан» об обороне государства». На серии «Историческая библиотека» издаваемой Институтом истории АН КНДР

В Пекине состоялся торжественный митинг, посвященный 60-летию со дня основания Пекинского университета. Это учебное заведение является самым крупным университетом Китая. В университете имеется 14 факультетов и 37 специальных отделений. В нем работают и учатся 10 тыс. человек.

ПОЛЬША

С декабря 1957 г. по март 1958 г. известный польский арабист проф. Т. Левицкий совершил научную поездку во Францию, Англию, Федеративную Республику Германии, Италию и Чехословакию. Проф. Т. Левицкий выступил в востоковедных уч-

реждениях этих стран рядом лекций о значении арабских источников для истории Восточной Европы, а также по проблемам истории Северной Африки.

В длительную научную командировку в Эфиопию выезжал семитолог проф. С. Стрельцын. Он провел ряд лингвистических и этнографических исследований, собрал наряду с научной документацией богатый фотографический материал, записал тексты песен на разных языках Эфиопии. Собранные проф. С. Стрельцыным материалы были экспонированы в Институте востоковедения Польской Академии наук.

По предложению Статистического управления Судана группа ученых Географического института Польской Академии наук приступила к подготовке демографического атласа Судана. Этот первый демографический атлас Судана будет издан в Польше на английском языке.

ИНДИЯ

В феврале с. г. в Дели проходила Всендийская конференция Общества развития языка урду. Центральное место в ее работе занимали вопросы, касающиеся роли урду в современной Индии и его положения среди других языков страны. На конференции присутствовало около 300 делегатов местных организаций общества. В ней приняли также участие многие видные политические деятели, писатели, журналисты, издатели.

Выступивший на конференции на языке урду премьер-министр Джавахарлал Неру выразил уверенность, что урду в Индии будет крепнуть и развиваться, несмотря на кое-где еще встречающиеся препятствия.

Большой интерес вызвало выступление председателяствовавшего на конференции д-ра Тара Чанда. В дальнейшем развитии и обогащении языка д-р Тара Чанд предложил опираться прежде всего на разговорную речь народа и одновременно без каких-либо предубеждений использовать все традиционные источники заимствования.

На конференции были заслушаны доклады, посвященные проблемам современной литературы урду, вопросам усовершенствования письменности и дальнейшего развития языка.

Конференция приняла ряд резолюций, направленных в основном на защиту прав говорящего на урду населения Индии, насчитывающего не менее 15 млн. человек.

ИНДОНЕЗИЯ

В Джакарте создано Объединение ученых Республики Индонезии.

Председателем Объединения является профессор Сарвоно.

17 августа 1958 г. в День независимости в Богоре состоялось официальное открытие Музея борьбы за национальную независимость.

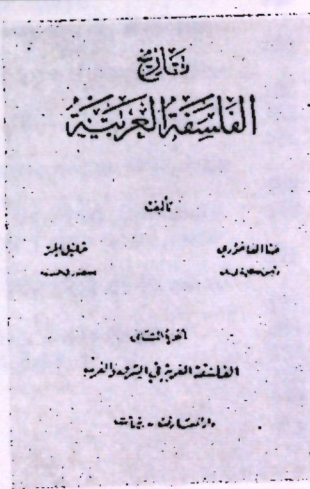
ЛИВАН

Бейрутское издательство «Дар ал-Ма^а ариф» выпустило два тома «Истории арабской философии». Книга написана известными ливанскими философами и историками культуры Ханна ал-Фахури и Халилом ал-Джарром. Первый том вышел в конце 1957 г. Рассмотрению арабской философии авторы предпосылают обширное введение, в котором излагается история философских взглядов в древнем Китае, Греции и Риме. Далее рассматриваются философские и общественно-политические аспек-

В Джакарте вышел первый номер нового иллюстрированного журнала «Варта Кеджуран», издаваемого Министерством просвещения и культуры. Новый журнал будет освещать различные стороны жизни индонезийского общества и, в особенности, проблемы развития техники, экономики, торговли. Особое внимание журнал будет уделять проблеме подготовки квалифицированных кадров для различных отраслей народного хозяйства страны.

ИРАН

Недавно в Университетском клубе Тегерана была организована выставка книг, изданных в Иране с 1957 г. (1957—1958 гг.). Как заявил видный иранский издатель Ирадж Афшар, подобная выставка устраивается в Иране впервые. На выставке было представлено 780 книг, в том числе исследования персидской литературы, издания памятников персидской поэзии и прозы, произведения современных поэтов и прозаиков Ирана, книги по философии, истории, географии, медицине, экономике и т. д. На выставке были также экспонированы все журналы, выходящие в Иране.

ты идеологии ислама и его различных направлений. Отдельные главы тома посвящены шиизму, мутаизмизму, исмаилизму, карматству, философской школе «Ихван ас-сафа».

Заключивает первый том глава о суфизме.

Второй том вышел в 1958 г. В первом его разделе охарактеризованы связи греческой и арабской философии.

Второй и третий разделы посвящены отдельным представителям арабской философской мысли, от ал-Кинди до Ибн Халдуна.

В конце каждого тома имеется обширная библиография.

Эфиопия

В Аддис-Абебе учреждена Национальная академия. В ее задачу входит изучение и пропаганда амхарского языка, на котором говорит большинство

местного населения. Академия будет издавать различные бюллетени, науч-

ные труды и монографии, а также издаст словарь амхарского языка.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАУЧНЫЕ СЕМИНАРЫ В АФРИКЕ

Международный Африканский Институт в сотрудничестве с научно-исследовательскими и высшими учебными заведениями стран Африки предполагает организовать в 1958—1961 гг. 4 международных научных семинара в различных странах тропической Африки. На семинарах будут обсуждаться научные проблемы, имеющие значение для дальнейшего социального и экономического развития африканских стран, а также проблемы развития образования в этих странах. На семинарах будет также рассмотрен вопрос о стимулировании дальнейших научно-исследовательских работ и об усилении обмена

информацией между учеными, работающими в различных районах Африки.

В каждом семинаре примет участие от 15 до 20 человек.

В их подготовке примут участие Восточно-Африканский институт социальных исследований, Макадерский колледж, Нигерийский институт социальных и экономических исследований, Дакарский университет, Ибаданский колледж, Институт Французской Черной Африки и ряд других научно-исследовательских и учебных институтов.

Первый семинар состоится в Восточно-африканском институте социальных исследований в Уганде.

СОДЕРЖАНИЕ

Материалы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Из неопубликованных рукописей Карла Маркса	3
Из статьи Ф. Энгельса «Алжир»	29
Великая и непобедимая сила	34

СТАТЬИ, ПУБЛИКАЦИИ, СООБЩЕНИЯ

Сюэ Му-цзо (Китай). Успехи трудящихся Китайской Народной Республики и задачи социалистического строительства	39
С. А. Мхитарян. Рабочий класс в народно-демократическом государстве Вьетнама	44
В. Ширендыб (МНР). Успехи строительства социализма в Монгольской Народной Республике	52
Г. В. Грязнов, И. С. Казакевич. Корейская Народно-Демократическая Республика на путях к социализму	55
Ю. М. Осипов. Экономическая и валютно-финансовая эксплуатация английских колоний в послевоенный период	60
Г. С. Никитина. Израиль и американский империализм	71
Е. И. Гнесушева. «Буди Утомо» («Высокая цель»)	80
А. А. Валитова. К вопросу о фольклорных мотивах в поэме «Кутадгу билиг»	88
Н. А. Дворячков. О главных членах предложения с эргативной конструкцией в папшто	103
П. И. Петров. Поправки и дополнения к биографии Мухаммед-Казима	109

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

Из переписки М. К. Атаюрка с В. И. Лениным	115
Р. Нафигое (Казадь). Деятельность Центрального Мусульманского Комиссариата при Народном Комиссариате по делам национальностей в 1918 году	116
А. М. Матвеев (Ташкент). Иранские отходники в Туркестане после победы Великой Октябрьской социалистической революции (1918—1921 гг.)	120
А. А. Водрова. Горький и Восточная коллегия «Всемирной литературы»	124
В. Г. Эпштейн. К вопросу о транскрибировании бирманских собственных имен	127

ИСТОРИОГРАФИЯ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Е. И. Удальцов. К выходу в свет девятого тома сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса	131
А. Д. Новичев (Ленинград). История рабочего класса Турции в источниках и литературе	135
Х. Н. Дриккер. Работы по истории Таджикистана советской эпохи	146
А. М. Голдобин, Д. И. Гольдберг, Е. Я. Люстерник, Г. Я. Смолен, Л. В. Строева (Ленинград). «Всемирная история» в десяти томах. Т. III.	154
К. А. Антонова. «Народное восстание в Индии 1857—1859 гг.». Сборник статей к столетию восстания	160
З. З. Абдуллаев (Баку). М. С. Иванов. Иранская революция 1905—1911 годов.	163
М. В. Попов. Современный Иран. Справочник	166
М. С. Лазарев, Л. Н. Котлов. Национально-освободительное восстание 1920 года в Ираке	169
Г. Кессельбреннер. D. N. Aidit. Masyarakat Indonesia dan Revolusi Indonesia.	172
Н. В. Лигулевская (Ленинград). Otakar Klima. Mazdak. Geschichte einer sozialen Bewegung im Sassanidischen Persien	175
А. А. Масленников. V. M. Dandekar, G. J. Khudanpur. Working of Bombay Tenancy Act, 1948	177
С. А. Кузьмин и В. Н. Москаленко. С. М. Ахтар. Экономика Пакистана	181
Л. Степанов. M. Kennedy. A History of Communism in East Asia	183
Е. А. Беляев. Historical Atlas of the Muslim Peoples	185
Заметки о книгах	188

CONTENTS

Materials of the Marxism-Leninism Institute of the CC CPSU
 Unpublished Manuscripts of Karl Marx 3
 Engels on the French Colonial Rule in Algeria 29
 The Great and Invincible Power 34

ARTICLES, DOCUMENTS, PAPERS

Süeh Mu-tsiao (China). The Achievements of the Working People of the Chinese People's Republic and the Tasks of Socialist Construction 39
 S. A. Mkhitarjan. The Working Class in the People's Democratic State of Vietnam 44
 B. Shirendyb. Construction of Socialism in the Mongolian People's Republic 52
 G. V. Gryaznov, I. S. Kazakevich. Korean People's Democratic Republic on the Way to Socialism 55
 Y. M. Osipov. Economic and Financial Exploitation of the British Colonies in the Postwar Period 60
 G. S. Nikitina. Israel and American Imperialism 71
 E. I. Gnevusheva. «Budi Utomo» 80
 A. A. Valitova. Folklore Motifs in the «Kutadgu Bilig» 88
 N. A. Dvoryankov. Ergative (impersonal) Construction in the Pushtu Language 103
 P. I. Petrov. Corrections and Supplement to the Biography of Mohammad Kazim 109

SCIENTIFIC NOTES

From Kemal Atatürk's Correspondence with V. I. Lenin 115
 R. Nafigov (Kazan). Activities of the Central Muslim Commissariat under the People's Commissariat for Affairs of Nationalities in 1918 116
 A. M. Matveev (Tashkent). Iranian Emigrant Workers in Turkestan after the Victory of the Great October Socialist Revolution (1918—1921). 120
 A. Bodrova. Gorky and the Eastern Board of the World Literature Publishing House 124
 V. G. Epstein. Russian Transcription of Burmese Proper Names 127

HISTORIOGRAPHY, BOOK REVIEWS, BIBLIOGRAPHY

E. I. Udaltsov. Volume IX of the Works of Karl Marx and Friedrich Engels Comes Off the Press. 131
 A. D. Novichev (Leningrad). History of the Turkish Working Class as Reflected in Original Sources and Literature 135
 K. N. Drikker. Works on the History of the Tajik People in the Soviet Period 146
 A. M. Goldobin, D. I. Goldberg, E. A. Lyusternik, G. Y. Smolin, L. V. Stroeva (Leningrad). Volume III of «World History in Ten Volumes». 154
 K. A. Antonova. «People's Uprising in India in 1857—1859». A Collection of Articles Published for the 100th Anniversary of the Uprising 160
 Z. Z. Abdulayev (Baku). M. S. Ivanov. Iranian Revolution in 1905—1911 163
 M. V. Popov. Iran To-Day. A Handbook. 166
 M. S. Lazarev. L. N. Kotlov. National Liberation Movement in Iraq in 1920 169
 G. Kesselbrenner. D. N. Aidit. Masjakerat Indonesia dan Revolusi Indonesia 172
 N. V. Pigulevskaya (Leningrad). Otakar Klíma. Mazdak. Geschichte einer sozialen Bewegung im Sassanidischen Persien 175
 A. A. Maslennikov, V. M. Dandekar, G. J. Khudanpur. Working of Bombay Tenancy Act, 1948 177
 S. A. Kuzmin and V. N. Moskalenko. S. M. Akhtar. Economics of Pakistan 181
 L. Stepanov. M. Kennedy. A History of Communism in East Asia 183
 E. A. Belayev. Historical Atlas of the Muslim Peoples 185
 Bibliographical notes 188
 CURRENT EVENTS 208

內容

蘇共中央馬列主義研究所的資料

馬克思未曾出版的部分手稿 3
 恩格斯論法在阿爾及利的國地殖民統治 30
 偉大的不可戰勝的力量 34

論文，文件，通報

薛暮橋 中華人民共和國第一個五年計劃時期的成就和今後的社會主義建設 39
 墨噶答量 越南人民民主國家的工人階級 44
 雪林特別 蒙古人民共和國的社會主義建設的成績 52
 谷量士諾夫，哥薩蓋維赤 向社會主義道路發展的朝鮮人民民主共和國 55
 奧西巴夫 戰後英國殖民地的經濟和金融貨幣的剝削 60
 尼革金娃 以色列及美國帝國主義 71
 谷連父哥娃 «高貴的目的» 印度尼西亞民族社會 80
 瓦立托娃 “戈大特古比立克”史詩中的民間創作主題的問題 88
 特凡梁谷夫 普什吐語言的主動結構 103
 彼得羅夫 摩哈默特可吉摩履歷的糾正和補充 109

科學短評

摘自基馬爾阿答土耳其 或列寧通信 115
 娜菲谷夫(嘉桑) 1918年民族事務人民委員部的中央回教委員部的活動 116
 馬特維也夫(塔什干) 偉大的十月社會主義革命勝利後的在土耳其斯坦的伊朗出外謀生者(1918—1921年) 120
 巴特羅娃 高爾基和“世界文學”的東方委員會 124
 愛別斯坦 緬甸名字的音譯問題 127

歷史編纂學，批評，書報評介

烏大兒悉夫 馬克思恩格斯全集第九卷的出版 131
 諾維乞夫(列寧格勒) 土耳其工入階級史的來源和書報資料 135
 特里蓋兒 蘇維埃時代的塔吉克人民歷史研究著作 146
 戈爾它平，戈爾特堡兒克，柳士代爾尼克，其馬林，其得羅也娃(列寧格勒) 十大卷的“世界史”第三卷 154
 安東諾娃 1857—1859年 印度人民起義的百週年紀念的論文彙集 160
 阿泊杜拉也夫(巴古) 評依凡諾夫·1905—1911年的伊朗革命 163
 珀波夫 現代伊朗(備考) 166
 拉柴立夫 谷得羅夫·1920年的伊拉克民族解放起義 169
 蓋會兒泊蘭納兒 D. N. Aidit. Masjakerat Indonesia dan Revolusi Indonesia 172
 波古來夫斯加耶(列寧格勒) Otakar Klíma. Mazdak. Geschichte einer sozialen Bewegung im Sassanidischen Persien 175
 馬斯林尼谷夫 V. M. Dandekar, G. J. Khudanpur. Working of Bombay Tenancy Act, 1948 177
 戈茲門，麥斯加聯谷 帶評噶阿 索瑪亞書報評介· 亞 181
 斯其般諾夫 M. Kennedy. A History of Communist in East Asia 183
 貝達也夫 Historical Atlas of the Muslim Peoples 185
 書籍短評 208
 新聞 208

МНОГОТОМНОЕ ИЗДАНИЕ

«ДОКУМЕНТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР»

В связи с многочисленными пожеланиями читателей возобновлена подписка на издание «Документов внешней политики СССР» (в 10-ти томах).

Документы публикуются Комиссией по изданию дипломатических документов при Министерстве иностранных дел СССР.

В издание включаются материалы, начиная с 7 ноября 1917 г.: договорные акты, заключенные Советским правительством, декларации, нотная переписка, коммюнике, интервью государственных деятелей и другие советские внешнеполитические документы, хранящиеся в Архивном Управлении МИД СССР и других архивах Советского Союза.

В публикацию входят также некоторые иностранные документы — либо являющиеся ответами на документы Советского правительства и его органов, либо упоминаемые в советских документах.

Значительная часть документов публикуется впервые.

Материалы в томах располагаются в хронологической последовательности. Каждый том снабжен справочным аппаратом.

Целью предпринятого издания является документальное освещение внешней политики первого в мире социалистического государства.

Издание рассчитано на широкие круги читателей.

Подписка принимается магазинами книготоргов и потребительской кооперации.